

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПОРЯДОК И СМУТА

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

К 85-ЛЕТИЮ
ВЛАДИСЛАВА ДМИТРИЕВИЧА НАЗАРОВА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. А. ФРОЛОВА

А К В И Л О Н

МОСКВА 2023

УДК 93/94
ББК 63.3

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ КНИГ
«СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ»

чл.-корр. РАН С.М. Каиштанов
к.и.н. Е.В. Казбекова
д.и.н. И. Г. Коновалова (отв. ред. серии)
д.и.н. А.А. Фролов
к.и.н. А.П. Черных

Рецензенты

д.и.н. М.С. Петрова
д.и.н. С.З. Чернов

П-60 Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова / Под общей редакцией А.А. Фролова. М.: Аквилон, 2023. – 464 с. (Специальные исторические дисциплины, вып. 3)

Издание объединяет работы исследователей русской и западноевропейской истории периода средневековья и раннего Нового времени. Все они развивают актуальную проблематику научных исследований по истории различных социальных групп и корпораций, государственных институтов и места в них человека. Большое внимание уделяется источниковедческому изучению отдельных источников или их групп.

Научное издание

© А.А. Фролов, общая редакция, составление, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Институт всеобщей истории РАН, 2023
© Издательство «Аквилон» (Москва), 2023
© Ю.В. Степанова, оригинал-макет, 2023

ISBN 978–5–906578–97–6

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Уваров П.Ю.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
--	---

I

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КОРПОРАЦИИ

<i>Алексеев А.И.</i> К творческой истории тропаря и кондака на перенос мощей святомученика Михаила Черниговского: царь Иван Грозный и князья Оболенские.....	11
<i>Шеков А.В.</i> О владениях князей Одоевских в Смоленской земле во второй половине XV века.....	20
<i>Грязнов А.Л.</i> «А сю грамоту духовную писал дьяк мой Василей Ухтомской»: служилый князь в княжеской канцелярии XV века.....	29
<i>Гневашев Д.Е.</i> Авнежское удельное княжество: к истории одного историографического мифа.....	41
<i>Баранов К.В.</i> Местническая память князей Ростовских.....	54
<i>Усачев А.С.</i> О возможном происхождении крутицкого епископа Нифонта (Кормилицына) (1554–1558).....	65
<i>Черкасова М.С.</i> Воротынские в XVI веке: штрихи к истории семьи.....	75
<i>Фролов А.А.</i> Маленькая архивная находка и паны-землевладельцы в Деревской пятине Новгородской земли.....	84
<i>Кошелева О.Е.</i> Духовные грамоты княжеской четы Хворостининых, относящиеся к Смутному времени.....	94
<i>Павлов А.П.</i> К вопросу об испомещении членов государева двора в Белозерском, Вологодском, Галичском и Пошехонском уездах в царствование Михаила Федоровича.....	109

<i>Чеченков П.В.</i> Иноземцы в нижегородском служилом сообществе начала 20-х годов XVII века.....	118
--	-----

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

<i>Винокурова М.В.</i> Сейзина как социально-правовой институт средневековой Англии.....	128
<i>Горский А.А.</i> К вопросу о времени начала политической «раздробленности» Руси.....	138
<i>Лукин П.В.</i> К вопросу о «югорщине».....	145
<i>Аракчеев В.А.</i> Дворец и Казна в русских землях второй половины XV – первой половины XVI века.....	156
<i>Швейковская Е.Н.</i> К градации аграрных селений средневековой России (XV–XVII века).....	167
<i>Флоря Б.Н.</i> Сын боярский первой половины XVI века как представитель власти в своей «земле».....	180
<i>Беляков А.В.</i> Бакшей – география бытования понятия (ономастические и топонимические наблюдения): складывание посольской службы и приказного аппарата в русских землях XV–XVI веков.....	184
<i>Кром М.М.</i> Московские соборы и европейские парламенты: проблемы сравнительно-исторической типологии.....	194
<i>Белякова Е.В.</i> К истории собора 1572 года.....	207
<i>Тюменцев И.О.</i> Российские самозванцы и украинское казачество в Смутное время начала XVII столетия.....	219
<i>Захаров А.В.</i> Первый в России секретарь и посольские звания при Петре I.....	228

II ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

3. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ

<i>Гимон Т.В.</i> Имена новгородцев в новгородском летописании конца XIII – начала XV века.....	241
<i>Бенцианов М.М.</i> «Именитые люди»: особенности употребления патронимов с «вич» в документах XIV–XV веков.....	252
<i>Литвина А.Ф., Успенский Б.Ф.</i> Неизвестные имена знаменитых дьяков XVI–XVII веков.....	264

4. ЛЮДИ, КАЗУСЫ И ОБРАЗЫ

<i>Пчелов Е.В.</i> Дракон Московского царства: о происхождении визуального образа.....	276
<i>Цатурова С.К.</i> Помнить / забыть французскую смуту.....	286
<i>Уваров П.Ю.</i> Происшествие на улице Сен-Жак 20 марта 1529 года (нотариальная сюита).....	295
<i>Зольдат К.</i> Кормчий Ричард Ченслер и Королева Мария: Описание России через призму профессиональных стандартов и интересов.....	310
<i>Толстиков А.В.</i> Йонс Ульссон, он же Йонс Толмач, он же Гриша Янс: судьба Агента.....	319
<i>Эскин Ю.М.</i> «Вольнодумец» Хованский ?	328
<i>Дубровский И.В.</i> Еще раз о несостоявшейся поездке Петра I в Венецию.....	339
<i>Лавров А.С.</i> Следственное дело бывшего фельдмаршала Бурхарда Христофа Миниха как исторический источник.....	350

III ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИКИ

5. ГРАМОТЫ, КОДЕКСЫ, КАРТЫ

<i>Анкудинов И.Ю.</i> Акты Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI века, опубликованные в 1970-е – 2010-е годы: библиографическая заметка.....	362
<i>Полехов С.В.</i> О датировке новгородской грамоты по делу Даниила Андреева.....	370
<i>Капитанов С.М.</i> К изучению формуляра русско-ливонских грамот XIV – первой половины XV века.....	377
<i>Вовина-Лебедева В.Г.</i> К вопросу о письме грамот XVI века из архива Антониево-Сийского монастыря.....	388
<i>Рыбалко Н.В.</i> Указные грамоты Новгородского четвертного приказа в Пермь Великую конца 1608–1609 года (из соликамского архива).....	399
<i>Бибиков М.В.</i> Материалы к своду поздневизантийских свидетельств о Руси.....	409
<i>Соколова Н.В.</i> Казус стольника Василия Сабурова, или О скрепах Петровской эпохи.....	416
<i>Хитров Д.А.</i> О картографировании материалов книг валового письма 1620-х годов по Московскому уезду.....	429
<i>Мининков Н.А.</i> Дон на картах XVII–XVIII веков: от искусства к основам научной картографии	440

6. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС

<i>Петров К.В.</i> Научная школа Л.В. Черепнина.....	449
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	459

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, объединяет работы авторов, пожелавших выразить свое почтение замечательному историку Владиславу Дмитриевичу Назарову, чей юбилей отмечается в 2023 году. Но если бы каждому из научных вопросов, которыми задавался юбиляр, соответствовала хотя бы одна статья, то наше издание превратилось бы в многотомник. Поэтому мы выбрали лишь основные направления его многогранной и многолетней научной деятельности. Вот что у нас получилось:

1. Государство, политические и социальные институты, их типология в европейском контексте. Корпорации, их роль в функционировании государства и общества

Владислав Дмитриевич – государствовед, как он себя сам неоднократно называл, понимая под этим и сферу научных интересов и собственную позицию по отношению к процессам, происходящим в нашей действительности. На тему государства и социально-политических институтов им написаны солидные разделы в учебниках и коллективных трудах, этому посвящено немало представительных конференций, организованных при его самом что ни на есть деятельном участии. И, конечно, этим сюжетам посвящено много его замечательных статей. Характерно, что исследуемые общности он часто именует корпорациями, что выдает его стремление вписать российскую историю в европейский средневековый контекст.

2. Исторические судьбы удельных княжеств и региональных княжеских домов, развитие форм землевладения и распространение политической власти, вотчинное право, земельная политика государей

Нашего юбиляра, конечно, интересует общий ход становления и развития централизованного государства (которое он, к счастью, пока не называет «модерным»), но важно, что при этом все его наблюдения предполагают глубокое погружение в конкретику

эпохи, в столь любимую им реальную историю, исполненную фактами, которые зачастую не вписываются ни в какую концепцию. Он обращает пристальное внимание на территориальный аспект эволюции государственности, на отношение к земле как к основной ценности средневекового мира. Достаточно вспомнить многолетнее активное участие Владислава Дмитриевича в работе знаменитого «Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы».

3. Люди, семьи и кланы, их взаимоотношения внутри отдельных корпораций

Владиславу Дмитриевичу мог бы позавидовать любой дьяк Разрядного приказа – столько имен и родословных служилых людей хранит он в своей памяти! Внимание к человеку, к его биографической траектории важно не только само по себе и не только для написания множества энциклопедических статей, посвященных персоналиям, но и как составляющая просопографического и социально-антропологического подходов, которые раскрывают перед историком новые познавательные возможности. Вряд ли юбиляр отнесет себя к приверженцам микроистории, но он демонстрирует неподдельный интерес к различного рода казусам (которые он, к счастью, пока не переименовал в «кейсы»).

4. Конфликты, мятежи и смуты

Тема классовой, социальной и политической борьбы проходит красной нитью через все творчество В.Д. Назарова, начиная от давнего исследования, посвященного крестьянской войне И.И. Болотникова вплоть до сравнительно недавних выступлений и интервью на тему праздника 4 ноября. Но в меньшей степени его интересуют и пути выхода из социально-политических кризисов, будь то династическая война XV столетия или все та же Смута начала XVII века.

5. Иноземцы и русское государство

Владислав Дмитриевич относится к числу западников. Речь не о политических симпатиях и даже не обязательно о том, что он полагает неизбежным следование нашего отечества в фарватере европейского развития. Но он принципиально предпочитает использовать понятийный аппарат, разработанный применительно к западноевропейскому Средневековью. В период, которым в основном занимается В.Д. Назаров (XV–XVII вв.), русское общество так или иначе контактировало с Западом. Неудивительно, что

эти контакты и в особенности – свидетельства иноземцев о Московии – привлекают его пристальное внимание. Вероятно, самым известным (но далеко не единственным) результатом этого внимания стало комментированное издание записок капитана Маржерета.

*6. Историография истории Русского государства,
научные школы*

В.Д. Назарова отличает живой интерес к историографическому наследию своих предшественников, в особенности тех, у кого он учился. Достаточно указать на изданный под его редакцией и по его инициативе двухтомник, включивший воспоминания Л.В. Черепнина и переиздание его фундаментального исследования о Земских соборах.

*7. Источники, источниковедение, специальные
исторические дисциплины*

В средневековых церемониальных процессиях зачастую самые важные лица замыкали шествие. Это в полной мере относится к данному направлению, всегда особо почитаемому В.Д. Назаровым. В оценках трудов своих коллег он прежде всего обращает внимание на то, как автор работает с источниками, какие усилия приложил к тому, чтобы ввести их в полноценный научный оборот. Ему самому принадлежит немало работ в области генеалогии, ономастики, археографии, текстологии и дипломатики. Системное применение методик специальных исторических дисциплин позволяет ему извлекать много новой «попутной» информации из нарративных и документальных текстов.

Перечисляя семь выбранных нами основных направлений работ Владислава Дмитриевича, мы по каждому из них намеревались указать соответствующие работы, вошедшие в данную книгу. Однако затем стало ясно, что это значило бы сильно обеднить тексты большинства авторов, в которых, как правило, поднимается сразу несколько проблем.

Наконец, выбор заглавия книги – «Порядок и смута», возможно, нуждается в объяснении. Дело не только в том, что состояние общества Средневековья и раннего Нового времени всегда и везде находилось в неустойчивом равновесии между порядком и смутой, но и в особенностях научной деятельности самого уважаемого юбиляра.

Порядку Владислав Дмитриевич привержен во всем. Он любит выстраивать схемы и затем располагать в них выявленные элементы реальности. Он не склонен к феноменологии, он не желает или просто неспособен отказаться от необходимости искать причинно-следственные связи между наблюдаемыми вещами и процессами. В работе с источниками юбиляр до педантизма скрупулезен, не допускает вольности в отношении фактов и дат, а в работах коллег не терпит приблизительности и уступок конъюнктуре, называя это «досадной лабильностью». Он старается прочертить границы социальных групп и политических институтов, которые, с его точки зрения, должны соответствовать строгим дефинициям. Он с энтузиазмом берется за организацию масштабных конференций и затрачивает много усилий для проведения Летних школ, именно с тем, чтобы, борясь с энтропией, по возможности упорядочить сообщество историков, договориться о терминах и понятиях, о принципах работы, установить общую иерархию авторитетов и научных ценностей.

Но при этом В.Д. Назаров постоянно выступает в роли «возмутителя спокойствия» и не может не быть им. На тех же конференциях и Летних школах он яростно ниспровергает клише и стереотипы. Никакой консенсус не может заставить его погрешить против того, что он считает истиной. Здесь его почтение к авторитетам заканчивается. Схемы, даже если они вырабатывались с участием самого Владислава Дмитриевича, могут и должны быть пересмотрены, но вовсе не потому, что они вышли из моды под воздействием новых веяний в науке, а только тогда, когда против этих схем свидетельствуют исторические источники. А поскольку наш юбиляр погружен в них постоянно, то постоянно будет находиться в движении и вырабатываемый им образ истории, а сам он, хотя бы в силу научной честности, не может не быть смутьяном. Это противоречие, но противоречие творческое.

За это его любят и уважают коллеги, свидетельством чего и может служить эта книга.

П.Ю. Уваров

I

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КОРПОРАЦИИ

А. И. АЛЕКСЕЕВ

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТРОПАРЯ И КОНДАКА НА ПЕРЕНОС МОЩЕЙ СВЯТОМУЧЕНИКА МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО

ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ И КНЯЗЬА ОБОЛЕНСКИЕ

Исключительную роль в возвышении Московского княжеского дома сыграли представители князей Оболенских, возводивших свой род к святому князю Михаилу Черниговскому. Корпорация князей Оболенских была связана крепчайшими узами. Расправляясь с очередным представителем княжеской корпорации Оболенских царь Иван Грозный восстанавливал против себя всех остальных членов этого сплоченного рода и не мог сохранять веру в лояльность к себе уцелевших членов корпорации. Осуществляя перенос мощей святого князя Михаила Черниговского в Москву и составляя новую службу, прославляющую князмученика, царь, в первую очередь, стремился примириться с предком князей Оболенских, сделать царствующий град центром культа, обладающим сакральным статусом для всех представителей княжеского дома Оболенских.

Ключевые слова: царь Иван IV Грозный, опричина, князь Оболенские, святой князь Михаил Черниговский

Гимнографическое творчество царя Ивана IV Васильевича является предметом активного изучения. В настоящее время царственному гимнографу атрибутируется пять произведений (См.: [Царь, 2001; Гимнографическое творчество, 2001]). Среди них тропарь и кондак святому князю Михаилу Черниговскому, известный в единственном списке первой половины XVII в. [РНБ. Собр. А.А. Титова, № 3802, л. 156об.–158]. Вопрос об ав-

торстве службы на перенесение мощей святомучеников князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора вполне убедительно рассмотрен в работах Н.В. Рамазановой. Она доказала авторство царя Ивана Грозного относительно службы на перенесение мощей 14 февраля [Рамазанова, 1988, с. 107–116; Рамазанова, 2004, с. 192–205]. В то же время исследовательница указала, что известный нотированный вариант тропаря [Серегина, 1994, с. 176] не относится к творчеству царя Ивана и был создан позднее – в XVII веке.

Известно, что житие и служба на день памяти святых под 20 сентября были написаны знаменитым агиографом Пахомием Логофетом. Многочисленные переделки и новые редакции Жития относятся к XIV–XVI вв. и свидетельствуют о широко распространившемся культе черниговских мучеников. В 1510-х – 1520-х гг. сербский агиограф Лев Филолог создал Слово похвальное, прославляющее подвиг черниговских святомучеников [Панченко, 1990, с. 7–8]. Московский собор 1547 г. канонизировал Михаила в числе 15 общерусских святых к общерусскому почитанию. Сказание о мученическом подвиге князя Михаила и его боярина Феодора помещается в Софийский список Макариевских Миней Четых, созданный до 1541 г., затем в Степенную книгу и Лаптевский том Лицевого летописного свода. Н.И. Серебрянский установил, что в конце 1550-х – 1560-х при создании «Книги степенной» царского родословия, наряду с летописным источником была использована минейная редакция Жития Михаила Всеволодовича [Серебрянский, 1915, с. 131–132]. В «Казанской истории» (1560-е гг.) утверждалось, что Казань была взята в 1552 г. русскими войсками благодаря помощи «Русския области чудотворцов», в т. ч. «великих страстотерпец князя Михаила Черниговского и Феодора, боярина его» [ПСРЛ, 2000, стб. 415]. Обращение к заступничеству Черниговских мучеников имело место перед Астраханским походом 1554 года. Князь Михаил Черниговский назван в числе одиннадцати русских чудотворцев в речи царя Ивана Васильевича к митрополиту Макарию по случаю взятия Полоцка в феврале 1563 г. [РИБ, 1876, стб. 162].

Новый этап формирования культа черниговских чудотворцев знаменовался переносом их мощей из Чернигова в Москву. Чернигов отошел к Московскому государству еще в 1500 г., но лишь в 1574 г. или в 1578 г. мощи черниговских святых были торжественно перенесены в Москву [Кузьмин, 2017, с. 709]. Обращает

на себя внимание тот факт, что царь, освященный Собор и митрополит Антоний обратились к мученикам с посланием, в котором молили святых «благоизвольно» прийти в Москву и охранять царствующий град [Иванчин-Писарев, 1839, с. 39–42].

По мнению исследователей, перенос мощей мог быть связан с угрозой Чернигову от татарского набега, либо с претензиями Стефана Батория, которые заявили его послы в январе 1578 года. Н.В. Рамазанова полагает, что причины, заставившие московского самодержца взяться за перо для составления службы на перенос мощей, были следующими: «родственные связи» со святым, непосредственное отношение князя Михаила к Киеву, находившемуся во владении речи Посполитой, претензии, предъявляемые послами Батория на Чернигов» [Рамазанова, 2004, с. 196]. Указывают также, что одной из причин переноса мощей Черниговских святых в Москву было участие воеводы М.И. Воротынского в сражении при Молодях [Кузьмин, 2017, с. 717].

Как представляется, в нашем распоряжении есть достаточное количество фактов, позволяющих раскрыть исторический контекст такого события как перенос мощей черниговских мучеников в Москву и личное участие в формировании их культа царем Иваном Грозным.

Совершенно исключительную роль в возвышении Московского княжеского дома сыграли представители князей Оболенских, возводивших свой род к святому князю Михаилу Черниговскому. Г.А. Власьев следующим образом охарактеризовал историческую роль князей Оболенских: «В XV–XVI столетиях ни один род не выставил сравнительно с ним, столько заметных деятелей, как на административном, так и, в особенности, на военном поприщах. Представители его не в малой мере способствовали великому князю Василию Васильевичу Темному, победить крамолу Шемяки, и тем спасти для России такую крупную царственную личность, как Иван III Васильевич, который, как и сын его, великий князь Василий Иоаннович не мало обязаны трудами и подвигам князей Оболенских в окончательном объединении и устроении Московского государства» [Власьев, 1906, Т. 1, ч. 2, с. 367].

В период, непосредственно предшествовавший опричнине, и во время разгула опричного террора судьбы представителей старших ветвей княжеского дома Оболенских сложились трагически. С.Б. Веселовский счел необходимым специально отметить

этот факт: «Многочисленные Оболенские разных фамилий по количеству лиц, погибших от опал царя Ивана, занимают, бесспорно, первое место среди княжеских родов» [Веселовский, 2022, с. 132]. Р.Г. Скрынников писал, что на основании дворовой документации можно точно подсчитать, что в составе Государева двора служило 75 человек из рода князей Оболенских. Князья Оболенские играли выдающуюся роль в правительстве Избранной рады. В боярской думе первенствовал князь Д.И. Курлятев. Попав в круг «избранных» друзей царя, Курлятев приобрел столь влиятельное положение, что придворные стали заискивать перед ним. «А Курлятев был почему меня лутче? – писал царь» [Переписка, 1979, с. 104]. Всего же в Думе были представлены вместе с ним не менее семи князей Оболенских: В.С. Серебряный, К.И. Курлятев (1549), П.С. Серебряный (1551), Д.И. Немого (1552), И.В. Горенский, Ф.И. и Ю.И. Кашин (1555), М.П. Репнин (1559). В письме Курбскому Иван IV жаловался на то, что Сильвестр и Адашев, пользуясь покровительством Курлятева, «с тем своим единомысленником нача злой совет утверждати, и ни единые власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша» [Переписка, 1979, с. 30–31].

Начало царской вражды к представителям рода князей Оболенских, по-видимому, следует связывать с опалой князя Д.И. Курлятева Оболенского. В 1561 г. боярин князь Д.И. Курлятев, возглавлявший правительство «Избранной Рады», был послан на воеводство в Смоленск. На воеводстве опальный боярин пробыл недолго, уступив свой пост 20 июля 1561 М.Я. Морозову. Существуют веские основания для предположения о том, что причиной смещения князя Д.И. Курлятева с поста смоленского воеводы послужила попытка бегства в Литву [Скрынников, 1992, с. 152. Иначе: Зимин, 2001, с. 311]. Застигнутый при попытке отъезда князь оправдывался тем, что «поехал не тою дорогою». Попытки оправдываться тем, что «съехали в сторону, не зная дороги» были традиционными у беглецов в Литву. Ранее князя Д.И. Курлятева так оправдывались князья М.В. Глинский и И.И. Пронский [ПСРЛ, 2000, с. 155]. Как бы то ни было, царя такие объяснения на первое время устроили, так как расправа с боярином состоялась только 29 октября 1562 г., когда князь Д.И. Курлятев и его сын Иван были пострижены в монахи и сосланы в Коневецкий монастырь на Ладожском озере [ПСРЛ, 2000, с. 344]. Две дочери Курлятева были доставлены в Оболенск и пострижены в монахини в Челмогор-

ской пустыни в 43 км от Каргополя. Весной – летом 1563 г. Курлятев был перевезен в Спасский монастырь на Волоке. Скрынников связывает перемену места заточения Д.И. Курлятева с началом дела князей Старицких [Скрынников, 1992, с. 160].

Даже после заточения князя Курлятева в монастырь род Оболенских имел наибольшее представительство в Боярской думе, будучи представлен пятью боярами и кравчим. Особенно близким царю был кравчий князь П.И. Горенский. Бояре М.П. Репнин и Ю.И. Кашин особо отличились при взятии Полоцка в феврале 1563 г. и были вправе рассчитывать на царские милости. Тем неожиданнее выглядит казнь обоих менее года спустя.

Князь М.П. Репнин был убит неизвестными на улице ранним утром 31 января 1564 года. С.Б. Веселовский следующим образом прокомментировал это убийство: «В это время (1563 г.) конфликт царя со своим двором был в полном разгаре, но Иван еще не решался на открытое нарушение старых обычаев и прибегал к «косвенным» способам уничтожения своих противников» [Веселовский, 2022, с. 133]. Князя Ю.И. Кашина убили спустя несколько часов во время утренней молитвы [Власьев, 1906, т. 1, ч. 2, с. 499–500]. Курбский после рассказа о его смерти написал: «И то же нощи убити повелел синглита своего князя Юрья, глаголемого Кашина, тако же ко церкви грядущи на молитву утреннюю» [РИБ, 1914, стб. 279]. Объяснение причин этой двойной расправы, как представляется, удачно предложил Р.Г. Скрынников. Поздним вечером 26 января 1564 г. в окрестностях Улы произошло сражение, в котором армия князя П.И. Шуйского потерпела поражение. Расправа с князьями М.П. Репниным и Ю.И. Кашиным совершилась на четвертый день после поражения под Улой, т.е. примерно в то время, когда в Москву прибыли гонцы с поля битвы. Повидимому, царь отдал приказ об убийстве двух воевод в ту самую ночь, когда ему доложили о поражении его армии.

За три недели до казни бояр Москву покинуло литовское посольство. Власти подозревали, что именно послы получили секретную информацию о московских военных планах, которая и помогла литовцам одержать победу. Раскрытые секреты были доступны лишь членам Боярской думы, которые и оказались под подозрением [Скрынников, 1992, с. 174]. Курбскому царь писал: «Сия их измены всей вселенней ведомы, аще восхощеши и варварских языцех увеси и самовидцев сим злым деянием можеши

обрести. Иже куплю творящим в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим» [Переписка, 1979, с. 34].

По царскому наказу, полоцкая армия должна была соединиться со смоленской на неприятельской территории в 5 верстах от Орши, а затем наступать на Минск. В наказе были точно обозначены не только время соединения обеих армий, но и пункты остановок армий на марше [ПСРЛ, 2000, с. 377]. Литовцы были осведомлены о московских планах и разгромили армию князя П.И. Шуйского, не допустив его соединения с основными силами [Скрынников, 1992, с. 164].

Вероятно, расправа с князьями М.П. Репниным и Ю.И. Кашиным поставила во враждебные отношения к царю очень близкого к нему человека – кравчего князя Петра Ивановича Горенского. Кравчий пользовался исключительным доверием царя и даже был включен в 1561 г. в состав регентского совета при царевиче Иване Ивановиче. Князь П.И. Горенский был удален от двора и в октябре 1564 г. предпринял попытку побега в Литву, но был задержан. До ноября 1565 г. он был повешен, причем с ним казнены его двоюродные братья Н.Ф., и А.Ф. Оболенские. Родной брат кравчего князь Ю.И. Горенский бежал в Литву [Скрынников, 1992, с. 205, 242, 544].

Связь между опалой на представителей рода князей Оболенских и введением опричнины усматривали уже современники Грозного царя. К 1564 г. были казнены семеро князей Оболенских: Федор Иванович Овчинин (1547), Дмитрий Иванович Курлятев (1563), и его сыновья: Иван и Роман Дмитриевичи Курлятевы (1563), Михаил Петрович Репнин и Юрий Иванович Кашин (1564), Дмитрий Федорович Овчинин (1564). А. Шлихтинг ставил в прямую зависимость факт убийства князя Д.Ф. Овчины-Оболенского, побудивший митрополита и высшую знать требовать от царя прекращения внесудебных расправ, и учреждение опричнины [Шлихтинг, 1935, с. 51–52].

По свидетельству А.М. Курбского, решения о судьбах Оболенских принимались Иваном Грозным спонтанно, под влиянием момента, а не были частью хладнокровного обдуманного плана по истреблению князей Оболенских. Исследователи отмечают необычайно высокий уровень сохранения родственных связей среди рода князей Оболенских [Бенцианов, 2021, с. 76–78]. Расправляясь с очередным представителем княжеской корпорации Оболенских царь Иван Грозный восстанавливал против себя всех

остальных членов этого сплоченного рода и не мог сохранять веру в лояльность к себе уцелевших членов корпорации. В годы опричнины были казнены Петр Иванович Горенский (1565), Иван Иванович Кашин (1565), Дмитрий Федорович Шовырев (1566), Владимир Константинович Курлятев (1569), Александр Иванович Ярославов (1570), Петр Семенович Серебряный (1570). Насильно пострижен в монастырь князь Дмитрий Иванович Ерш Немой Телепнев (1565). Бежали в Литву князья Михаил Андреевич Ноготков, Юрий Иванович Горенский, Иван Борисович Тюфякин. Со смертью П.С. Серебряного род князей Оболенских, имевших наибольшее представительство в Боярской думе при Адашеве и Сильвестре, был окончательно изгнан из думы [Скрынников, 1992, с. 401]. В Дворовой тетради 1552–1561 гг. в первых десяти строках княжеского списка Оболенских записаны Ногтевы, Щепины, Стригин, Репнины, Овчинин, Туренин, Горенские, Кашины, в последних строках – Долгорукие, Щербатовы, Глазатые, Константиновы, Пенинские, Лыковы [Тысячная книга, 1950, с. 118–119]. В первом перечне за исключением двух репрессиями были затронуты все семьи, во втором – никто [Скрынников, 1992, с. 242].

В этой связи спор о том, имел ли Грозный царь маниакальное стремление к уничтожению всех представителей старшей ветви князей Оболенских, или же, поддаваясь приступам гнева, обрушивал казни лишь на вызвавших подозрения, лишен смысла. Представляя собой отдельную ветвь правящей династии, восходящую к святому князю-мученику Михаилу Черниговскому, князья Оболенские были связаны крепкими узами родовой солидарности настолько крепко, что представлялись серьезной угрозой московскому самодержцу. Следует помнить, что все князья Суздальские, Ростовские, Ярославские, Стародубские находились в родстве с правящей династией, поскольку их общим предком был великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо, а князья Оболенские возводили свой род к святому князю Михаилу Черниговскому.

Установлено, что практика выборочного поминовения казненных в опале людей возникла еще до введения в богослужебный обиход Синодика опальных в 1583 г. [Рыков, 1994, с. 50–57]. Эта практика справедливо рассматривается как начало постепенной церковно-политической реабилитации жертв правительственного террора [Булычев, 2005, с. 22]. Осуществляя перенос

мощей святого князя Михаила Черниговского в Москву и составляя новую службу, прославляющую князя-мученика, царь, в первую очередь, стремился примириться с предком князей Оболенских, сделать царствующий град центром культа, обладающим сакральным статусом для всех представителей княжеского дома Оболенских.

На протяжении XVII столетия почитание князя Михаила Всеволодовича Черниговского членами правящей в Москве династии Романовых достигло своего расцвета. Исследователи обратили внимание на то, что имя Михаила Черниговского помещалось сразу после имен Владимира, Бориса и Глеба в «Помяннике великих и удельных князей и княгинь» 1556–1557 гг. [Топычканов, 2015, с. 474]. Имя князя Михаила Черниговского было внесено в синодик Чудова монастыря в Московском Кремле под рубрикой с поминанием «Благоверных князей», где были записаны имена удельных князей Московского Дома [Алексеев, 2019, с. 35]. В синодике же Московского Богоявленского монастыря имя Михаила Черниговского не позднее 1670-х гг. записано под рубрикой с поминанием великих князей Московского Дома [Алексеев, 2021, с. 13, 49].

Нам представляется, что перенос мощей черниговских святомучеников в Москву, а также личное участие царя в составлении Службы на перенесение мощей свидетельствуют, с одной стороны, о стремлении обеспечить загробную участь старшей ветви Оболенских князей, а с другой, продиктованы желанием сделать Москву притягательным сакральным центром для сохранивших верность московскому самодержцу уцелевших князей Оболенских. При этом важно отметить, что поминание имен черниговских святомучеников в ряду великих князей московских почти на столетие предшествовало перезахоронению их мощей в усыпальнице Архангельского собора [Кузьмин, 2017, с. 709].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 2019 – *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. Вып. 3–4 (55–56). С. 5–196.

Алексеев 2021 – *Алексеев А.И.* Синодик московского Богоявленского монастыря 1670-х – 1730-х гг. // Вестник церковной истории. 2021. Вып. 3–4 (63–64). С. 5–211.

Бенцианов 2021 – *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021.

Булычев 2005 – *Булычев А.А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

Власьев 1906 – *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906.

Гимнографическое творчество 2001 – Гимнографическое творчество царя Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001.

Иванчин-Писарев 1839 – *Иванчин-Писарев Н.Д.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839.

Кузьмин 2017 – *Кузьмин А.В.* Михаил Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 706–710.

Панченко 1990 – *Панченко О.В.* Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв.: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 7–8.

Переписка 1979 – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л., 1979.

ПСРЛ 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Никоновская летопись. М., 2000.

Рамазанова 1988 – *Рамазанова Н.В.* Тропарь и кондак на пренесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому, «...творение Ивана, богомудраго царя, самодержца российскийскаго» (к проблеме атрибуции) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 107–116.

Рамазанова 2004 – *Рамазанова Н.В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве. СПб., 2004.

РИБ 1876 – Русская историческая библиотека. Т. 3. СПб., 1876.

РНБ. Собр. А.А. Титова, № 3802 (XVII в., первая пол.).

Рыков 1994 – *Рыков Ю.Д.* Запись в Синодике московского кремлевского Архангельского собора – новый источник по истории Опричнины царя Ивана Грозного // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Отговича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 50–57.

Серебрянский 1915 – *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и текстов). М., 1915.

Серегина 1994 – *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994.

Скрынников 1992 – *Скрынников Р.Г.* Царство террора. М., 1992.

Топычканов 2015 – *Топычканов А.В.* Трехшатровая церковь Покрова в Измайлове – малоизвестный памятник деревянного зодчества рубежа 1610–1620-х гг. // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова. М., 2015. С. 465–476.

Тысячная книга 1950 – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

Царь 2001 – Царь Иоанн Васильевич Грозный. Духовные песнопения и молитвословия: тропари, кондак, стихиры, канон, молитвы, духовная грамота / Составление, статьи и комментарии С. Фомина. М., 1999.

А. В. ШЕКОВ

О ВЛАДЕНИЯХ КНЯЗЕЙ ОДОЕВСКИХ В СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы хронологии, исторической географии и владельческого статуса земельных пожалований польского короля и литовского великого князя Казимира IV князьям Одоевским на Смоленщине. Приводятся аргументы в пользу того, что эти владения были долевыми, совместными с их близкими родственниками – князьями Воротынскими. На примере одного из пожалований описаны их социально-экономические характеристики – поселенческая структура, состав зависимого населения, доходы, а также права князей в этих владениях. Кроме крестьян там проживали оброчные ремесленники и мелкие военно-служилые люди – конные слуги. Князья были заинтересованы в обработке собственной дворовой пашни и переводили часть слуг и ремесленников в категорию земледельцев. В составе пожалований могли оказаться и феодалы местных бояр.

Ключевые слова: Князья Одоевские, Смоленская земля, великокняжеские пожалования, бояре, владения

Проблема социального статуса князей Одоевских и их ближайших родственников – князей Воротынских в качестве служилых князей Русского государства конца XV – первой половины XVI в. уже достаточно давно привлекает внимание юбиляра [Назаров, 1969; Назаров, 2000, с. 205]. Она является частью его более общего научного интереса к служилым князьям средневековой Руси. Известно, что служилый статус князей Одоевских и Воротынских сложился еще под верховной властью литовских великих князей в первой половине XV века. Одной из характеристик этого статуса являлось наличие у них владений, пожалованных литовским великим князем за службу [Темушев, 2009, с. 40; Кром, 2010, с. 52–53; Шеков, 2018, с. 187–188, 205, 231]. Состав и география этих владений достаточно подробно описаны в историографии, а сами они картографированы В.Н. Темушевым [Лю-

бавский, 1892, с. 44–45, 54–55, 278–280; Темушев, 2013, с. 86–89, 189–191, 201, карты 11–12; Темушев, 2016, с. 93–94, 99, 153–154, карты 11, 13; Кром, 2010, карта 2; Шеков, 2018, с. 188–192, 205–217, 224–226, карты 2, 3; Беспалов, 2021, с. 390–394, 402–403, 433, 434, 437, 470–471].

Земли, пожалованные великим князем, а с лета 1447 г. – королем Казимиром IV, князьям Одоевским и Воротынским, «в держанье» и «у вотчину» находились в левобережной части Верхнего Поочья, а также в бассейнах верхнего течения рек Десна и Сож – левых притоков Днепра [Lietuvos Metrika, 1998, р. 39; Кром, 2010, карта 2; Шеков, 2018, с. 188–192, 205–211, 224–226]. Жаловались они «у Смоленской державе» – на территории Смоленской земли под властью литовского великокняжеского наместника и, очевидно, продолжали считаться в ее составе [Сборник, 1882, с. 136, 232, 247, 249; Lietuvos Metrika, 1998, р. 37, 39; Любавский, 1892, с. 45, 280; Темушев, 2016, с. 105, 152–155; Шеков, 2018, с. 188–191].

Представляется возможным уточнить некоторые характеристики владений князей Михаила и Федора Ивановичей Одоевских. В мае 1497 г. литовский великий князь Александр Казимирович писал московскому великому князю Ивану III в связи с пограничным конфликтом о том, что король Казимир IV «подавал был князю Ивану Одоевскому, а потом детем его князю Михаилу а князю Феодору, коли его милости служили, села Смоленского повету, на имя Местилово, а Кцинь, а Хвостовичи» [Сборник, 1882, с. 232]. Кцинь локализуется по с. Кцынь на р. Рессета (правый приток р. Жиздра). В 23 км к юго-западу от последнего находится с. Хвостовичи на р. Велья (левый приток р. Рессета) [Кром, 2010, карта 2; Шеков, 2018, с. 207–208]. Местилово, вероятно, располагалось на месте современного с. Ульяново на левом притоке р. Вытебеть (правый приток р. Жиздра), в 17 км к северо-востоку от с. Кцынь [Беспалов, 2021, с. 394, прим. 25].

В марте 1455 г. волость Кцинь, судя по записи королевского «листа» в Литовской Метрике, была дана «у вотчину» Казимиром IV князю Федору Львовичу Воротынскому и его сыновьям [Lietuvos Metrika, 1998, р. 39]. Скорее всего, «в держанье» – в условное владение – она была отдана воротынскому князю еще в 1448 г. в связи с предоставлением ему наместничества в г. Козельске [ДДГ, 1950, № 49, с. 149; Lietuvos Metrika, 1993 (1994), № 131, р. 248; Шеков, 2018, с. 208]. После смерти князей Михаила (к 27

июля 1495 г.) и Федора (к 21 февраля 1496 г.) Ивановичей Одоевских села Местилово, Кцинь и Хвостовичи были отданы литовским великим князем во владение князю Семену Ивановичу Можайскому. Это случилось, вероятно, в 1496 году. Однако сын Федора Львовича – московский служилый князь Дмитрий Воротынский считал, что «те волости ... издавна его», и не хотел уступить их наместникам князя С. И. Можайского [Сборник, 1882, с. 232, 234, 247, 249, 256; Шеков, 2018, с. 207–208]. Князь Иван Юрьевич Одоевский был двоюродным братом князя Федора Львовича. Вероятно, Кциню, как и Одоевом, они владели по долям (жеребьям) [Акты, 2002, № 513, с. 426; Шеков, 2018, с. 208]. Учитывая сравнительно близкое расположение Кцини, Местилово и Хвостовичей, скорее всего, в середине XV в. последние относились к волости первой [Шеков, 2018, с. 207].

Согласно недавно опубликованному мнению Р.А. Беспалова, Кцинь была передана Казимиром IV от князя Федора Львовича князю Ивану Юрьевичу в 1459 г., когда он вместе с двумя племянниками заключил с королем договор о службе по «великого князя Витовту докончанью» [ДДГ, № 60, с. 192–193; Lietuvos Metrika, 1993 (1994), № 137, р. 254–255; Беспалов, 2021, с. 393–394]. Указанные претензии князя Д. Ф. Воротынского на Местилово и Хвостовичи автор работы проигнорировал. Кроме того, он полагает, что от Федора Львовича его двоюродному брату также были переданы волости Снопот и Чернятичи [Беспалов, 2021, с. 393–394].

Действительно, в марте 1496 г. великий князь Александр Казимирович пожаловал князя Филиппа Крошинского именем Чернятичи, «што держал князь Михайло Иванович Одоевский, а потом брат его князь Федор» [Lietuvos Metrika, 2007, № 143, р. 123; № 477, р. 281; Кром, 2010, с. 52]. В материалах московско-литовских переговоров 1494 г. упомянута «городеченская волость Чернятичи, среди Городечны» [Сборник, 1882, с. 136]. Волость Городечна локализуется по современному с. Городечня на р. Большая Ворона (правый приток р. Угра в ее верховье) [Кром, 2010, карта 2; Шеков, 2018, с. 189]. В феврале 1448 г. волость Городечна в числе прочих владений была отдана Казимиром IV князю Ф. Л. Воротынскому в условное владение, а в марте 1455 г. пожалована ему и его сыновьям в качестве сеньории – «у вотчину» [Lietuvos Metrika, 1998, р. 37, 39]. В уже упомянутых материалах переговоров 1494 г. «за князем Семеном за Воротын-

ским» – сыном Федора Львовича среди ряда владений назван «город Городечна с волостями» [Сборник, 1882, с. 136; Темушев, 2016, с. 154, 155].

Волость Снопот с центром в верховьях одноименной реки (левый приток р. Десна) была передана под власть князя Ф.Л. Воротынского вместе с Городечной в феврале 1448 г., а в 1455 г. стала частью сеньории последнего [Сборник, 1882, с. 136; Lietuvos Metrika, 1998, р. 37, 39; Кром, 2010, карта 2; Шеков, 2018, с. 188, 190]. Никаких свидетельств владения Снопотом князем И.Ю. Одоевским в источниках нет. Мнение Р.А. Беспалова о принадлежности этому князю Снопота основано на записанном в материалах переговоров 1494 г. утверждении князя С.Ф. Воротынского, что эту волость в числе прочих «держал ... князь Федор Одоевской из Дорогобужа», то есть в качестве литовского дорогобужского наместника [Сборник, 1882, с. 136; Urzędnicy, 2003, s. 55; Кром, 2010, с. 85; Шеков, 2018, с. 210–211]. Летом 1489 г. эту должность занимал смоленский окольничий князь Тимофей Владимирович Мосальский [Сборник, 1882, с. 34; Urzędnicy, 2003, s. 55].

В своих исторических построениях Р.А. Беспалов не учитывает специфику книги «данин Казимира», регистрационные записи в которой не обладают конкретикой современных юридических документов [Шеков, 2022, с. 141–142]. Однако при рассмотрении аргументов в пользу его гипотез становятся очевидными лакуны в наших представлениях о механизме реализации указанных великокняжеских пожалований, об их конкретных характеристиках [Груша, 2019, с. 185–200, 238]. Например, А.И. Груша запись в Метрике о вышеупомянутом пожаловании владений князю Ф.Л. Воротынскому в 1455 г. считает примером жалованного «листа», а записи о более ранних пожалованиях – примерами известительных «листов» [Груша, 2019, с. 198].

В свете изложенного особый интерес представляют записи в Метрике о княжеских владениях в Болваничах и Белицкой волости. В июне 1498 г. великий князь Александр Казимирович пожаловал смоленскому казначею князю Константину Федоровичу Крошинскому в наследственное владение двор Болваничи и Белицкую волость (Белик) [Любавский, 1892, с. 276, прил. № 2, с. I–II; Lietuvos Metrika, 2007, № 277, 278, р. 183–185]. Об этом мы узнаем из записей двух «листов» – известительного и жалованного, по А.И. Груше [Груша, 2019, с. 185–188, 192, 196–197]. 21

июня в Вильно великий князь «казал в книги записати, што прошил въ его милости» князь К.Ф. Крошинский названных владений, состав которых подробно описан. Из окончания акта следует, что ранее Болваничи и волость принадлежали князьям Михаилу и Федору Ивановичам Одоевским, которые уже скончались. «Нижли так, как господару его милости он (князь. – *А. Ш.*) поведал. И его милость тот двор Болваничи и Белик со всем дал и привилем своим то ему утвердил [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, p. 183–184].

Жалованный «лист-привилей» датирован 22 июня. Согласно ему, двор и волость со всеми владениями и угодьями, с зависимым населением, перечисленными согласно трафаретному формуляру, передавался Константину Федоровичу и его наследникам «вечно и непорушно» с правом полного распоряжения [Lietuvos Metrika, 2007, № 278, p. 184–185]. Центр Белицкой волости локализован В.Н. Темушевым по д. Белик на р. Беличек (правый приток р. Стометь – правый приток р. Остер – левый приток р. Сож) [Темушев, 2016, с. 18, карта 1]. Двор Болваничи находился на левом берегу р. Сож около современного с. Княжое, примерно, в 48 км к северо-западу от центра Белика [Любавский, 1892, с. 276; Курмановский, 2018, с. 127, 130, 134; Шеков, 2018, карта 2].

Судя по описанию в «листе» от 21 июня 1498 г., к двору относились 13 «селец», названных по именам и фамилиям проживавших там крестьян. При дворе была дворная пашня, «немного» которой было дано четверым безземельным крестьянам. Кроме того, еще князь М.И. Одоевский «посадил» на дворной пашне двух конных слуг и кузнеца. Всего при дворе было пять конных слуг – мелких военно-служилых людей [Любавский, 1892, с. 364]. Были и другие оброчные ремесленники: Янчик «з братьею» делали, вероятно, в год четыре колеса, Миколайко «з братьею» делали «ушатки» и ведра. К оброчным людям относились и крестьяне-бортники Иванковы дети Бабина, которые «заведают землю бортную болваницкую». В итоге указано, что всего «людей болваницких» было 24 человека. Хотя выше проживавший в сельце Мочалково крестьянин Мачалков определен как крепостной – «непохожий», эти 24 крестьянина и слуги названы вольными людьми, которые не платят «дачей и пошлин» [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, p. 183–184].

Вероятно, к 24 вольным людям были отнесены 12 крестьян, живших в отдельных сельцах, кроме Мачалкова, 4 безземельных

крестьянина, получивших участки дворной пашни, 3 главы оброчных семей и 5 конных слуг. Очевидно не названный по имени кузнец «на пашне» не был учтен в этом подсчете. Состав населения Болваничей характерен для литовских великокняжеских дворов [Любавский, 1892, с. 315–316, 323, 331–333, 343–344, 354]. Управляющим двора был тиун. Здесь он жил в «сельце Яковлево, што был тивуном за пана Ивана Вяжевича» [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, р. 184]. Из другого акта Метрики – пожалования с. Смолин Конец в Болваничах великокняжескому писарю Ивану Семеновичу Сопеге в феврале 1496 г., к которому мы еще вернемся, узнаем, что до князей Одоевских при короле Казимире IV названным двором в качестве феода – «держания» – владел смоленский наместник Иван Вяжевич (1459–1466, 1469–1475 гг.) [РИБ, 1910, № 133, стб. 652–653; Urzędnicy, 2003, s. 50].

Вероятно, в семи сельцах Белицкой волости было семь «тяглей» крепостных («непохожих») людей, шесть вольных людей, включая волостного администратора – «приказника», и двое конных слуг. Кроме Белика, Дертны и Пьянково, сельца названы по крестьянам «з братом» либо «з братаничи». «А с тых белицких людей посощина хоживала подлуг земли Смоленское обычая». Грошовая дань «со всех тых людей» составляла 5 коп и 11 грошей, то есть 311 грошей, «а меду три кади и два пуды» [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, р. 184; Любавский, 1892, с. 354, 433–434, 482–483]. Еще восемь тяглых мест запустели, «а дани с них бывало три копы и десять грошей, а меду семь кадей и два пуды». Из них «Угрим москвитин держал две тягли – Вареховское а Михалово». Здесь же эти «тягли» названы селами: «И князь Федор Мезецкий тыи села был на себе увязал, и тыми разы тыи села зася к Болваничом привернуты» [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, р. 184].

Из жалованного «листа» писарю И.С. Сопеге конца 1497 г., подтверждавшего права на приобретенные владения, узнаем, что упомянутый Угрим был слугой князя М. И. Одоевского. Князь «дал» Угриму сельцо Багриновское «в Болваницком повете». Однако последний, очевидно, уже после смерти братьев князей Одоевских «спустил» сельцо за долг смоленскому боярину Богдану Григорьевичу. Так как эта сделка была совершена без великокняжеского разрешения, то сельцо было возвращено под власть монарха и по просьбе И.С. Сопеги пожаловано Александром Казимировичем своему писарю «вечно и непорушно» [Lietuvos Metrika, 2007, № 243, р. 168].

Завершая рассматривать грамоту 1498 г. князю К.Ф. Крошинскому, отметим, что князья М.И. и Ф.И. Одоевские вместе со своей матерью «отписали дани на церкви» из Белицкой волости – две кади меда от сельца Ворошиловых и копу, то есть 60, грошей за кадь меда от сельца Дертна [Lietuvos Metrika, 2007, № 277, p. 184]. Таким образом, в предоставленных им литовской властью владениях князья Одоевские имели право отчуждать часть доходов в пользу церкви и право передавать земли в условное владение без права распоряжения.

В апреле 1499 г. князь К.Ф. Крошинский добился от великого князя подтверждения на приобретенные в Смоленском повете имения, включая двор Болваничи, Белицкую волость, села Мартиново, Угримово и Бараново, купленные у И.С. Сопеги, а также с. Мошовское, купленное у великокняжеского боярина Мишки Кумпя «в тых жо Болваничох» [РИБ, 1910, № 210, стб. 757–760]. Угримово – это, вероятно, сельцо Багриновское по акту 1497 г. Мартиново, очевидно, следует локализовать на месте современного с. Мартыново в 2 км к северо-востоку от упомянутого с. Княжое. Это село, называвшееся тогда Смолин Конец, в феврале 1496 г. было пожаловано И.С. Сопеге, что подтверждалось в вышеназванном «листе» конца 1497 г. [РИБ, 1910, № 133, стб. 652–653; Lietuvos Metrika, 2007, № 243, p. 166–168].

Из последних актов следует, что боярин Мартин получил с. Смолин Конец в «держание» от смоленского наместника Ивана Вяжевича, когда тот владел Болваничами. После смерти последнего, когда двор был взят королем Казимиром IV «на себе», а затем отдан во владение князьям Одоевским, Мартин сохранил владение селом. Кроме того, князья «придали» боярину «землю данную з бобровыми гоны в Белицкой волости, на имя в Чепиничах», а также «пашни своео двора Болваницкого на имя Селищо, а к тому сеножать Юрцевскую» [РИБ, 1910, № 133, стб. 652; Lietuvos Metrika, 2007, № 243, p. 167]. В свою очередь, Чепиничи «ис трети держит чоловек, на имя Онофреец», уплачивавший Мартину «дани кадь меду и двадцать грошей» [РИБ, 1910, № 133, стб. 652]. В Смолином Конце было семь «служб» людей. Находившийся «при старости» боярин, у которого не было жены и детей, передавался под пожизненную опеку И.С. Сопеги [РИБ, 1910, № 133, стб. 653; Lietuvos Metrika, 2007, № 243, p. 166–167].

В списке князей и бояр Смоленской земли 1480-х гг. упомянут лишь один Мартин – после Михайло и Олехно Вяжевичей

с определением как «бискупий брат» [Lietuvos Metrika, 2004, p. 155; Кром, 2010, с. 235]. Смоленским епископом тогда был Яким [РИБ, 1910, № 127, стб. 442–443; № 152, стб. 672–673; Lietuvos Metrika, 2004, № 127, p. 138; Строев, 1877, стб. 589–590; Urzędnicy, 2003, s. 50]. В апреле 1497 г. И.С. Сопега представлял на великокняжеском суде интересы смоленского епископа Иосифа, где рассматривалось дело о владении садом, якобы купленным еще епископом Якимом [РИБ, 1910, № 152, стб. 672–674]. Поэтому вполне вероятно, что под опеку Ивана Семеновича был передан престарелый брат епископа.

26 января 1481 г. князя М.И. и Ф.И. Одоевские и их троюродный племянник, князь И.В. Белевский, заключили договор о службе с королем Казимиром IV, очевидно, в связи со смертью отца князей Одоевских – Ивана Юрьевича [Шеков, 2018, с. 230]. Вероятно, двор Болваничи с Белицкой волостью были пожалованы князьям Одоевским в связи с принятием их «у службу» [РИБ, 1910, № 133, стб. 652, 653; ср.: Шеков, 2018, с. 226]. Пример с боярином Мартином показывает, что вместе с землями под власть князей был передан боярский феодал. Согласно другим подобным пожалованиям, под власть новых сеньоров, как правило, передавались земли только местных, а не великокняжеских бояр [РИБ, 1910, № 146, стб. 665–666; № 203, стб. 745–746; № 209, стб. 756; Lietuvos Metrika, 2007, № 128, p. 117; Шеков, 2018, с. 225].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 2002 – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3 / Сост. А.В. Антонов. М., 2002.

Беспалов 2021 – *Беспалов Р.А.* История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. М.; СПб., 2021.

Груша 2019 – *Груша А.И.* Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском. М.; СПб., 2019.

ДДГ 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Кром 2010 – *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. 2-е изд. М., 2010.

Курмановский 2018 – *Курмановский В.С.* Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV веках. К постановке проблемы // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 126–142.

Любавский 1892 – *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

Назаров 1969 – *Назаров В.Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.

Назаров 2000 – *Назаров В.Д.* О титулованной знати России в конце XV в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 189–206.

РИБ 1910 – Русская историческая библиотека. Т. 27. СПб., 1910.

Сборник 1882 – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

Строев 1877 – *Строев П. [М.]* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

Темушев 2013 – *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.

Темушев 2016 – *Темушев В. Н.* На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в. Тула, 2016.

Шеков 2018 – *Шеков А.В.* Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в. М., 2018.

Шеков 2022 – *Шеков А.В.* О датировке новосильско-литовского договора середины XV в. в свете исторической географии // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 138–143.

Lietuvos Metrika – Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 5. Vilnius, 1993 (1994); Kn. Nr. 3. Vilnius, 1998; Kn. Nr. 4. Vilnius, 2004; Kn. Nr. 6. Vilnius, 2007.

Urządnicy 2003 – *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy / Pod red. A. Rachuby.* T. 4. Warszawa, 2003.

А. Л. ГРЯЗНОВ

«А СЮ ГРАМОТУ ДУХОВНУЮ ПИСАЛ ДЬЯК МОЙ ВАСИЛЕЙ УХТОМСКОЙ»

**СЛУЖИЛЫЙ КНЯЗЬ В КНЯЖЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
XV ВЕКА**

В статье реконструируется биография дьяка князя Василия Ивановича Ухтомского, служившего в канцелярии вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого. Василий Ухтомский – редкий пример сочетания в одном лице княжеского статуса и дьяческой службы. В канцелярии кн. Андрея Меньшого Василий Ухтомский служил на протяжении не менее десяти лет, оставаясь все это время одним из наиболее приближенных людей удельного князя вплоть до его смерти. Как оказывается, дьяческую карьеру выбрал и старший брат Василия – Иван Ухтомский. Он был дьяком Андрея Угличского, а затем перешел на великокняжескую службу. Решающим обстоятельством в выборе Ухтомскими канцелярской, а не военной службы, могло стать генеалогическое положение как самих братьев-дьяков, так и в целом семьи Ухтомских. Дьяческая карьера позволила Ухтомским зайти на верхушку иерархической лестницы «с черного хода», чем в это же время неоднократно пользовались и другие представители родословных фамилий. В целом, благодаря этому род Ухтомских упрочил свое положение в служилой среде.

Ключевые слова: служилые князья, акты, канцелярия, дьяки

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-09-00360.*

Бюрократы, как правило, находятся в тени политических и общественных деятелей, представителей военной элиты. В полной мере это относится и к Руси Средневековья и Раннего Нового времени. Однако несколько выдающихся сотрудников княжеских канцелярий периода правления Василия II и Ивана III играли настолько значительную роль, что попали на страницы летописей. Сведения актов и других источников дают возможность составить подробную биографию этих людей, оценить их значимость и роль

в управлении государством. К сожалению, таких примеров не очень много, большинство княжеских дьяков – это личности второго плана, фигурирующие в источниках максимум несколько раз. Одной из таких персон был дьяк князя Андрея Васильевича Меньшого Василий Ухтомский. В научной литературе [Веселовский, 1975, с. 533; Зимин, 1971, с. 274; Алексеев, 1998, с. 180; Савосичев, 2013, с. 228] с ним связывают два эпизода. В духовной грамоте вологодского князя Андрея Меньшого Василий Ухтомский назван в качестве лица, писавшего ее текст: «А сю грамоту духовную писал дьяк мои Василеи Ухтомъской» [ДДГ, с. 277, № 74]. Второй раз Василий упомянут в летописном известии в числе лиц, обвиненных в 1487/88 г. в подделке жалованной грамоты вологодского князя в пользу Спасо-Каменного монастыря: «Тое же зимы архимандрита чюдовского били в торгу кнутъем и Ухтомского князя и Хомутова про то, что зделали грамоту на землю после княж Андреевы смерти Василивича Вологодцкого, рекши: дал к манастырю на Каменое к Спасу» [ПСРЛ, т. 6, с. 324; ПСРЛ, т. 20, с. 353; ПСРЛ, т. 23, с. 186; ПСРЛ, т. 28, с. 319]. Контекст этих известий не позволяет видеть в фигуре Василия Ухтомского влиятельную в политическом или значимую в культурном плане персону. Тем не менее, источники дают возможность в значительной степени детализировать его биографию.

Необходимо отметить ряд важных моментов, которые следуют из процитированных выше источников. В тексте духовной кн. Андрея Вологодского Василий Ухтомский назван его дьяком. В летописной записи статус Василия не прояснен, но поскольку сам сюжет преступления связан с фальсификацией жалованной грамоты, то очевидно, что в обоих случаях речь идет о человеке, причастном к составлению документов в канцелярии князя Андрея Меньшого.

Второе – принадлежность дьяка к княжеской фамилии Ухтомских. В духовной Андрея Меньшого он назван без титула, и это заставляет допускать, что дьяк Василий мог быть всего лишь однофамильцем одной из ветвей Белозерских князей. Однако отказаться от такого допущения позволяет запись в Ермолинской летописи, где княжеский титул Василия обозначен еще более четко: «Тое же зимы поиман бысть архимандрит чюдовскы Макарии да с ним князь Василеи Ухтомской, и казниша их торговыми позоры» [ПСРЛ, т. 23, с. 162]. Так устанавливается еще один факт

биографии дьяка – принадлежность его к княжескому роду Ухтомских.

Необычность летописной записи о разоблачении подделки документа заставляет обратить внимание на сохранившиеся тексты жалованных грамот Спасо-Каменному монастырю. На обороте трех актов обнаруживаются пометки с именем дьяка Майко [АСЭИ, 1964, № 266; № 268; № 270]. Обычно они интерпретируются как дьяческие монограммы, свидетельствующие о службе Майко в канцелярии Василия II, Марии Ярославны и Андрея Вологодского. К сожалению, эти грамоты сохранились только в списках XVIII в. в составе сборника копий актов Спасо-Каменного монастыря, отправленных в Коллегию экономии. Однако, судя по всему, это не собственно дьяческие монограммы, ставившиеся в момент заверения грамоты или ее подтверждения, а следы экспертизы владельческой документации Спасо-Каменного монастыря, проведенной великокняжеским дьяком Андреем Майко во второй половине 1480-х гг. [Грязнов, 2022, с. 20–22]. Упомянутое в летописях разоблачение подделки можно связать именно с этой ревизией.

Всего в настоящий момент известны тексты 25 грамот, созданных в канцелярии Андрея Меньшого. В подлиннике сохранилось 15 из них. Значительная часть этих грамот была выдана в 1471 г. в Вологде, а восемь из них на обороте имеют одну и ту же дьяческую монограмму. Анализ этих монограмм показывает, что в них зашифровано имя Василия Ухтомского [Грязнов, Мошкова, 2017, с. 22–23]. Следовательно, первое, точно датированное появление Василия на службе у Андрея Меньшого относится к декабрю 1471 года. Значит, Василий Ухтомский служил вологодскому князю как минимум десять лет – в промежутке между 1471 и 1481 годами.

Ситуация с выдачей серии грамот в Вологде в 1471 г., написанных одним подьячим и заверенных одним дьяком, может указывать на существование у кн. Андрея Васильевича некоей ближней или походной канцелярии, сотрудники которой сопровождали его персону в поездках. Видимо, Василий Ухтомский входил в состав этой гипотетической канцелярии и принадлежал к ближ-

нему кругу служилых людей вологодского князя¹. Статус этот, судя по всему, Василий Ухтомский сохранял на протяжении следующего десятилетия. Во всяком случае, этим можно объяснить, что именно он должен был писать непосредственно текст духовной грамоты своего господина, скончавшегося в 1481 году². Почерк княжеских подписей, сделанных Василием, не совпадает с почерком текста духовной Андрея Меньшого, что вкупе с немало более поздним водяным знаком бумаги, на которой написана духовная³, свидетельствует о том, что сохранившийся экземпляр духовной – это список [Грязнов, 2022, с. 28].

Заверение грамот 1471 г., произведенное Василием Ухтомским, показывает, что в это время у него уже был выработан индивидуальный почерк, разработана монограмма. Уверенность, с которой выполнены подпись и монограмма, отсутствие значительных вариаций, несмотря на большое количество заверенных документов, свидетельствуют о том, что само написание подписи и монограммы было уже отработанным, а значит, служба Василия в качестве дьяка имеет к этому времени сравнительно длительную историю.

Грамоты, подписанные Василием Ухтомским, имеют одну черту, выделяющую их среди актов, заверенных другими дьяками Андрея Меньшого. Все они, как и духовная князя Андрея, начинаются с богословской преамбулы⁴. Судя по всему, использование богословской преамбулы отражает индивидуальный взгляд Василия Ухтомского на структуру и содержание княжеских грамот. Это же свидетельствует о влиянии дьяков на формуляр заверяемых ими документов.

¹ По упоминаниям в источниках и индивидуальным почеркам определяется еще пять дьяков, служивших в Вологодском уделе, в том числе и одновременно с Василием Ухтомским.

² Об обстоятельствах составления завещания вологодского князя см.: [Черепнин, 1948, с. 179–182; Зимин, 1958, с. 317, 324; Назаров, 2019, с. 292–294].

³ По определению Л.В. Мошковой, филигрань бумаги, на которой написан список духовной вологодского князя, идентичен знаку в каталоге Брике (№ 4195), датированном 1492, 1494 гг. [Грязнов, 2022, с. 28].

⁴ Правда, аналогичным образом начинается духовная грамота отца князя Андрея – Василия II [ДДГ, № 61, с. 193], так что в данном случае использование богословской преамбулы может и не отражать индивидуальный взгляд Василия Ухтомского на структуру и содержание княжеских грамот.

Одним из важнейших факторов, накладывающих отпечаток на статус человека Средневековья, его притязания, образование и наиболее вероятные варианты службы, было происхождение. В этом плане Василий Ухтомский был крайне примечательной фигурой, стоящей особняком даже в кругу своих коллег-дьяков, имевших в числе своих предков представителей дворянских, а в некоторых случаях, даже боярских родов.

Князья Ухтомские были младшей линией Белозерских князей и происходили от Ивана Ухтомского, младшего сына кн. Ивана Васильевича Каргаломского, который в свою очередь был младшим сыном кн. Василия Согорского, являвшегося родоначальником всех ветвей Белозерских князей. По родословной Белозерских князей в Румянцевской редакции родословных книг, у Ивана Ивановича Ухтомского было трое сыновей: «А княж Ивановы дети Ухтомского Василей, да Иван Волк, да Василей Капля» [РИИР, с. 162]. Как видим, у Ивана Ухтомского было два сына по имени Василий, и какой из Василиев был дьяком, без дополнительных сведений определить невозможно. Не помогают разобраться в этом и другие упоминания Василия Ухтомского, которые обнаруживаются в источниках. В Устюжской летописи в рассказе о походе русского войска на Казань в 1469 г. выделен подвиг Василия Ухтомского, который находился в судовой рати, попавшей в засаду: «А князь Василей Ухтомской бился ж и бил их (казанцев – А. Г.), скачючи по судом, ослопом» [ПСРЛ, т. 37, с. 47]⁵. Не имеет точной даты, но относится к последним двум десятилетиям XV в. разезжая на владения князей Ивана Владимировича Согорского и Ивана Волка Ивановича Ухтомского [Стрельников, 2012, с. 146–147]. Одним из послухов в этом документе указан Василий Ухтомский. В обоих случаях не уточняется о ком из Василиев Ухтомских – старшем или младшем идет речь. Но вместе приведенные сведения дают более полное представление о статусе и социальном положении семьи Ухтомских во второй половине XV века. В первую очередь они землевладельцы, точнее вотчинники, владевшие землями в родовом гнезде, по которому получили фамилию. Они находятся на одном уровне с представителями других ветвей Белозерских князей и несут военную службу

⁵ В Архангелогородском летописце добавлено, что «устюжане сквозе рать тотарскую пробилися, да и князь Василей Ухтомской, да и ушли к Новугороду Нижнему» [ПСРЛ, т. 37, с. 92].

на невоенских должностях (возможно, младшими офицерами или в составе отряда из представителей рода Белозерских князей).

Представление о статусе Ухтомских в немного более ранний период дает известие 1464 г. в Летописи Авраамки о приглашении в Новгород в качестве служилого князя Ивана Ивановича Белозерского [ПСРЛ. Т. 16, стб. 218], которого предположительно можно отождествить с отцом Василия Ухтомского – Иваном Ухтомским [Грязнов, 2017, с. 142–144].

Важнейшим маркером высокого социального статуса и благополучия семьи являлось землевладение. Источники позволяют не только локализовать район расположения родовых вотчин Ухтомских, но и вполне точно определить границы Ухтомы и распределение земельных владений внутри рода. В руках основателя рода – Ивана Ивановича Ухтомского находилась вся территория волости Ухтомы, которая затем была разделена поровну между его тремя сыновьями. Следующее поколение Ухтомских получило пропорциональные доли в вотчинах отцов. В том числе и дети обоих Василиев. Таким образом, долей в родовой вотчине владели сыновья дьяка Василия Ухтомского (каким бы из сыновей Ивана Ивановича он ни был), а значит, и он сам тоже владел долей в Ухтоме – $1/3^6$.

Как бы то ни было, дьяческая служба Василия Ухтомского пока выбивается из общего представления о траектории социального статуса этой семьи. Однако недавно обнаруженное обстоятельство в значительной мере меняет картину. Расшифровка дьяческой монограммы жалованной грамоты кн. Андрея Угличского 1491 г. [АСЭИ, 1958, № 283, с. 190–191] дает имя дьяка удельного князя заверившего эту грамоту [Грязнов, Мошкова, 2021, с. 40–41]. Им оказывается Иван Ухтомский. Единственным представителем рода с таким именем в это время был брат дьяка вологодского князя – Иван Волк Иванович. Этот открывшийся факт заставляет внимательнее присмотреться к его личности и карьере.

Дважды Волк Ухтомский упоминается в духовной грамоте Ивана Салтыка Травина. В завещании Салтык сообщает, что отдал на хранение Ивану Ухтомскому двадцать куниц и дарит ему породистого скакуна [АСЭИ, 1952, № 501, с. 379]. Под 1489 г. в Устюжской летописи помещено известие о том, что Иван Ухтом-

⁶ Карту дробления родовой вотчины Ухтомских в XV–XVI вв. см.: [Грязнов, 2019, с. 156].

ский был назначен приставом и конвоировал вождей вятчан, плененных в ходе похода, возглавляемого Даниилом Щеней [ПСРЛ, т. 37, с. 97]. Еще четыре раза Иван Ухтомский упомянут в составе комиссии костромского писца Григория Романовича Застолбского, разбиравшей земельные дела в 1501/2 г. [АСЭИ, 1952, № 639, № 640; АФЗХ, 1951, № 254, № 258].

Что можно сказать о статусе Ивана Ухтомского? На первый взгляд, приведенные сведения говорят о рядовом представителе Государева двора и его дьячество может показаться ошибкой или неверной интерпретацией источника. Однако, скорее всего, такое впечатление ошибочно. В четырех правых грамотах комиссии Григория Застолбского Иван Ухтомский назван на первом после писца месте, т.е. в комиссии он второй по значимости. Кроме этих двух персон в составе судебной коллегии в правых грамотах называется Иван Коробьин и по одному—двум подьячим. Поскольку деятельность судебной коллегии проходила уже после издания великокняжеского судебника, то на нее должна была распространяться норма его первой статьи, предписывающая обязательное участие в суде дьяков. Если учитывать дьяческий статус Ивана Ухтомского в 1491 г., то весьма вероятно, что и в 1501/2 г. он тоже выполнял функции дьяка.

Назначение Ивана приставом у пленных вятчан тоже дает повод для размышления. Упомянутые в актах XV в. имена приставов говорят об их сравнительно невысоком социальном статусе. Однако есть и исключения. Например, приставом для сел Троице-Сергиева монастыря был назначен видный дьяк Ивана III Василий Жук [АСЭИ, 1952, № 495, с. 374–375]⁷. Все же в случае с Иваном Ухтомским функции пристава, конвоировавшего вождей вятчан, ближе к приставам, связанным с посольскими делами, чем с уголовными преступлениями. Здесь среди упоминаемых приставов в основном фигурируют имена представителей низшей и средней страт Государева двора, но есть и представители дьяческой прослойки. Например, подьячий Елка был послан приставом у мазовецкого посла [Сборник Хилкова, с. 373–376]. Следовательно, уже в 1489 г. Иван Ухтомский мог входить в страту канцелярских служащих. Примерно об этом же положении Ивана Волка Ухтомского свидетельствует и духовная Ивана Салтыка

⁷ В подтверждении этой грамоты приставом назначен подьячий Гридя Попов с. Протопопов.

Травина, составленная на начальном этапе руководимого им похода на Казань, т.е. в 1483/84 году. В летописи о составе войска, возглавляемого Иваном Салтыком, говорится, что в него входили дети боярские двора великого князя, вологжане, устюжане, вычегжане, вымичи и великопермцы. Очевидно, что Иван Ухтомский из всего этого списка мог принадлежать только к первой категории – представителям двора великого князя. Сам характер упоминаний Волка Ухтомского показывает, что он не подчиненный Салтыка, а лицо равное ему по статусу.

Такой подробный разбор сведений об Иване Ухтомском важен для выяснения того обстоятельства, что дьячество, устанавливаемое при расшифровке монограммы на грамоте 1491 г., не мимолетный эпизод его служебной биографии. Судя по всему, оба брата Ухтомских были княжескими дьяками на протяжении многих лет. Если бы дьяческая служба Василия была единственным случаем в истории семьи Ухтомских, то это можно было бы списать на проявление склонностей самого Василия или на какие-то случайные факторы. Однако, дьячество еще и второго из братьев в корне меняет ситуацию. Получается, что существовали некие общие причины, сподвигнувшие братьев выбрать канцелярскую, а не военную карьеру, более характерную для страаты служилых князей, к которой Ухтомские, несомненно, принадлежали по рождению. Как представляется, решающим обстоятельством в выборе ими канцелярской, а не военной службы, могло стать генеалогическое положение, как самих братьев-дьяков, так и в целом семьи Ухтомских. Принадлежность к самой младшей ветви среди всех линий Белозерских князей непосредственным образом влияла сразу на два важнейших фактора в жизни служилого землевладельца. В первую очередь – меньший в сравнении с остальными ветвями Белозерских князей размер родовых вотчин, что снижало их военный потенциал и, следовательно, ценность для сюзерена, а значит – служебные перспективы и размер вознаграждения (в том числе в виде кормлений). Вторым фактором являлось генеалогическое «меньшинство», из-за чего в местническом плане Ухтомские потенциально проигрывали в борьбе за престижные назначения всем своим довольно многочисленным родственникам. Дьяческая же карьера позволяла зайти на верхушку иерархической лестницы «с черного хода», чем в это же время неоднократно пользовались и другие представители родословных фамилий.

Немаловажным является и фактор общей слабости позиций Белозерских князей при великокняжеском дворе. До 1454 г. Пошехонье, в котором располагались владения нескольких линий Белозерских князей, принадлежало кн. Ивану Андреевичу Можайскому, а после его бегства в Литву перешло под контроль Василия П. Менее чем через десятилетие по завещанию Василия Темного Заволжские волости включались в состав владений вдовы великой княгини Марии Ярославны [ДДГ, № 61, с. 196]. Следовательно, вплоть до конца XV в. у пошехонских землевладельцев не было реальной возможности прочно занять достойные позиции при великокняжеском дворе, особенно в конкуренции со старомосковскими родами и другими служилыми князьями, проявившими себя в ходе династической войны. В таких условиях переход на службу в удел был практически неизбежным.

Тем не менее, необходимо отметить, что одного желания для успешной канцелярской карьеры недостаточно. Работа дьяков требовала довольно разнообразных навыков и высокой компетенции в вопросах делопроизводства и управления. О квалификации Василия Ухтомского мы можем судить по косвенным признакам. Оформление заверенных им жалованных грамот соответствовало принятым в Московском великом княжении правилам. В текстах грамот, созданных при его участии, использовалась богословская преамбула. Выполненные его рукой княжеские подписи и монограммы производят впечатление выработанности, уверенного написания и индивидуальности (что было важным для дьяческого почерка, облегчая проверку подлинности грамоты средствами почерковедческой экспертизы). В этом плане почерка братьев Ухтомских кардинально отличаются от автографов других представителей рода Белозерских князей и отражают именно канцелярскую письменную традицию. Значит, квалификация Ивана и Василия Ухтомских, по крайней мере в этом аспекте, сомнений не вызывает. Столь же несомненным, но косвенным свидетельством квалификации Василия Ухтомского является длительный срок его службы в вологодской княжеской канцелярии.

Если возвратиться к сюжету о том, кто из братьев Ухтомских – старший или младший Василий был дьяком вологодского князя, то некоторый намек на прояснение этого вопроса дает служба среднего из братьев – Ивана Волка. Обычной была практика учета генеалогического старшинства при выборе сюзерена, то есть старший брат должен был служить у великого князя, а на

службу в удел переходили его младшие родичи. Иван Волк сначала находился на великокняжеской службе, а затем у Андрея Угличского. Тогда как Василий в это время служил в вологодском уделе. Как представляется, это свидетельствует о том, что Василий, служивший вологодскому князю, был младше Ивана, а значит, в данном случае речь идет о младшем из братьев – Василии Капле.

О службе Василия Ухтомского после ликвидации вологодского удела сведений пока не обнаружено, но он сохранял связи в высших церковных кругах. Во всяком случае, именно так можно истолковать летописную запись о том, что вместе с ним в подделке жалованной грамоты кн. Андрея Васильевича в пользу Спасо-Каменного монастыря оказался замешан чудовский архимандрит Макарий. Очевидно, что не только деловыми, но и личными были связи Василия с властями Спасо-Каменного монастыря, в пользу которого были направлены его махинации. Сам Василий Капля оставался владельцем крупной родовой вотчины в Пошехонье, которую передал сыновьям. Во всяком случае, в их владении в начале XV в. была треть Ухтомы с центром в селе Борисоглебское Старое. О каких-либо владениях Василия Ухтомского за пределами родового гнезда не известно, в то время как другие дьяки этого периода (как великокняжеские, так и удельные) неоднократно «засветились» за приобретением крупных и средних вотчин. Не исключено, что приобретенные им вотчины могли быть конфискованы после разоблачения махинаций в качестве одного из элементов наказания.

Скончался Василий около 1500 года. Во всяком случае, ни его старших братьев, ни самого Василия уже не было в живых к 1506 г., и в это время активно действовали следующие два поколения Ухтомских.

Летописное известие о наказании Василия Ухтомского и отсутствие сведений о его службе после этого инцидента вроде бы говорят о не очень хорошем итоге его деятельности⁸. Однако это впечатление обманчиво. В целом длительность службы Ухтомских в качестве дьяков говорит об их востребованности именно

⁸ Кроме репутационных потерь можно не сомневаться в утрате Василием дьяческого статуса, а значит и связанных с этим материальных выгод. Не исключена потеря земельных приобретений (о которых, впрочем, прямые сведения отсутствуют).

в качестве администраторов. Немаловажна близость к князю, пусть и удельному, малодостижимая в рамках традиционной службы землевладельцев средней руки. Показательны и социальные связи с представителями верхнего и среднего слоев служилых людей московских князей. Пусть Ухтомские и не стали родоначальниками дьяческой династии, но по сравнению с остальными членами рода Белозерских князей этого времени они больше всего упоминаются в источниках и играют более значимую роль, чем им предназначалось по рождению. В целом, род Ухтомских упрочил свое положение в служилой среде и смог сохранить статус и равенство с остальными Белозерскими князьями⁹. Для того, чтобы пробиться на верх иерархии при великокняжеском дворе, у Ухтомских не хватило то ли сил, то ли умений, но их «поход» в княжескую канцелярию можно признать вполне успешным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 1998 – *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1958; Т. III. М., 1964.

АФЗХ 1951 – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. I. М., 1951.

Веселовский 1975 – *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVI вв. М., 1975.

Гневашев 2010 – *Гневашев Д.Е.* Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. М., 2010. С. 672–683.

Грязнов 2017 – *Грязнов А.Л.* Белозерские князья в годы правления Ивана III // Великое Стояние на реке Угре и формирование Российского центра-

⁹ Старший сын Василия Капли Федор Холуй упомянут в синодичной записи в одном ряду с десятком других представителей рода Белозерских князей, погибших в казанском походе 1506 г. [Гневашев, 2010, с. 681]. Угроза «охудания» Ухтомских может показаться надуманной, однако в роду Белозерских князей есть пример именно такого, неблагоприятного сценария. Речь о князьях Дябринских, владевших землями неподалеку от Ухтомских. На рубеже XV–XVI вв. они начинают терять вотчины, их фамилия оказывается не включена в родословные росписи и к концу XVI в. Дябринские утрачивают связь с Пошехоньем и с остальными Белозерскими князьями.

лизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 134–164.

Грязнов 2019 – *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019.

Грязнов 2022 – *Грязнов А.Л.* Канцелярия князя Андрея Васильевича Меньшого // История и культура Ростовской земли. 2021. Ростов, 2022. С. 20–22.

Грязнов, Мошкова 2017 – *Грязнов А.Л., Мошкова Л.В.* Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. // Вестник Альянс-Архео. Вып. 19. М.; СПб., 2017. С. 22–23.

Грязнов, Мошкова 2021 – *Грязнов А.Л., Мошкова Л.В.* Канцелярия улического князя Андрея Большого // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 40–41.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Зимин 1958 – *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 275–324.

Зимин 1971 – *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 219–286.

Назаров 2019 – *Назаров В.Д.* Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого: время и место составления, политический контекст // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2019. С. 292–294.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001; Т. 16. СПб., 1889; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910; Т. 23. СПб., 1910; Т. 28. М.–Л., 1963; Т. 37. Л., 1982.

РИИР – Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977.

Савосичев 2013 – *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.

Сборник Хилкова – Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Стрельников 2012 – *Стрельников С.В.* Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. Сборник в честь профессора Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 111–147.

Черепнин 1948 – *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Д. Е. ГНЕВАШЕВ

АВНЕЖСКОЕ УДЕЛЬНОЕ КНЯЖЕСТВО

К ИСТОРИИ ОДНОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА

В статье критически проанализирована историография XIX–начала XXI в., посвященная вопросу существования на Вологодской земле так называемого Авнежского удельного княжества, установлен единственный источник информации о нем. Привлеченные к исследованию памятники церковного происхождения позволили существенно дополнить сведения родословной малоизвестных князей Бывалицких (ветви Вяземского княжеского дома) и зафиксировать бытование представителей этого рода в качестве землевладельцев в Вологодском уезде в 1-й четверти XVI в.

Ключевые слова: Вологодский уезд, князя Вяземские, князя Бывалицкие, служилые князя, Григорий и Кассиан Авнежские, вотчина, XVI век.

Искать на политической карте средневековой Руси еще одну самостоятельную административно-территориальную единицу – Авнежское удельное княжество – побуждают регулярно появляющиеся упоминания о нем в работах разных авторов вот уже на протяжении более двух веков. Кажется, первым об Авнежском княжестве написал архимандрит Амвросий (Орнатский) в словарной статье о Троице-Авнежском монастыре [Амвросий, 1811, с. 59–63]. Затем эта же формулировка была повторена в обоих изданиях словаря князя Д.А. Эристова [[Эристов,] 1862, с. 69], а также вологодскими любителями истории П.Г. Волковым [Волков, 1846, с. 84] и иеромонахом Мелетием [Мелетий, 1869, с. 353–354] в газетных заметках, посвященных истории Троице-Авнежского монастыря и его святых основателей.

Названные авторы писали об Авнежском княжестве (уделе) как о самоочевидном факте истории. Попытку найти хоть какое-то объяснение сведениям о княжестве (правда, в корне неверное) впервые предпринял И.К. Степановский. Он проанализировал

упоминания в источниках вологодской волости Авнеги, давшей «название князьям Авнежским, о которых никаких местных сведений не сохранилось». Само удельное княжество Авнежское, – считал Степановский, – выделилось в XIV в. из распавшегося на мелкие уделы Белозерского княжества [Степановский, 1890, с. 13–14, 435]. Вологодский краевед М.А. Свистунов придерживается тех же взглядов, представленных в вышеуказанной литературе. Он говорил об Авнеге как об удельном княжестве, впоследствии превратившемся в одну из волостей Вологодского уезда [Свистунов, 1991, с. 4, 13].

Прекрасный знаток вологодских церковных древностей М.С. Черкасова для уточнения времени занятия кафедры пермско-вологодским епископом Пименом привлекла Сказание об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских. В числе фактов, приведенных в Сказании, она отмечает особо любопытный – упоминание «Авнежского удельного княжества и его правителей Симеона и Петра» [Черкасова, 2006, с. 203]. В другой своей работе исследовательница расценивает упоминание в этом же источнике «Авнежского удельного благоверного князя Симеона» как смутное указание на некогда существовавшее в Вологодской земле еще одно¹ малое удельное княжество [Черкасова, 2012, с. 82].

Очевидно, что и остальные названные выше авторы почерпнули сведения о «князьях Авнежских» и «Авнежском удельном княжестве» из этого же источника – Сказания об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских.

Этому памятнику северной агиографии В.О. Ключевский в свое время уделил должное внимание, признав его источником «первостепенной важности для истории заселения северо-восточной русской окраины», но особо не выделил сюжет с авнежскими князьями [Ключевский, 1871, с. 278–280]. Никак не прокомментировала упоминания авнежских князей изучавшая колонизационные процессы в Вологодском крае Л.И. Ивина, для которой Сказание об авнежских чудотворцах стало одним из главных источников по истории внутреннего освоения Сухонского правобережья в XV–XVI вв. [Ивина, 1985, с. 207–208]. Отыскавший одну из редакций Сказания Н.А. Коноплев также не акцентировал внимания на этих значимых сведениях [Коноплев, 1895, с. 23–34].

¹ По аналогии с княжеством Бохтюжским, существование которого убедительно доказано В.А. Кучкиным.

Обратимся к этому агиографическому памятнику – Сказанию об обретении мощей преподобных Григория и Кассиана Авнежских, – коль скоро он является единственным источником данных, породивших такую долгую историографическую традицию, к сожалению, не свободную, как будет показано далее, от исторической мифологии.

Обе редакции Сказания не имеют принципиальных разночтений в существенных для нашей темы моментах, поэтому возможно пользоваться любой редакцией. Таковой стала редакция, известная по рукописи XVII в. из библиотеки Троице-Сергиева монастыря (далее – Сказание). Интересующие нас сведения содержат описания 1-го, 4-го, 8-го и 11-го чудес, явленных святыми перед возобновлением монастыря в 1560 году.

В чуде 1-м («О Гаврилѣ»), точно датированном 7032 (1523/24) годом, повествуется о том, как местный житель вологодской волости Авнеги некий Федор, в надежде отыскать припрятанное сокровище, случайно раскопал «гробы» преподобных, но не дерзнул нарушить их целостность «и паки покры ихъ землею»². Св. Григорий явился во сне Федору и повелел в ближайшие три воскресенья посетить храмы, стоявшие по соседству с тем местом, где были обнаружены могилы Григория и Кассиана: «иди днесъ, Феодоре, в надлежащу весь близъ наю ко цркви стѣа Живоначнаѣ Трѣца ко игумену Мисаилу и приставнику блговѣрнаго^{гво} 3 кнѣа Симеона Ивану, по реклому Рылу. И во вторую нѣлю иди ко цркви стѣаго Николы сщенику Ерофию и приставнику блговѣрнаго кнѣа Пеѣра Ивану же иманемъ. И в третію нѣлю иди ко цркви стѣо прѣрка Ильи тако же сщенику Никитѣ и всѣмъ людемъ онѣхъ цркви» [Сказание, л. 53 об.– 54 об.]. Миссия Федора заключалась в том, чтобы поведать прихожанам трех церквей о повелении святых поставить над их могилами храм великомученика Георгия, разрушенный «безбожными татарами» около 1392 года.

Итак, в тексте Сказания впервые, хотя и опосредованно, упоминают некие благоверные князья Симеон и Петр. Обратим особое внимание, что ни «удельными», ни «Авнежскими», никак

² Поскольку события разворачивались в теплое время года, датировку можно сузить до апреля–августа 1524 года.

³ В редакции, обнаруженной Н.А. Коноплевым, князь Симеон назван «великим» [Коноплев, 1895, с. 31].

иначе князья в источнике не названы, поэтому вся прежняя двух-вековая историографическая традиция усваивать князьям «титул» Авнежских и определять их статус как «удельных» оказывается ни на чем не основанной. Этот факт в очередной раз подтверждает наблюдение В.Д. Назарова о часто проявляемой исследователями «нечувствительности» к терминологии источников, когда разговор идет об «уделах» или «удельных» / «служебных» князьях [Назаров, 2010, с. 382].

Вернемся к источнику. Федор исполнил повеление св. Григория, посетил три храма, однако, ни священники этих церквей, ни их прихожане «не аша вѣры ему». Но рассказанное Федором не осталось втуне. Слух о видении Федора и повелении св. Григория дошел (видимо, через княжеских «приставников») до самих князей Симеона и Петра. Составитель Сказания весьма подробно и красочно описывает дальнейшие перипетии жизни Федора, фиксируя уникальные для целей этой статьи факты.

Снова процитируем источник: «Прежде поманутыи же кнѣзи, господіе веси онаѡ, кнѣзь Симеонъ и Петръ, в то время [когда Федор рассказывал о своем видении прихожанам трех храмов – Д. Г.] не бѣ ихъ в домохъ своихъ. По сихъ же прїидоша и повѣдано бысть имъ сіе. Кнѣзи же ти, Петръ и Симео^н, идѡста тамѡ, идѣже сѣи лежаху, и повелѣша пре^д собою копати землю Феодору оному. И видѣша кнѣзи такоже два гроба цѣлы и нерушимы. Во гробѣхъ же оубоахса смотрити. И паки повелѣша покры^{ти} землю и пѣти над ними молебнаа іереови. Сами же вїдоша в домаы своа. И паки оба кнѣзи они, Симеонъ и Петръ, вїдоша противо поганыхъ на брань». Как видим, князья Симеон и Петр повеление св. Григория о возобновлении георгиевской церкви тоже не исполнили.

Дальнейшие события развивались таким образом, что святые, уже оба, явились во сне Ивану Рылу, приставнику князя Симеона, с тем же требованием воздвигнуть общими усилиями трех приходов георгиевский храм. Иван Рыло пытался возражать святым: «Господіе мои! Како можемъ сіе дѣло сотворити, понеже господіе наши, кнѣзи, нѣ суть в домохъ своихъ? Мы же кромѣ ихъ повелѣнїа ничтоже можемъ сотворити» [Сказание, л. 55 об.–56 об.]. Видя нежелание Ивана Рыла без княжого разрешения воздвигать храм, Григорий и Кассиан ограничились просьбой о постройке если не церкви, то хотя бы часовни («кущи») на месте их могил, о ее освящении и кроплении святой водой окрестностей.

«Благодарный князь Симеон», косвенно, через своего «приставника», упоминается в чуде 4-м «О иступившемъ оума» [Сказание, л. 64 об.]. В этом чуде описано, как княжеский приставник Иван (Рыло) вместе с вышеупомянутым игуменом троицкой церкви Мисаилом ходили в Спасо-Прилуцкий монастырь к игумену Мисаилу же. Поводом к этому походу послужило случившееся накануне разграбление установленной над могилами Григория и Кассиана «гробницы», совершенное местным вотчинником Гаврилом Ушаком, игуменом Иоакимом и иеромонахом Иринархом из Дионисьево-Глушицкого монастыря. Примечательно, что депутация отправилась к игумену Спасо-Прилуцкого монастыря, т.к. «в то время не бѣ еп̄па во градѣ Вологдѣ»⁴. Датирующими признаками этого события могли бы выступить годы игуменств прилуцкого Мисаила и глушицкого Иоакима. Однако в источниках игуменство Иоакима не отражено (возможно, именно из-за этого неблагоприятного поступка?), а игуменство Мисаила укладывается в слишком широкие временные рамки (1517–1537 гг.) [Строев, 1877, стб. 737, 748]. Вероятно, инцидент с поруганием часовни случился вскоре после ее устройства над могилами святых, т.е. примерно в 1525–1526 годах.

В чуде 8-м («О женѣ, иступившей оума») и чуде 11-м («О женѣ нѣмой») упомянуты холопы князя Симеона: чудесно исцелившиеся «рабыня» Васса и «едина ѿ рабынь его» Елена и муж последней, «княж слуга» Федор Медведь [Сказание, л. 73, 76]. Отметим, что Сказание усеяно массой мелких деталей (имена и прозвища исцелившихся, их родственников, места их проживания, разные биографические подробности, симптомы их недугов и т. д.), что не может не вызывать доверия к тексту и уважения к исторической добросовестности автора Сказания игумена Данилова монастыря Иоасафа. Одна из таких деталей – упомянутое автором как бы вскользь прозвище князя Симеона. Героиней чуда 8-го стала рабыня Васса «прежѣ поманутаго

⁴ На наш взгляд, фразу «в то время не бѣ еп̄па во градѣ Вологдѣ» не следует понимать в том смысле, что пермско-вологодская архиерейская кафедра вдовствовала [Черкасова, 2006, с. 203]. Кажется, правильным будет буквальное чтение: поскольку епископа *физически* не было в городе, то делегация из Авнеги направилась к прилуцкому игумену как наиболее авторитетному после епископа духовному лицу в уезде. При этом надо учитывать экстраординарный характер поездки и необходимость оперативной реакции церковных властей на случившееся бесчинство в Авнеге.

блговѣрнаго кнѣа Симеона, *ѣламаго* [глаголамаго – Д. Г.] *Бывалца*» [Сказание, л. 73–73 об.]. Но именно эта, на первый взгляд, незначительная, деталь (прозвище князя) становится ключевой для данного исследования.

Резюмируем полученные из источника сведения. Не позднее августа 1524 г. в вологодской волости Авнеге действовали два князя, известные по именам – Симеон Бывалец и Петр. Оба князя владели расположенными на территории волости усадьбами («домы своя»), проживали в них. Усадьбами управляли княжеские «приставники», т.е. приказчики (дворецкие)⁵. У князя Симеона «приставником» показан некий Иван Рыло, а у князя Петра – некто Иван. В чуде 1-м Сказания содержится достаточная информация для локализации княжеских усадеб. Усадьба князя Симеона Бывальца стояла неподалеку от погоста Живоначальной Троицы на р. Нозьме, скорее всего, в дер. Новой. Усадьба князя Петра располагалась, весьма вероятно, в с. Никольском Старом⁶. Власть «приставников» распространялась не только на усадьбы, но и, предположительно, на княжеские земельные владения. Наличие последних можно выводить из упоминаний в Сказании как самих «приставников», так и иных княжеских «слуг» и «рабынь». При этом «слуги» и «рабыни», возможно, владели своими собственными дворами вне пределов княжеских усадеб⁷. Сказание по именам называет четырех холопов князя Симеона и одного холопа, служившего князю Петру.

⁵ См.: 'Приставник', 'Приставничество (приставничство)' [Словарь, с. 29–30].

⁶ Другие никольские храмы Авнеги и сопредельных волостей Пельшмы и Шейбухты, известные по источникам XV – 1-й четверти XVI в., вряд ли подходят для локализации никольского храма из чуда 1-го (См. картосхему). Третья церковь (Илии Пророка), которую посетил Федор, стояла между усадьбами князей. Примечательно расположение этих трех храмов и места обнаружения могил святых, на котором впоследствии будет возобновлен Троице-Авнежский монастырь. Все они лежали практически на одной прямой и примерно равном удалении друг от друга. Не менее примечательна оппозиция названий селений, в которых стояли княжеские усадьбы: дер. Новая – с. Старое.

⁷ Так, исцеленная рабыня Васса «ѡходит в дом свои кнѣа своего» [Сказание, л. 73 об.].

Выразительна характеристика, данная князьям составителем Сказания. Он называет князей не иначе как «господіе веси онол»⁸ (т.е. волости (веси) Авнеги), что хорошо согласуется с другими сведениями, сообщаемыми Сказанием. Так, «приставник» князя Симеона Иван Рыло, дерзнувший вступить в спор со святыми, в сердцах восклицает – как же можем мы, холопы князей, что-либо своевольно предпринимать в отсутствие своих господ?! «Мы же кромѣ ихъ повелѣній ничтоже можемъ сотворити». В данном случае возражение Ивана Рыла вполне резонно: не мог княжеский холоп, хотя, очевидно, и высокого ранга, без ведома господина вершить дела, выходящие за пределы его компетенции (управление княжеским хозяйством). Напомним, камнем преткновения стал вопрос о закладке георгиевской церкви на волостной земле. Но в словах Ивана Рыла можно прочесть и то, что если сам Рыло был не властен отдать приказ о закладке храма (как мы знаем, святые «требовали» мобилизовать на его строительство прихожан трех церквей), то в этом были властны его господа. Следовательно, власть князей Симеона и Петра распространялась не только на княжих слуг, но и на волостных крестьян Авнеги. Мы видим, что князья повелевают «пре^д собою копати землю» Федору, явно лично свободному волостному жителю, не состоящему в холопѣй зависимости от князей (по крайней мере, источник ничего не говорит об этом). Власть князей простирается и на окрестных попов, которым велено было «пѣти... молебнал» над могилами святых. Впрочем, здесь, может быть, имел место ситуативный фактор, когда все связи власти-подчинения, субординации отступили на задний план, и собравшиеся для разрешения экстраординарной ситуации окрестные жители разных социальных страт («господіе»-князья, их министерялы-слуги и холопы, волостные жители – крестьяне и священники) действовали сообща.

К сожалению, церковнославянизм «господіе», употребляемый автором Сказания, имеет довольно широкое значение: «владельцы», «хозяева», «господа». Термин «господіе» не может с точностью передать то содержание, которое требуется получить для описания социального статуса и служебной роли князей Симеона и Петра по отношению как к своим слугам, так и, что го-

⁸ Примечательно, что термин «господіе» звучит в устах приставника Ивана Рыла как по отношению к князьям (своим прямым господам), так и к свв. Григорию и Кассиану.

раздо важнее, к волости Авнеге и ее привилегированному и податному населению в целом. Возможно, какую-то полезную информацию для разрешения этого вопроса добавит установление личности князей.

Такая возможность есть. Сохранившиеся памятники поминального культа, отправлявшегося в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, зафиксировали имена лиц, которых мы с высокой степенью уверенности можем отождествить с персонами, упомянутыми в Сказании.

Так, в кормовой книге Спасо-Прилуцкого монастыря содержится запись о поминании 26 сентября (на память преставления апостола Иоанна Богослова) «человека» князя Семена Бывалецкого Ивана Дубоноса. Указан и данный Иваном Дубоносом довольно значительный корм по себе (50 рублей). Не этот ли Иван Дубонос показан в Сказании под именем «приставника» Ивана Рыла? Другая запись кормовой книги дает полное имя князя Симеона: «Мѣсяца того же [мая – Д. Г.] в 29 день: по князь Семенъ Ивановичъ Бывалецкомъ; служба соборная; а на братію кормъ» [Суворов, 1861, стб. 310, 323].

Данные кормовой книги в отношении князя Семена Бывалецкого дублируются в синодике Спасо-Прилуцкого монастыря. Приведем поминальную родовую запись полностью:

«Рѣдь кнѣзѣ Сѣмеѡна Бывалецкогѡ: Кнѣзѣ Васіліѣ. Кнѣгїни Анны.

Кнѣзѣ Кѡсмы. Варсонофіѣ схи^м.

Схи^м Евдокїи. Мѣрфы. Іѡакїма.

Монаха кнѣзѣ Сѣргїѣ. Іеромонаха Іѡны»⁹

[Синодик, л. 213¹⁰].

Данные Сказания, синодика и кормовой книги, взаимодополняя друг друга, позволяют идентифицировать, по крайней мере, одного из князей Сказания. Не будет преувеличением считать, что

⁹ Предположительно в этой поминальной записи указаны следующие лица: князь Василий и княгиня Анна – дед и бабка князя С.И. Бывалицкого (князь Василий – последний удельный князь Бывалицкий); под «прямым» (церковным) именем князя Космы мог поминаться отец князя С.И. Бывалицкого князь Иван; в лице монаха князя Сергия мы можем видеть самого князя С.И. Бывалицкого, принявшего постриг в самом Спасо-Прилуцком монастыре.

¹⁰ Полу жирным шрифтом выделен текст, написанный в синодике киноварью.

князь Симеон Бывалец из Сказания и князь Семен Иванович Бывалецкий из прилуцких документов – это один человек. О князе Петре, к сожалению, добыть иной информации не удалось.

Князья Бывалецкие (вариант: Бывалицкие) известны и по другим источникам, хотя эти известия отрывочны и лапидарны. В исследованиях современных историков, прежде всего М.М. Крома и В.Н. Темушева, довольно подробно изложены обстоятельства появления князей Бывалицких в России в ходе событий московско-литовской войны конца XV в.

Князья Бывалицкие были ветвью княжеского дома Вяземских и распорядились во второй половине XV в. на правах удельных князей, вассально подчиненных смоленским князьям, небольшим уделом в Вяземском княжестве (волости Бывалицы, Негомирь, Сочовки) [Кром, 2019, с. 64–66; Темушев, 2017, с. 224–227]. В связи с завоеванием Вязьмы в 1493 г. войсками Ивана III значительная часть вяземских князей была выведена в Россию («Вязму взяли, а князей Вяземскихъ головами свели»). Очевидно, среди них находился и последний удельный князь Бывалицкий Василий. В августе 1495 г. членам московской посольской делегации в Литву Б.В. Кутузову и дьяку А. Майко было дано предписание: «Да гдѣ прилучится Борису и Ондрею видѣти Бывалецкого сына, и имъ его въспросити: похочеть сюды ко отцу ѣхати, и имъ о немъ молвити великому князю [литовскому – Д. Г.], чтобы его отпустилъ» [Памятники, с. 106, 133, 211]¹¹. Судя по тому, что внук князя Василия Бывалицкого – князь Семен Иванович – в конце первой четверти XVI в. жил в России, надо полагать, что сын князя Василия после 1495 г. все же «похотел» выехать к отцу и поступить в службу великому князю московскому.

В.Д. Назаров, исследуя феномен служебных князей в Русском и отчасти Литовском государствах, заключает: «массовый переход на рубеже столетий [XV и XVI – Д. Г.] в Россию порубежных удельных и служилых князей Великого княжества Литовского с родовыми и пожалованными вотчинами (и Рюриковичей, и Гедиминовичей) подкрепил и продлил функционирование этого сословно-статусного института на несколько десятилетий» [Наза-

¹¹ Здесь следует внести уточнение в выводы В.Н. Темушева, писавшего о том, что не литовский, а московский князь удерживал в плену вяземских князей, в т. ч. и князя Василия Бывалицкого. Ситуация была ровно обратная [Памятники, с. 133, 141; Темушев, 2017, с. 227].

ров, 2010, с. 426]. Однако вряд ли этот тезис ученого подойдет для описания служебно-статусной ситуации князей Бывалицких (да, видимо, и остальных князей из дома Вяземских, оказавшихся в России в конце XV в.). Неустойчивое и подчиненное положение Бывалицких в их бытность в Литве вкупе с последующим завоеванием Вязьмы и насильственным лишением всех вяземских княжат родовых земель не позволяли претендовать им в новых (московских) реалиях на статус служилых князей¹². Завоеванные и «сведенные головами» в Москву многочисленные Вяземские (в т.ч. Козловские, Бывалицкие, Нерьцкие) не имели ни единого шанса вступить в договорные отношения с московским великим князем в части землевладельческих прав.

К сожалению, источников за первую половину XVI в., которые бы освещали эволюцию службы и статусное положение вяземских князей внутри служилого класса России, мало. Положение исследователя, к тому же, осложняется крайне запутанной родословной князей Вяземских в XV–XVI вв. По большей части мы можем видеть лишь крайние точки этой эволюции: от полусамостоятельных владетелей Вяземского княжества в конце XV в. до рядовых детей боярских Государева двора, записанных в Дворовой тетради, осевших в нескольких уездах страны на вотчинах и поместьях. Но какие события разворачивались в рамках этого процесса, занявшего более полувека, какие метаморфозы претерпела вся клановая группа вяземских князей в целом и отдельные его представители в частности, до конца не ясно.

Что касается судьбы князей Бывалицких в Московском государстве, то они, очевидно, повторили путь большинства представителей клана – были пожалованы землей на вотчинном и поместном праве. Доходы от земли, несомненно, дополнялись разного рода кормлениями. Характерный пример показывают документы князей Козловских (ветвь князей Вяземских). Братья Юрий и Семен Львовичи Козловские в начале XVI в. получили вотчины в Романовском и Муромском уездах, поместья в Романовском уезде (совместно с князьями Нерьцкими) и волостельство в Антоновском стане Бежецкого Верха [Юшков, 1898, с. 67; АСЭИ, 1964, с. 202–203, № 189; Антонов, 2007, с. 582–584, 586–587].

¹² В отличие, к примеру, от князя Михаила Мезецкого, получившего земли в Стародубе Рязоловском вместо своей доли в Мезецке по меновой грамоте с великим князем Иваном III.

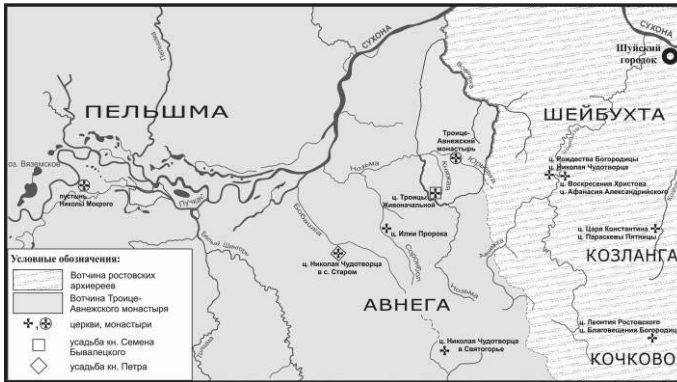
По всей видимости, князь Семен Иванович Бывалицкий и его очевидный однородец князь Петр в 1510–20-х гг. получили (унаследовали?) землю на вотчинном или поместном праве в вологодской волости Авнеге. Менее вероятно их волостельство в Авнеге, хотя двойные назначения кормленщиков в одну волость, в т. ч. родственников, по источникам хорошо известны. В пользу «вотчинно-поместной» версии говорит то, что в местной топонимике до сих пор удержались топонимы (гидронимы), прочно связываемые с именами князей Семена Бывалицкого и Петра. Так, река, протекающая в непосредственной близости от Троице-Авнежского монастыря и усадьбы князя Семена, носит неслучайное название Княжая (Княжуха). На современной карте отыскивается озеро Вяземское, название которого, несомненно, восходит к князьям Бывалицким-Вяземским (см. картосхему). То, что князья могли в разных источниках выступать то под именем Бывалицких, то под именем Вяземских, убедительно доказывается данными сотной грамоты 1623/24 г. на шейбухотскую вотчину ростовских митрополитов: «Да рыбных ловель на митрополичье ж оброке: озерко Владычне с истоком у Пучкаса реки, *подле князь Семеновской исток Вяземского*, которой ныне за Троицею Сергиева монастыря...» [Сотная грамота, л. 172]. Вклады князя Семена Бывалицкого и его послужильца в Спасо-Прилуцкий монастырь также свидетельствуют в пользу прочной укорененности их в местном социуме, которая вряд ли могла появиться во время волостельства, обычно жалуемого на короткий срок (1–2 года).

К сожалению, нет никаких данных о дальнейшей судьбе рода Бывалицких после 1524 года. Высока вероятность того, что князья не оставили потомства и пали в одной из многочисленных битв того времени (вспомним еще раз Сказание, повествующее о том, что «...*паки* оба кнзи они, Симеонъ и Петръ, ѿидоша противо поганыхъ на брань»¹³), а их выморочные земли вернулись в казну. Известно, что уже до 1528–33 гг. волость Авнега была пожалована в кормление князю Григорию Семеновичу Бабичеву [Акты, 1997, с. 42–43, № 47]. Возможно, вотчина, пожалованная Троице-Авнежскому монастырю при возобновлении обители в 1560 г., включала часть бывших земель князей Бывалецких. По крайней

¹³ Это сведение Сказания косвенно подтверждает землевладельческую версию статуса князей. Вряд ли князья-волостели могли совмещать административную деятельность с регулярными военными походами.

мере, на это указывает то, что в монастырской вотчине оказалась усадьба князя Семена Бывалецкого (дер. Новая).

Для вотчины Авнежского монастыря могли быть выбраны близлежащие, вполне себе обжитые земли, с уже сформированной инфраструктурой, некогда обслуживавшей потребности княжеского хозяйства. Насколько обширны были владения князей Семена и Петра в Авнеге, судить затруднительно, но, во всяком случае, они не должны были уступать по доходности утраченным князьями землям в небольшом Бывалицком уделе Вяземского княжества.

Картограмма. Волости Сухонского поречья в XVI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1997 – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. Т. I. М., 1997.

Амвросий 1811 – История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословии учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. Ч. III. М., 1811.

Антонов 2007 – Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. Сборник Российского государственного архива древних актов. Вып. 8. М., 2007. С. 574–601.

АСЭИ 1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

Волков 1846 – Волков П.[Г.] Сказание о упраздненном Троицком Авнежском монастыре и о преподобных его основателях // Вологодские губернские ведомости. 1846. № 8. С. 83–85; № 9. С. 93–95.

Ивина 1985 – Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

Ключевский 1871 – *Ключевский В.[О.]* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Коноплев 1895 – *Коноплев Н.[А.]* Святые Вологодского края // ЧОИДР. Кн. 4 (175). Исследования. М., 1895. С. 1–131.

Кром 2019 – *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой трети XVI в. М., 2019.

Мелетий 1869 – *Мелетий, иеромонах.* Исторические сведения об упраздненном Авнежском Троицком монастыре Вологодской епархии // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1869. № 10. С. 351–359.

Назаров 2010 – *Назаров В.Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 382–427.

Памятники – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Том I (с 1487 по 1533 год) / Под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882.

Свистунов 1991 – *Свистунов М.А.* И в погибели нетленны. Сказание об Авнежском Троицком монастыре (легенды и факты). Вологда, 1991.

Синодик – Синодик Спасо-Прилуцкого монастыря (ВГИАХМЗ. ОПИ. № 2013).

Сказание – Сказание об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских (ОР РГБ. Ф. 304. I. № 635. Л. 39 – 110 об.).

Словарь – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995.

Сотная грамота – Сотная грамота с писцовых книг 1623/24 г. С.А. Давыдова и подьячего Е. Шагохина на владения ростовского митрополита Варлаама в волостях Шейбухте, Козланге и Кочкове Вологодского уезда (РГАДА. Ф. 281. Вологда, № 2700 / 129).

Степановский 1890 – Вологодская старина. Историко-археологический сборник / Сост. И.К. Степановский. Вологда, 1890.

Строев 1877 – *Строев П.[М.]* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

Суворов 1861 – Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря (доставлено Н.И. Суворовым) // Известия Императорского Археологического общества. Т. 3. СПб., 1861. Стб. 301–327.

Темушев 2017 – *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2017.

Черкасова 2006 – *Черкасова М.С.* Источники по истории Вологодско-Пермской епархии в XVI – первой четверти XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Юрия Георгиевича Алексеяева. М.; СПб., 2006. С. 202–213.

Черкасова 2012 – *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

[Эристов] 1862 – [*Эристов Д.А.*] Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местночтимых. СПб., 1862.

Юшков 1898 – Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служивых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. Ч. I (1257–1613 гг.). М., 1898.

К. В. БАРАНОВ

МЕСТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КНЯЗЕЙ РОСТОВСКИХ

Публикация нового документа о событиях конца XV – начала XVI в., связанных со служебными назначениями и статусом ряда представителей рода князей Ростовских. Источник представляет собой комплекс из пяти записей, составленных, вероятно, по памяти в середине XVI века. Памятник относится к жанру «местнических памятей», целью его создания было показать высокий статус и служебное положение отдельных представителей князей Ростовских сравнительно с положением князей Патрикеевых–Булгаковых–Голицыных и Оболенских. Источник содержит ценные сведения о составе боярских дум в угличском и волоцком уделах, о княжеских воспитателях-«дядях», о служебных назначениях. Вероятно, его появление связано со стремлением представителей князей Ростовских повысить местнический статус своей княжеской корпорации внутри царского Двора в середине XVI века.

Ключевые слова: Россия, уделы, бояре, княжеский «дядя», князя Ростовские, Иван III, Василий III

Прохождение карьеры русского служилого человека в XV–XVII вв. было тесно связано с необходимостью защиты служилого статуса и положения на службе. В элитных слоях служилого общества постепенно сформировался комплекс представлений об ограждении служебной чести, выразившийся в нормах института «местничества». По мере разрастания великокняжеского (и царского) московского Двора увеличивалось число местнических столкновений, когда подчиненность одного лица другому оспаривалась на основе представлений о (не)справедливости такого назначения. Заинтересованная сторона старалась представить доказательства своего более высокого статуса, оперируя данными Разрядной книги – главного источника сведений о служебных назначениях и взаимном статусном положении (выше / ниже) сослуживцев. Именно благодаря этому обстоятельству

до нашего времени сохранилось большое число частных списков разрядных книг, утраченных в государственном хранении. Однако и информация разрядных книг не могла полностью удовлетворить представителей некоторых служилых фамилий, обладавших амбициями для статусного возвышения своего рода. Они устраивали поиски новых источников о служебных назначениях, обращаясь для этого к личным архивам, либо используя материалы государственных учреждений. На основе успешных поисков создавались особого рода комплексы записей, в историографии называемые обычно «местническими памятями». Эти памятники, как правило, представляли собой сжатый пересказ документа или припоминания. Зачастую такие местнические памяти несут уникальную информацию о событиях и лицах, передавая содержание давно утраченных документов или воспоминаний. Одну такую местническую память, содержание которой далеко выходит за пределы информации разрядных книг, я хочу здесь представить вниманию юбиляра и коллег.

Этот необычный по своему характеру памятник сохранился в виде комплекса записей о службах разных представителей рода князей Ростовских в XV–XVI вв., службах, известий о которых не найти в разрядных книгах или летописях. Основное содержание этого памятника заключается в демонстрации более высокого положения представителей рода князей Ростовских в различных «случаях» с членами других княжеских фамилий во второй половине XV – первой четверти XVI века. Поэтому удобно назвать этот текст «Местнической памятью князей Ростовских», или МПР.

На этот памятник обратил мое внимание Ю.В. Анхимюк. Согласно его наблюдениям, МПР входит в состав компиляции, созданной или отредактированной в интересах князей Ростовских на основе разрядной книги 1487–1577 годов. Сохранилось два списка этой компиляции, появившихся примерно в одно и то же время: *Шшиковский* список, хранящийся в РГАДА (Ф. 181. № 111) и *Хилковский* из РНБ (Q. IV. 103) [Анхимюк, 2005, с. 242–246]. Для публикации и исследования памятника используется список РГАДА.

Состав сборника, в котором сохранился памятник, также описан в исследовании Ю.В. Анхимюка, выводами которого я и воспользуюсь [Анхимюк, 2005, с. 242–244]. Рукопись на 420 листах относится к середине XVII в. (разнотипные водяные знаки

датируют бумагу сборника 1640–1650 гг.). В составе несколько разрядных книг разных редакций и отдельных разрядных записей. На лл. 231–275 об. размещаются отдельные записи и документы, подобранные в интересах рода князей Ростовских, в числе которых и публикуемая МПР.

Вот текст ее. Для удобства комментирования я разбил его на нумерованные абзацы.

Местническая память князей Ростовских второй половины XV – первой четверти XVI века.

[1] Василей Зачесламской ездил на Луки Великие от великого князя Василья с розрядными списки к воеводе ко князю Ивану Олександровичю Буйносову да ко кнезю Никите Оболенскому и к ыным воеводам. А дьяк у них был Вязга Суков. А приезжали все к Буйносову.

[2] У князя Ондreja Васильевича (л. 274 об.) у углетцкого был боярин большой Валох Пужбольской. А 2 под ним князь Иван Булгаков Мунында, а 3 Голица князь Михайло. А дворецкой тогда был Оброзец Синеи Игнатей Романов сын, и на того Ондрей опалился, а в той опале дворечество дал князю Ивану Мошку Булгакову.

[3] А на Углечи был у князя Дмитрея Ивановича боярин большой и дядя князь Володимер Иванович Волох Ростовской, да под тем бо-(л. 275)-яре князь Михайло Иванович Булгаков Голица.

[4] А на Волоце служил князь Ондрей Федорович Голенин, дядя и боярин у князя Бориса Васильевича. А приехал на Волок служить князь Иван Васильевич да князь Федор, брат ево, Хованские, да Петр Никитич Оболенской, и они сидели в кривом столе, а князь Ондрей Федорович Голенин сидел в болшом столе.

[5] А на Луках воеводством был княж Ондреев сын Федоровича Голенина (л. 275 об.) третей сын князь Ондрей Зайчик, а в те поры на Луках намесники были князь Федор да князь Иван Голоцкие, а не хотели ездить ко князю Ондрею к Зайчику для великого князя дела, и князь великий Иван их ко князю Ондрею головою послал. А Шиха князь Василей Оболенской к нему ездил.

РГАДА. Ф. 181. № 111. Л. 274–275 об.

[1] Определение времени описываемого события вызывает некоторую трудность. Скорее всего, в этом известии речь идет

о событиях 1517 г. на русско-литовской границе. В составе разрядной книги сохранилась роспись 9 июня этого года о воеводах по полкам, стоящих в Луках; полк левой руки возглавлял новгородский помещик *кн. Иван Буѳнос Александров сын Ростовский* [РК, 1966, с. 61] (О нем см.: [Зимин, 1988, с. 80]). В том же 7025-м году среди воевод, стоявших «на Вошане», упоминается воевода полка левой руки *кн. Никита Васильевич Оболенский* [РК, 1966, с. 60]. Его отец был в свое время боярином в Угличе у князя Андрея Васильевича Большого (о нем см.: [Зимин, 1988, с. 44]). Следует отметить, что пребывание *кн. Н.В. Оболенского* на р. Вашане (на южной Украине, в современной Тульской области) происходило весьма далеко от Лук. Можно предположить, что в какой-то момент ему было приказано переместиться с южной на литовскую Украину. Как видно, там оба князя занимали одинаковое положение (воеводы полков левой руки), но ростовский князь (как ранее прибывший к месту службы) оказался «выше», и к нему первому была адресована великокняжеская грамота с разрядным списком, доставить которую должен был *Василий [Иванов сын] Зачесломский*. Деятельность этого служилого человека относится к тому же году: он сопровождал имперского посла Г. фон Турна до границы, находился затем в Смоленске и вернулся в Москву 8 августа [ПДС, 1851, с. 243]¹. О службе здесь дьяка первой половины XVI в. *Ивана Вязги Афанасьева сына Сукова* других известий нет. Однако косвенное подтверждение факта службы этого дьяка с луцкими воеводами извлекается из Описи государственного архива России XVI столетия, в которой упоминаются «списки лутцкие, что привез Вязга Суков в Васюкове ларце Пасынкова» [Государственный архив, 1978, с. 42]. Ни В.И. Зачесломский, ни И.А. Суков не являлись значимыми в местническом отношении лицами, их упоминание должно дополнительно верифицировать известие о служебном «случае».

[2] *Волох Пужбольский* – это *кн. Владимир Иванович Волох Пужбольский*. Он был старшим сыном одного из последних суверенных князей Ростова, *Ивана Долгого*, который в 1474 г. вместе

¹ Есть еще одна неясность: 24 июля посол был отпущен из Москвы в Смоленск и далее на литовскую границу; в числе приставов был послан Иванец Зачесломский; но известие о возвращении приставов в Москву Зачесломского называет уже Васюком. Здесь либо ошибка источника (посольской книги), либо Иван Зачесломский в какой-то момент был заменен своим сыном.

с двоюродным братом Владимиром Андреевичем («и с всеми своими детми и з братаничи») продал московскому великому князю права на половину Ростовского княжества [ПСРЛ, 1859, с. 180]. Вероятно, после этого кн. В.И. Пужбольский перешел на удельную службу в Углич, где высокий генеалогический статус позволил ему занять первенствующее место в боярском совете. После ликвидации удела, наряду с другими бывшими служилыми людьми князя Андрея Васильевича Большого, в 1490-х гг. он получил поместье в Бежецкой пятине Новгородской земли, волостку Овсища в Воскресенском в Осечне погосте, бывшую вотчину новгородского боярина Ивана Кузьмина (к сожалению, полного описания его поместья не сохранилось) [НПК, 1910, стб. 72, 78]. Характерно, что запись в подлинной писцовой книге XVI века именуется его точно так же, как МПР, без титула и имени, только по прозвищу и фамилии, что соответствует норме русского языка XV–XVI в., по которой княжеский титул не употреблялся в связке с некалендарным именем-прозвищем. В те же 1490-гг. огромное поместье в Деревской пятине (184 обжа) получили на двоих и его младшие братья князя Иван Брюхо и Семен Верша Пужбальские² [НПК, 1859, стб. 107–118]. *Иван Муньнда Булгаков* – младший из трех сыновей известнейшего деятеля той эпохи кн. Ивана Юрьевича Патрикеева. «Булгаковым» Муньнда назван в Памяти неверно: Иван Булгак был его двоюродным братом. О Иване Муньнде известно немного, об его службе в угличском уделе до сих пор не было известно ничего [Белов 2022]. Все сведения о нем появляются сразу после ликвидации удела. В начале 1490-х гг. он ездил к митрополиту Зосиме по приказу своего отца для выяснения спорного дела, касающегося вотчины Московского Симонова монастыря в Дмитровском уезде [АСЭИ, 1958, № 402]. В 1491 г., после ареста кн. Андрея Васильевича Большого, вместе с братом Василием Косым ездил в Углич для задержания сыновей удельного князя [ПСРЛ, 1982, с. 97–98]. В 1495 г. он сопровождал Ивана III в поездке в Великий Новгород [РК, 1966, с. 25]. Характерно, что в списке князей и детей боярских, участ-

² О необычности такого пожалования говорит и присутствие в их поместье не только «людей»-холопов, но и слуг обоих князей, что в общем-то нетипично для новгородских помещиков. О высоком служилом уровне кн. Пужбольских свидетельствуют службы Ивана Брюха: в 1501 г. он был наместником г. Корелы, а в 1508 г. был первым воеводой правой руки в войсках, собранных для похода на Смоленск в Луках Великих [РК, 1966, с. 32, 39].

вовавших в этом походе, он помещен выше своего двоюродного брата Ивана Булгака и его детей, сразу после кн. Ф.И. Бельского, хотя в родовом отношении он стоял ниже Ивана Булгака, отпрыска старшей ветви Патрикеевых. Очевидно, этому Иван Мунында обязан высокому положению отца и брата. В период опалы на его отца, князя Ивана Юрьевича, в 1499 г. Иван Мунында был посажен «за приставы» [Зимин, 1982, с. 304.]³. Больше о его жизни и службе известий нет. Отец завещал ему часть своих многочисленных земель, холопов и др. имущества [ДДГ, 1950, с. 346–348]. Его поминали в Симонове монастыре [АСЭИ, 1964, № 479]. *Михаил Голица и Иван Мошок* были старшими сыновьями кн. Ивана Булгака Васильевича Патрикеева. Об их службе в угличском уделе также ничего не известно. В 1495 г. Михаил Голица сопровождал Ивана III в поездке в Великий Новгород [РК, 1966, с. 25]. В феврале 1500 г. в числе других детей боярских он участвовал в свадьбе кн. В.Д. Холмского [РК, 1966, с. 16]. Начиная с 1506 г. известны его воинские службы вплоть до несчастливой битвы на Орше в 1514 г., во время которой он попал в плен, в котором пробыл несколько десятилетий (по мнению Зимина, до 1551 г.; вскоре после этого он умер, в 1554 г.) [Зимин, 1988, с. 34]. *Кн. Иван Мошок Булгаков* – о нем неизвестно ничего, кроме записей в родословцах. Не упоминается он и в составе сопровождающих великого князя в поездке в Великий Новгород 1495 г., хотя его младшие братья там есть. Вероятно, к 1495 г. он уже умер⁴. *Игнатий Образец Романов сын Синий* – «Романовым сыном» Игнатий назван в Памяти ошибочно: его отцом был Борис Александрович Синего⁵. О его службе в Угличе и об опале сохранилось летописное известие: в 1488/89 г., во время пребывания князя Андрея Угличского в Москве, его «слуга» Образец услышал от ве-

³ Зимин ошибочно считал, что: 1) у него было поместье в Деревской пятине Новгородской земли, но на самом деле поместье (кормление?) здесь было у его старшего брата Василия, см. [НПК, 1859, стб. 718]; 2) в опале 1499 г. Иван был насильно пострижен в монахи, но летопись таких известий не содержит (это относится только к его отцу и брату), см. [Шмидт, 1951, с. 273].

⁴ О его смерти 19 мая 1495 г. упоминается в позднейшей приписке к списку Софийской летописи, в которой он упомянут как «князь Иван Иванович Мошно» [ПСРЛ, 1853, с. 15, прим. «д»].

⁵ Впрочем, можно заподозрить и здесь ошибку Памяти – у него был сын *Роман* Игнатьев сын Образцов, довольно известный служилый человек первой половины XVI века.

ликокняжеского сына боярского Мунта Татищева, что великий князь собирается арестовать удельного князя. Желая обратить на себя внимание своего государя, который держал его в «нелюбви», Игнатий Образец поторопился объявить это известие князю Андрею, но Иван Юрьевич Патрикеев, а затем и сам Иван III сумели убедить удельного князя в ложности слуха [ПСРЛ, 1859, с. 217, 218]. Скорее всего, в Памяти упоминается именно этот эпизод, в результате которого Игнатий оказался в окончательной опале у своего князя, с важным дополнением о должности двоюродного, которую потерял Игнатий Образец, и которая была передана кн. Ивану Мошку Булгакову. Сам Игнатий покинул удельную службу: в 1501 г. он был воеводой сторожевого полка при подготовке литовского похода [РК, 1966, с. 32]. Эта запись МПР относится не ко всему периоду правления в Угличе кн. Андрея Васильевича, а ко времени конца 1480-х годов. Для этого периода сведения о составе боярского совета в Угличе весьма фрагментарны, но уникальная информация нашего источника непротиворечива, никто из упомянутых лиц в этот период не занимал какого-либо известного положения.

[3] Оба персонажа этой статьи уже упоминались в Памяти. *Кн. Владимир Иванович Волох Ростовской* – это тот же Волох Пужбольский; полным именованием назван и родоначальник князей Голицыных Михаил Голица. О службе последнего в уделе кн. Дмитрия Ивановича не было известно ничего, но служба здесь Волоха Пужбольского известна из других источников. 22 марта 1507 г. некоему князю Владимиру Ивановичу были доложены две купчих посельского старца Троице-Сергиева монастыря на земли в Кинельской волости Угличского уезда [АРГ, 1975, № 30, 31]. Доклад был вызван необходимостью оградить интересы удельного князя, так как сделки имели характер покупки земли великокняжеским монастырем у угличских детей боярских Савельевых и Маурина. Комментатор этих актов, основываясь на совпадении имени, отчества и титула и не имея никаких других резонансов, определил личность кн. Владимира Ивановича как Барбашина Суздальского; на этом же основании А.А. Зимин внес его в список бояр угличского удела при Дмитрии Ивановиче [АРГ, 1975, с. 305]. Теперь ясно, что этим человеком был кн. Владимир Иванович Волох Пужбольский. Согласно записи нашей памяти, кн. Пужбольский был не только старшим боярином, но и «дядей» кн. Дмитрия Ивановича. С учетом его давнишней службы (еще

в уделе кн. Андрея Угличского и на поместье в Новгородской земле) вполне возможно, что он занимал в думе кн. Дмитрия почетное место «большого» боярина. Очевидно, статус «дяди» также носил почетный пережиточный характер; исполнение функции княжеского воспитателя-дяди могло происходить только в московский период жизни Дмитрия, на угличский стол он попал уже взрослым человеком. Умер Владимир Иванович не позднее 2 января 1513 г., когда вдова Ивана Головы Ховрина оформила данной грамотой властям Суздальского Покровского монастыря покупку на ее деньги вотчины у княгини Марии, дочери Владимира Ивановича Волоха Пужбольского, в Московском у. в Каменском стане сц. Взлошки с дд. Строкино, Лисьи, Старые Взлошки [Акты, 2019, № 2, с. 19].

[4] Если о службе кнн. А.Ф. Голенина Ростовского и П.Н. Оболенского в волоцком уделе кн. Бориса Васильевича известно и из других источников, то о службе здесь Хованских было известно только для Федора Васильевича и его племянника Василия Ивановича. О старшинстве А.Ф. Голенина как большого боярина и дяди (воспитателя) кн. Бориса Волоцкого в других источниках сведений нет. Из текста Памяти следует, что Хованские и Оболенский приехали служить в удел уже после появления там Голенина. По какому случаю члены думы волоцкого князя могли сидеть за разными – «по чести» – столами, большим и кривым? Вероятно, это могло быть на свадьбе князя Бориса Васильевича, которая праздновалась весной 1471 г. [ПСРЛ, 2001, стб. 169]⁶.

[5] Прозвище Андрея Андреевича Голенина – Зайчик – неизвестно родословным и разрядным книгам. В некоторых работах, без точных ссылок на источники, упоминается другое прозвище кн. А.А. Голенина – Нюнька [Хрущев, 1868, с. 97, прим. 104; Веселовский, 1974, с. 223]. При всей разнице слов ‘зайчик’ и ‘нюнька’ значение их следует признать близким. Нюнькой звали плаксивого человека (обычно ребенка); плаксивое пицание зайчат также хорошо известно любителям природы. Очевидно, противоречие в прозвищах объясняется простой ошибкой памяти, удер-

⁶ О больших и кривых столах на свадьбах великих и удельных князей см. [РК, 1966, с. 12, 13 (свадьба царя Семюна Касаевича 1553/54 г.), 14 (свадьба удельного князя Андрея Ивановича 1532/33 г.), 14, 15 (свадьба удельного князя Владимира Андреевича, 1549 г.), 15 (вторая свадьба удельного князя Владимира Андреевича, 1555 г.)]; в более ранних свадебных разрядах размещение придворных за столами не указывалось.

жавшей смысл слова, но не его форму. Трудно сомневаться, что кнн. *Иван и Федор Голоцкие* – это дети удельного *волоцкого* князя Бориса Иван и Федор. Однако составитель Памяти неверно понял существо дело и излишне его драматизировал (может быть, и намеренно). Речь здесь явно идет о событиях 1502 г., когда русские полки с разных сторон вели наступление на Литву. Великокняжеские воеводы частью собрались во Ржеве, и здесь вторым воеводой большого полка был кн. *А.А. Голенин*, а воеводой полка правой руки являлся также упоминающийся в Памяти кн. *Василий Шиха [Иванович Стригин] Оболенский*. Другие войска под водительством кн. Дмитрия Ивановича (тогда еще не получившего своего угличского удела) собрались под Смоленском. Среди них были удельные князья – возглавлявший полк правой руки Федор Борисович Волоцкий и глава сторожевого полка Иван Борисович Рузский. Очевидно, в какой-то момент удельные князья должны были соединить свои войска с большим полком ржевской рати и вполне понятно, что они не захотели мириться с более высоким, в местническом отношении, служебным положением А.А. Голенина, в котором видели не только великокняжеского воеводу, но и сына боярина своего отца. Впрочем, вряд ли и великий князь мог буквально выдать их головой А.А. Голенину, но, в интересах военной службы, Иван III мог обязать подчиниться на текущий момент своей воле. Надо думать, что это был довольно типичный конфликт для того времени; незадолго до этого, в 1500 г., случился подобный же инцидент – воевода сторожевого полка Юрий Захарьевич не захотел быть в подчинении у второго воеводы большого полка кн. Данилы Васильевича. В ответ на жалобу великий князь гневно отписал Юрию Захарьевичу: «Гараздо ли ты так чинишь, говоришь: в сторожевом полку быти тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом полку; ино не сором тебе быть в сторожевом полку» [РК, 1966, с. 30]. Как видно, ситуация 1500 г. буквально повторилась в 1502 г., но не попала в разрядные записи.

Перед нами пять записей о событиях 1480–1510 гг., объединенных одной задачей – показать высокое местническое положение избранных представителей рода князей Ростовских. В этих «случаях» преимущество кнн. Ростовских показывается в сравнении с более низким положением представителей княжеских родов

Гедеминичей (Патрикеевых-Булгаковых-Голицыных) и Оболенских. Исключением является только столкновение с сыновьями волоцкого удельного князя Бориса – Федора и Ивана, описанное в пятой записи. Можно уверенно сказать, что свою задачу составитель МПР видел именно в констатации высокого местнического статуса кнн. Ростовских над родами Гедеминичей и Оболенских. Почему именно их?

Составитель МПР объединил Ростовских в своих записях не по близкородственному признаку, а по признаку принадлежности к служилой территориальной корпорации князей Ростовских. Такие корпорации известны уже с конца XV в., и продолжают существовать до третьей четверти века XVI-го. Противников-сослуживцев составитель МПР также объединил по тому же признаку. Представители родов Патрикеевых-Булгаковых-Голицыных уже с конца XV в. возглавляли особый княжеский список «князей служилых», а Оболенские были членами своей территориальной княжеской корпорации. Замечу, что именно эти две служилые группы занимали первые два места в списках княжеских корпораций в Дворовой тетради, источнике 1550-х годов. Сразу после них была записана корпорация Ростовских князей. Мне представляется, что МПР была создана с целью оказать влияние на изменение этого порядка и перемещение ростовской группы на более высокое место.

Предположительно, датировать составление МПР следует серединой XVI в., точнее – 1550-ми годами. Именно в это время, по данным Дворовой тетради, ростовская служилая корпорация занимала третье место в перечне княжеских корпораций. Более позднее время возникновения МПР маловероятно в виду репрессий в отношении кнн. Ростовских после неудачного побега кн. Семена Васильевича Ростовского в 1554 г. [Сергеев, 2013, с. 66–74]. В основе информации МПР воспоминания и пересказы воспоминаний современников событий конца XV – начала XVI в., что позволяет в целом отнестись с доверием к сообщаемым источником фактам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 2019 – Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века. / Сост. А.В. Антонов и А.В. Маштафаров. М., 2019.

Анхимюк 2005 – *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.

АРГ 1975 – Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

Белов 2022 – *Белов Н.В.* Князь Иван Иванович Мунында Патрикеев (К изучению персональной истории Государева двора Ивана III) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 2 (18). С. 157–169.

Веселовский 1974 – *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Государственный архив России 1978 – Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Подг. текста и комм. А.А. Зиминой. М., 1978.

ДДГ 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.

Зимин 1982 – *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

Зимин 1988 – *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб. 1859; Т. VI. СПб. 1910.

ПДС 1851 – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853; Т. VIII. СПб., 1859; Т. XXXVII. М., 1982; Т. VI. Вып. 2. М., 2001.

РК 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. Подг. текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. М., 1966.

Сергеев 2013 – *Сергеев А.В.* Из истории политической борьбы 50-х гг. XVI в. «Дело князя Семена Ростовского» // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции. 2012. Ростов, 2013.

Хрущев 1868 – *Хрущев И.П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного Игумена Волоцкого. СПб., 1868.

Шмидт 1951 – *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.

А. С. УСАЧЕВ

О ВОЗМОЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ КРУТИЦКОГО ЕПИСКОПА НИФОНТА (КОРМИЛИЦЫНА) (1554–1558)

В статье рассматривается вопрос о происхождении одного из руководителей Русской церкви XVI в. – настоятеля Иосифо-Волоколамского и Новоспасского монастырей, крутицкого епископа Нифонта (Кормилицына). Высказывается предположение о его вероятном происхождении из числа сельских жителей территории Ижевского стана Дмитровского уезда, с которым он сохранял связь на протяжении всей своей жизни. Отмечается сравнительно скромный размер вкладов (как правило, книг) Нифонта в Иосифо-Волоколамский монастырь, которые уступали вкладам большинства иных руководителей Церкви. Это связывается как с личной «нестыжательностью» многолетнего настоятеля обители «иосифлян», так и с его возможным происхождением из сравнительно низкого по статусу социального слоя. Исследование основано на материале актов, кормовых и вкладных книг русских монастырей.

Ключевые слова: История Русской церкви, XVI век, социальная история, Дмитровский уезд, Кормилицыны, служилые землевладельцы, Иосифо-Волоколамский монастырь, епископат.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда № 20-18-00218,
<https://rscf.ru/project/20-18-00218/>*

Двусоставный характер системы управления России раннего Нового времени определял и состав ее элиты. Она состояла из лиц, входящих в верхушку Государева двора, и руководителей Русской церкви. Среди последних ключевую роль играли архиереи, социальный вес которых был ничуть не ниже, нежели у членов Боярской думы. Очевидно, что без изучения персонального состава влиятельных светских и духовных лиц полноценное изучение целого ряда проблем российской истории этого времени невозможно.

Однако, если в трудах С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, В.Б. Кобрина, В.Д. Назарова, А.П. Павлова, А.В. Белякова и иных ученых представители светской элиты неоднократно изучались, то с их визави в Церкви ситуация иная. В силу специфики состава фрагментарно сохранившихся источников, как правило, фиксирующих лишь их период пребывания на церковно-административном Олимпе, по-прежнему не до конца ясными остаются их происхождение и принципы отбора из братии сотен русских обитателей. С той или иной степенью гипотетичности удастся установить статус в миру лишь примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа русских архиереев XVI в. (среди них преобладали представители слоев, далеких от социальной вершины). Происхождение большинства из них точно определить не представляется возможным. Вместе с тем итоги обобщения скурых данных источников о некоторых из них дают дополнительный материал, позволяющий наметить контуры коллективного портрета русского архиерея, происхождение которого точно неизвестно. На одном из них мы и сосредоточим свое внимание.

Недостаток данных источников о происхождении настоятеля Иосифо-Волоколамского (1522–1543), Новоспасского (1544–1554) монастырей, крутицкого епископа (1554–1558) Нифонта (Кормилицына) побуждал исследователей, занимавшихся иноками обители Иосифа, считать его точно неустановленным. Не рассматривая всех фактов биографии Нифонта и его участия в истории книжной культуры, которые уже неоднократно изучались исследователями [Дмитриева, 1989; Клосс, Назаров, 2000; Корогодина, 2017а, с. 387–402; Манохин, 2021], приведем известные нам данные о его возможном происхождении, обратив внимание на некоторые дополнительные сведения, ускользнувшие от внимания наших предшественников.

По сути, единственным источником сведений о происхождении Нифонта является вкладная запись списка Кормчей 20–30-х годов XVI в., вероятно, выполненная им лично. В ее тексте Нифонт привел перечень своих родичей, по которым он дал рукопись. Среди них фигурируют принявшие постриг его родители (Иоаким и Домна), а также братья и сестры (Амфилохий, Симон, Иннокентий, Иван, Тимофей, Ульяна и Агрипина), некоторые из которых также являлись иноками [Корогодина, 2017б, с. 239]. Их статус в миру источник не проясняет.

Рассматривая вопрос о происхождении Нифонта – как с социальной, так и с географической точек зрения – следует иметь в виду, что известны лица различного статуса, носившие соответствующую фамилию, проживавшие в различных уездах. В источниках упоминаются крестьяне Кормилицыны. Так, Н.М. Тупиков под 1462 г. фиксирует упоминание в Звенигородском уезде крестьянина Степана Кормилицына [Тупиков, 1903, с. 588].

Известен целый ряд служилых землевладельцев Кормилицыных. Речь могла идти как о различных родах, так и об одном, представители которого в XV–XVI вв. проживали в различных регионах. Учитывая то, что среди иноков Иосифо-Волоколамского монастыря ключевую роль играли выходцы из соответствующей среды [Зимин, 1977, с. 112–122, 153–165; Dykstra, 2006, p. 120–135], внимательнее рассмотрим данные об известных нам землевладельцах Кормилицыных.

Лучше всего источниками освещены белозерские Кормилицыны [Никольский, 1910, с. III, VIII, XLIV; Грязнов, 2019, с. 36–38, 88–90, 524–525, 528]. Самым ранним известным мужским представителем рода являлся Андрей, живший в последней четверти XIV – первой трети XV в. (ум. до 1432 г.). Согласно предположению А.Л. Грязнова, Андрей первым носил прозвище Кормилицын, возможно, в силу того, что его мать Офимья могла являться кормилицей белозерского князя Ивана Федоровича, вместе с отцом погибшего на Куликовом поле [Грязнов, 2019, с. 38].

Занимавшие заметное место среди белозерских вотчинников Кормилицыны были связаны с главной обителью региона, находившейся в непосредственной близости от их владений, – Кирилло-Белозерским монастырем – с момента его основания. Между 1397 г. и 1427 г. сын Андрея Никита продал монастырю пустошь в Каргободу и пожню на Колдоме. Брат Никиты Василий в этот же период продал обители Кирилла пустошь Прокинскую. Жена Ивана Кормилицына (вероятно, брата Андрея) – Елена – в эти же годы дала в Кириллов деревню в Каргободу. Сыновья Никиты – Алеша и Гридя – фигурируют в кирилловской купчей 1465/66 года.

Некоторые представители данного рода принимали в этой обители постриг, подчас занимая в ее стенах очень заметное место. Так, известна данная кирилловского старца Арсения Никитина сына (внука Андрея Кормилицына, брата Алеши и Гриды) этому монастырю на деревню в Киснеме (1435–1447 гг.) [Акты, 1958,

№ 14, 22, 29, 83, 178]. В роли послухов данной выступило 7 соборных старцев Кириллова. Запечатан акт был печатью кирилловского игумена (позднее ростовского архиепископа) Трифона [Грязнов, 2019, с. 131, 525].

В XVI в. известны землевладельцы Кормилицыны и в других уездах. Так, в конце столетия Кормилицыны располагали владениями в Кадомском уезде. Впрочем, на его территории служилые люди русского происхождения стали получать земельные владения сравнительно поздно – не ранее середины XVI в. (первое известное упоминание относится к 1547 г. [Антонов, 2002, № 1016]¹). В мировой записи 1596/97 г. среди послухов фиксируется Федор Семенов сын Кормилицын [Акты, 2002, № 236] (возможно, один из ранних представителей известного рязанского дворянского рода конца XVII – XX в. [Рындин, 2009, с. 212–217]). Имел он какое-либо отношение к белозерским Кормилицыным или нет, неясно.

В Боярской книге 1556/57 г. фигурирует еще один Кормилицын – Матфей Шаблыкын Кормилицын (размер оклада – 15 руб.) [Боярская книга, 2004, с. 94]. Учитывая отсутствие в источнике привязки к конкретному уезду, трудно сказать, имел ли Матфей какое-либо отношение к белозерским, кадомским Кормилицыным и тем более к Нифонту. Можно лишь констатировать, что независимо от служебного и имущественного статуса Кормилицыных в XV в. в следующем столетии они уже измельчали и представляли низшие слои класса служилых землевладельцев. Так, нам не удалось обнаружить упоминаний Кормилицыных и их родичей Мауровых в Тысячной книге и Дворовой тетради, а также во вкладных книгах крупнейших монастырей (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Симонова и иных).

Выходцы из небогатых служилых родов играли ведущую роль в обители, которую основал происходящий из этой среды Иосиф (Санин). На первый взгляд, это свидетельствует в пользу гипотезы о происхождении Нифонта из рода служилых людей. Однако принять эту гипотезу, подкупающую своей простотой и логичностью, мешает ряд обстоятельств.

¹ Пользуясь случаем, выражаем благодарность А.В. Белякову за консультацию.

Во-первых, наиболее заметные Кормилицыны – белозерские – известны исключительно в XV в. и об их связях с Центром страны и тем более с обителью Иосифа нам ничего неизвестно. И это при том, что представители всех служилых родов, из которых вышли наиболее заметные волоколамские иноки (Ленковы, Полевы, Руготины, Ступишины, Заболоцкие, Хворостинины и т.д.), на протяжении нескольких поколений были связаны с обителью Иосифа (впрочем, как и с некоторыми другими). Речь, как правило, шла о родах, располагавших владениями в Центральной России – в Волоколамском, Рузском, Дмитровском и Переславском уездах. Это, конечно, не исключало связей отдельных (порой весьма известных) насельников обители Иосифа с иными регионами, в т.ч. и с Белым озером. Так, сам Иосиф в конце 1470-х гг. некоторое время проживал в Кириллове. С белозерской обителью были связаны и некоторые его ученики (например, известен вклад в Кириллов, правда, не слишком значительный (10 руб.) весьма заметного выходца из обители Иосифа – суздальского, а затем полоцкого владыки Трифона (Ступишина) [Алексеев, 2010, с. 59]).

Во-вторых, какая-либо связь лично Нифонта с Белым озером, Кирилловым и тем более Кадомом не прослеживается. Нам ничего не известно о его вкладах в белозерскую обитель. В ее кормовой книге и синодике его имя нам обнаружить не удалось. Как показывает практика, выходцы из определенных регионов или обителей, даже длительное время проживая за их пределами, так или иначе поддерживали с ними связь, давая вклады по своим давно скончавшимся родичам. В случае с Нифонтом ничего подобного мы не наблюдаем в Кириллове, архив которого сохранился сравнительно неплохо. Исходя из имеющихся источников с известной долей гипотетичности можно наметить лишь одну социальную нить, которая от Нифонта ведет в иной регион – на территорию Дмитровского уезда, издавна связанного с Иосифо-Волоколамским монастырем.

Незадолго до своей кончины – в 1558/59 г., – еще пребывая на Крутицкой кафедре, Нифонт (ум. 17 февраля 1561 г. [Клосс, Назаров, 2000, с. 58]) вложил Триодь постную «в дом Николе чюдотворцу на Ижво» по своим родителем и по себе [Описание, 1991, с. 163]. Речь могла идти как о приходской церкви, так и о монастыре. Так, известна Никольская церковь «на Ижво», располагавшаяся на территории одноименной волости Ижевского стана Дмитровского уезда [Готье, 1937, с. 378–379]. «Никола на

Ижво» (вероятно, имелось в виду оз. Ижва) упоминается в духовной 1558/59 г. тесно связанного с Иосифо-Волоколамским монастырем И.А. Тютчева [Акты, 1956, № 275]. На территории данного стана в XVI в. обитель Иосифа располагала владениями [Акты, 1956, № 94, 162, 171, 275, 278, 294, 302, 344 и др.]. Судя по всему, с соответствующим приходом и прилегающей к нему территорией Нифонт, а также его родители, были так или иначе связаны. Гипотетически можно предполагать, что они могли либо являться его прихожанами, либо служить на нем священниками. Впрочем, учитывая то, что в поминальной записи принадлежность родичей Нифонта к священству не отмечена, первый вариант выглядит несколько предпочтительнее. В любом случае ничем иным кроме связи с приходом вклад крутицкого владыки, сделанный незадолго до его кончины, объяснить не представляется возможным.

Нельзя исключать и того, что в случае с «домом Николы чудотворца на Ижве» речь могла идти не о приходской церкви, а о расположенном там же небольшом монастыре, в котором родители Нифонта приняли постриг и скончались (если это действительно так, то, скорее всего, они проживали неподалеку). Так, под 1561/62 г. и под 1568/69 г. упоминается «никольский игумен Тихон с Ъжева» [Акты, 1956, № 344]. В любом случае очевидно, что с этим приходом или монастырем Нифонт и его родители были тесно связаны. Судя по сохранившимся актам, на территории Ижевского стана Дмитровского уезда владениями располагали Голохвастовы, Кусаковы, Кутузовы, Негодяевы, Осорьины, Трофимовы и Тютчевы [Акты, 1956, № 94, 162, 171, 275, 278, 285, 287, 344; Описание, 2016, № 3832, 3851, 3993]. Наибольшую близость к «Николе на Ижво» демонстрировали Тютчевы (согласно духовной И.А. Тютчева, туда наряду с двумя другими церквями округа «по его душе» должен был быть вложен 1 руб.) и Трофимовы (игумен Никольского монастыря на Ижво Тихон подписал данную Терентия Седьмого сына Ильина Трофимова за своего духовного сына Терентия, который, по-видимому, был неграмотным) [Акты, 1956, № 275, 344]. О каких-либо дмитровских землевладельцах Кормилицыных известные нам источники ничего не сообщают. Не упоминаются Кормилицыны и среди послухов в известных нам актах Дмитровского и прочих уездов Центральной России данного периода (как правило, в этой роли выступали служилые землевладельцы, располагавшие владениями поблизости) (обзор состава служилых людей Дмитровского уезда в пер-

вой трети XVI в. см.: [Бенцианов, 2010а; Бенцианов, 2010б]). Косвенно на принадлежность Нифонта к иной социальной страте указывает и его имя, скорее всего, начинавшееся на букву «Н», вероятнее всего, Никита. Известно, что в XV–XVI вв. в военно-служилой среде это имя было не слишком широко распространено – в ней преобладали иные (Василий, Иван, Федор, Андрей, Петр и др.) [Wójtowicz, 1986, с. 22; Кобрин, 2008, с. 176]. Скорее всего, Нифонт принадлежал к числу жителей данного стана, которые не относились к соответствующему социальному слою. Повидимому, следует говорить либо о крестьянах, либо, что, несколько менее вероятно, о представителях белого духовенства. Последнее, впрочем, полностью исключать нельзя. Так, очевидно, что по каноническим причинам в среде белого духовенства число случаев пострига было более значительным, нежели у крестьян (вдовым священникам служить воспрещалось). Судя по перечню родичей Нифонта, среди них было немало иноков.

Аргументом, пусть и косвенным, в пользу гипотезы о том, что в миру Нифонт не принадлежал к состоятельному роду, являются сведения о его вкладах в обитель Иосифа. В монастырь, с которым он был связан почти всю свою жизнь и который возглавлял 21 год (!) (дольше – только его основатель Иосиф) Нифонт дал вкладов (как правило, книгами) на общую сумму в 110 руб. [Das Speisungsbuch, 1998, s. 123]. Эта сумма уступает размеру совокупных вкладов в монастыри прочих известных выходцев из обители Иосифа, многие из которых происходили из родов служилых землевладельцев:

Ростовский архиепископ Вассиан (Санин) дал вкладов на 130 руб.,
митрополит Даниил – на 590 руб.,
новгородский архиепископ Феодосий – на 127 руб.
казанский архиепископ Гурий (Руготин) – на 150 руб.,
казанский архиепископ Лаврентий – на 300 руб.,
смоленский епископ Гурий (Заболоцкий) – на 150 руб.,
волоколамский игумен Левкий – на 190 руб.,
суздальский, а затем полоцкий владыка Трифон (Ступишин) – на 550 руб.,
тверской епископ Акакий – на 310 руб.,
рязанский епископ Леонид (Протасов) – на 210 руб.

Меньше Нифонта дали вклады его предшественник на Крутицкой кафедре Савва Черный (100 руб.) и его преемник Галактион (100 руб.), коломенский владыка Вассиан (Топорков) (20 руб.), казанские архиепископы Тихон (Хворостинин) и Иеремия (по 100 руб.) [Зимин, 1977, с. 146; *Das Speisungsbuch*, 1998, s. 35, 61, 63, 109, 123, 125, 127, 201, 207, 229, 303, 307; Вкладная и кормовая книга, 2006, с. 46; Алексеев, 2010, с. 59].

Источники упоминают крупные суммы, которыми оперировали и другие иерархи Церкви. Суздальский, затем полоцкий владыка Афанасий дал вкладов на общую сумму в 589 руб. 23 алтына и 2 деньги [Кормовое поминание, 2012, с. 342], коломенский епископ Давид – на 242 руб. [Кормовая книга, 1861, стб. 315]. Рязанский епископ Филофей располагал имуществом на сумму, существенно превышавшую 323 руб. [Усачев, 2016, с. 77]. Личное имущество происходившего из рода Гнильевских Ионы, возглавлявшего далеко не самый крупный монастырь – Возмицкий, оценивалось по меньшей мере в 915 руб. 5 алтын [Вкладная и кормовая книга, 2006, с. 61]. Размер вкладов в различные монастыри новгородского архиепископа, затем митрополита Макария исчислялся многими сотнями рублей (если не более значительными суммами). Только в обитель Иосифа Макарий дал вкладов на 200 руб. [*Das Speisungsbuch*, 1998, s. 87]. Стоимость Евангелия-тетр, вложенного им в боровский Пафнутьев монастырь, превышала 100 руб. [Усачев, 2018, № 229].

Нетрудно заметить, что размер вкладов выделяет Нифонта не только среди выходцев из обители Иосифа, но и среди большинства прочих известных руководителей Церкви рассматриваемого столетия. Возглавивший более двух десятилетий – с 1522 г. по 1543 г. – главную цитадель «стяжателей» иосифлян в годы их весьма напряженной полемики с «нестяжателями» Нифонт *de facto* являлся одним из наименее состоятельных руководителей Русской церкви рассматриваемого периода. Это могло быть связано как с его личными качествами (известные источники в качестве его имущества упоминают почти исключительно книги), так и с происхождением из далеко не самых состоятельных слоев населения Московской Руси.

Сказанное выше дает основания полагать, что Нифонт, вероятно, происходил с территории Дмитровского уезда (на момент его рождения – удела) из слоя, который был далек от социальной вершины. Судя по его вероятной связи с сельским приходом,

в миру он, скорее всего, являлся крестьянином. Учитывая отмечаемый исследователями интерес Нифонта к книжности, в историю которой он внес весьма заметный вклад, можно полагать, что постриг он принял в сравнительно раннем возрасте. Это сделало возможным прохождение им длительной подготовки в стенах одного из крупнейших книгописных центров страны. Уровень образования и, конечно, принадлежность к группе влиятельных в этот период волоколамских иноков благоприятствовали успешной карьере Нифонта в Церкви. Очевидно, что спектр его социальных перспектив в миру был несопоставимо уже.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 2010 – *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 17–117.

Антонов 2002 – *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века (Русский дипломатарий. Вып. 8). М., 2002.

Акты 1956 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 2 / Подг. А.А. Зимин. М., 1956.

Акты 1958 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958.

Акты 2002 – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 3 / Подг. А.В. Антонов. М., 2002.

Бенцианов 2010а – *Бенцианов М.М.* Служилые люди князя Юрия Дмитровского (ч. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2(40). С. 41–55.

Бенцианов 2010б – *Бенцианов М.М.* Служилые люди князя Юрия Дмитровского (ч. 2) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3(41). С. 55–68.

Боярская книга 2004 – «Боярская книга» 1556/57 года / публ. и авт. вступ. ст. А.В. Антонов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 80–118.

Вкладная и кормовая книга 2006 – Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. к печ. А.И. Алексеев // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.

Готье 1937 – *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.

Грязнов 2019 – *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.

Дмитриева 1989 – *Дмитриева Р.П.* Нифонт Кормилицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 141–144.

Зимин 1977 – *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.

Клосс, Назаров 2000 – *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 53–75.

Кобрин 2008 – *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимия: избранные труды. М., 2008.

Кормовая книга 1861 – Кормовая книга вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / Доставлено Н.И. Суворовым // Известия Императорского археологического общества. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1861. Стб. 301–327.

Кормовое поминание 2012 – Кормовое поминание в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках / Подг. текстов и исслед. Т.И. Шабловой. СПб., 2012.

Корогодина 2017а – *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 1. М.; СПб., 2017.

Корогодина 2017б – *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 2. М.; СПб., 2017.

Манохин 2021 – *Манохин А.А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и Кормчая Нифонта (Кормилицына) // Макариевские чтения. Православная культура в период испытаний и потрясений. Вып. 27. Можайск, 2021. С. 77–98.

Никольский 1910 – *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, вып. 2. СПб., 1910.

Описание 1991 – Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина, И.В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122–414.

Описание 2016 – Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1 / Подг. А.В. Антонов. М., 2016.

Рындин 2009 – *Рындин И.Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 4: Кавдины – Кучины (Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10). Рязань, 2009.

Тупиков 1903 – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Усачев 2016 – *Усачев А.С.* Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 6. С. 66–81.

Усачев 2018 – *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.; СПб., 2018.

Das Speisungsbuch 1998 – *Das Speisungsbuch von Volokolamsk = Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря: eine Quelle zur Sozialgeschichte russ. Klöster im 16. Jh. / hrgs. u. übers. von Ludwig Steindorff unter Mitarb. von Rüdiger Koke [et al.]. Köln [etc.], 1998.*

Dykstra 2006 – *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006.

Wójtowicz 1986 – *Wójtowicz M.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.

М. С. ЧЕРКАСОВА

ВОРОТЫНСКИЕ В XVI ВЕКЕ

ШТРИХИ К ИСТОРИИ СЕМЬИ

В статье приведены биографические сведения о старших братьях кн. Михаила Ивановича Воротынского – Владимире и Александре, их браках, женах и детях, служебных назначениях (военных и административных), землевладении в Бежецком Верхе, связях с крупнейшими монастырями (Кирилло-Белозерским и Троице-Сергиевым), близко-родственными ветвями Лопатиных и Немых Оболенских, коммеморационных практиках, церковно-монастырском строительстве в их вотчинных селах, высокой степени их денежной и земельной обеспеченности.

Ключевые слова: Служебные князья, Воротынские, вкладные, кормовые и разрядные книги, духовные грамоты

В социально-политической структуре России Воротынские принадлежали к верхушке *«служилых, или служебных князей»*, еще сохранявших в том или ином объеме прежние суверенные права, хотя их уделы отличались дробностью, мелкой жеребьевостью и чересполосностью [Назаров, 1969, с. 216–217; Назаров, 2006а, с. 728–729; Назаров, 2006б, с. 729–730; Назаров, 2014, с. 23–24]. Служебные князья являлись значительной по численности группировкой российской знати, сословно-статусной категорией, объединенной в территориально-родственные группы [Назаров, 1999, с. 175–196].

До нас дошли две духовные грамоты – знаменитого воеводы кн. М.И. Воротынского 1566–1573 г. и его сына Ивана Михайловича 1626/27 г. [Беликов, Колычева, 1992, с. 93–212; Колычева, 1990, с. 125–130; Акты, 2004, № 86]. Особенно содержательно первое – и само по себе, и в сопоставлении с другими источниками (родословными, разрядными, вкладными и кормовыми книгами, поземельными актами) [Вкладная книга, 1987, с. 48; Разрядная книга, 1966; Разрядная книга, 2005; Памятники, 2011, с. 59, 178].

Основная часть духовной кн. М.И. Воротынского была написана в июне 1566 г., когда после опалы 1562 г. и трехлетнего за-

ключения на Белоозере ему было возвращено Новосильско-Одоевское княжество. В посланиях в Литву 15–20 июля 1567 г. он называет себя «боярин – воевода – наместник Казанский – державец Новосильский» [Сборник, 1892, № 19. III. С. 507, 512; Скрынников, 1965, с. 152–174]. 12 апреля 1566 г. по кн. Михаилу были составлены поручные записи в том, что он не отъедет от царя ни в Литву, ни в Крым, будет верно служить ему и его сыновьям [Антонов, 2004 (2), с. 57–64. № 16-17]. Чуть позднее кн. Михаил был участником боярского приговора 17 июня и земского собора 2 июля 1566 г. [Антонов, 2004а, с. 173; Хорошкевич, 2003, с. 440–441]. На протяжении 1569–1573 гг. к завещанию кн. Михаила было добавлено шесть приписей. Они отразили нарастающий драматизм его лично-семейной жизни на фоне общего социального и военного кризиса в стране.

К июню 1566 г. два Михайловых старших брата – Владимир и Александр – уже умерли, не оставив потомства [Кузьмин, 2012, с. 178, 189]. У их отца, кн. Ивана Михайловича было две жены: под 1518 г. отмечен вклад в Троице-Сергиев монастырь «его княгини» Анны в 30 руб. В 1540 г. кн. Владимир Иванович с братьями дали по своей матери Настасье Захарьиной 50 руб. Настасья была по крайней мере второй женой кн. Ивана Михайловича, умершего в заключении на Белоозере ок. 1535 г., а похороненного в Троице. Его вклады по второй жене Настасье давались и в Кириллов монастырь [Алексеев, 2010. с. 42; Список погребенных, 1880, с. 8].

В 1545/46 г. в походе в Коломну кн. Владимир был воеводой Сторожевого полка вместе с кн. Ю.М. Булгаковым [Разрядная книга, 1966, с. 109]. В 1546 г. он служит вологодским наместником [Антонов, 2002, № 724], в декабре 1547 г. в Казанском походе командует Большим полком, а кн. Михаил – полком Правой руки. В декабре 1548 г. Владимир был воеводой Большого полка в Суздале вместе с кн. Д.Ф. Бельским [Разрядная книга, 1966, с. 109, 113, 121].

В августе 1549 г. он в чине боярина присутствовал на царских торжествах по случаю рождения у Ивана IV дочери Анны и ее крещения в Новодевичьем монастыре. Этот факт, установленный И.А. Жарковым по малоизвестной разрядной записи, уточняет служебную биографию кн. Владимира, обрисованную А.А. Зиминым, относившим его боярство к октябрю 1550 г. [Жарков, 1962, с. 256–257; Зимин, 1958, с. 63–64, 83]. В думе он

стал близким боярином, наряду с кн. И.Ф. Мстиславским. В декабре 1551 г. кн. Владимир был недоволен тем, что ему «в других воеводах быть непригоже». На это царь предписал ему «быти по прежнему своему приговору: кто в большом полку другой воевода, и тому до большого воеводы правой руки дела и счёту нет, быти им без мест» [Разрядная книга, 1966, с. 109].

В 1547 г. кн. Владимир дал в Троице-Сергиев монастырь 50 руб. по своей первой жене Марье – дочери Ф.В. Лопаты Оболенского [Вкладная книга, 1987, с. 48]. По душе самого Лопаты его племянник по материнской линии кн. Иван Владимирович Воротынский дал 50 руб. в ноябре 1552 г. [Вкладная, 1987, с. 116]. Второй женой кн. Владимира стала тоже Мария, но дочь Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского. С двумя линиями Оболенских (Лопатиных и Немых) связаны не до конца пока понятные эпизоды в истории землевладения Троицкого и Кириллова монастырей в 1550-е годы. Касаются они села Тероботунь, оно же Хотеново, оно же Дгино в Городецком стане Бежецкого Верха. Село это, изначально принадлежавшее кн. Александру Васильевичу Оболенскому, после его гибели и в соответствии с его духовной было передано по распоряжению Василия Ш его племянникам Федору Лопате и Ивану Немого, а затем им владели их сыновья, соответственно Василий Лопата и Дмитрий Немого. Отданную Троице половину села выкупил кн. Иван Владимирович Воротынский (племянник В.Ф. Лопаты), после смерти которого эта часть, возможно, была унаследована кнг. Марией Дмитриевной (второй женой кн. Владимира). Ей же принадлежала унаследованная от отца Дмитрия Немого вторая половина Тероботуня, проданная им в 1553/54 г. за 450 руб. кн. Дмитрию Курлятеву (и тоже Оболенскому), а затем по царскому приказу выкупленная кнг. Марией и переданная Кирилловой обители [Алексеев, 2010, с. 42–43; Енин, 1994, № 911–912, с. 154; Федотов-Чеховский, 1860, Т. 1, № 71, с. 181]. Одновременно корпорация получала закладную кабалу на половину села в 210 руб. (это был невыплаченный долг Дмитрия Немого Дмитрию Курлятеву), право на взимание которого теперь переходило монастырю. Среди послухов в данной кнг. Марии первым назван кн. Михаил, что лишало его в дальнейшем права на выкуп села. Повторный вклад был сделан кнг. Марией в 1556/57 г. [Енин, 1994, с. 155–156. № 917, 929–930]. В селе находилась общая для близкородственных ветвей Лопатиных и Немых церковь Успения Богородицы, и при ней был небольшой мона-

стырек. Вклад кнг. Марии предназначался для поминания мужа, а затем – и ее самой с дочерью Анастасией. Не позднее февраля 1554 г. с получением царской жалованной грамоты все село было закреплено за Кирилловой обителью [Федотов-Чеховский, 1860, № 71; Антонов, 2004, с. 217, № 1231, 1234].

Главной же ее обязанностью считалось возведение каменной церкви во имя вел. кн. Владимира Киевского на могиле ее мужа. Это положило начало коммеморациям по роду Воротынских на доходы, получаемые с села [Теребова, 2021, с. 486–502; Шокарев, 2022, с. 5–22]. В сумму расходов по каменному строительству можно включить и крупный денежный вклад кн. Михаила Ивановича по старшему брату Владимиру – 300 руб. «да шубу соболью», а в 1558 г. еще 100 руб. [Описание, 2016, с. 217]. Правда, в публикации кирилловской описи 1601 г. данная кнг. Марии (из-за опечатки?) датирована не 7062, а 7072 годом [Опись, 1998, с. 210, 343]. Вместе с тем село регулярно отмечается в кирилловских вытных и переписных вотчинных книгах 1559–1601 гг. [Дмитриева, 2003, с. 214, 231, 310].

В описях Кириллова монастыря 1601, 1635 гг. и его вкладной книге перечислено много вкладов от Воротынских иконами, тканями и утварью [Алексеев, 2010, с. 43; Опись, 1998, с. 140, 148, 153; Описи, 2021, с. 63, 253, 259]. После смерти кн. Владимира в конце 1553 г. кн. Михаилу было пожаловано высокое звание «государева боярина и слуги» [Скрынников, 1992, с. 142, 150]. Другой его брат, Александр, в 1542 г. был наместником в Кашире и разбирал земельный спор Троице-Белопесочского монастыря с посадской общиной [Федотов-Чеховский, 1860, № 57]. В 1542/43 г. он был воеводой в Серпухове с кн. С.В. Одоевским. В те же годы он с братом Владимиром отмечен в разрядной записи по Одоеву. В 1550 г. кн. Александр был наместником в Рязани вместе с кн. Д.Ф. Палецким, в 1557/58 г. «годовал в Казани», а в 1559/60 г. вместе с Михаилом служил наместником в Одоеве [Разрядная книга, 1966, с. 105, 108]. В сентябре 1562 г. оба брата попали в опалу, их родовые вотчины Одоев и Перемышль были конфискованы. В апреле 1563 г. по кн. Александру были составлены поручные записи в том, что он не отъедет от царя ни в Литву, ни в Крым [Антонов 2004б, с. 22–30, № 6–7]. В августе 1564 г., получив не устраивавшее его назначение в Ржеву, кн. Александр пытался спорить о воеводских местах с кн. И.И. Пронским, подал челобитную царю. Ответ государя был суров: «...и тебе пригоже

быть князя Ивана менши. И ты б знал себе меру и на нашей службе был по нашему наказу» [Разрядная книги, 1966, с. 210].

Вскоре кн. Александр постригся под именем Арсений, будучи уже вдовцом, поскольку в Троицкой вкладной в 1554/55 г. отмечен его вклад «по княгине своей Марье» в 50 руб. [Вкладная книга, 1987, с. 48]. А.А. Зимин указывает на 1564/65 г. как на дату его смерти [Зимин, 1958, с. 72]. Уход старших братьев, не оставивших после себя ни детей, ни вдов, открывал перед кн. М.И. Воротынским перспективу получения их долей в родовых вотчинах в случае возвращения их ему царем.

Из других членов семьи в духовной кн. Михаила отмечена жена Стефанида и дочь Аграфена-Агрипена. Это говорит о его втором браке, поскольку в Троицкой вкладной книге под 1557 г. записан его вклад 100 руб. по «княгине своей Ксенье и дочери Стефаниде». Получается, что так звали не только вторую жену, но и умершую дочь от первого брака. О второй же супруге и дочери сыну Ивану поручено позаботиться: вернуть матери 400 руб. за ее приданое плюс столько же как «ноделок» (на случай нового брака). В духовной отец пишет о возможном рождении ребенка («...останется моя жена беременна»). Тогда Иван должен поделить отцовское наследство с братом поровну, а сестру содержать до замужества и дать 600 руб. приданого. Перед нами зримые свидетельства высокой денежной обеспеченности Воротынских.

Судя по второй приписке к духовной, к апрелю 1569 г. у Михаила от брака со Стефанидой родился сын Дмитрий, а к 15 мая 1569 г., как следует из третьей приписки, она умерла, что обусловило четвертую приписку, отметившую его новый брак в ноябре 1571 г. на княжне Алёне Татевой. В шестой приписке, сделанной 15 мая 1573 г., сообщается, что и она умерла, и это подтверждается записью о вкладе по ней в Сергиев монастырь матерью, кнг. М. Татевой 24 мая 1573 г. 50 руб. [Вкладная книга, 1987, с. 48]. Третий брак Михаила продолжался не менее полутора лет, в течение которых естественно предположить рождение у них одного за одним двух детей. В Кормовой книге 1674 г. отмечены «Парасковья младенец, Алексей младенец», причем после дочери Агрипины [Кириченко, Николаева, 2008, с. 220, 337]. Но не исключено, что малютки были от Стефаниды. Это были последние появившиеся на свет и столь быстро ушедшие в мир иной дети кн. Михаила, правда, в соответствующей приписке к духовной никак

не упомянутые. Близок был и трагический финал его самого: опала и кончина летом–осенью 1573 года.

Сыновья кн. Михаила Иван и Дмитрий не позднее 1584 г. получили какую-то часть родовых вотчин, судя по их совместному пожалованию деревни в Одоевском у. Шаровкиной пустыни [Каштанов, Назаров, Флоря, 1968, № 1–519]. В 1585–1586 гг. они вместе были на воеводстве в Нижнем Новгороде, затем - в боярском списке 1588–1589 гг. в рубрике «служебные князи» с пометой «оба в деревне» [Разрядная книга, 1966, с. 378, 391; Павлов, 1992, с. 88 (прим. 47), 214; Станиславский, 2004, с. 212]. Если Дмитрий родился не позднее апреля 1569 г., а служить начал с 15-ти лет, значит, в список был включен примерно в 20–21 год, но здесь имеется одна хронологическая нестыковка.

Короткая жизнь Дмитрия указана В.Д. Назаровым в 1569–1591 годах. По надписи же на надгробной плите в Кирилловской описи 1773 г. смерть его отмечена 27 июля 1584 г. под именем Лонгина, погребен он был вблизи отца в Кашине. В январе 1606 г. их останки были перенесены кн. Иваном в Кириллов [Описание, 2020, с. 310]. Будучи старше Дмитрия-Лонгина, кн. Иван в 1586 г. уже овдовел, дав 50 руб. в Троицу по умершей жене Феодоре [Список погребенных, 1880, с. 9; Вкладная книга, 1987, с. 48]. У него не только жизнь оказалась дольше, но и служебная карьера сложилась просто блестяще. В 1588 г. он стоял в береговом разряде в полку с М.И. Вельяминовым, в 1591/92 г. был воеводой в Казани вместе с кн. А.И. Вяземским. В 1609 г. уже при Василии Шуйском у Петровских ворот оборонял Москву от войск второго Самозванца [Разрядная книга, 1966, с. 504, 513; Разрядная книга, 1976, вып. 1, с. 42, 98; вып. 2, с. 110, 249].

В духовной кн. М.И. Воротынского в четвертой приписке (30 сентября 1571 г.) указан золотой крест с частицами мощей св. Андрея (по-греч. «мужественный»), Стратилата (по-греч. «военачальник»)¹. В завещании же его сына 1626/27 г. отмечен, скорее всего, именно этот крест. Упоминание Андрея Стратилата навело В.Д. Назарова на предположение о рождении кн. М.И. Воротынского 19 августа 1513 или 1514 года, а крещении его 20 сентября на день памяти кн. Михаила Всеволодовича Черниговского [Назаров, 2002, с. 182, 193].

¹ Это был римский полководец, отразивший нашествие персов, а затем погибший за веру Христову при императоре Максимиане в начале IV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 2004 – Акты служилых землевладельцев. XV – начало XVII в. / Сост. А.В. Антонов. Т. 3. М., 2004.

Алексеев 2010 – *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3-4 (19–20). С.17–117.

Антонов 2002 – *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002.

Антонов 2004а – *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С.171–182.

Антонов 2004б – *Антонов А.В.* Поручные записи. 1527-1571 гг. // Русский дипломатарий. Вып.10. М., 2004. С. 8–79.

Беликов, Колычева 1992 – *Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 93–121.

Вкладная книга 1987 – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1987.

Жарков 1962 – *Жарков И.А.* Малоизвестная разрядная запись середины XVI в. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 255–258.

Дмитриева 2003 – *Дмитриева З.В.* Выгные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

Зимин 1958 – *Зимин А.А.* Состав Боярской Думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 41–87.

Зимин 1988 – *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Законодательные акты – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Т. 1. Л., 1986; Т.2. Л., 1987.

Каштанов, Назаров, Флоря 1968 – *Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

Кобрин 1985 – *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кормовая книга 2008 – *Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Исследование и публикация. М., 2008.

Кузьмин 2012 – *Кузьмин А.В.* Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 173–192.

Лаврентьев 2005 – *Лаврентьев А.С.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовой поле. М., 2005.

Назаров 1969 – *Назаров В.Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.

Назаров 1999 – *Назаров В.Д.* Служилые князя Северо-Восточной Руси в XV в. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 175–196.

Назаров 2002 – *Назаров В.Д.* «Победоносец и оборонитель всея Русские земли» (кн. М.И. Воротынский) // Подвижники России. Исторические очерки. – 2-е изд. М., 2002. С.181–193.

Назаров 2006а – *Назаров В.Д.* Воротынские // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С.728–729.

Назаров 2006б – *Назаров В.Д.* Воротынский Иван Михайлович // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С.729–730.

Назаров 2006в – *Назаров В.Д.* Воротынский Михаил Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С.730–731.

Назаров 2014 – *Назаров В.Д.* Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремли в истории России. К 500-летию Александровского Кремля. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Александров, 2014. С. 8–37.

Описание 2016 – Описание Грамот Коллегии Экономии. Т. 1. А–И / Подг. А.В. Антонов. М., 2016.

Описание 2020 – Описание Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг.: в 3-х томах. Т. 1. Строения / Сост. и отв. ред. И.В. Пугач. Вологда, 2020.

Опись 1998 – Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева М.Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Описи 2021 – Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. Тексты и исследования / Сост. Н.В. Башнин и З.В. Дмитриева. М.; СПб., 2021.

Павлов 1992 – *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992.

Памятники 2011 – Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011.

Правящая элита 2006 – Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006.

Разрядная книга 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 109.

Разрядная книга 1976 – Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 1. М., 1976; Вып. 2. М., 1976.

Разрядная книга 2003 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4, ч. 1. М., 2003.

Сборник 1892 – Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892.

Скрынников 1965 – *Скрынников Р.Г.* Опричнина и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 152–174.

Скрынников 1992 – *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.

Список погребенных 1880 – Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880.

Станиславский 2004 – *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора XVI–XVII вв. М., 2004.

Теребова 2021 – *Теребова Л.В.* Церковь святого равноапостольного князя Владимира (1554) – усыпальница князей Воротынских // Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. Тексты и исследования / Сост. Н.В. Башнин и З.В. Дмитриева. М.; СПб., 2021. С. 486–502.

Федотов-Чеховский 1860 – *Федотов-Чеховский А.А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. Киев, 1860.

Хорошкевич 2003 – *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.

Шокарев 2022 – *Шокарев С.Ю.* Коммеморативные практики князей Воротынских в XVI–XVII вв. // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков. Мат-лы II Всеросс. науч. конф. Вологда, 2022. С. 5–22.

А. А. Фролов

МАЛЕНЬКАЯ АРХИВНАЯ НАХОДКА И ПАНЫ-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ В ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В статье установлена принадлежность рукописного листа, составившего архивное дело ф. 1209 РГАДА, обыскной книге Г. Плещеева 1573 года Деревской пятины Новгородской земли. Книга сохранилась в сильно фрагментированном виде в составе конволюта из фонда дел МГАМИД. Атрибутированный лист содержит ценные сведения о землевладельцах Полицского погоста. Уникальность вновь найденного фрагмента в том, что он фиксирует присутствие на компактной территории помещиков-«панов» (выходцев из Литвы), получивших землю от московского царя, вероятно, в 1560-е гг. С другой стороны, для истории коллекции писцовых книг МГАМИД, содержащей древнейшие русские материалы такого рода, важными являются сделанные наблюдения о возможных путях попадания отдельного листа из этой рукописи в дела поместно-вотчинных учреждений. В Приложении текст атрибутированного фрагмента опубликован.

Ключевые слова: МГАМИД, МАМЮ, новгородские писцовые книги, Деревская пятина, обыскная книга Г. Плещеева, кодология, архивная судьба документов, атрибуция рукописей.

Большинство сохранившихся писцовых книг Русского государства конца XV–XVII в. уже получило хотя бы приблизительную атрибуцию, десятки их опубликованы, но в архивохранилищах лежит, кроме того, множество небольших, порой совершенно ничтожных, фрагментов по существу не атрибутированных описаний. В архивной описи они могут быть учтены под весьма неопределенными или даже ошибочными заголовками. Попадаясь на глаза тысячам читателей описи, такие фрагменты не привлекают внимания и продолжают оставаться неизвестными науке. Их атрибуция позволяет иногда делать неожиданные и приятные историко-ведческие и архивоведческие открытия (см., например:

[Зимин, 1959, с. 155–159; Корецкий, 1967, с. 32–50; Баранов, 2000, с. 86–87; Фролов, 2020]). Нередко такая находка оказывается недостающим пазлом, возвращение которого в полотно источника позволяет открыть в последнем ранее невидимые грани [Фролов, 2022]. Выбор пазла для статьи в сборник в честь Владислава Дмитриевича Назарова, разумеется, связан с полем интересов юбиляра.

В фонде 1209 («Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент») РГАДА не атрибутированные надлежащим образом фрагменты собраны в части 3 описи 1 под обложкой дела 268. Внутри дела каждый фрагмент образует «часть» (по терминологии описи), части пронумерованы (от 1 до 147), номера сгруппированы по городам. Вопрос о происхождении этих разрозненных отрывков пока не вполне выяснен, и в разработке его способна помочь только правильная атрибуция как можно большего количества фрагментов.

В машинописной описи 1985 г. в рубрике «В.Новгород» под номером 72 находится часть, озаглавленная следующим образом: «Дозорная книга /опись пустоты/¹ Новгородского у. 1 л. Скрепа :² Никитище³ Ларионов».

Бумага единственного листа этого дела имеет филигрань «сфера со звездой» (верх). Текст написан почерком XVI в. На нижнем поле лицевой стороны скрепа: «Никитище Ларивонов сын», на нижнем поле оборотной стороны листа запись итогов: «Помещиковых пусто 45 обеж без получети». Весь текст фрагмента публикуется здесь в Приложении.

Описание примечательно тем, что из семи землевладельцев, за которыми числятся или числились перечисленные пустоши, шестеро названы панами, а имена некоторых подтверждают их иноземное происхождение: Иван Подольский, Есип Федоров, Миколча Сербин, Батушка толмач, Василий Хромой, Ян Станиславов – последний определен уже как бывший владелец. Попробуем уточнить местонахождение описанных объектов, время проведения описания и, соответственно, атрибутировать фрагмент.

¹ *ты*/ дописано черной ручкой.

² Слово *Скрепа* : вписано в начале строки черной ручкой.

³ Исправлено из *Никитин* путем дописывания букв *ще* над строкой вместо зачеркнутой последней *н*. Правка той же черной ручкой.

География описания – Полицский погост Деревской пятины. В тексте названы пустошь на погосте на Полищах и еще 30 пустошей (в т. ч. одна – соседнего Шегринского погоста), многие из которых локализируются – на территории именно этого сельского округа [Фролов, Пиотух, 2008, т. 1, с. 236–240; т. 2, с. 16, 17, 24, 25; т. 3, с. 49–62, 73–82]. Регулярное упоминание в тексте годов запустения (71 (дважды), 75 (дважды), 76 (однажды), 77 (четырежды), 78 (дважды)) позволяет заключить, что описание имело место в начале 1570-х гг.

От этого времени по Деревской пятине сохранилось только одно описание – обыскная книга Г. Плещеева в погостах Деревской пятины датируется 1573 г. [РГАДА, ф. 137, Устюг, № 117, ч. 1, л. 131–138, 251–255, 263–792 об.]. Точнее, по замечанию Г.А. Победимовой, это сборник, содержащий материалы 51 самостоятельной обыскной книги, из которых 49 относятся к погостам пятины, а два – к городкам Холм и Курск на Ловати [Победимова, 1981, с. 48]. Установлено, что данный сборник входил в состав коллекции древнейших писцовых книг МГАМИД, которая образовалась в результате передачи древнейшей документации из Новгородской приказной палаты в столичный приказ Новгородской четверти в январе 1688 г. [Фролов, 2017, с. 73–80, 375–377]. Попробуем выяснить, в каком отношении находится атрибутируемый фрагмент к сохранившейся рукописи. В научный оборот она была введена ленинградскими историками, изучавшими проблемы аграрной истории Новгородской земли [Аграрная история, 1974; Осьминский и др., 1976, с. 166–178]. Вскоре последовало и более обстоятельное источниковедческое исследование [Победимова, 1981]. В нем исследовательница отметила очень плохую местами сохранность сборника, на некоторых листах которого края с верхними строками текста осыпались, и многочисленные утраты листов. Г.А. Победимова также отметила перебивку листов в книге Полицского погоста, предложив следующий порядок: л. 396, 307, 393, 394, лагуна несколько листов, л. 395, 397.

По расстоянию между понтюзо и водяным знакам бумага книги Полицского погоста может быть отнесена к двум сортам: сфера со звездой (л. 396, 307, 393, 394) и рука (л. 395, 397). Филигрань на бумаге (сфера), чернила, почерк и формуляр атрибутируемого текста соответствуют обыскной книге Полицского погоста. Ни на одном из уцелевших листов книги фрагменты скрепы не содержат имен (все книги сборника скреплены священнослужителем).

телями местных храмов, обычно двумя), но, судя по сохранившимся частям скрепы, эти имена должны были находиться на листе, который следовал после л. 394, и листе, который находился перед л. 395 (на первом читаем две скрепы: «поп поли полишского», на последнем тоже две: «в детей своих духовных в детей своих», ср. формулу скрепы обыска Туренского погоста, которую, правда, ставил только один священнослужитель: «К сим обыскным книгам – Николской поп – Рютинского – погоста – от выставки – Василей – Федоров сын – и в детей своих духовных мисто руку приложил» (л. 518–525)).

Отмеченная выше запись на обороте атрибутируемого листа суммы обеж (44,875 обжи) в точности соответствует сумме обежных окладов, названных в тексте, то есть отражает результат подсчета окладов пустошей на данном листе. Это соответствует структуре обыскных книг Г. Плещеева, характерным элементом которых является запись таких подсчетов на обороте каждого листа с описанием пустошей [Победимова, 1981, с. 49].

Попытка поместить атрибутируемый лист между л. 394 и 395 сборника свидетельствует, что лакуна здесь не ограничивалась одним листом: если начало слова в конце последней строки на обороте атрибутируемого листа («ху») находит продолжение в начале л. 395 сборника («добы»), то завершение текста на обороте л. 394 («Пустошь») в начале атрибутируемого листа продолжения не находит («обжа»). Следовательно, данный лист сокращает лакуну в сохранившейся рукописи, но не закрывает ее полностью: он непосредственно предшествовал л. 395. Поскольку л. 395 и 397 написаны на бумаге другого сорта, атрибутируемый лист, вероятнее всего, являлся последним в своей тетради. С учетом этого обстоятельства отсутствие / наличие половин филиграней на сохранившихся листах из бумаги этого сорта (--вн(лакуна)в⁴) не позволяет предполагать нехватку здесь только одного листа. С учетом того, что и на листе, располагавшемся после л. 394, и на атрибутируемом листе в скрепе находилось имя полишского попа, наиболее вероятно отсутствие здесь шести листов: в таком случае л. 394 являлся первым в той же тетради.

Вновь атрибутированный лист из обычной книги высветил любопытный исторический факт присутствия среди помещиков

⁴ ...«в» – верх, «н» – низ, «-» – филигрань отсутствует, жирным выделен атрибутируемый лист.

Деревской пятины 1570-х гг. выходцев из Литвы. Стоит отметить, что на известных ранее 543 листах этого сборника обнаруживается упоминание еще всего лишь трех панов. Несколько обещ были отданы в Березайском погосте нововыезжему литвину Юрию Иванову сыну Токаревскому (л. 537, 537 об.), в Яжелбицком погосте пану Станиславу Ондрееву сыну Ярово (л. 590), в Семеновском погосте «Семену панову выежжему» (л. 656). Однако, вероятно, в силу единичности этих фактов, они вовсе не удостоились внимания в историографии. Лишь в работе Г.А. Победимовой сохранился глухое упоминание о присутствии в Деревской пятине, помимо «сведенцев» (лишившихся старых поместий в опричных уездах) и нескольких казанских новокрещен, «выезжих панов» из Литвы [Победимова, 1981, с. 60].

В отличие от этих трех панов шесть помещиков Полицского погоста расселились компактно, что косвенно свидетельствует о том, что появились они здесь все одновременно. Если один из них успел уже лишиться своего поместья, то этот момент следует относить к 1560-м годам или более раннему времени. Но исследователи отмечают, что значительному росту числа переходов из Великого княжества Литовского – Речи Посполитой на службу к московскому царю способствовала Ливонская война [Бенцианов, 2021, с. 163–204], так что и нижняя дата появления «панов» в Полицском погосте, вероятнее всего, находится в пределах того же десятилетия. К сожалению, описание Полицского погоста не сохранилось в платежнице 1558 г., позволяющей судить о составе землевладельцев за несколько лет до того. Однако в ней есть Березайский и Яжелбицкий погосты, и на момент, который отражен в источнике как актуальный, судя по этим данным, паны еще не получили здесь землю в поместье [Материалы, 1977, с. 22, 23, 49].

Второй исключительно важный аспект, который освещает атрибуция исследованного фрагмента обыска Полицского погоста, лежит в плоскости источниковедения. Дело в том, что, как уже говорилось, обыскные книги Г. Плещеева происходят из архива приказа Новгородской четверти, составившего позднее архив МГАМИД – именно из дел последнего в ЦГАДА был сформирован ф. 137. А вновь атрибутированный лист оказался среди разрозненных бумаг ф. 1209, который был сформирован из документов МАМЮ. До 1920-х годов МГАМИД и МАМЮ размещались далеко друг от друга: один в бывших палатах Нарышкиных (на

месте современной Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина), второй в особняке на Девичьем поле, где сейчас и находится РГАДА. Поэтому момент, в который атрибутированный лист оказался среди документов МАМЮ, расположен где-то в интервале между появлением фондов МГАМИД в одном здании с фондами МАМЮ в начале 1920-х гг. и моментом составления третьей части описи 1 ф. 1209 – первой половиной 1980-х гг.

Еще два кодикологических факта позволяют детализировать историю обыскной книги и ее потерянного листа. Во-первых, пагинация конволюта проставлена без учета существования в нем атрибутированного листа, а на листе отсутствуют следы какой-либо устаревшей пагинации, которая могла бы свидетельствовать о нахождении его в конволюте во время проставления пагинации. Во-вторых, на атрибутированном листе нет штампа МГАМИД, хотя листы конволюта таковым снабжены.

Следовательно, изъятие листа из обыскной книги произошло до штампелирования и пагинации конволюта. Теоретически возможно, что штампель с двуглавым орлом использовали уже после объединения дел МГАМИД и МАМЮ в стенах архива на Девичьем поле, однако едва ли эта практика существовала длительное время после 1917 г. Дела, вновь выделенные среди бумаг МГАМИД И.А. Голубцовым в мае 1922 г., например, подобного оттиска уже не имеют.

Еще менее вероятно, что конволют оставался вплоть до 1920-х гг. без пагинации: в фонде канцелярии МАКИД / МГАМИД хранится книга для записи дел и документов, высылаемых разным учреждениям во временное пользование за 1876–1915 годы [РГАДА, ф. 180, оп. 6, д. 95, л. 51], которая фиксирует передачу дела в Археографическую комиссию 1 ноября 1912 года. Согласно книге, дело насчитывало 1205 лл., в то время как пагинация заканчивается на номере 1206 (последние листы сохранились фрагментарно). Думаю, что уже к этому моменту пагинацию дело имело. Но в таком случае отделение листа от обыскной книги и появление его среди документов МАМЮ – два значительно удаленных друг от друга события.

Тот факт, что атрибутированный лист не соответствует какому-либо структурному элементу описания (целому поместью или иной исторически сложившейся группы объектов, а тем более – главе книги или ее разделу), дает основания полагать, что изъятие из сборника именно этого листа произошло не с какой-

нибудь определенной целью, а по случайности. В связи с этим следует отметить, что и сам сборник к началу XX в. находился в состоянии, далеком от идеального. Шифр по г. Устюг дело получило по той причине, что тетради обыска оказались перемешаны с тетрадями другого дела, и в описи XIX в. заголовок архивного дела гласил: «7163/1655 и 7182/1674. Устюжские чети книги оброчным деньгам, собранным с оброчных угодий». Наблюдения за структурой этой описи позволяют заключить, что заголовка данного дела не было в изначальном тексте, составленном коллежскими ассесорами И.И. и К.И. Татищевыми в 1806 г. Заголовок был добавлен позднее, скорее всего – в 1810–1820-е гг. в связи с длившимися десятилетиями разборкой и описанием (или переописанием) архивных дел [Фролов, 2021, с. 94–105]. Архивное дело так и осталось конволютом, в котором до сих пор тетради обыскных книг находятся вперемежку с тетрадями дел второй половины XVII в., да и листы самих обыскных книг нуждаются в детальном кодикологическом изучении для восстановления изначального порядка и оценки объема лакун.

Если принимать во внимание известные факты из истории писцовых книг коллекции МГАМИД, наиболее вероятным представляется, что лист был потерян еще в конце XVII–XVIII в. и был доставлен в здание на Девичьем поле в составе к этому времени еще не разобранных бумаг МГАМИД. Архивисты советского времени обнаружили его, но им не удалось правильно атрибутировать его. И поскольку речь в тексте явно шла о земельных ресурсах, лист оказался среди ему подобных в фонде помещико-вотчинных учреждений.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Фрагмент обыскной книги Г. Плещеева

...обжа.

Запустили теи деревни семдесят в перьвом году от государьских податей и от голоду.

Пустошь Дубна, обжа.

Пустошь Кузнецово, обжы полтретьи.

Пустошь Кулатино, двеи обжи.

А запустили теи деревни от государьских податей и от самого помещика семдесят в седмом году.

Того ж поместья пустоши, что были за паном за Иваном за Подольским.

Пустошь в Корягъне, двеи обжи. Запустила от худобы и от государьских податей семдесят в перъвом году.
Пустошь Порахино, две обжи.
Пустошь Камок, обжа.
Пустошь Олексашьково, обжа.
Запустили теи деревни от государьских податей и от худобы семдесят в шестом году, а крестьяне разошлись безвестно.
Того ж поместья пустоши пана Есипа Федорова сына.
Пустошь Дубицы, три обжи.
Пустошь Куземено, а зовут Щеткиным, обжа.
Пустошь у Камок, а зовут Жеребятъя, обжа.
Пустошь Теръпигора, полторы обжи.
Пустошь в Матешькове, четвер(т)ь обжи.
Пустошь Тереблено Немково, польвторы обжи.
Запустили теи деревни семдесят в седмом году, крестьяни вымеръли поветреем.
Того ж поместья пустоши пана Миколчи Серъбина.
Пустошь Холм, полторы обжи.
Пустошь Бор, обжа.
Запустили теи деревни семъдесят в пятом году.
Пустошь Иловек, обжа пуста с полчетвертью.
Пу|| (л. 1 об.)стошь Матишьково, полюбжи, пуста.
Запустили теи деревни семдесят в седмом году.
Того ж поместья пустоши, что было за паном за Батушьком за толмачем.
Пустошь Зуево, обжа.
Пустошь Летково, обжа пуста.
Пустошь Мошьниково, полторы обжи, пуста.
Пустошь в Ёловески, четъверть обжи, пуста.
Запустили семъдесят в седьмом году.
Того ж поместья пустоши, что было за паном за Яном за Станиславовым, а ныне то поместье отдано Ондрею Самарину.
Пустошь на погосте на Полищах, обжа пуста.
Пустошь в Лучьках, три обжи с полчетвертью.
Пустошь в Загорьи, двеи обжи пуста без четверти.
Пустошь в Немкове, полчетверти (обжи) пуста.
Запустили теи деревни от государьских податей семдесят в пятом году.
Пустошь Бараново, две обжи без четверти, пуста.
Пустошь Глибино двеи обжи с четвертью, пуста.

Запустили теи деревни семьдесят в восьмом году.
Того ж поместья пустоши, что было за паном за Васильем за Хро-
мым.
Пустошь Пидба, полторы обжи.
Пустошь Заборовье, полтретьи обжи.
Запустили теи деревни семдесят в восьмом году от поветрея.
Того ж поместья пустоши за Уланом за Ондреевым сыном Неме-
рова.
Пустошь Немково, двеи обжи пуста без четвертьи.
Того же поместья Топорок, полюбжи, в Шегринском погосте,
а запустили теи деревни от ху...
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Д. 268. № 72. Л. 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграрная история 1974 – Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Т. 2: Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1974.
- Баранов 2000 – *Баранов К.В.* Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 85–97.
- Бенцианов 2021 – *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция XV–XVI вв. М., 2021.
- Зимин 1959 – *Зимин А.А.* Два отрывка из Новгородской писцовой книги // Исторический архив. 1959. № 1. С. 155–159.
- Корецкий 1967 – *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 32–50.
- Материалы 1977 – Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. Вып. 2 / Сост. Н.П. Воскобойникова, А.И. Копанев, Г.А. Победимова. М.; Л., 1977.
- Осьминский и др. 1976 – *Осьминский Т.И., Романовский В.М., Шапиро А.Л.* Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. С. 166–178.
- Победимова 1981 – *Победимова Г.А.* Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 47–60.
- Фролов 2017 – *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М; СПб., 2017.
- Фролов 2020 – *Фролов А.А.* Новгородские писцовые материалы конца XV–XVII в. в собрании Е.В. Барсова в ОПИ ГИМ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 6 (92). – URL: https://history.jes.su/s207987_840010028-9-1/ (июнь 2023).

Фролов 2021 – *Фролов А.А.* К истории открытия для исторической науки новгородских писцовых книг // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2021, №4 (60). С. 94–105.

Фролов 2022 – *Фролов А.А.* Поземельное описание старорусской вотчины Иверского монастыря середины XVII в.: источниковедческие заметки // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 8 (118). – URL: <https://history.jes.su/s207987840022568-3-1/> (июнь 2023).

Фролов, Пиотух 2008 – *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495-1496 гг.). Т. 1: Исследование и таблицы. М.; СПб., 2008; Т. 2: Атлас и справочные материалы. М.; СПб., 2008; Т. 3: Уездные планы последней четверти XVIII века. М.; СПб., 2008.

О. Е. КОШЕЛЕВА

ДУХОВНЫЕ ГРАМОТЫ КНЯЖЕСКОЙ ЧЕТЫ ХВОРОСТИНИНЫХ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СМУТНОМУ ВРЕМЕНИ

Князья Хворостинины – знатный и богатый княжеский род с многочисленным мужским потомством – служили царям Грозному в опричнине, Годунову и его сыну, Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, участвовали в борьбе с Болотниковым и с польско-литовской интервенцией. Духовные грамоты кн. Ф.И. Хворостинина (1602 г.) и его жены кнг. Антонида, урожденной кнг. Волконской, (1617 г.) рассмотрены с точки зрения документов частного характера Смутного времени, косвенно отразивших сложные судьбы супругов и их близких. Они воспроизводят круг их общения, некоторые реалии их жизни и процесс угасания рода. Духовная грамота кнг. Антониды здесь публикуется впервые.

Ключевые слова: Смутное время, князья Хворостинины, духовные грамоты, Троице-Сергиев монастырь, поминовение.

Духовные грамоты, являясь документом прагматическим, все же запечатлевают не только экономическую составляющую жизни их авторов, но и события, и характеры, и отношения, и чаяния. Не случайно В.Д. Назаров уделяет им немало внимания в своем творчестве. Данная статья посвящена судьбе семьи боярина кн. Ф.И. Хворостинина как она видится через их завещания в контексте других источников.

Рюриковичи, сыновья боярина кн. Ивана Михайловича Хворостинина князья Дмитрий, Петр, Федор, и Андрей¹ представляли собой цвет знати в правление Ивана Грозного и Бориса Годунова. Это были настоящие витязи, под их командованием воевали русские полки во многих войнах, они заседали в Боярской думе и участвовали в дипломатических миссиях. Все они входили

¹ В семье было еще две дочери: Анастасия в замужестве Пожарская и Мария в замужестве Замышкая.

в опричный двор Грозного. Особенно прославился старший из братьев кн. Дмитрий в битве с татарами при Молодях в 1572 г., который, как отмечает В.Д. Назаров, «фактически командовал передовым полком, а 2 августа руководил артподготовкой и вылазкой русских войск из гуляй-города» [Назаров, 2017], чем способствовал важнейшей победе наряду с кн. М.И. Воротыньским [Сергеев, 2016, с. 221]. Кн. Дмитрий участвовал еще во множестве военных походов вплоть до своей смерти в 1590 году. Вскоре после кн. Дмитрия в 1592 г. в Астрахани умер кн. Петр, а кн. Андрей скончался в 1604 г., кн. Федор, пережил всех братьев, его не стало в 1608 году. Все они, как и их отец, перед кончиной постриглись в Троице-Сергиевом монастыре, где и похоронены в родовой усыпальнице [Список, 1880, с. 29]. В Троицу Хворостиниными делались постоянные вклады по своей душе и по своим родным [Вкладная книга, 1987, с. 46].

Все братья князя Ивановичи, кроме Петра, оставили после себя сыновей. Это молодое поколение – двоюродные и родные братья князя Иван Дмитриевич и Юрий Дмитриевич, а также Иван Андреевич и Григорий Федорович на рубеже веков имели все предпосылки к тому, чтобы в новом XVII в. занять видные места среди придворной и военной элиты и укрепить славу рода князей Хворостининых. Но им предстояло прожить страшные годы Смуты и к концу века их славный род угас.

Духовная боярина кн. Федора Ивановича Хворостинина [Духовное завещание, 1896, с. 571–575] была составлена еще при жизни брата кн. Андрея, в октябре голодного 1602 года². С 1600 г. боярин находился в Москве, на дальние службы не посылался, он упоминается как судья в 1601 г. [Разрядная книга, 1994, с. 21, 70, 112]. Поскольку князь Федор подписал духовную своей, хотя и дрожащей, рукой, состояние его здоровья не являлось крайне тяжелым, даже если он болел. Смерть в этот год обошла его стороной, подарив еще долгие шесть лет жизни. В июне 1605 г. он помещен в список двора Лжедмитрия I в раздел первостатейных бояр, в отличие от многих других князей – с родовым именем «князь Ярославский» [Поименная роспись, 1819, с. 209]. Весной 1607 г. кн. Федор Иванович числится в списках воинов, участво-

² В публикации граф С. Шереметев дает ошибочную дату «1603 г.» – на рукописи обозначен 7111 год 24 октября. В публикации также есть пропуски текста источника.

вавших с государем Василием Шуйским в победном походе на Тулу против войска Ивана Болотникова [Разрядные записи, 1907, с. 145]. На состоявшейся в январе 1608 г. свадьбе Шуйского присутствовали жена и сын кн. Федора, но его самого не было [Свадьба, 1790, с. 124]. Князь, видимо, находился в Троице-Сергиевой обители, в мае он уже назван иноком Феодосием [Вкладная книга, 1987, с. 46]. Скончался кн. Федор 17 сентября 1608 г., за несколько дней до того как монастырь был осажден войском Сапеги. В родовой усыпальнице им уже к 1602 г. было определено место рядом с отцом, и на нем положена цка с именем князя [Духовное завещание, 1896, с. 571]. В период подготовки к защите монастыря, окруженного батареями поляков, смог ли отслужить патриарх со всем собором заупокойную службу над открытым гробом покойного кн. Федора, лежавшего в нем в темно-синем бархатном охабне с серебряными пуговицами, как того желал князь в 1602 году [Духовное завещание, 1896, с. 571–572]?

Духовная грамота кн. Хворостинина составлялась при минимальном количестве лиц, обязанных присутствовать при написании и свидетельствовании завещания. Их было всего трое: душеприказчик – духовный отец кн. Федора Ивановича Богородицкий протопоп Евфимий³, писец – князь Лука, княж Матвеев сын Львов, и послух князь Иван Юрьевич Морткин. Весьма необычно то, что писцом выступил князь Львов, для которого писцовое дело было явно не за обычай. Кн. Лука Матвеевич займет при Шуйском должность «стряпчего у крюка» [Павлов, 2018, т. 1, с. 359], а кн. Морткин умрет в 1604 г. [Сухотин, 1912, с. 5]. Возможно духовная писалась в московской усадьбе кн. Хворостинина, находившейся напротив Богоявленского Алексеевского монастыря (о нем князь писал – «к Чудному Богоявлению что против моего двора») [Духовное завещание, 1896, с. 572].

Распоряжения кн. Федора Ивановича о распределении своих жалованных, родовых, данных, купленных и др. земель много раз рассмотрены в литературе [Павлов, 2018, т. 2, с. 101–109], поэтому здесь не будем останавливаться на этом подробно. Земельные владения князя Хворостинины имели в Бежецком, Переяславском, Костромском, Боровском уездах, поместья в Медынском

³ Вероятно, имеется в виду церковь Рождества Богородицы на Сениях, находившаяся внутри стен Кремля. Здесь находилась икона Федоровской Божьей матери, значимая для воинов и тезоименитая Федорам.

и Рязанском у. Кн. Федор пытался распределить общие с братьями земли, отдав часть своим племянникам, а также брату кн. Андрею [Духовное завещание, 1896, с. 573], все в равных долях. Еще при жизни он наделил приданым свою сестру Анастасию, вышедшую за кн. Федора Пожарского [Акты, 1998, с. 242]. Свои личные земли, а также все движимое имущество, боевое снаряжение и верных дворовых людей князь Федор завещал единственному оставшемуся в живых сыну кн. Григорию. Был у него и старший сын кн. Федор, который в 1584 г. принял закладную грамоту на вотчину в Боровске [РГАДА, ф. 281. Боровск. Д. 606], а четыремя годами позднее был записан в стольники в службу вместе с отцом, являвшимся дворецким [Боярские списки, 1979, вып. 1, с. 109]. Но более кн. Федор Федорович нигде в документах не появляется, видимо, он умер в юные годы. Заложенная кн. Федору боровская вотчина с Головенкино по завещанию его отца отдавалась сыну кн. Григорию [Духовное завещание, 1896, с. 574]. В момент его составления Григорий, вероятно, был еще отроком. Всем, что оставил ему отец, он должен был владеть совместно с матерью кнг. Антониной, которой вплоть до ее смерти выделялось особо только село Богородицкое с деревнями в Переяславском у.: «А жене моей княгине Антониде жить вместе с сыном с моим со князем Григорием, а деревнишками и животишками владети вместе ж» [Духовное завещание, 1896, с. 572, 573].

Кн. Григорий Федорович как и его двоюродные братья Хворостинины служил при дворе Лжедмитрия I. Они сопровождали лжецаря при его походах в мыльню [Разрядные записи, 1907, с. 82–83, 131], кн. Григорий и кн. Иван «пить государю наливали» [Разрядные записи, 1907, с. 77–78], а князь Юрий «смотрел в большой стол» [Разрядные записи, 1907, с. 79]. На военной службе в первый раз мы встречаем кн. Григория Федоровича в стольниках в войске Василия Шуйского под Калугой в 1606 г. Как уже говорилось, кн. Григорий присутствовал на свадьбе царя Василия Шуйского в январе 1608 г. в составе свадебного поезда, а его мать кнг. Антонида сидела за большим столом среди боярынь [Свадьба, 1790, с. 124]. В 1609 г. кн. Григорий стоял с полком у Яузских ворот, охраняя въезд в Москву, его сменил здесь Федор Головин [Разрядные записи, 1907, с. 16, 100]. В разрядных записях это последнее упоминание сына кн. Федора Ивановича.

Душеприказчиков князь Федор Иванович выбрал преимущественно из своей родни: брата Андрея, сестру Настасью и пле-

мянников «Дмитриевичей», а также родственников жены – ее брата, а своего шурина кн. Михаила Петровича Волконского, и кн. Григория Константиновича Волконского. Вне родственного круга были приглашены «душу строить» духовник Евфимий и окольниковый Иван Михайлович Бутурлин (убит в 1605 в Грузии в войне с горцами), который, видимо, был в каких-то доверительных отношениях с завещателем. Назначение большого количества душеприказчиков себя оправдало: многие из них ушли из жизни раньше самого кн. Хворостинина.

Кн. Федор благословил душеприказчиков дорогими иконами, а помимо них «невестку и мать свою князь Дмитриеву княгиню Ивановича княгиню Авдотью...» [Духовное завещание, 1896, с. 574]. Это жена старшего брата, кн. Дмитрия, Евдокия – она, видимо, была крестной матерью кн. Федора, иначе как понять именование ее «матерью своею»?

Из всех лиц, поименованных в духовной кн. Федора Ивановича, именно его младший племянник кн. Иван Андреевич ярче всех иных представителей его рода вошел в историю, его персона в первую очередь приходит на память при упоминании князей Хворостининых. Это хорошо демонстрирует даже крошечное предисловие к публикации духовной кн. Федора Хворостинина, написанное графом С.Д. Шереметевым: автор завещания интересуется его постольку, поскольку он родственник кн. Ивана Андреевича, которому и посвящена большая часть текста [Духовное завещание, 1896, с. 571].

Кн. Иван Андреевич в 1604 г. уже числился в стольниках у царевича Федора Годунова [Боярские списки, 1979, Вып. 2, с. 31], ему было, видимо, около 15 лет. Он, как его дядя кн. Федор Иванович и его братья, служил при дворе Лжедмитрия I [Разрядные записи, 1907, с. 83], присутствовал на свадьбе с Мариной Мнишек [Свадьба, 1790, с. 122]. Иначе говоря, в начале карьеры кн. Иван Хворостинин ничем не выделялся из своей родни, даже когда стал кравчим Лжедмитрия.

Такой «славе» кн. Ивана Хворостинина способствовал В.О. Ключевский, назвав его «первым вольнодумцем». Она, вместе с литературным творчеством князя, в исторической перспективе оказалась более значимой и интересной, чем все вместе взятые ратные подвиги его предков. Тем не менее серьезных исследовательских работ о кн. И.А. Хворостинине до сих пор не существует, рассказы о нем складываются из пары цитат об его интимных

отношениях с Лжедмитрием I, извлеченных из записок иностранцев [Масса, 1936, с. 144–145; Записки, 2006, с. 94; Буссов, 1998, с. 134] и из «указа князю Хворостинину» (на самом деле это «сказка») с обвинениями в неблагочестивом поведении и отправкой в ссылку.

Здесь не место писать о кн. Иване, отмечу только любопытную деталь, ускользавшую от внимания исследователей. Все они ссылаются на публикацию «Указа» [Указ, 1822, № 90, с. 331–332] с обвинениями Хворостинину, в которой дана ошибочная датировка, отсутствовавшая в тексте источника – 1632 г. (кн. Иван умер в 1625 г., а сослан был в 1623 г.). Уточнение времени написания документа по трем его филиграммам, сделанное Л.В. Мошковой, уверенно показывает, что это копия, сделанная во второй половине 1650-х гг. [Дианова, Костюхина, 1988, № 973 – 1651–1659 гг.]. Таким образом, интерес к ссылке кн. Хворостинина возник уже в это время⁴.

Итак, после смерти кн. Федора Ивановича осталась его вдова боярыня кнг. Антонида Петровна (Васильевна?)⁵ урожденная кн. Волконская, пережившая Смутное время и скончавшаяся уже при Романове 3 октября 1617 года. За месяц до этого, 4 сентября, она составила завещание. По структуре текста и многим фразам очевидно, что образцом ей служила духовная мужа. Завещание кнг. Антониды существует в двух вариантах [РГАДА, ф. 281, д. 14932, л. 1–1об.; РО РГБ, ф. 303, оп. 1, д. 970, л. 1–1об.], написанных в один день, при тех же свидетелях тем же писцом, но они имеют важные разночтения в содержании. Мне представляется, что первоначальным является текст РГАДА, на что указывает описка писца в тексте РГБ, который пропустил при копировании несколько слов, а затем вписал их сверху. Обратимся сначала к тексту РГАДА, а потом посмотрим на произошедшие в духовной изменения.

О жизни боярынь известно чрезвычайно мало, поэтому их духовные грамоты – это немногие из текстов, относящихся к их бытию. Духовных грамот вдов думных людей XVII в. мне извест-

⁴ Сличение публикации с источником впервые предпринято в магистерской диссертации К.С. Жариковой [Жарикова, 2016, с. 34–35].

⁵ В духовной ее мужа кн. Михаил Петрович Волконский назван его шурином, а во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря кн. Антонида везде записана как Васильевна. Кн. Волконский мог иметь два имени – мирское и церковное.

но пять [Список, 1897; Духовная, 1868; Духовная, 1899, Духовное завещание, 1880], и только завещание кн. Хворостининой остается до сих пор неопубликованным. Здесь будет исправлено это упущение.

Судя по лицам, присутствовавшим при составлении духовной кн. Антонида, оно происходило в стенах Троице-Сергиева монастыря. Московский двор Хворостининых рядом с Никольской скорее всего был разорен, так как именно там в 1610–1611 г. шли ожесточенные бои с войсками Лжедмитрия II. Логично предположить, что вдова нашла кров в монастыре, с которым ее семья имела очень тесные связи.

Вероятнее всего она прибыла в монастырь в 1615 г., поскольку именно тогда сделала вклад в 100 руб. [Вкладная книга, 1978, с. 46]. Однако постриг перед смертью она не приняла. Кн. Антонида так же, как и все представители рода Хворостининых, стремилась наделить Троицкий монастырь в наибольшей степени – землями, деньгами, всеми своими «животами и рухлядью» и, главное, образом Пречистые Богородицы Коневской.

Знакомство княгини со всеми ключевыми персонами монастырской корпорации очевидно: они ее душеприказчики, им лично ею выделены суммы на поминавание, они же сидели при составлении духовной и подписали ее. Большинство из лиц, упомянутых в духовной, хорошо известны в истории Смутного времени. Это архимандрит Троицкого монастыря Дионисий Зобниновский, активно поддерживавший второе ополчение, а потом взявшийся за исправления богослужебных книг, как бы «прорепетировав» никоновскую реформу. Это келарь монастыря Авраамий Палицын – талантливый писатель и историк, политический и церковный деятель. Это казначей Иосиф Панин. Это соборный старец Макарий Куровской, отправившийся в январе 1610 г. в Москву с вестью о снятии осады монастыря. Это старец Филарет, уже около сорока лет пребывавший уставщиком, что, видимо, позволило ему выступить против Дионисия в работе по исправлению Требника. Это диакон Маркел, ризничий – именно он передал Авраамию Палицыну свои записи о событиях в монастыре во время осады («Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничий») [Сказание, 1955, с. 152]). Это старец Боголеп Редриков, брат погибших воевод Юрия и Афанасия Редриковых, вместе с которыми он защищал монастырь. Это духовник кн. Антонида черный троцкий поп Филипп. Их всех объединяло пережитое не-

давно страшное время и торжество победы. Духовная в обоих своих вариантах содержит подлинные автографы архимандрита Дионисия, Авраамия Палицына, Иосифа Панина, Макария Куровского и попа Филиппа.

Помимо Троице-Сергиева монастыря кнг. Антонида поместила вклады и в другие обители: Соловецкий монастырь и московский Новодевичий, где у нее были «свои люди». Однако они не идут ни в какое сравнение с вкладами ее мужа, сделанными помимо Троицкого монастыря в 16 крупнейших монастырей и церковей [Духовное завещание, 1896, с. 572].

Упомянуты в духовной кнг. Антонида и светские лица. Среди ее душеприказчиков был кн. Алексей Михайлович Львов, активный участник ополчения, сподвижник кн. Дм. Пожарского, до избрания Михаила Романова на царство живший в Троицком монастыре. Его рукоприкладство также имеется на завещании. Вспомним, что один из Львовых, Лука Матвеевич, участвовал в составлении духовной кн. Ф.И. Хворостинина. Вероятно, князья Львовы были родственниками кнг. Антонида по ее матери⁶. В духовной она ясно указывает: «А которые родители матери моей к тем вотчинам (отданным в монастырь - О.К.) вотчичи, а захотят их выкупить, и им дати в дом Живоначальные Троицы ... по мне и по моих родителей за Богородицкое з деревнями пятьсот рублей». Село Богородицкое у монастыря в 1625 г. выкупил именно кн. А.М. Львов [Вкладная книга, 1987, с. 46]. Он также занимался вкладами и похоронами кн. И.А. Хворостинина и его семьи [Вкладная книга, 1987, с. 47].

Кнг. Антонида упоминает своего зятя Бориса Алексеевича Щекина, великого дьяка времени царя Ивана IV, видимо, мужа ее сестры, обе они являлись, вероятно, дочерьми кн. Петра Потулова Волконского [Савосичев, 2015]. Щекин был похоронен в с. Павловском, княгиня же просила перенести его тело в ростовский Борисоглебский монастырь что на Устье и дала по нем поминание.

У вдовы не было долгов, она у себя не хранила чужих вещей («поклажи»), но должники у нее имелись: родственник кн. Иван Федорович Волконский занял 85 руб., а кнг. Марья Телятевская – 10 руб. Эти деньги взимались с них на помин души, на корм нищим.

⁶ А.П. Павлов также прослеживает тесные связи кн. А.М. Львова с кн. Хворостиниными [Павлов, 2018, т. 1, с. 363, сн. 36].

Вотчины князей Хворостининых, полученные от мужа для владения совместно с сыном Григорием, кнг. Антонида передавала его племянникам кнн. Юрию Дмитриевичу и Ивану Андреевичу с оговоркой: «а в том де волен Бог да Государь, как их пожалует». Лишь в конце распоряжений о недвижимом наследстве кнг. Антонида упоминает главного законного наследника: «А будет Бог вынесет из Литвы сына моего князя Григорья Федоровича, и те вотчины все сыну моему князю Григорью». Следовательно, кн. Григорий очутился в Литве после 1609 г., когда стоял у Яузских ворот. Попал ли он в плен или добровольно покинул отечество, где был бы состоятельным владельцем земель и наследником славы отцов? Никаких сведений о нем обнаружить не удастся, но второе более вероятно, поскольку в дальнейшем в документах его земли постоянно именуется «изменническими» и идут в раздачу [Павлов, 2018, т. 2, с.103–106]. Возможно, он разделял настроения двоюродного брата кн. Ивана Андреевича в тоске по временам их успешной службы при дворе Лжедмитрия I. Так или иначе, княгиня умерла в тревоге о судьбе сына, но ее не покидала надежда на его возвращение, которую она не скрывала.

В кругу близких лиц четы Хворостининых, получивших их «благословение», нельзя не отметить и их слуг. Кн. Федор дал своим дворовым людям выбор – либо быть за его сыном, либо получить волю и небольшие подъемные. В голодный 1602 год было выгодно избавляться от лишних дворовых, которых нечем было кормить, и, надо думать, что идти на волю мало кто согласился. Деловые же дворовые люди в духовной выделены из остальных тем, что им обещано ни много ни мало по полтине денег и по корове [Духовное завещание, 1896, с. 575]. Но троих слуг отец строго оставлял при сыне: Тулупа Семенова с женою, Карпа Буркова и его брата. Кнг. Антонида тоже одаривала своих людей «хлебом и животиню ...смотря по людям, кому что доведетца», но среди них она выделила пятерых женщин, «которые у меня в ызбе жили», в их числе Устинья Тулупова – определенно дочь Тулупа Семенова, названного в духовной ее мужа. Это и был ее близкий круг общения. Всех пятерых княгиня наделила поровну и весьма щедро – каждой по 5 руб.

Второй список духовной отразил произошедшие изменения, а именно – выбор кн. Антонидой нового душеприказчика. Вместо кн. А.М. Львова в нем назван окольничий кн. Григорий Константинович Волконский, являвшийся, как и кн. Львов, ее родственни-

ком – вероятно, двоюродным братом по матери [Павлов, 2018, т. 2, с. 359]. Соответственно подпись кн. Львова отсутствует, но и подписи кн. Волконского тоже нет. Кто-то или что-то вдруг повлияло на такую замену, но мы не знаем, что именно. Возможно, была опасность того, что из-за «измены» кн. Григория Хворостинина завещаемые молодым кнн. Хворостининым земли могли быть взяты на государя и пойти в раздачу. Как мне представляется, кн. Волконский в это время был более влиятельной персоной [Павлов, 2018, т. 2, с. 355–359], чем кн. Львов, и мог оказать какое-то влияние на эту ситуацию.

Имена наследников князей Ю.Д., И.А. и Г.Ф. Хворостининых также оказались убраны из духовной, а про получение ими вотчины Деево Городище сказано только, что «в том де волен Бог да Государь». Но государь, конечно, ничего не решал сам, ему вопросы докладывали, и от формы этого доклада зависело многое. Вотчина Городище после смерти кнг. Антонида оказалась-таки за кн. Ю.Д. и И.А. Хворостиниными, она была в общем владении их отцов, и такое решение было естественным [Павлов, 2018, т. 2, с. 106–107]. В обоих случаях сама кнг. Антонида духовную не подписывала. Второй ее вариант подписали, правда, в несколько иной последовательности, те же лица за исключением духовника Филипа и, как уже говорилось, кн. А.М. Львова. Возможно, что один текст духовной не отменял другой, а оба писались с тем, чтобы применить тот, который больше будет соответствовать изменчивым обстоятельствам.

Кончина княгини завершила историю этой семьи, которая в более спокойные времена могла бы сложиться иначе. Спустя пару недель после смерти кнг. Антонида царь Михаил Федорович выкупил себе ее вклады (жемчуг, камень, рухлядь, сосуды золотые) за 600 руб. [Вкладная книга, 1987, с. 46].

**Духовная грамота кнг. Антонида Хворостининой
(1617 г., 4 сент.)⁷.**

РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 14932. Лл. 1–1об. Подлинник.

НИИ ОР РГБ. Ф. 303. Ед. хр. 970. Лл. 1–1 об. Подлинник.

Во имя Пречистые Живоначалные Троицы, Отца и сына и Святаго Духа. Се аз, раба Божия, князь Федорова⁸ Ивановича Хворостинина княгиня Антонида, пишу сию изустную память своим целым умом и разумом, кому мне что дати и на ком что взяти. А приказываю многогрешную свою душу устроить Живоначалныя Троицы и Великих Чудотворцов Сергия и Никона, архимариту Деонисию да келарю старцу Аврамию Палицину, да козначею старцу Иосифу Панину,⁹ да князю Олексею Михайловичю Лвову, да Троецкому соборному старцу Макарию Куровскому, да отцу своему духовному черному священнику Филипу. Пожаловати им грешная моя душа устроить, положить грешное мое тело у Живоначалные Троицы в Сергееве монастыре возле князь Федора Ивановича Хворостина¹⁰ а во иноцех – Феодосья¹¹, а на погребение дати на собор пять рублей, да сверх того архимариту Деонисию дати десять рублей, да козначею старцу Иосифу восемь рублей, отцу моему духовному Филипу семь рублей, старцу Макарию Куровскому семь рублей, уставщику¹² старцу Феларету четыре рубли, ризничему старцу Маркелу четыре рубли, старцу Боголепу Редрикову четыре рубли, да на пять кормов по моей грешной душе пятьдесят рублей. А вкладу моего у Живоначалные Троицы и Чюдотворцу¹³ Сергею и Никону поставила в церкви образ Пречистые Богородицы Коневской в киоте, обложен серебром чеканной золочен з¹⁴ жемчуги и с камением. Да яз¹⁵ же дала

⁷ Публикация делается по списку РГАДА, разночтения по списку РГБ даны в сносках курсивом. С рукописью РГБ возможно ознакомиться на сайте библиотеки. Благодарю Л.В. Мошкову за помощь в работе с текстом.

⁸ *Федора.*

⁹ *да околичему князю Григорию Константиновичу Волконскому (вместо «да князю Олексею Михайловичю Лвову».*

¹⁰ *Хворостинина.*

¹¹ Слова «*во иноцех – Феодосья*» вписаны поверх строки.

¹² *уставщику.*

¹³ *Чюдотворцом.*

¹⁴ Буква «з» написана дважды: одна строчная, другая выносная.

¹⁵ *аз.*

преж сево вкладу сто рублей денег да отчину¹⁶ свою в Бежецком и в Городецком уезде село Баскаки з деревнями и с пустошми, а после себя по своей душе и по своих родителей даю к Живоначальной Троице и к¹⁷ чудотворцом Сергию и Никону в наследие вечных благ и будущаго¹⁸ ради покоя вотчину свою в Переславском уезде село Богородицкое з деревнями, да в Ростовском уезде село Павлово с деревням; да того же села отхожая деревня Токовая, дати в монастырь к Борису и Глебу на Устье по моем зяте Борисе Олексеевиче Щекине, а тело ево ис Павловского перевести и положити в монастыре у Бориса и Глеба на Устье. А которые родители матери мои к тем вотчинам вотчичи, а захотят их выкупить, и им дати в дом Живоначальные Троицы и Великим Чюдотворцом Сергию и Никону по мне и по моих родителей за Богородицкое з деревнями пятьсот рублей, а за Павловское з деревнями четыреста пятьдесят рублей, а за Баскаки четыреста рублей. А вотчину мою в Городище¹⁹ в Ерославском уезде после себя благословляю²⁰ племянников своих князя Юрья Дмитревича да князя Ивана Андреевича Хворостининых, а в том де волен Бог да Государь, как их пожалует. А будет Бог вынесет из Литвы сына моего князя Григорья Федоровича, и те вотчины все сыну моему князю Григорью. А хлебом и животиною того села Городища наделити людей моих, смотря по людем, кому что доведетца, а ис Павловского села да из Богородицкого хлеб и животина вся продати. Да долгу моего взяти на князе Иване Федоровиче Волконском денег восемьдесят пять рублей, да на княине Марье Телятевской десять рублей, да тем душа моя устраивати, в Соловецком монастыре к Спасу и Великим Чюдотворцом Зосиму и Саватену дати трицать рублей, да к Москве Пречистые Богородицы в Новой Девичей монастырь трицать же рублей, и нищих кормити и людей моих наделити. А что моих животов и рухляди всякие после меня останетца, и то все по мне и по моих родителей в дом Живоначальные Троицы и Великому Чюдотворцу Сергею и Никону, а поклажея у меня ничево никакова и долгу на мне нет.

¹⁶ *вотчину.*

¹⁷ В ркп РГБ «ю» отсутствует.

¹⁸ *будущево.*

¹⁹ *А в вотчине в моей в Городище з деревнями волен Бог да Государь царь и великий князь Михаил Федорович всяя Руси.* Далее текст, начиная со слов «в Ерославском уезде...» до слов «А хлебом...» в ркп. РГБ отсутствует.

²⁰ В ркп «благословляю».

Да людем же моим дати опрично²¹, которые у меня в ызбе жили, Устинье Тулопове²² пять рублей, Пиминове²³ жене Гостене пять рублей, девке Марье пять рублей, да Марьиной тетке Оксиние пять рублей. А у сее мои духовные сидели Троецкие Сергиева монастыря архимарит Деонисеи, да келарь старец Аврамей, да козначей старец Иосиф, да соборной старец Макарей, да отец мой духовной священник Филип, а на тое послуи Василей да Гаврило Ивановы дети Скобельцыны, да Борис Лукин сын Шапилов, а духовную писал государева дворцового села Здвиженского²⁴ земской дьячек Степанко Левонтиев, лета 7126 го году сентября в 4 день.

Л. 1 об.:

К сей духовной Живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимарит Дионисей руку приложил.

К сей духовной Живоначальные Троицы Сергиева монастыря келарь Аврамеи руку приложил²⁵

К сей духовной Живоначальные Троицы Сергиева монастыря казначей Иосиф руку приложил²⁶.

К сей духовной князь Алексей Львов руку приложил²⁷.

Чернец Макарий Куровской руку приложил²⁸.

К сей изустной Троецкой черной поп отец духовной Филип руку приложил²⁹.

Послух Василеи руку приложил.

Послух Гаврило Скобе[л]цын руку приложил.

Послух Борис Шапилов руку приложил³⁰.

²¹ *опришно.*

²² *Тулопове.*

²³ *Пиминове.*

²⁴ *Вздвиженского.*

²⁵ Слова «К сей духовной» и «руку приложил» в ркп. РГБ очень плохой сохранности.

²⁶ Слова «К сей духовной» в ркп. РГБ отсутствуют, добавлено «*чернец*» Иосиф.

²⁷ Рукоприкладство кн. Львова отсутствует в ркп РГБ отсутствует.

²⁸ Рукоприкладство Макария Куровского в ркп РГБ идет после рукоприкладства Гаврилы Скобелцына.

²⁹ В ркп. РГБ это рукоприкладство отсутствует.

³⁰ В ркп. РГБ рукоприкладство Бориса Шапилова идет после казначей Иосифа, оно очень плохой сохранности: *Послух....руку приложил.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1998 – Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.

Боярские списки 1979 – Боярские списки последней четверти XVI – нач. XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Вып. 1–2. М., 1979.

Буссов 1998 – *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998.

Вкладная книга 1987 – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Дианова, Костюхина 1988 – *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* (сост.) Фигураны XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988.

Духовная 1868 – Духовная Ольги Васильевны Годуновой, урожденной Зюзиной // ЧОИДР. 1868. Кн. 4 (смесь). С. 1–5.

Духовная 1899 – Духовная Евдокии Федоровны Одоевской // Барсуков А.П. Род Шерметевых. Т. 7. СПб., 1899. С. 343–350.

Духовное завещание 1880 – Духовное завещание княгини Ирины Михайловны, жены боярина Федора Михайловича [Мстиславского] // Памятники древней письменности. Вып. 4. М., 1880. С. 133–135.

Духовное завещание 1896 – Духовное завещание князя Ф.И. Хворостинина // Русский архив. 1896. Кн. 1. № 4. С. 571–574.

Жарикова 2016 – *Жарикова К.С.* Князь И.А. Хворостинин: карьера служилого человека и публициста первой четверти XVII в. Дисс. на соискание степени магистра (направление подготовки 46.04.01 История), защищенная в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Факультет истории. СПб., 2016 (рукопись).

Записки 2006 – Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань. 2006.

Масса 1936 – *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер., прим. и вводная ст. А.А. Морозов. М., 1936.

Назаров 2017 – *Назаров В.Д.* Хворостинин // Большая российская энциклопедия. В 35 т. / Под ред. Ю.С. Осипова. 2017. Электронное издание.

Павлов 2018 – *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Просопографическое исследование. Т. 1–2. М., 2018.

Поименная роспись 1819 – Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим государственный совет правление Лжедмитрия Отрепьева // СГГиД. Дополнения к ч. 2. М., 1819.

Разрядная книга 1994 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994.

Разрядные записи 1907 – Разрядные записи Смутного времени (7113–7121). Публ. С.А. Белокурова. Т. 1–2. М., 1907.

Савосичев 2015 – *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи. Дисс. докт. ист. наук. Орел, 2015.

Свадьба 1790 – Свадьба царя Василия Ивановича Шуйского // Древняя российская вивлиофика. 1790. Ч. 2. Т. 13.

Сергеев 2016 – *Сергеев А. В.* Воеводы Русского государства XVI века: князя Хворостинины // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016.

Сказание 1955 – Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.

Список 1880 – Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880.

Список 1897 – Список с духовной памяти кн. Пелагеи Григорьевны Волконской // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Т. 2. М., 1897. С. 196–201.

Сухотин 1912 – *Сухотин Л.М.* Четвергчики Смутного времени (1604–1617) // ЧОИДР. 1912. Отд. 1.

Указ 1822 – Указ государя царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, объявленный князю Ивану Хворостинину // СГГид. Ч. 3. М., 1822.

А. П. ПАВЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОМЕЩЕНИИ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРЕВА ДВОРА

**В БЕЛОЗЕРСКОМ, ВОЛОГОДСКОМ,
ГАЛИЧСКОМ И ПОШЕХОНСКОМ УЕЗДАХ
В ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА**

Статья посвящена рассмотрению вопроса о масштабах испомещения членов Государева двора в Белозерском, Вологодском, Галичском и Пошехонском уездах в годы царствования Михаила Федоровича. Анализ данных о географическом размещении вотчин за московское осадное сидение 1618 г. думных людей и высших московских чинов показал, что почти треть из них владела вотчинами в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах. Из 626 московских дворян, подавших в 1632 г. сказки о своих владениях, треть (208 человек, или 33,2 %) показала за собой поместья и выслуженные вотчины в интересующих нас уездах. Поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах составляли значительную долю в землевладении думных людей и членов княжеско-боярских родов – более чем у 40 % из них значились владения в рассматриваемых регионах. Автор приходит к выводу, что политика правительства царя Михаила Федоровича по испомещению служилых людей на черносошных и дворцовых землях Белозерского, Вологодского, Галичского и Пошехонского уездов была весьма последовательной и результативной.

Ключевые слова: землевладение, поместья, вотчины, Государев двор, Боярская дума, московские чины, царь Михаил Федорович.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 22-18-00151*

В годы Смуты произошло катастрофическое запустение земель и разорение дворянства. Особенно пострадало землевладение западных уездов страны. Уже в приговоре I ополчения от 30 июня 1611 г. был поставлен вопрос о наделении разоренных землевладельцев западных уездов новыми поместьями [Забелин,

2005, с. 223]. Политику наделения разоренных западнорусских дворян новыми поместьями после освобождения Москвы активно проводило руководство объединенное земского ополчения, а затем правительство царя Михаила Федоровича. Исполнения этих дворян осуществлялись главным образом путем раздачи черных и дворцовых земель в северных и северо-восточных районах страны, в том числе в Белозерском, Пошехонском, Вологодском, а затем Галичском уездах [Лаптева, 1993, с. 192–196; Акты, 1997, с. 312–314; РК, 1974, с. 254, 260, 261; Готье, 1937, с. 224].

В то же время правительство царя Михаила Романова старалось наделить новыми землями в северных и восточных районах государства и представителей верхушки служилых людей, членов Государева двора. Уже в первые месяцы царствования Михаила Федоровича, согласно данным неполно сохранившегося земляного боярского списка 1613 г., многие члены двора были пожалованы «при государе» новыми поместьями из черных и дворцовых волостей, в том числе в Вологодском и Белозерском уездах [Докладная выписка, 1895, с. 2–19]. Несколько позже, после 1616/17 г., представители знати и дворянства стали активно исполняться на черносошных землях Галичского у. [Готье, 1937, с. 225–229].

Галичский, а также Вологодский, Белозерский и Пошехонский уезды, – районы, где прежде преобладало черносошное и дворцовое землевладение, – становятся важными центрами исполнения служилых людей на новых землях. Представление об этом можно получить при анализе географического размещения выслуженных вотчин, пожалованных за московское осадное сидение в «королевичев приход» 1618 года. Всего, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа [см.: Осадный список 1618, приложения 2 и 3, с. 111–385], служилые люди разных чинов¹ получили 1513 вотчин за московское осадное сидение 1618 г., из которых 188 вотчин располагались в Галичском у., 152 вотчины – в Вологодском у., 39 вотчин – в Белозерском у. и 39 вотчин – в Пошехонском у. (всего 418 вотчин, или 27,6 % от общего числа). Выслуженными вотчинами за московское осадное сидение 1618 г. были пожалованы 1319 служилых людей разных чинов (без казаков), из них почти треть (407 человек, или 30,86 %) получила вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах. Если учесть, что в числе владельцев выслужен-

¹ Мы не учитываем здесь владения казаков.

ных вотчин в рассматриваемых уездах значился ряд представителей местных служилых дворянских корпораций (44 человека²), то за вычетом этих лиц вотчинами за «королевичев приход» в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах владели 363 человека (27,5 % от общего числа владельцев выслуженных вотчин за службы 1618 г.), т.е. те дворяне, которые были вновь помещены в указанных районах.

Поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах занимали значительное место в землевладении членов Государева двора.

Из 388 думных людей и высших московских чинов (стольников, стряпчих и московских дворян)³, за которыми числились выслуженные вотчины за московское осадное сидение в «королевичев приход», 127 человек (32,7 %) владели вотчинами в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах. В Галичском у. вотчины получили 54 представителя верхушки

² Выслуженными вотчинами в Вологодском у. владели дворовые дети боярские по Вологде Иван (Иванис) Иванов сын Гневашев, Михаила Матвеев сын Остолопов и Федор Артемьев сын Холопов; городовые дети боярские по Вологде Иван Кириллов (Лобачов) сын Брянчанинов, Давыд Моисеев сын Лонской и Иван Тихонов сын Хартузин. В Галичском у. получили вотчины выборные дворяне по Галичу кн. Василий Романов сын Волконский, Андрей Кириллов сын Котенин, Григорий и Яков Ивановы дети Лазарева, Салтан Сильверстов сын Сытин и Залешанин Федоров сын Френеви; дворовые дети боярские по Галичу Яков Черемисинов сын Дробышев, Иван Бажанов сын Корин, Федор Богданов сын Котенин, Григорий Иванов сын Майков, Потап Андреев (Бессонов) сын Нелидов, Иван Гневашев и Иван Семенов дети Перелешины, Филипп Гаврилов сын Перфирьев, Федор Бусурманов сын Сарафанов, Сенчук Гаврилов сын Сытин, и Григорий Иванов сын Шанский; городовые дети боярские по Галичу Бурнаш Федоров сын Березников, Асан Иванов и Василий Третьяков дети Бороноволоквы, Григорий Иванов сын Волосоминон, Тулуш Чудинов сын Готовцев, Богдан Матвеев и Иван Викторов дети Кадниковы, Бессон Богданов сын Карпов, Иван Иванов сын Корин, Афанасий Богданов сын Коровин, Богдан Григорьев сын Корсаков, Прокофий Иванов сын Лазарев, Иван Богданов сын Маматов, Федор Яковлев сын Нелидов, Владимир Семенов сын Перелешин, Семен Андреянов сын Рылеев, Григорий Андреев и Молчан Васильев дети Френеви, Андреян Ляпунов сын Черевин, Клементий Гаврилов сын Шипов. В Пошехонье получил вотчину городской сын боярский по Вологде Байм Владимиров сын Зиновьев.

³ Учитываются лица, имевшие данные чины на период составления Осадного списка 1618 г.

Государева двора. В числе галичских вотчинников встречаем имена бояр: Ф.И. Шереметева, кн. Д.И. Мезецкого, кн. Г.П. Ромодановского; окольничих: Н.В. Годунова, кн. Г.К. Волконского, А.В. Измайлова; кравчего М.М. Салтыкова, стольников: кн. Ю.П. Буйносова-Ростовского, кн. И.А. Голицына, кн. Я.Г. Коркодинова, кн. Ф.Д. Мезецкого, Г.И. Морозова (владел вотчиной в Вологодском у.), кн. И.И. Одоевского, И.В. Плещеева, кн. Б.А. Репнина, кн. И.Б. Татева, И.Н. Траханиотова, кн. Б.К. Урусова, кн. Б.А. Хилкова, кн. Ф.А. Хилкова, И.П. Шереметева, кн. В.П. Щербатого; стряпчих: М.Ф. Измайлова, И.Е. Михнева, О.И. Чемоданова; дворян московских: А.С. Алябьева, Г.И. Бартенева, Ф.С. Воронцова-Вельяминова, князей И.Ф., Л.Ф. и П.В. Степанова Волконских, С.С. Голенищева-Кутузова (владел вотчиной в Пошехонском у.), Г.И. Горихвостова (владел вотчиной в Пошехонском у.), Я.А. Дашкова, М.А. Желиборского, Д.А. Замыцкого, Ф.И. Игнатьева, Т.В. Измайлова, Г.Г. Колединского, П.П. Кологривова, И.С. и Я.В. Колтовских, Н.Т. Кудрина, Д.Ю. Леонтьева, Ф.И. Ловчикова, В.Н. и Н.М. Пушкиных, М.И. Радилова, П.Г. Сабурова, С.И. Самарина (владел вотчиной в Вологодском у.), кн. А.Д. Сицкого, П.Ф. Соковнина, В.И. Толстова, М.Ф. Чередова. В Вологодском уезде вотчинами за «королевичев приход» владели 62 представителя верхних чинов двора – окольничие С.В. и Ф.В. Головины, думный дворянин Г.Г. Пушкин; стольники: кн. Д.Г. Гагарин, А.И. Головин, князья А.Н. и Ю.А. Звенигородские, В.А. Измайлов, В.А. Колычев, Н.И. Ласкирев, Г.И. Морозов (владел вотчиной в Галичском у.), кн. В.Вл. Клубков-Мосальский, А.О. Плещеев, Л.Г. Сумин, В.П. Шереметев; стряпчие: кн. Ф.Ф. Меринов Волконский, князья А.Д. и Р.М. Мезецкие, Б.А. Мусин; дворяне московские: Г.А. Алябьев, В.А. Аргамаков, И.Е. Бартенев, С.К. Бегичев, И.С. Беклемишев, кн. Ф.С. Бельский, князья Г.П. и Н.М. Барятинские, П.Н. Бунаков, В.К. и В.М. Бутурлины, Н.Д. Воробин (владел вотчиной в Пошехонском у.), Ф.И. Голенищев-Кутузов, С.А. Граевский, С.В. Дивов, С.И. Жеребцов, Б.С. Змеев, И.В. Козлов, И.С. Большой, И.С. Меньшой и С.И. Колтовские, И.Г. Кондырев (владел вотчиной в Пошехонском у.), И.Ю. Ловчиков, Б.П. Лупандин, князья Г.Ф. и Ф.И. Морткины, кн. Иван Мосальский, Ф.И. Нащокин, Н.Ф. Панин, В.П., Д.С. и Л.С. Плещеевы, В.Е. Протопопов, В.Т. Пушкин, В.С. и С.И. (владел вотчиной в Галичском у.) Самарины, И.З. Связев, А.Д. Селунский, Д.Ф. Скуратов, Г.К. Совин, И.В. Спасителей, П.М. Юшков. В Пошехонском у. упоминаются 13

владельцев выслуженных вотчин 1618 г. – столычники: А.М. и Б.М. Нагие, С.С. Собакин; стряпчий кн. М.С. Гагарин; дворяне московские: Д.Д. и Н.Д. (владел вотчиной в Вологодском у.) Воробины, С.С. Голенищев-Кутузов (владел вотчиной в Галичском у.), Г.И. Горихвостов (владел вотчиной в Галичском у.), Б.С. Дворянинов, И.Г. Кондырев (владел вотчиной в Вологодском у.), И.Л. и Л.З. Скобельцыны, Е.Г. Телепнев. В Белозерском уезде упоминаются выслуженные вотчины 1618 г. московских дворян Г.Ф. Образцова, П.И. Чихачева и кн. Л.О. Щербатого.

Достаточно полную информацию о состоянии землевладения и географическом размещении поместий и вотчин московских дворян содержат материалы их сказок 1632 г., опубликованные Е.Д. Сташевским [Сташевский, 1911, с. 39–237]. Из 626 московских дворян, подавших сведения о своих земельных владениях, треть (208 человек, или 33,2 %) показали за собой поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах. Более трети помещиков Галичского, Вологодского, Пошехонского и Белозерского уездов 1632 г. (77 человек, или 37%) владели здесь одновременно поместьями и выслуженными вотчинами. Некоторые дворяне (38 человек) владели землями не в одном, а в двух из рассматриваемых нами уездов. Всего, по данным сказок 1632 г., в Галичском у. значилось 88 поместий и выслуженных вотчин московских дворян, в Вологде 103, в Пошехонье – 32, в Белоозере – 23.

Поместья и выслуженные вотчины в Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах составляли значительную долю в землевладении знати. Всего, по материалам писцовых книг 20-х – 30-х гг. XVII в., мы имеем сведения о земельных владениях в разных уездах 488 представителей знати (думных людей, выходцев из старых княжеско-боярских родов и новой знати), из которых у 209 человек (42,8 %) значились поместья и выслуженные вотчины в интересующих нас четырех уездах [данные об этом см.: Павлов, 2018, т. 2, Приложение, с. 8–432].

В писцовых книгах Галичского у. 20-х – 30-х гг. упоминаются поместья и выслуженные вотчины 115 представителей знати – кн. Буйносовых-Ростовских (1 чел.), Бутурлиных (3), Вельяминовых-Зерновых (7), кн. Волконских (11), Вольнских (5), Годуновых (7), кн. Голицыных (3), Головиных (2), кн. Долгоруковых (4), кн. Засекиных (2), Измайловых (4), Колычевых (1), кн. Куракиных (1), кн. Лыковых (1), кн. Львовых (15), кн. Мезецких (2), Морозо-

вых (2), кн. Мстиславских (1), кн. Одоевских (2), Плещеевых (6), кн. Пожарских (1), Пушкиных (5), Репниных (1), Романовых (1), кн. Ромодановских (4), Сабуровых (1), Салтыковых (1), кн. Сицких (2), Стрешневых (1), кн. Татевых (2), Траханиотовых (1), кн. Турениных (1), кн. Тюфякиных (1), кн. Урусовых (2), кн. Хилковых (3), кн. Ахамашуковых-Черкасских (1), Шеиных (1), Шереметевых (2), кн. Шестуновых (1), кн. Щербатовых (3); поместьями и выслуженными вотчинами в уезде владели думные дьяки И.К. Грязев, М.Ф. Данилов, Т.Ю. Луговской, Е.Г. Телепнев и С.З. Васильев. В вологодских писцовых книгах 20-х – начала 30-х гг., а также дозорных книгах 1610-х гг. упоминаются поместья и выслуженные вотчины у 94 представителей знати: Бутурлиных (6 чел.), Вельяминовых-Зерновых (2), кн. Волконских (7), Волынских (1), Головиных (8), кн. Долгоруковых (2), кн. Звенигородских (5), Измайловых (3), Карповых-Далматовых (1), Колычевых (1), кн. Лобановых-Ростовских (3), кн. Лыковых (2), кн. Львовых (1), кн. Мезецких (4), Морозовых (3), кн. Мосальских (6), Нагих (2), Плещеевых (11), кн. Пронских (1), Пушкиных (4), кн. Репниных (2), кн. Ромодановских (1), Салтыковых (3), кн. Сицких (1), Стрешневых (3), кн. Сулешевых (1), кн. Темкиных-Ростовских (1), кн. Троекуровых (2), кн. Тюменских (1), кн. Хилковых (2), кн. Егуповых-Черкасских (1), Шереметевых (3); поместьями и выслуженными вотчинами в уезде владели также думные дьяки С.З. Васильев, Ф.Ф. Лихачев, Н.Н. Новокшенов, П.А. Третьяков. В Белозерском у. в писцовых книгах 1620-х гг. встречаем поместья и выслуженные вотчины Бутурлиных (1 чел.), Вельяминовых-Зерновых (1), Головиных (1), кн. Засекиных (1), кн. Львовых (1), Плещеевых (2), кн. Щербатовых (3). В писцовых книгах Пошехонского у. конца 1620-х гг. упоминаются поместья и выслуженные вотчины Бутурлиных (2 чел.), кн. Волконских (1), Волынских (2), кн. Львовых (2), кн. Мезецких (1), Нагих (4 чел.), кн. Сицких (1), Стрешневых (1), кн. Темкиных-Ростовских (1); упоминаются также поместья и выслуженные вотчины думных дьяков Т.Ю. Луговского и Е. Г. Телепнева.

Из 209 представителей знати, владевших в 20-х – 30-х гг. землями в Галицком, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах, у 58 человек встречаем одновременно поместья и выслу-

женные вотчины, а у 27 человек – только вотчины.⁴ Таким образом, около 40% (85 из 209) помещиков этих уездов перевели, согласно указу 1618 г., части своих поместных земель в вотчины. Представители знати явно стремились перевести в вотчины свои наиболее экономически благополучные поместья, каковыми зачастую выступали поместья, полученные в новых северо-восточных районах страны из черных и дворцовых волостей, в том числе в рассматриваемых нами Галичском, Вологодском, Белозерском и Пошехонском уездах.

Весьма заметным в рассматриваемых нами уездах было землевладение членов Боярской думы. В Галичском у., по данным писцовых книг, поместьями и вотчинами владели бояре кн. Ф.И. Мстиславский, И.Н. Романов, кн. И.В. Голицын, кн. И.С. Куракин, Ф.И. Шереметев, кн. И.И. Меньшой Одоевский, М.Б. Шеин, Б.И. Морозов, М.М. Годунов, кн. В.Т. Долгоруков, кн. Д.И. Мезецкой, кн. Г.П. Ромодановский; окольные Ф.Л. Бутурлин, кн. Г.К. Волконский, Н.В. Годунов, А.В. Измайлов, кн. А.М. Львов, Н.М. Пушкин, М.М. Салтыков, кн. В.П. Ахамашуков Черкасский и думные дьяки И.К. Грязев, М.Ф. Данилов, Т.Ю. Луговской, Е.Г. Телепнев, С.З. Васильев. Среди землевладельцев Вологодского у. встречаем бояр кн. Ю.Я. Сулешева, кн. И.Ф. Троекурова, Б.И. Морозова, кн. А.В. Лобанова-Ростовского, Б.М. Салтыкова, С.В. Головина; окольных кн. Г.К. Волконского, М.М. Салтыкова и Ф.В. Головина; сокольничего и думного дворянина Г.Г. Пушкина, думных дьяков С.З. Васильева, Ф.Ф. Лихачева, Н.Н. Новокшенова, П.А. Третьякова. В Пошехонском у. по писцовым книгам значились владения боярина М.А. Нагова, окольных Ф.Л. Бутурлина и кн. А.М. Львова, думных дьяков Т.Ю. Луговского и Е.Г. Телепнева.

Виднейшие бояре и придворные получали во владение крупные черные и дворцовые волости. Так, в Галичском у. боярин кн. Ф.И. Мстиславский был пожалован вотчиной из Ветлужских черных волостей, дядя царя боярин И.Н. Романов получил из дворцовых земель Верховскую волость в Унженской осаде, боярин Ф.И. Шереметев и стольник А.Н. Годунов получили во владение Нейскую волость, боярин И. П. Шереметев – Парфеньевскую Окологородную волость, боярин М.Б. Шеин –

⁴ Нами не учитываются здесь старинные, купленные, закладные и приданные вотчины.

Высокосельскую волость. Черными и дворцовыми волостями в Галичском у. были пожалованы и другие представители думской и придворной элиты [Готье, 1937, с. 208–213, 225–229; Сташевский, 1913, с. 122–123; Павлов, 2018, т. I, с. 740–750]. Как правило, свои новые владения из черных и дворцовых земель представители знати и дворянства первоначально получали в качестве поместий, а впоследствии из этих поместий многим из них жаловались вотчины за осадные сидения и другие службы. Так, большая часть лиц, получивших земли из черных волостей в Галичском у., в том числе кн. Г.П. Ромодановский, кн. Б.К. Урусов, И.П. Шереметев, А.В. Измайлов, кн. Д.И. Мезецкой, И.Н. Траханиотов, Ф.И. Шереметев, А.Н. Годунов, М.М. Салтыков, Ф.Д. Мезецкой, кн. Ю.П. Буйносов-Ростовский и, очевидно, И.Н. Романов и кн. Ф.И. Мстиславский, были наделены этими землями первоначально в качестве поместий, а затем из этих поместий пожалованы вотчинами за московское осадное сидение «в королевичев приход». В отдельных случаях видные бояре за особые службы и заслуги сразу получали вотчины из дворцовых и черных земель весьма крупных размеров. Так, боярин М.Б. Шеин по возвращении в Москву из польского плена был пожалован за смоленскую службу и томление в польском плену сразу в вотчину весьма крупную Высокосельскую волость в Солигаличской осаде Галичского у. [Готье, 1937, с. 227–229; Павлов, 2018, т. 1, с. 706–707; т. 2, Приложение, с. 8–432].

Сказанное выше позволяет заключить, что политика правительства царя Михаила Федоровича по испомещению служилых людей на черносошных и дворцовых землях в Белозерском, Пошехонском, Вологодском и Галичском уездах проводилась весьма успешно и земельные владения в этих новых районах заняли видное место в общем землевладении знати и дворянства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1997 – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1 / Сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. М., 1997.

Готье 1937 – *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. – 2-е изд. М., 1937.

Докладная выписка 1895 – Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. I. М., 1895. Отд. I. С. 2–19.

Забелин 2005 – *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. – Перепеч. с изд. 1901 г. с испр. СПб, 2005.

Лаптева 1993 – «И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить». Жалованная грамота «Совета вся земли». 1613 г. / Публ. подг. Т.А. Лаптева // Исторический архив. 1993. № 6. С. 192–196.

Осадный список 1618 – Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. / Сост. Ю.В. Анхимок, А.П. Павлов. М.–Варшава, 2009.

Павлов 2018 – *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2018.

РК 1974 – Разрядные книги 1598–1638 гг. / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1974.

Сташевский 1911 – *Сташевский Е.Д.* Землевание московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.

Сташевский 1913 – *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. Киев, 1913.

П. В. ЧЕЧЕНКОВ

ИНОЗЕМЦЫ В НИЖЕГОРОДСКОМ СЛУЖИЛОМ СООБЩЕСТВЕ НАЧАЛА 20-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

Статья посвящена перекрестному анализу нижегородской разборной десятни и писцовых книг по городу Нижнему Новгороду и Нижегородскому уезду 20-х гг. XVII в. с целью выявить информацию о статусе служилых иноземцев (литвы и немцев), внесенных в десятню, их земельных и городских владениях, состоянии этих владений, возможности собраться на службу – на фоне различных страт нижегородского служилого «города».

Ключевые слова: Московское государство, дворяне и дети боярские, военно-служилые корпорации, служилый «город», землевладение, Нижний Новгород

Научный поиск Владислава Дмитриевича Назарова неразрывно связан с глубоким интересом к процессу формирования и развития различных страт служилого сословия русских княжеств и Российского государства эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Одной из них стали служилые иноземцы. Их положение в России имеет свою обширную историографию. Однако часто они рассматриваются отдельно от местных служилых людей и, в частности, от городских корпораций. Некоторые наблюдения относительно нижегородского служилого «города» представлены в данной статье. Сделать их позволяет благоприятная источниковая ситуация. С одной стороны, 30 января 1622 г. боярином князем Афанасием Васильевичем Лобановым-Ростовским и дьяком Воином Трескиным в Нижнем Новгороде был проведен разбор служилых людей, результатом которого стало появление информативной разборной десятни, включающей не только нижегородских дворян и детей боярских, но и иноземцев. С другой стороны, в это же время проходила работа комиссии Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова по описанию всех станов Нижего-

родского уезда, а также и самого Нижнего Новгорода, итогом деятельности которой стала серия писцовых книг 1621–1623 годов. Тот факт, что все источники дошли до нашего времени, делает возможным сопоставлять данные Разрядного приказа об окладах и служебной годности со сведениями Поместного приказа о состоянии земельных владений и наличии городских дворов [РИБ, 1898, стб. 1–464].

Известно, что Нижний Новгород был одним из крупных провинциальных центров сосредоточения служилых иноземцев. По наблюдениям П.Г. Любомирова, в 1614 г. их считывалось 200 человек, из которых 36 являлись поместными [Любомиров, 1939, с. 6].

Массовое появление иноземцев в Нижнем Новгороде связано с войной за Ливонию. В июне 1565 году Иван Грозный произвел «вывод» всей городской верхушки захваченного в 1558 г. Дерпта (Юрьева), разослав ее представителей по городам центральной России, среди которых, наряду с Владимиром, Угличем и Костромой, назван Нижний Новгород. Они получили возможность перейти на русскую службу и в Нижнем Новгороде были расселены за Почайной на Ильинской горе. Мощный Почайнский овраг создавал определенную дистанцию между местом их обитания и кремлем, являвшимся географическим и административным центром города, не мешая в то же время выходу к берегу Волги и торгу.

Поскольку дворы иноземцев были освобождены от государева тягла, то место получило название немецкой слободы. В том же районе, но дальше вглубь берега располагалась ямская слобода, о существовании которой известно к 1561 году. Позднее, но еще при Иване Грозном, по челобитью нижегородских посадских ямская слобода была упразднена, а ямская повинность переложена на посад. Однако царь Федор Иванович повелел слободу восстановить. По-видимому, в это время было принято решение передать ямщикам немецкие дворы за Почайной, а «немцев» поселить вне городской черты на берегу Оки за Большим острогом. Писцовая книга начала 1620-х гг. называет это место Старой немецкой слободой [ПСРЛ, 1965, с. 397; Описи, 1960, с. 39; Материалы, 1913, с. 20, 98–99; РИБ, стб. 10–103, 158, 174].

В 1562–1570 гг. прошла первая война между двумя основными участниками раздела Ливонии – Московским царством и Великим княжеством Литовским. В ней активное участие на стороне

Литвы принимали польские наемники. Русские войска в ходе боевых действий взяли большое количество пленных. Так, в июле 1564 году смоленский воевода В. Бутурлин в мстиславских, киричевских и могилевских волостях взял в плен 4787 человек. После взятия Полоцка 15 февраля 1563 года большая часть его населения (до 50–60 тыс. человек) была насильственно депортирована вглубь Московии [Янушкевич, 2015, с. 59–128]. Часть пленных осталась на русской службе. Эти события способствовали увеличению числа нижегородских иноземцев. Сохранились сведения о масштабном наделении «панов» и «литвинов» поместьями в Нижегородском уезде в 1570–1571 годах. Оно фиксировалось недошедшими «отдельными книгами» нижегородского городского приказчика Григория Салманова и подъячего Постника Медведева.

Вероятно, к этому времени следует относить появление новой слободы в Нижнем Новгороде. В писцовой книге она названа слободой нижегородских немцев и литвы, или панской слободой, расположенной также за стенами Большого острога, но с другой стороны – вниз по Волге. Старая слобода на Оке стала приходить в упадок. В начале 1620-х гг. там оставалось два двора, восемь избенок, пустые места дворовые и немецкое кладбище, а в новой слободе дворов насчитывалось чуть более сотни [АСЗ, т. 1, с. 103–105; т. 2, с. 155–156; Т. 3, с. 284; Чеченков, 2005, р. 140; РИБ, с. 175–178].

Всего в иноземский раздел десяти 1622 г. внесено 47 человек. Из них 16 – литва, 21 – немцы, 7 – вдовы немецкие, 3 – недоросли немцы. Всех удалось найти в писцовых книгах по Нижегородскому уезду. Задача эта не так легка, как может показаться на первый взгляд. Хорошо известно, что русские источники весьма своеобразно передавали иностранные имена и фамилии, но это полбеды. Проблема в том, что разные составители документов делали это по-своему. Так, немец Бернат Вилимов десяти оказался Федором Вилимовым Новиком писцовой, немец Пантелейка Анцов – Пантелеем Гайнусовым, литвины Клим и Григорий Юркинские – Климом и Григорием Яновыми писцовой, недоросль Юшко Кнагин – Юрием Матвеевым Мецнягиным, вдовы Катерина Иванова Шаркманова и Авдотья Петрова Шаркманова –

Катериной и Авдотьей Еремеевыми¹. Это, не считая более простых случаев: Гарлант – Ярлантов, Лукомнинин – Лукомский и т.п.

Нам уже приходилось отмечать неполное соответствие разрядной и приказной документации в плане указания статуса служилых людей. В частности, для писцовых материалов была не принципиальна городская принадлежность, поэтому она указывается нерегулярно [Чеченков, 2017, с. 69–70]. Продолжая данные наблюдения, можно отметить, что в отношении служилой литвы комиссия Д.В. Лодыгина не проявляла принципиальности в обозначении. Так, литвин Христофор Филяновский в писцовой книге по Березопольскому стану назван литвой, а в писцовой по Закудемскому стану – немчином. Кроме определения «литва» в отношении этой категории служилых также используются следующие варианты: «нижегородский литвин», «нижегородский служилый литвин», «иноземец», «нижегородский иноземец». При этом в отношении немцев подобная вариативность отсутствует. В писцовых книгах все немцы из десятины строго обозначены как «нижегородский служилый немчин».

Размеры окладов служилых иноземцев кажутся не очень большими даже на уровне нижегородской корпорации, не отличавшейся своей статусностью. Большинство записаны в статьи от 200 до 350 четей. У одного литвина и трех немцев – 400. Самые высокие оклады у немцев Тимофея Юрьева сына Рымерова (450), Федора Федорова сына Думерстона (500), а также литвина Юрия Кулаковского (550). При этом в русской части десятины, насчитывающей почти три с половиной сотни человек, оклады от 400 до 800 четей имеют 60 служилых людей. Это почти одна шестая часть их состава, а у иноземцев, пусть не имеющих экстремально высоких окладов, в эту группу попадет четверть. И наоборот, треть нижегородского служилого «города» (108 человек) записана в оклады 100 и 150 четей, а среди иноземцев лишь три литвина имеют оклад 150. Таким образом на фоне нижегородской уездной корпорации статусные позиции группы иноземцев были чуть выше среднего.

¹ Эти соответствия, кроме первого, не были выявлены составителем именного указателя к изданию документов А.В. Антоновым. Нам помогло совпадение имен и размеров владений, которые указаны как в десятне, так и в писцовых книгах.

Интересно, что власти, по-видимому, ценили немцев несколько выше, чем литву, и присваивали им более высокие оклады. Среди пятидесяти двух человек с окладом 300 четей и выше встречается только три литвина, остальные – немцы.

В масштабах всего уезда землевладение иноземцев нельзя назвать компактным. Оно разбросано на обширной территории. Тем не менее, тридцать семь представителей группы имели владения в ближайшем к городу Березопольском стане. Из них трое также располагали землями в более отдаленном – Закудемском, а один еще и в Стрелицком – наименьшем по размеру, расположенном за Окой по отношению к городу, на низком топком берегу Волго-Окского междуречья. У восьмерых иноземцев владения только в Закудемском стане, у двоих – только в Стрелицком.

Даже в Березопольском стане, общий объем служилого землевладения в котором составляет более 55 700 четей, доля владений иноземцев всего 7%. Но для землевладения иноземцев характерны все те же черты, что и для землевладения дворян и детей боярских нижегородцев, в значительной степени тяготеющих к самому Нижнему Новгороду [Чеченков, Черненко, 2014]. Во-первых, заметным становится доминирование поместных дач над светской вотчиной. Лишь у трех иноземцев в десятне отмечено наличие вотчин. Это Юрий Кулаковский, но в писцовых книгах за ним удалось найти лишь поместья без указаний на иные владения. Артемий Гарлант и ушедший из жизни отец малолетнего Федора Ушколева Владимир получили в награду за службу часть своих поместий в вотчину. Первый – за московское осадное сидение в королевичев приход (1618 г.), второй – за нижегородское осадное царя Василия Ивановича (1608 г). Во-вторых, заметно преобладание землевладельцев из местного служилого сообщества. В отношении иноземцев эта особенность сохраняется. Почти все иноземцы, владевшие землями в Березопольском стане, прикреплены службой к Нижнему Новгороду. Всего несколько местных землевладельцев-иноземцев не внесены в десятню. Это московский служилый немчин Тимофей Бородовилов, немецкий прапорщик Филипп Фардесин, служилый немец Арест Фамендин, иноземцы Томас Кар, Степан Французенинов, Герасим Пузиков и вдова Михаила Мировицкого Устинья. Их совокупное владение не составляло даже 500 четей. Также не находим в десятне Назария Соломанова, который в писцовой отмечен как ни-

жегородский служилый немчин, но тут же указано, что он новокрещен. Видимо, поэтому из иноземского сообщества он выпал.

Третья особенность светского землевладения в уезде заключается в его мелкости и дробности, господстве совладений отдельными «жеребьями». Хорошо известно, что уже в начале XVII в. реальная поместная дача или вотчина не соответствовали окладу. Вопрос в том, каково было это несоответствие у разных прослоек служилых людей. Владения нижегородских служилых иноземцев, внесенных в десятню, насчитывали от 30 до 262 четей, то есть являлись мелкими и очень мелкими. Всего пять человек могли похвастаться тем, что имеют более 200 четей в поле. Даже такие мелкие поместья состояли из отдельных половин, четвертей и «жеребьев», в том числе пустоши. Только четыре иноземца владели целым селцом и двое – целой деревней. Во многих случаях мы можем наблюдать совместное землевладение иноземцев. Так, сразу девять человек, включая вдов, относящиеся к разным фамилиям (Гайнусовы, Гетлины, Бейрадовы, Борзуновы, Мустромины, Рымеровы, Ярлнтовы) владели селом Запрудным на речке Шаве Закудемского стана. Однако строгой системы здесь не было. Практически столько же можно найти и обратных примеров, когда иноземцы владели поместьями и вотчинами совместно с русскими землевладельцами.

Также во многих случаях земля не выходила за пределы круга иноземцев. Например, литвин Христофор Фаленовский получил в 1621 г. поместье литвина Михаила Мировитского, но в скором времени скончался. В десятне отмечено, что детей у него нет и поместье никому не дано. Однако писцовые книги содержат более поздние данные, согласно которым владение было передано московскому служилому немчину Тимофею Бородовикову. Про немца Петра Шоркманова десятня сообщает, что он умер и поместье отдано кормовому немчину Захарии Вестру. Артемий Ярлантов владел поместьем, что было за немцем Федором Илимбакиным. Степан Буш получил половину селца, которое до этого было за немцем Анцею Еврюжиным, а ранее за немцем Иваном Еремеевым. Братья Швартовы владели доставшимся от отца Анцея Шварта селом, которое по данным приправочных книг Василия Борисова 1588 г. принадлежало немчину Юрию. Но и это не было правилом. Есть примеры того, как поместья после иноземцев доставались русским.

Многие иноземцы были местными землевладельцами не в первом поколении. В четырнадцати случаях владение досталось от отца². Однако упоминаемые документы, фиксирующие права семьи на землю (выписи из писцовых описаний, ввозные и прочие грамоты), не простираются у них глубже 1590-х годов. Поэтому проследить связь с первыми помещенными не получается.

Ряд параметров дают как десятня, так и писцовая книга. Прежде всего, это размер владения. У нас имеется возможность взаимопроверки, а также соотнесения оклада и дачи. В ходе разбора служилых людей за данные о землевладении отвечали окладчики. Поэтому возникает вопрос о точности подаваемых ими сведений. Сопоставление данных писцовой книги и десяти говорит о том, что данные, поступавшие в Разрядный приказ в основном отражали действительность. У многих иноземцев видим полное совпадение или отклонения в пределах 5 четей. Хотя, в ряде случаев сведения оказывались заниженными, обычно в пределах 5–20 четей.

Если у русских служилых людей процент наполнения оклада по мере его снижения тоже падает, то у иноземцев такой тенденции не прослеживается (возможно, из-за малочисленности группы и небольшого разброса окладов). При этом средние значения почти совпадают: 41% – у русских, 42% – у иноземцев. Но ни у кого из иноземцев, в отличие от верхушки служилого «города», дача даже не приближается к окладу (максимум – 75%).

Предложенные ранее нами показатели для измерения положения отдельных страт уездной служилой корпорации выглядят следующим образом [Чеченков, 2020]. Населенность владений – в среднем 6,3 двора на 100 четей. Это немного выше, чем по русской части служилого сообщества, где этот показатель равен пяти, и приближается к лучшей его части – выбору, дворовым и городовым детям боярским с высшими окладами. Такая же ситуация с освоенностью – в среднем 29,5% пашни паханной во владении (по русской части – 25%). На один двор в среднем приходится 5,4 чети пашни паханной (по русской части – 5,7 чети). При этом владельческая пашня превышает крестьянскую (на 1 четь крестьянской 1,2 чети владельческой), но не так сильно, как у низших

² Здесь владение нескольких сыновей, полученное от одного отца, учтено как один случай.

страт детей боярских и новиков (1,8), а как у дворовых и выборных (1,2). Увеличение соотношения владельческой и крестьянской пашни в пользу первой у наименее обеспеченных связан с тем, что они чаще «пашут пашню собою».

Писцовая книга по Нижнему Новгороду дает информацию о наличии у служилых людей дворов на городской территории. Из сорока семи внесенных в десятню иноземцев и иноземок только у одиннадцати были дворы в городе. Лишь в одном случае (если это несовпадение) двор располагался в новой немецкой слободе, во всех остальных случаях это дворы на посаде. При этом ни одного иноземского двора нет в кремле. Сложно определить способ их использования. Если для нижегородских служилых людей по отчеству обычно указывалось, что двор «для осадного сидения», то относительно иноземских подобные отметки отсутствуют [РИБ, 1898, стб. 80, 83, 91, 97, 110, 112, 142, 143, 165, 166, 177].

Рассмотрим данные о возможности собраться на службу, имеющиеся в десятне. Три четверти наличного состава корпорации могли явиться без жалования на службу конно. Интересно, что понятия «конь добрый» и «мерин добрый» применены были почти исключительно к иноземцам. Вообще показатель конности у иноземцев заметно выше. Если среди дворян, детей боярских и новиков 27 % могли обзавестись мерином, который менее ценился, чем конь, а 23% вообще были безлошадными, то среди иноземцев лишь один человек располагал мерином, двое были без лошадей. Их исключительное положение объясняется вполне конкретными обстоятельствами. Литвины Клим Яковлев сын Юркинский и Василий Жданов сын владели «худыми» поместьями всего в 35 и 20 четей соответственно, в последнем случае без крестьян. Литвин Ждан Иванов сын располагал «худым» помещением в 50 четей и был «стар и увечен» и «беден».

Среди русских служилых без оружия была почти треть (в основном новики). Из иноземцев лишь двое не могли вооружиться. Это упомянутые выше безлошадные литвины Ждан Иванов сын и Васька Жданов сын.

На огнестрельное оружие перешло только 40% служилых людей «по отчеству», сохраняли метательное (лук и стрелы) – 27 %. В то время, как иноземцы были вооружены исключительно пищальми, что неудивительно, поскольку использование лука и стрел для них было не характерно. «Литва» в основном была вооружена одной пищалью, «немцы» – двумя. Для половины

из «немцев» указано, что одна пищаль была длинная, другая – короткая. Под последней, вероятно, подразумевался карабин или даже пистоль. В единственном случае «немец» Артемий Гарлант мог выехать на службу с тремя пищальями: одной «долгой» и двумя «короткими». Известно, что комплект кавалерийского огнестрельного оружия в XVII в. состоял из карабина и двух пистолей. Однако до русской дворянской конницы эти европейские веяния еще не дошли в полной мере.

Иноземцы без выплаты жалования не могли выставить дополнительного коня («конь прост») и боевых холопов («людей»). Среди русских это тоже было редкостью (особенно дополнительный конь). При выплате жалования четыре иноземца обещали поменять мерина на коня и пять иноземцев предоставить одного холопа на мерине с пищалью, два – на конях с пищальями. В результате к пятидесяти семи вооруженным холопам нижегородских служилых людей по отечеству они добавляли еще семерых.

Таким образом, служилые иноземцы по основным параметрам вполне вписывались в местное служилое сообщество, находясь примерно посередине в отношении статусных позиций, доходов, эксплуатации земельных владений, зато выгодно отличаясь в плане вооружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 1998; Т. 3. М., 2002.

Любомиров – *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М, 1939.

Материалы 1913 – Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3, ч. 1 // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. 14. Нижний Новгород, 1913. С. 1–124.

Материалы 2015 – Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Ч. 1, 2. М., 2015.

Описи 1960 – Описи царского архива XV века и архива посольского приказа 1614 года. М., 1960.

ПСРЛ 1965 – Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 1965.

РИБ 1898 – Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб., 1898.

Черненко, Чеченков 2014 – *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. М., 2014. С. 71–80.

Чеченков 2017 – *Чеченков П.В.* Между вторым самозванцем и новой династией: параметры землевладения нижегородского служилого «города» в 1607–1613 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 68–75.

Чеченков 2005 – *Чеченков П.В.* Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2005. Vol. 46 / 1–2. P. 133–145.

Чеченков 2020 – *Чеченков П.В.* Светское землевладение и земледельцы Нижегородского уезда 1620-х гг. в свете иерархии служилого «города» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Воронеж, 2020. С. 33–37.

Янушкевич 2015 – *Янушкевич А.Н.* Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2015. С. 59–128.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

М. В. ВИНУКUROVA

СЕЙЗИНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье – на примере Англии – обобщаются вопросы, связанные с происхождением и сущностью сейзины как особой формы права, бытовавшего в социуме средневековой Западной Европы. Чаще всего это право было связано со спецификой владения землей. Представлены основные источники происхождения владения на правах сейзины: владение по праву наследования, владение по передаче объекта от собственника к «реципиенту», владение через захват имущественного объекта. Показано, что сам термин «сейзина» использовался в трех значениях: юридический статус объекта владения, символическая процедура наделения им и само право владения. Особенностью указанного феномена являлось то, что сейзина была владением, защищенным специальными королевскими ассизами или указами-постановлениями (*writs*), издававшимися по каждому отдельному акту ее захвата.

Ключевые слова: Сейзина, средневековая Англия, право владения, общее право, обычное право, ввод в сейзину, иск о владении, земельные захваты, право наследования

История средневекового Запада, несмотря на вполне основательную степень ее исследованности в историографии, до сих пор являет историку сложные и малоизвестные проблемы. Одной из таких проблем является институт сейзины. Научных дискуссий, связанных с ним, совсем немного¹. О сейзине заговорили относительно недавно. Оттого и сам этот термин – стоит признать – не слишком знаком читательской аудитории. О широком его бытовании в нашей сегодняшней историографии почти не приходится

¹ Одной из них является обсуждение проблемы сейзины в ходе научной конференции, посвященной журналу «Средние века» (в связи с выходом его 80-го выпуска) и проведенной Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН в сентябре 2019 года.

ся говорить – так невелика (будем надеяться, что лишь пока!) доля исследований по подобной проблематике.

Что же такое сейзина?

Сейзина – понятие, относящееся к сфере социально-правовой эволюции средневекового западноевропейского общества и отражающее явление первоначального захвата², а затем – ввода во владение (с соблюдением определенного ритуала) неким объектом (чаще всего – землей) и дальнейшего владения этим объектом на свободном праве, защищающем – с помощью особых «механизмов» – права владельца.

В Средние века различалась сейзина двух видов: *seisin in law* (термин, обозначающий *право* на свободное владение; иногда, например, при наследовании – *правовое состояние* «потенциального владения») и *seisin in deed* (термин, обозначающий фактическое свободное владение вещью после ввода во владение или обладание фригольдом).

Сейзина могла рассматриваться как публичный символический акт (или процедура) передачи имущественных прав, а также как особое вещное право, регулирующее отношения между сеньором и вассалом и обеспечивающее возможность его обладателю своими действиями извлекать пользу из вещи (владеть ею) в целях удовлетворения собственных потребностей или интересов.

В повседневности средневековой Англии сейзина постепенно приобрела значение «зримого выражения владельческих прав» (более всего – на недвижимость) и даже непосредственного вещного объекта (например, участка земли), обладатель которого мог владеть, пользоваться и распоряжаться этим объектом. При этом он был обязан определенными службами сеньору, городу или королю.

В правовом отношении понятие сейзины является близким к понятию «*собственность*»³, которое еще Генри Брактон (XIII в.) трактовал не столько как абстрактный концепт, сколько как правомочие, необходимое для судебной тяжбы, и более всего

² Ф. Мейтленд и Ф. Поллок связывали указанное понятие прежде всего именно с *действием*, обозначающим вторжение, захват (земли) [глагол *to seize*] в давние «англосаксонские» и «франкские» времена раннего Средневековья [Pollock, Maitland, 1895, p. 31].

³ Хотя со времен римского права на средневековом Западе более распространенным было понятие «*владение*» – «*possession*».

для иска, определяя ее природу в качестве юридической принадлежности имущества.

Отмечу, что на рубеже XIX–XX вв. и позднее правовое значение сейзины было предметом исследования Ф. Мейтленда, Ф. Поллока и некоторых других авторов [Maitland, 1909, p. 591–610; Maitland, 1885, p. 324–341; Pollock, 1888]. В отечественной дореволюционной историографии [Vinogradoff, 1892; Петрушевский, 1927] сейзина ассоциировалась с правом владения землей и упоминалась по большей части в связи не столько с феодалом, сколько с вилланским держанием. Затем этот важный феномен был незаслуженно забыт в нашей литературе; отечественные историки советского периода предпочитали писать о *феодальной собственности на землю* (и ее антипode – крестьянском держании), когда земля рассматривалась как объект феодальной собственности, а рента – как форма ее реализации. Правовые тонкости и особенности бытования сейзины не изучались и даже почти не упоминались (идея ритуала отсутствовала вообще).

Однако в 2007 г. кандидатскую диссертацию, посвященную генезису и бытованию сейзины, защитил А.А. Касатов [Касатов, 2007], историк из Санкт-Петербурга, и тем самым заново ввел «утерянное» было понятие в современную отечественную историографию⁴. Он показал этот феномен прежде всего как особым образом оформленную процедуру передачи владельческих прав – в отличие от традиционного представления о сейзине как о собственности или праве владения; представления, имеющего корни в историографии дореволюционного периода. Несколько позже по указанному вопросу (и смежным с ним проблемам) исследователь опубликовал ряд статей на страницах журнала «Средние века».

Работы А.А. Касатова, представляющие проблему сейзины, отличаются широким охватом средневекового социума. Исследовательски реализовав задачу реконструкции института сейзины, историк вписал его в широкий, многоплановый социально-правовой и властный контекст развития англо-нормандского общества XI–XIII веков.

Автор опирался на критерий эволюции романских глагольных форм «*saisire*», «*saisare*», etc., обозначающих процесс захвата и привнесенных в существительное «*saisina*» («*seisina*») в ходе

⁴ Не столь давно вышла и монография А.А. Касатова, посвященная проблеме сейзины [Касатов, 2019].

Завоевания Англии⁵. Это в значительной мере позволило исследовать данный феномен не только как процедуру, но и как зримое выражение владельческих прав – объект владения.

Сейзина раннего Средневековья (в ее сопоставлении с аллодом и континентальной инвеститурой) рассматривается автором на основе этимологического анализа терминологии источников как динамичная социально-имущественная форма, эволюционировавшая от акта захвата в VII–VIII вв. до акта ввода во владение землей или имуществом в X–XII вв., включая физический ввод в сейзину нового владельца. При этом объектом акта сейзины, по мнению автора, чаще выступал именно новый владелец, а даже не сама земля. Формы *sacige – se/aisire* автор справедливо квалифицирует как выражение действий или актов: от конфискации и захвата до ввода во владение.

Специально хотелось бы подчеркнуть также работу автора [Касатов, 2007], подготовленную им в связи с исследованием института т. н. *«liberatio»* (ритуал ввода во владение – и прежде всего представителей англосаксонской знати – со стороны короля), свойственного лишь английской истории периода Завоевания и уникального в упоминании и описании даже в среде английских историков.

В Книге Страшного суда акт *«liberatio»* или – более образно – *«королевской сейзины»*, как имеющий большую юридическую силу, противопоставляется акту *«обыкновенной»* сейзины. Ведь инициаторы последней нередко, вопреки воле короля, заинтересованного в опоре на местную знать, ущемляли права свободных англосаксов.

В этом смысле интересен анализ акта сейзины как способа оформления прав на домениальное имущество в англо-нормандский период в качестве, в частности, выражения роли королевской власти, в связи с чем впечатляет фраза А.А. Касатова, заимствованная им из литературы – о том, что «нормандцы прибыли с идеей феода в голове». Возможно, именно эта «идея» формализовывалась в акте сейзины и его лексическом выражении в документах англо-нормандской эпохи? Если вспомнить о более раннем варианте континентальной и, в частности, северофранцузской феодализации, приобретшей специфические черты в Англии,

⁵ А.А. Касатов даже ведет речь о субстантивированном (образованном от иной части речи; в данном случае – от глагола) существительном.

то «идея феода» вполне могла реализовываться с прибытием нормандцев в течение XII–XIII вв. – и не в последнюю очередь в виде королевской сейзины.

Когда-то, говоря о процессах феодализации в Англии, Д.М. Петрушевский писал о том, что эта страна была в период Завоевания самой феодальной из всех феодальных стран Европы. Думается, что он имел в виду не только прямое подчинение нормандских баронов королю, но и «охранительную» политику самого Вильгельма в отношении англосаксов с целью уменьшить непомерные претензии своих соратников в процессе овладения ими новыми территориями. В этом смысле научный анализ института «*liberatio*» имеет большое значение. По-видимому, институт королевской сейзины, наряду с политикой «*scattered estates*», проводимой Вильгельмом, действительно мог ограничивать нормандскую знать, способствуя сохранению слоя свободных англосаксов – фактор, фактически не учтенный в нашей литературе, посвященной процессу феодализации в Англии.

А.А. Касатов раскрывает также такую интересную и мало исследованную в нашей литературе проблему как символы передачи владельческих прав. Примеры, почерпнутые автором из источников, свидетельствуют о том, что в качестве указанных символов традиционно использовалась палка («*baculus*»), иногда – палочка, веточка, которая передавалась новому владельцу имущественного объекта, либо возлагалась на алтарь. В качестве символов использовались также нож (реже, в рядах аристократии, – меч). Использование той или иной символики в определенном регионе Англии автор выводит из скандинавской, германской и римской традиций (например, параллели меч – нож; копьё – палка).

Отмечу, что мне также встречались данные о сейзине, отраженные в обычаях маноров и городов средневековой Англии, сопряженные с правилами наследования сейзины XI–XV вв., а также связанные с часто встречавшейся в указанный период практикой вторжения в сейзину. В этой связи важно ответить на следующий вопрос: можно ли говорить о том, что отмеченная А.А. Касатовым для XI–XIII вв. свобода распоряжения сейзиной сохранялась в Англии на протяжении столетий? Для ответа на этот важнейший вопрос, на мой взгляд, стоило подробнее рассмотреть сейзину не только как привнесенный в Англию институт раннего германского и нормандского «генеза» и результат зарож-

давшегося феодального общего права Англии, но и как предмет права обычного. Именно в обычаях, сохранявшихся на протяжении десятилетий и даже столетий, во многом коренились и англосаксонские, и англо-нормандские корни сейзины; нередко они, наряду с материалами грамот, хартий, трактатов ученых юристов и пр., хранили и вбирали в себя бытование сейзины не только в XI–XIII в., но и определяли ее будущее. А «будущее» было. Об этом свидетельствует терминология текстов обычаев XIV, XV, а иногда даже и XVI вв. И не только терминология, но и операции с землей, и земельные захваты, и правила наследования недвижимости, и многое другое.

Заинтересовавшись возможностью проследить «будущее» сейзины по отношению к тому периоду, для которого ее исследовал А.А. Касатов, я сочла возможным подготовить для журнала «Средние века» и свою статью о сейзине, посвященную исследованию этого института в обычном праве городов средневековой Англии (Винокурова, 2017, с. 115–153]. В этой статье исследуются вопросы, связанные с владением землей в городах (в том числе и в т.н. «малых») средневековой Англии согласно обычаям, представленным в обширной двухтомной публикации правовых норм «Borough Customs» [Bateson, 1904–1906; Винокурова, 2021].

Тексты обычаев дают нам основание говорить о том, что нередко в них по отношению к землевладению горожан применялся термин «сейзина» (*seisin*), который использовался в различных значениях. Это мог быть, во-первых, юридический «титул» земли; во-вторых – процедура наделения землей (или ввода во владение сейзиной: *livery* или *delivery of seisin*); в третьих – само право владения. Одной из самых характерных черт, присущих владельцам городской сейзины, являлась *свобода владения и распоряжения имуществом* – ввиду ее защищенности королевскими ассизами. В этом смысле сейзина приближалась к фригольду, была почти эквивалентна ему. Возможно, что сейзина и фригольд постепенно выкристаллизовывались в социальной действительности средневековой Англии как символы правовой свободы в иерархическом мире зависимости. Именно в этом я увидела «тайну» сейзины, ускользавшую – по собственному признанию историка – в свое время от Ф. Мейтленда. В связи с этим стоит также иметь в виду, что вообще понятие «сейзина» в его правовом значении было важно не столько само по себе, но и в связи с тем, что имело прикладной смысл защиты как судами общего права, так и специаль-

ными королевскими ассизами⁶. Согласно обычаям средневековой Англии, акт ввода в сейзину, связанный с приобретением (более всего – с покупкой) земли, чаще всего был публичным (как правило, он происходил в городском суде с участием основных должностных лиц города). По сути, он знаменовал собой допуск владельца в сферу городского «бана», то есть причисление его к разряду горожан, обладающих землей и, таким образом, причастных к фундаментальным основам, составляющим иммунитетные права города. Владение сейзиной в течение года и дня превращало участок в т.н. «*possession annale*», что, как отмечено в документах, было «больше, чем простое владение (*more than mere possession*)».

Владение сейзиной давало горожанину возможность выступать в качестве лица, имеющего большие преимущества перед остальным населением (жителями города, не обладавшими статусом горожан, и тем более – перед чужаками). При возникновении спорных случаев, связанных не с уголовными делами, а с гражданскими исками, основой которых являлись претензии на землю иных лиц, владелец сейзины даже мог не выступать в качестве ответчика.

К тому же срок в «год и день», связанный с правом королевского бана, избавлял лицо, приобретшее «*possession annale*», от выплаты рельефа или фэйна (взноса за вступление в сейзину)

⁶ Ф. Мейтленд в статье «Mystery of Seisin» писал, что сейзина как «право и титул» была важна для защиты от вторжения и для возврата земли в случае ее захвата. Ученый хоть и сетует на то, что загадка сейзины «ускользает» от него, но, тем не менее, отмечает важнейший признак сейзины: это владение, защищаемое королевскими ассизами (*seisin in assize-possession*). Указанное обстоятельство действительно имело «прикладной» смысл в плане защиты владения специальными королевскими постановлениями, имеющими цель если не предотвратить, то уменьшить постоянные «вторжения» в сейзину (*dissessins*). Отметим, что, очевидно, сейзина, связанная с недвижимостью, была не единственной формой владения и распоряжения имуществом. Например, Ф. Мейтленд приводит пример с женщиной, которая, чтобы доказать свое бывшее замужество в деле о наследовании, утверждала, что остается в «сейзине тела своего мужа» даже после его смерти. Он пишет также, следуя высказываниям Э. Кока, что понятие сейзины, например, использовалось при наделении дочери приданым (как движимым, так и недвижимым имуществом) со стороны ее отца, при различных формах наследования, при утверждении права вдовца на приданое его усопшей супруги при наличии общих детей.

бывшему владельцу данного участка, особенно в тех случаях, когда последний пребывал вне городских стен. В самом деле, этот срок имел очень большое значение; он не только делал свободным бежавшего виллана, но, как мы видим, освобождал также и от повинностей в отношении земли.

Судя по документам, «*possession annale*» и официальный акт ввода в сейзину (*official livery* [иногда: *delivery*] *of seisin*) были тесно связаны. При вводе в сейзину (формула ввода в документах не упомянута) вступающим во владение ею должен был уплачиваться золотой «безант» олддермену (обычно 2 шиллинга) и деньги на выпивку горожанам (*drink money*).

Что касается ритуала, это могла быть, как встарь, установка шеста или прута в центре участка. Но более значимым был процесс *передачи* права владения. Так, Ф. Мейтленд в упомянутой выше работе «*Mystery of Seisin*» замечал, что без передачи вещи нет и передачи права⁷ [Maitland, 1909, p. 602]. Нередко сейзину передавали с помощью таких символов как палка (*baculus*) или нож (*cultellus*). Нередко акт ввода в сейзину сопровождался символической передачей из рук в руки ключа, прута или куска дерна. Как свидетельствуют наши тексты, передающий землю обводил принимающего ее вокруг участка до начала самого ритуала передачи; собственно говоря, этот обход границ земли можно считать первым актом ритуала.

В сейзину, согласно обычаем, не могли вступать люди, не достигшие «должного возраста» (обычно 12 лет), заключенные, а также люди, служащие в войске и находящиеся вне страны. Эти же лица не могли возбуждать различного рода иски (наследственные или иски по рентным обязательствам), связанные с городской землей. Отметим также, что, как упоминалось выше, ввод в сейзину, по всей видимости, к XIV вв., становится более формализованным и нередко проводится уже не на самом участке земли в городе (как в более ранние времена), а в помещении городского суда, иногда – на народных собраниях или на городском рынке.

Очень важным является также и вопрос о наследовании сейзины. Как показал анализ текстов городских обычаев, наследнику, вступившему во владение участком после смерти и похорон отца, нередко вовсе не требовался публичный акт ввода в наследство; он становился хозяином всего имущества путем простого

⁷ «...without transfer of a thing there is no transfer of a right...».

действия: *входа и дальнейшего присутствия в доме умершего*. Это очень важно. Вспомним и здесь исследование Ф. Мейтленда, изучавшего сейзину и хорошо знавшего труд Г. Брактона «Законы и обычаи Англии». Ссылаясь на Брактона, он замечает, что основанием для вхождения в сейзину служила не смерть предка; самого этого факта не было достаточно. Для наследования сейзины было важно вступление в нее; «простой физический акт вступления (вхождения)» [Maitland, 1909, p. 596]⁸. А.А. Касатов писал о том, что, согласно Г. Брактому, сын не только принимал сейзину, но и должен был умереть в такой сейзине (*in tali saisina moriatur*). Брактон также писал о том, что, оказывается, человек удерживал сейзину и после смерти – до тех пор, пока его тело не отделялось от сейзины, то есть не соединялось с землей в результате погребения.

Тексты обычаев средневековых городов Англии содержат ряд определенных правил, связанных с частыми захватами и насильственным удержанием сейзины⁹, а также много интересных особенностей, посвященных ее повседневному бытованию. Однако мы не можем здесь подробно останавливаться на этом. В заключение подчеркнем лишь то обстоятельство, что проблема, обозначенная в этой статье, ввиду ее большой научной важности, требует дальнейшего исследования на материале не только Англии, но и всего средневекового Запада в целом¹⁰.

⁸ «...the heir wasn't put into seisin by his ancestor's death: an entry, a *real physical entry*, was necessary...». Специально отмечу, что Мейтленд имеет в виду не акт символической передачи прав (*livery of seisin*), описанный выше, а именно вход, «вхождение» в жилище с предлежащей к нему землей (после смерти отца).

⁹ Здесь отметим, что сейзина была владением, защищенным специальными королевскими ассизами или указами-постановлениями (*writs*), издававшимися по каждому, наиболее значимому, случаю захвата сейзины; за вторжения во владение карали поэтому достаточно жестко.

¹⁰ Такого рода работы уже имеются. Так, не столь давно статью о том, что, оказывается, в средневековой Франции существовала «сейзина должности» в качестве правовой основы «собственности на власть», опубликовала С.К. Цагурова. Она показала, что основными гарантиями прав владельцев должностей являлась длительность владения, исполнение обязательств по нему и «мирное обладание» [Цагурова, 2017]. Отмечу, что в Англии, насколько я знаю, такого феномена не существовало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокурова 2021 – *Винокурова М.В.* Обычаи городов средневековой Англии. М.; – СПб., 2019.

Винокурова 2017 – *Винокурова М.В.* Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 115–153.

Касатов 2007 – *Касатов А.А.* Англо-нормандская сейзина XI – первой трети XIII в. и ее континентальные истоки. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2007.

Касатов 2007 – *Касатов А.А.* Институт «liberatio» в Англо-нормандском королевстве: к вопросу о социальной политике Вильгельма Завоевателя // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2007. Вып. 68 (4). С. 66–91.

Касатов 2019 – *Касатов А.А.* Сейзина. Право, власть и общество в англо-нормандском королевстве XI–XIII веков. СПб., 2019.

Петрушевский 1927 – *Петрушевский Д.М.* Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М.; Л., 1927.

Цатурова 2017 – *Цатурова С.К.* Ввести во владение и сейзину должно-сти»: правовые основы возникновения «собственности на власть» во французской королевской администрации XIV–XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62).

Bateson 1904–1906 – *Bateson M.* (ed.) Borough Customs. Vol. I–II. (Selden Society; Vol. 17, 20). London, 1904–1906.

Maitland 1909 – *Maitland F.* The Mystery of Seisin // Select Essays in Anglo-American Legal History. Vol. III. Boston, 1909. P. 591–610.

Maitland 1885 – *Maitland F.* The Seisin of Chattels // The Law Quarterly Review. 1885. Vol. I. P. 324–341.

Pollock 1888 – *Pollock F.* An Essay on Possession of Common law. Oxford, 1888.

Pollock, Maitland 1895 – *Pollock F., Maitland F.* The History of English Law before the time of Edward I. In 2 vols. Cambridge, 1895.

Vinogradoff 1892 – *Vinogradoff P.* Villainage in England. Oxford.

А. А. ГОРСКИЙ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ «РАЗДРОБЛЕННОСТИ» РУСИ

В статье рассматривается вопрос о критериях для определения времени начала на Руси т.н. «раздробленности» – разделения единого политического образования на несколько самостоятельных. Признаком, по которому можно определять время превращения волости в самостоятельное государство («землю», по терминологии того времени), предлагается считать передачу княжеского стола в ней по наследству без какого-либо участия киевского князя. Со времени, когда киевский князь утрачивает возможность воздействовать на замещение стола, землю можно считать фактически независимым политическим образованием. Анализ известий источников позволяет сделать вывод, что в крупных волостях переход княжения без санкции киевского князя утверждается со второй трети XII века. 1132 г. – уход из жизни киевского князя Мстислава Владимировича – следовательно, действительно являет собой веху, после которой процесс обособления волостей от Киева получил серьезное ускорение и стал необратимым.

Ключевые слова: Русь, раздробленность, земли, волости, княжеский стол, наследование княжения

В историографии по-разному определяется время начала на Руси т.н. «раздробленности» – разделения единого политического образования на несколько самостоятельных. Причем датировки колеблются в пределах целого столетия. Наиболее ранней предлагаемой датой является 1054 г. – раздел Руси между сыновьями Ярослава Владимировича¹. Наиболее поздней – 1146 г., когда по смерти киевского князя Всеволода Ольговича начинается междоусобица [Франклин, Шепард, 2000, с. 463–502]. В качестве вех

¹ Этой даты придерживались исследователи дореволюционного периода, ныне ее отстаивает В.А. Кучкин [Кучкин, 2012].

называются также 1097 г., когда на съезде князей в Любече был принят принцип закрепления за сильнейшими князьями владений, принадлежащих их отцам, и 1132 г. (кончина киевского князя Мстислава Владимировича). При этом четких критериев, что считать главной вехой, не приводится.

«Ряд» Ярослава и решения Любечского съезда действительно можно считать конкретными шагами в сторону политического дробления. Но означали ли они закрепление территорий за определенной княжеской линией? Деление 1054 г. [ПСРЛ, 1997, стб. 161] – только «на 40 процентов»: за потомками Святослава и Всеволода Ярославичей выделенные Ярославом владения впоследствии сохранились, но Киев ушел из-под власти потомков Изяслава Ярославича, Волынь не закрепилась за потомками Игоря Ярославича, а Смоленск – за потомками Вячеслава Ярославича. Деление 1097 г. [ПСРЛ, 1997, стб. 256–257], помимо подтверждения владения Святославичами и Владимиром Всеволодичем Мономахом их «отчинами», закрепило за Володарем и Васильком Ростиславичами юго-западные волости Руси – Перемышль и Теробовль, позднее составившие под властью их потомков Галицкую землю. Но из владений Святополка Изяславича за его потомками остались Туров и Пинск, но не Киев, а Владимир-Волынский ушел из-под власти Давыда Игоревича и его потомства. То есть ни раздел 1054 г., ни решения 1097 г. не были полностью исполнены.

Между тем существует признак, по которому можно определять время превращения волости в самостоятельное государство («землю», по терминологии того времени²). Это передача княжеского стола в ней по наследству без какого-либо участия киевского князя. Со времени, когда киевский князь утрачивает возможность воздействовать на замещение стола, землю можно считать фактически независимым политическим образованием. Что дают в этом отношении данные источников по крупным землям, тем, где утвердились определенные династические линии: Черниговской, Смоленской, Суздальской, Полоцкой, Галицкой и Волынской?

В Чернигове с 1094 г. правили потомки Святослава Ярославича, эта ситуация была закреплена решением Любечского съезда

² О соотношении понятий земля и волость см. [Горский, 2008; Горский, 2019, с. 65–78, 157–162].

1097 года. В 1123 г. умершего Давыда Святославича сменяет Ярослав Святославич – следующий по старшинству брат [ПСРЛ, 2001, стб. 286]. В 1127 г. Ярослава изгоняет племянник (старший сын его старшего брата Олега) Всеволод Ольгович [ПСРЛ, 2001, стб. 289–291]. Это вызвало гневную реакцию киевского князя Мстислава Владимировича, причем из летописного рассказа ясно, что предшествующее вокняжение Ярослава в Чернигове (1123 г.) произошло с санкции Мстислава и бывшего в то время киевским князем его отца Владимира Мономаха: «И прииде Ярославъ из Мурома къ Мьстиславу, кланяся ему, моляшеться, река: «Хрестъ еси человаль ко мнѣ, поиди на Всеволода»» [ПСРЛ, 2001, стб. 290–292; ПСРЛ, 1997, стб. 296–297]. Следующая смена князя в Чернигове произошла в 1139 году. Всеволода Ольговича, перешедшего на киевский стол, сменяет его двоюродный брат Владимир Давыдович. Летописные формулировки: «А в Черниговѣ посади (Всеволод – А. Г.) Володимера Давыдовича», «Да и (Чернигов – А. Г.) Давыдовицю» [ПСРЛ, 1997, стб. 307; ПСРЛ, 2001, стб. 303]. В 1151 г. место погибшего в бою на р. Руте под Киевом Владимира Давыдовича занимает его младший брат Изяслав [ПСРЛ, 2001, стб. 338–340]. Оба Давыдовича были союзниками киевского князя Изяслава Мстиславича в войне с его дядей суздальским князем Юрием Владимировичем («Долгоруким»). Изяслав Мстиславич на поле битвы говорит Изяславу Давыдовичу: «поѣди же Чернигову» (чтобы похоронить брата там); Изяслав погребает Владимира, «а самъ сѣде на столѣ брата своего въ Черниговѣ». В 1157 г. занявшего киевское княжение Изяслава Давыдовича сменяет в Чернигове двоюродный брат Святослав Ольгович [ПСРЛ, 2001, стб. 490]. При этом возникает спор Святослава Ольговича с двоюродным племянником – Святославом Владимировичем (сыном Владимира Давыдовича); киевский князь Изяслав Давыдович, родной дядя Святослава-младшего, находится на его стороне, но соглашается, чтобы Святослав Ольгович княжил в Чернигове, а Святослав Владимирович получил его прежний стол – в Новгороде-Северском. В 1164 г., по смерти Святослава Ольговича, черниговский стол пытается занять его старший сын Олег, но после переговоров уступает его племяннику Святослава (старшему сыну его старшего брата Всеволода) – Святославу Всеволодичу [ПСРЛ, 2001, стб. 522–524]. О воздействии тогдашнего киевского князя Ростислава Мстиславича данных нет, спор за Чернигов предстает как внутреннее дело

местной княжеской ветви. Но и предыдущие случаи, после событий 1127 г., уже вряд ли свидетельствуют о верховном сюзеренитете киевских князей над Черниговом, хотя они и участвуют в событиях, связанных со сменой здесь князей. В 1139 и 1157 гг. киевские князья принадлежали к черниговской ветви, их участие в решении вопроса о черниговском столе было естественным, поскольку Всеволод Ольгович и Изяслав Давыдович переходили с черниговского княжения на киевское. В 1151 г. киевский князь отсылает Изяслава Давыдовича от войска в Чернигов для похорон брата; указаний, что он благословил занятие Изяславом черниговского стола, нет.

Таким образом, можно сказать, что занятие черниговского стола перестает быть связано с волей киевского князя во второй трети XII века.

Основатель смоленской княжеской ветви Ростислав Мстиславич был посажен в Смоленске отцом, киевским князем Мстиславом Владимировичем. Последующие смены князей на смоленском столе происходили в ситуациях, когда в Киеве сидели князья смоленской ветви. В 1159 г. занявшего киевский стол Ростислава Мстиславича сменяет в Смоленске его старший сын Роман [ПСРЛ, 2001, стб. 504, 510]. В 1171 уже Роман Ростиславич вокняжился в Киеве, а смоленский стол занял его сын Ярополк. В данном случае имеется формулировка о посадении Ярополка Романом: «сынови Ярополку да Смоленескъ» [ПСРЛ, 2001, стб. 568]. В 1172 г., вынужденный уйти из Киева, Роман возвращается на смоленское княжение, сменяя сына [ПСРЛ, 2001, стб. 570]. В 1174 г. он вновь занимает Киев, и в Смоленске князем опять оказывается Ярополк [ПСРЛ, 2001, стб. 600; ПСРЛ, 1997, стб. 374]. Но в 1175 г. смольняне изгоняют Ярополка Романовича, и его место занимает дядя (младший брат отца) – Мстислав Ростиславич [ПСРЛ, 1997, стб. 374]. О действиях киевского князя в этой ситуации ничего не известно. В 1176 г. вновь потерявший киевское княжение Роман Ростиславич сменяет Мстислава [ПСРЛ, 2001, стб. 605, 609]. В 1180 г., по смерти Романа, смоленским князем становится его младший брат Давыд Ростиславич [ПСРЛ, 2001, стб. 616]. В Киеве в это время княжит его старший брат Рюрик, о какой-либо роли его в вокняжении Давыда данных нет. В 1197 г. по смерти Давыда, смоленский стол занимает его племянник Мстислав Романович, сын старшего брата – Романа Ростиславича [ПСРЛ, 2001, стб. 702–705]. В Киеве тогда также

сидел Рюрик Ростиславич; о его участии в смоленских событиях ничего не известно.

Таким образом, киевские князья имели отношение к переменам на смоленском столе в ситуациях, когда смоленский князь переходил на киевский стол, или терял его и возвращался в Смоленск. В иных случаях (1180 и 1197 г.) влияние киевского князя на занятие смоленского стола не прослеживается, несмотря на то, что Киев в эти моменты времени принадлежал смоленской ветви Ростиславичей.

В Суздальской земле в 1157 г, по смерти Юрия Владимировича, занимавшего с 1155 г. одновременно с суздальским и киевский стол, князем становится его старший на тот момент сын Андрей [ПСРЛ, 1997, стб. 348], хотя Юрий предпочитал видеть в качестве своих наследников младших сыновей – Михалко и Всеволода [ПСРЛ, 1997, стб. 372; Кучкин, 1984, с. 86–87]. Со сменой киевского князя (им после Юрия стал Изяслав Давыдович из черниговской ветви) у этих событий нет никакой связи. В 1174 г., после гибели Андрея Юрьевича в результате заговора, править в Суздальской земле после борьбы с его младшими братьями Михалко и Всеволодом начинают племянники – Мстислав и Ярополк Ростиславичи, сыновья старшего брата Андрея Ростислава [ПСРЛ, 1997, стб. 371–374]. Год спустя Михалко и Всеволод Юрьевичи одерживают победу над племянниками, во Владимире (куда Андрей Боголюбский перенес из Суздаля столицу земли) садится Михалко [ПСРЛ, 1997, стб. 374–379], а после его смерти в 1176 г. – Всеволод [ПСРЛ, 1997, стб. 379–380]. Киевский князь Роман Ростиславич в этих событиях не участвует; поддержку Михалку и Всеволоду оказывал князь черниговский – Святослав Всеволодич.

Таким образом, смена князей на главном столе Суздальской земли во второй половине XII в. никак не связана с киевскими князьями.

Полоцкое княжение обособилось вроде бы ранее всех – уже в XI в. в Полоцке закрепляется своя династическая линия: Изяслава Владимировича (ум. 1001 г.) сменяет его сын Брячислав [ПСРЛ, 1997, стб. 129], Брячислава сын Всеслав (1044 г.) [ПСРЛ, 1997, стб. 155], Всеслава (ум. 1101 г.) его сыновья [ПСРЛ, 1997, стб. 274]. О санкциях киевского князя на перемены на полоцком столе данных нет. Правда, Всеслава дважды смещали с полоцкого стола (1067 и 1069 гг.), причем во втором случае киевский князь Изяс-

лав Ярославич посадил в Полоцке своего сына [ПСРЛ, 1997, стб. 174], но это происходило в условиях междоусобных войн, и Всеслав быстро возвращал себе княжение (а в 1068–1069 сумел сам покняжить в Киеве) [ПСРЛ, 1997, стб. 172–174]. Однако в 1129–1130 гг. киевский князь Мстислав Владимирович лишил князей полоцкой ветви владений и сослал в Византию [ПСРЛ, 1997, стб. 301; ПСРЛ, 2001, стб. 293]. В Полоцке он посадил своего сына Изяслава [ПСРЛ, 1997, стб. 301]. Только после смерти Мстислава, в 1130-е гг., потомки Всеслава Брячиславича вернулись и возвратили себе владения [ПСРЛ, 1997, стб. 302]. С этого времени можно говорить об окончательном обособлении Полоцкой земли.

На столе в Галиче с 1141 г. княжил Владимир Володаревич [ПСРЛ, 2001, стб. 308]. О санкции киевского князя на его вокняжение сведений нет. В 1153 г., по смерти Владимира, галицкий стол занимает его сын Ярослав [ПСРЛ, 2001, стб. 463–465]. У Владимира Володаревича было на тот момент состояние войны с киевским князем Изяславом Мстиславичем; Ярослав заключил мир на условиях Изяслава, но тот не утверждал его в качестве галицкого князя. В 1187 г. место Ярослава Владимировича после его кончины занимает (вопреки воле отца, отдававшего предпочтение побочному сыну Олегу) его сын Владимир [ПСРЛ, 2001, стб. 656–657]. В летописном описании этих событий нет намека на роль киевского князя (на тот момент – Святослав Всеволодич). Позже претензии на Галич высказали Роман Мстиславич, князь владимирово-волинский, а также венгры. Изгнанный из Галича Владимир Ярославич вернулся на свой стол в 1190 г. благодаря поддержке дяди по матери – Всеволода Юрьевича Суздальского [ПСРЛ, 2001, стб. 659–667].

Очевидно, что со второй трети XII в. замещение князей на галицком столе – внутреннее дело местной княжеской ветви.

Княжение во Владимире-Волинском в 1156 г. было захвачено Мстиславом Изяславичем, изгнавшим своего дядю Владимира Мстиславича [ПСРЛ, 2001, стб. 484–485]. В 1170 г., после смерти Мстислава, его старший сын Роман занял владимирский стол без какого-либо участия киевского князя (им был Глеб Юрьевич, сын Юрия «Долгорукого») [ПСРЛ, 2001, стб. 561–562].

Таким образом, в крупных волостях переход княжения без санкции киевского князя утверждается со второй трети XII века. 1132 г. – уход из жизни Мстислава Владимировича – следователь-

но, действительно являет собой веху, после которой процесс обособления волостей от Киева получил серьезное ускорение и стал необратимым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Горский 2008 – *Горский А.А.* Земли и волости // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

Горский 2019 – *Горский А.А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Кучкин 1984 – *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984.

Кучкин 2012 – *Кучкин В.А.* О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. 2012. № 1 (148).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1997; Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 2001.

Франклин, Шепард 2000 – *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000.

П.В. ЛУКИН

К ВОПРОСУ О «ЮГОРЩИНЕ»

В статье на основании текстологического, лингвистического и исторического исследования рассматривается вопрос о значении слова «югорщина» в известии летописей новгородско-софийской группы о строительстве в 1365 г. в Новгороде церкви Троицы на Редятине улице. Делается вывод о целесообразности возвращения к уже высказывавшемуся в XIX в. мнению о том, что это было обозначение дани или поборов с населения Югры, а не наименование корпорации «югорцев» (участников похода на Югру, купеческого объединения и т.д.).

Ключевые слова: Новгород, Югра, Ханты-Мансийский автономный округ, летописи, церковь Троицы на Редятине улице, дань

Благодарности: Автор признателен за содействие, советы, консультации и конструктивную критику А.М. Введенскому, А.Ю. Виноградову, А.А. Гиппиусу, Д.В. Каштанову, В.Б. Крысько, П.В. Петрухину, А.С. Преображенскому, Д.В. Сичинаве. Никто из них не несет ответственности за возможные ошибки, допущенные автором.

В летописях новгородско-софийской группы сохранилось известие о строительстве в 1365 г. в Новгороде на Софийской стороне в Людине конце каменной церкви Троицы на Редятине улице. В разных летописных текстах есть небольшие разночтения (отмечаем только значимые для нашей темы). Новгородская IV летопись (далее: НIV): «Югорщиною заложь церковь каменну святую Троицу на Рядятинѣ улици» (НIV, Строевский и Академический списки, в Академическом «Югорщиною» исправлено позже из «Югорщина»); «Югорщина заложиша...» (НIV, Голицынский и Новороссийский списки); «Югорщиною заложихи...» (Синодальный список) [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 291 и прим. 34 и 35]; «Югорщиною заложиха» (Музейский 1-й список) [Муз I, л. 52].

В других летописях чтения следующие. Новгородская Карамзинская летопись, 2-я выборка: «Югорщина заложиха...» [ПСРЛ, т. XLII, с. 132]. Новгородская V летопись (далее: НV):

«Югоръщиною заложыша...» [НВ, л. 628 (620)]. «Летопись Аврамки» (далее: ЛА): «Югоръщиною заложыша...» [ПСРЛ, т. XVI, стб. 91]. Таким образом, церковь была построена благодаря некоей югорщине», вопрос заключается только в том, какое чтение было изначальным: являлась ли «югорщина» *активным действующим лицом* или некто заложил церковь *с помощью* «югорщины»¹. С текстологической точки зрения, если подходить формально, более раннее чтение – «Югорщина заложыша», так как оно содержится в списках НІV старшей редакции (далее: НІV ст.), тогда как альтернативное «Югорщиною заложы / заложыша» – в списках НІV младшей редакции (далее: НІV мл.) и восходящих к ней НВ и ЛА². Однако такие незначительные разночтения по существу малозначимы и вполне могли возникать независимо друг от друга в разных списках³. Подтверждением этого в данном случае служит «двойная» правка в Академическом списке НІV: исходя из предполагаемой текстологической схемы в протографе НІV мл. должно было стоять «Югорщиною», но в оригинале списка это уже было заменено на «Югорщина», и, наконец, уже по готовой копии вновь исправлено на «Югорщиною». Существует, кроме того, мнение, что НІV мл. не восходит непосредственно к НІV ст., но что обе редакции восходят к одному источнику – «своду 1428 г.» [Клосс, 2000, с. XVI–XVII]⁴. В такой ситуации нужно искать иные критерии для оценки чтений.

Чем вообще может быть «югорщина»? Очевидна связь этого обозначения с Югрой – отдаленной новгородской волостью в северном Приуралье, куда новгородцы ходили еще с XI в. за пушшиной – важнейшим источником их благосостояния [Насонов, 1951, с. 79–80, 96, 110–114; Янин, 1998, с. 319–327]. В договорах

¹ Попытки связать с Югрой более раннюю церковь святой Троицы, построенную в 1165 г. «шетичиничами/шетиничами/шетеничами» [Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 50–51; Гаевская, Кардаш, 2019, с. 61], лишены оснований: по мнению большинства ученых, ее ктитором, вероятнее всего, была купеческая корпорация, торговавшая с западнославянским Щецином [ПСРЛ, т. III, с. 31, 219; Leciejewicz, 1962, р. 163; Новосельцев, Пашуто, 1967, с. 91]. Даже если это не так, югорские контакты здесь не просматриваются.

² О соотношении летописных текстов см.: [Бобров, 2000, с. 167–194, 218–233, 229–233].

³ См. об этом: [Лихачев, 2001, с. 183].

⁴ О том, что в НІV ст. есть следы вторичного редактирования см.: [Бобров, 2000, с. 186–194].

Новгорода с князьями Югра регулярно фигурирует как новгородская волость, начиная с самых ранних из сохранившихся – проектов договорных грамот Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. [ГВНП, 1949, № 1, с. 9; № 2, с. 11]⁵. Что же касается самой ситуации, то в историографии сложились две интерпретации этого известия.

Первая трактовка известна очень давно. Ее можно условно назвать «даннически-грабительской». Вполне четко сформулировал ее, возможно, впервые российский статистик XIX в. А.Б. фон Бушен: «Дань, платимая Югрою звериными шкурами и ... моржовыми клыками, была взимаема вооруженною рукою, поступала в казну неправильно и употреблялась на постройку церквей и единовременных потребностей. В летописях она называется *югорщиною*» [Бушен, 1855, с. 172, 2-я пагинация]. Впоследствии ее практически без изменений или с небольшими вариациями повторяли многие ученые (например: [Беляев, 1864, с. 449; Ешевский, 1866, с. 226–227; Бернадский, 1961, с. 29–30])⁶.

Другая концепция возникла, как можно догадываться, еще раньше – в древнерусское время. В летописях XVI в., Новгородской Большаковской и Новгородской второй, говорится о закладке этой церкви «югорцами» (соответственно: «Поставиша югорхы»; «А Югорци заложиша...»). Летописцы исходили, как можно думать, из представления о том, что это было название каких-то людей, так или иначе с Югрой связанных [Конявская, 2005, с. 357; НЛ, с. 34]. Это представление оказало влияние и на научную литературу. М.Н. Бережков считал – с опорой именно на данные поздней летописи – что «югорцами» называлось либо «особенное купечество», либо промышленная артель [Бережков, 1879, с. 172]. Патрональным храмом купцов-«югорцев» считал церковь Троицы и, пожалуй, самый серьезный отечественный историк Новгорода XIX в. А.И. Никитский [Никитский, 1893, с. 90]⁷. Впоследствии наибольшую популярность в рамках этой концепции приобрела точка зрения о том, что это было наименование новгородской купеческой (торгово-промышленной) корпорации, торговавшей

⁵ О дате см.: [Янин, 1991, №№ 67–68, с. 142–146].

⁶ Возможность такого понимания «югорщины» допускал и В.Л. Янин [Янин, 1998, с. 319]. Ср. близкую интерпретацию: [Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 54].

⁷ Интересно, что при этом он ссылаясь на чтение «Югорщиной заложиша...».

с Югрой [Шашков, 2013, с. 288; Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 50]⁸. По мнению В.Б. Перхавко, «отчаянные люди», ходившие на Югру, именовали себя «братией», и в ее состав входили и те, кто занимался сбором дани, и те, кто торговал пушниной [Перхавко, 1999, с. 170]. Недавно Вл.В. Седовым была предложена другая трактовка в рамках этой же концепции. Важнейшим и весьма сильным его аргументом стала связь этого известия с летописным рассказом в летописях новгородско-софийской группы под 1364/5 г. о походе на Югру отряда во главе с Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой незадолго до того: «Тое зимы съ Югры Новгородци приихаша, дѣти боярьския и молодые люди, и воеводы Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа, воевавшѣ по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша; и Двиняни сташа против ихъ полкомъ, и избиша Двинянь на Курѣ» [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 291; ПСРЛ, т. XLII, с. 132 (2-я выборка); ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 436]⁹. Вл.В. Седов полагает, что «югорщину» составляли участники похода, вернувшиеся с Югры и поставившие храм на средства, полученные ими в результате успешного и прибыльного предприятия. Такие временные корпорации для строительства храмов или пожертвований на церковные нужды действительно создавались в Новгороде [Седов, 2015, с. 25–26].

«Артельная» концепция, хотя и возможна и с текстологической, и с лингвистической точки зрения (даже если считать первичным чтение «югорщиною» – оно, в принципе, может относиться к некоему коллективу), наталкивается, как кажется, на две проблемы.

Во-первых, нет очевидных аналогов «югорщины» как коллектива. Известны новгородские сообщества, выступавшие в роли коллективных ктиторов, но они назывались иначе. В Новгороде существовали, например, иванское и «заморское» купечество, которые действительно были купеческими объединениями (о втором из них сохранилась даже летописная запись под 1156/7 г., где

⁸ Соответствующая интерпретация помещена даже на современной мемориальной доске, прикрепленной к церкви.

⁹ А.А. Шахматов причислял этот рассказ к «избыточным» известиям летописей новгородско-софийской группы, которые восполняют пробелы в НПЛ, т.е. восходят к более раннему источнику [Шахматов, 2003, с. 450].

оно выступает в роли коллективного ктитора – строителя храма¹⁰), но они не назывались «иванщиной» или «заморщиной». Более того, такие обозначения, по-видимому, вообще неизвестны новгородской, а то и в целом древнерусской традиции. Подобного рода обозначения коллективов и вообще крайне редки и вряд ли могут быть сопоставлены с гипотетическим наименованием гипотетической «артели» новгородских югорцев. Например, знаменитая «община» – понятие, по всей видимости, литературного происхождения, представляющее собой кальку с греческого κοινωμία (не говоря о том, что в этом слове суффикс, скорее, *-ин-*, а не *-щина-*); позднее «непоповщина» – пейоративное наименование идеологии части старообрядцев, которые сопоставляются с «иконоборцами» и «лжехристовцами»... [СДРЯ, 2002, с. 570; СлРЯ, 1991, с. 197; СлРЯ, 1986, с. 227; Лопарев, 1895, с. 97]. Зато имеется целая россыпь лексем с элементом *-щина*, обозначающих разного рода подати, повинности и поборы. Некоторым затруднением здесь может показаться то обстоятельство, что в большинстве лексем «податного» характера, подобных «югорщине» («тагарщина», «польщина», вплоть до хрестоматийной «барщины»), производящая основа обозначает не тех, кто платит дань или несет повинности, а их получателей. Но есть и исключения, и их немало. Зафиксировано, например, слово «посощина», синоним «посохи», означающее поземельную подать или повинность, которая шла с «сохи», т.е. с крестьян [Срезневский, 1895, стб. 1253; СлРЯ, 1991, с. 209; ГСБМ, 2007, с. 147–148]. Привлекает в этом смысле внимание также такой пример (из привилея великого князя литовского Александра 1499 г. смоленскому архиерею): «з нихъ идетъ намъ служба одна плотницкая а посощина» [ГСБМ, 2007, с. 148]. Другой пример – подать под названием «яловщина», которую платили, надо думать, с яловых (т.е. не давших еще приплода) коров. Она упоминается в «Записи о ржевской дани», составленной после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. и сохранившейся в составе Литовской метрики. Там указывается, что до этого с Ошевского (Ашевского) погоста «королю» (т.е. великому князю литовскому) шло «сто руб[левъ] да три руб[ли] а яловщины шесть рублевъ да четверть» [РИБ, 1910, с. 465; см.: Срезневский, 1903, стб. 1656]. Может быть, еще более показа-

¹⁰ «Въ то же лѣто поставиша заморьстии [купци] церковь святаго Пятницѣ на Търговищи» [ПСРЛ, т. III, с. 30, 216–217].

тельным выглядит понятие «смердовщина», упоминающееся в царских грамотах XVI–XVII вв. и означающее «побор с крестьян в пользу государства», ср. в грамоте 1598 г.: «Н[а]ши бояре и намѣстники и н[а]ши ноугородцкие и великолутцкие и пригородцкие воеводы ... тѣх его [новгородского митрополита] людей и крестьян не судят ни в чомъ и кормов своих въѣзжихъ и меховщины и смердовщины ни паралских денег и никоторых поборов не емлют» [СлРЯ, 2000, с. 159]. Наконец, показательна ситуация с понятием «бобыльщина». Так в XVII в. назывался оброк, взимаемый землевладельцем с бобылей – крестьян, не имевших своей пашни и не несших в полном объеме государева тягла. У «бобыльщины» был синоним – «бобыльское», а последняя форма издревле характерна для обозначения всякого рода податей и повинностей [СлРЯ, 1975, с. 255]. Это, конечно, не прямые параллели «югорщине», но они показывают, что так очень часто называли выплаты, повинности и поборы самого разного характера. Сама форма с творительным падежом также находит параллели и отнюдь не является исключением¹¹.

Во-вторых, не в пользу «артельной» интерпретации говорит, как кажется, исторический контекст летописного известия. Прежде всего, Югра в это время была не равноправным торговым партнером Новгорода, а объектом даннической эксплуатации и грабительских походов. Считать «югорщину» некоей корпорацией сборщиков дани с югры тоже не получается: нам известно, как они назывались – югорскими данниками, а не «югорщиной» [ПСРЛ, т. III, с. 38, 229]. Далее, имеет смысл развить наблюдения Вл.В. Седова. Если об одном из руководителей упомянутого выше похода на Югру Степане Ляпе ничего не известно, то о втором, Александре Абакуновиче, сведения имеются. Он принадлежал

¹¹ Об этом еще будет сказано ниже, но здесь можно привести такие примеры. В 1262 г. в Новгороде «постави чернець Василии церковь святого Василия», но – добавляет летописец: «бог его въсть, своим ли или Борисовымъ Гавшинича» [ПСРЛ, т. III, с. 83] (подразумевается: «капиталом, своим или Бориса Гавшинича»). О храмах в Новгороде может говориться в летописях, что они построены «стяжением» (т.е. с помощью средств) такого-то [ПСРЛ, т. III, с. 333, 407]. То же – о росписи св. Софии Новгородской: «...на весну почаша пьсати святую Софию, стяжаниемъ святого владыкы» [ПСРЛ, т. III, с. 19; о значении слова см.: СлРЯ, 2008, с. 232]. Поскольку речь идет об умершем епископе Никите, под «стяжением» подразумеваются, естественно, оставшиеся после его смерти средства.

к верхушке новгородского общества. Его брат Богдан Абакунович (Обакунович) был тысяцким во второй половине 80-х гг. и посадником в 90-е гг. XIV в. и представлял в посадничестве, как полагают В.Л. Янин, Прусскую улицу и соответствующую территориально-клановую группировку, а в 1394 г. был избран степенным посадником [Бернадский, 1961, с. 160; Янин, 2003, с. 295; Дубровин и др., 2022, с. 36–39]. Известны личные печати Александра Абакуновича, найденные в Новгороде и Русе [Янин, Гайдуков, 1998, № 680д; Торопова и др., 2018, с. 27, 32 (рис. 4)]¹². В 1366 г. он ходил в качестве одного из воевод, командовавших новгородским отрядом, на Волгу и дошел до Нижнего Новгорода [ПСРЛ, т. III, с. 369; т. IV, ч. 1, с. 292]. В 1372 г. Александр Абакунович погиб, защищая Торжок от войск тверского князя Михаила Александровича [ПСРЛ, т. III, с. 372]. Не видно, чтобы интересы этого крупного новгородского политического деятеля концентрировались именно на Югре, и очень сомнительно, чтобы он мог определяться летописцем как член корпорации «югорцев», хотя бы и временной.

Тут, впрочем, нужно иметь в виду, что рассказы о строительстве Троицкой церкви и о походе на Югру, по-видимому, происходят из разных источников. Если известие о походе Степана Ляпы и Александра Абакуновича, как уже говорилось выше, восходит к общему источнику новгородско-софийских летописей, то отсутствующее в Софийской I летописи известие о постройке церкви Троицы может относиться к серии таких сообщений, появившихся на одном из более поздних этапов редактирования [Лурье, 1976, с. 80–83]¹³. И все же связь между двумя известиями представляется более чем вероятной, даже если они принадлежат перу разных летописцев. И подтверждается это аналогией, на которую также обратил внимание Вл.В. Седов. В 1413 г. в благодарность за успешный поход на шведский Выборг была построена церковь архангела Гавриила на Хревкове улице: «Постави владыка Иоан с воеводами новгородскими и съ их вои, что былѣ у Выбора, и пометомъ хрестияньскимъ церковь камену сборъ архангела Гав-

¹² Еще один вероятный брат Александра и Богдана Абакуновичей Фома был посадником как раз в Русе [Дубровин и др., 2022, с. 39].

¹³ Впрочем, А.А. Шахматов причислял этот рассказ к «избыточным» известиям летописей новгородско-софийской группы, которые восполняют пробелы в НПЛ, т.е. восходят к более раннему источнику [Шахматов, 2003, с. 450].

рила на Хревьковъ улицы» [ПСРЛ, т. III, с. 404; Седов, 2015, с. 25–26]. Ситуации выглядят очень похоже: успешный поход, строительство церкви, вероятно, по обету. Обращает также на себя внимание и организация строительства. Коллективным ктиторм выступили участники похода, но также и все новгородское сообщество во главе с архиепископом, участвовавшее в нем «пометом». Вл. В. Седов считает, что это были добровольные пожертвования, но, учитывая как значение слова «пометь» (по документальным источникам, это не пожертвование, а подать, раскладывающаяся между теми, кто обязан ее платить [СлРЯ, 1991, с. 13–14]¹⁴), так и хорошо известные черты общественного строя Новгородской республики, можно предположить, что эти выплаты носили, скорее, добровольно-принудительный характер, представляя собой нечто вроде «самообложения», уклонение от которого было равнозначно противопоставлению себя политическому коллективу. Примерно то же самое, возможно, имело место и с «югорщиной» – часть средств, которые были получены участниками успешного похода с одной из периферийных волостей – объектов централизованной эксплуатации со стороны «всего Великого Новгорода», пошла на строительство обетного храма.

Таким образом, мы считаем возможным вновь принять во внимание «даннически-грабительскую» гипотезу о «югорщине». Она позволяет интерпретировать «югорщину» как некое *средство*, с помощью которого был возведен храм. Это могло быть название самой дани, которая собиралась с Югры, или / и тех средств, которые были получены в результате ее реализации, или / и (что скорее всего) окказиональное наименование добычи / поборов, которые взяли с населения Югры участники похода. За несколько десятилетий прошедших со времени событий, реальная их канва могла забыться, и казавшееся странным обозначение с

¹⁴ Ср. также параллель с известием о строительстве в 1364 г. Преображенской церкви в Торжке «замышлением богобоязненных купец новгородчких, а потягнутием всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ» [ПСРЛ, т. III, с. 368–369]. «Потягнутие», согласно словарям (со ссылкой на это место, являющееся, судя по всему, гапаксом), – это «старание, усердие; участие в деле, требующем больших усилий» [Срезневский, 1895, стб. 1307; СлРЯ, 1992, с. 35]. Однако очень вероятной выглядит этимологическая связь этого слова с глаголом «потягнути/потянути», одним из типичных значений которого в соответствующем контексте было «нести повинности» [СлРЯ, 1992, с. 35].

легкой руки какого-то книжника (книжников) превратилась в некое сообщество – «югорщину», а потом и «югорцев» (тем более что на это провоцировал и тот факт, что в подавляющем большинстве случаев известия о закладке и строительстве церквей и других объектов в новгородском летописании оформлялись в виде конструкции, где ктитор – индивидуальный или коллективный – фигурировал в соответствующих фразах как подлежащее в именительном падеже).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев 1864 – *Беляев И.* Рассказы из русской истории. Кн. II. М., 1864.
- Бережков 1879 – *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.
- Бернадский 1961 – *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Бобров 2000 – *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2000.
- Бушен 1855 – *Бушенъ А.* Опыт исследования о древней Югре // Вестник Императорского Русского географического общества. 1855. Ч. XIV.
- Гаевская, Кардаш 2018 – *Гаевская В.В., Кардаш О.В.* Троицкая церковь Людина конца Новгорода Великого: исторические и архитектурные аспекты // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) / Отв. ред. В.А. Лапшин. Ч. 2. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2019. С. 60–197.
- ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГСБМ 2007 – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 27. Мінск, 2007.
- Дубровин и др. 2022 – *Дубровин Г.Е., Вяземский А.В., Денисевич К.М.* Комментарии к берестяной грамоте № 1122 / 1123 с раскопа Дмитриевский III в Новгороде // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 29–47.
- Ешевский 1866 – *Ешевский С.В.* Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. 1866. Т. I. Март. С. 211–263.
- Кардаш, Гайдакова 2018 – *Кардаш О.В., Гайдакова З.Г.* Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV веках (цитаты с краткими комментариями) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.А. Лапшин. Ч. 1. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. С. 46–67.
- Клосс 2000 – *Клосс Б.М.* Второе предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000.

Конявская 2005 – *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.

Лихачев 2001 – *Лихачев Д.С.* (при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва). Текстология на материале древнерусской литературы X–XVII веков. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001.

Лопарев 1895 – Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года. Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895 (Памятники древней письменности, CVIII).

Лурье 1976 – *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Насонов 1951 – *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

Никитский 1893 – *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

НЛ – Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья Летописи). СПб., 1879.

Новосельцев, Пашуто 1967 – Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 81–108.

НУ – ОР ГИМ. Син. 280.

Перхавко 1999 – *Перхавко В.Б.* Пушкина в древнерусском товарообмене (IX–XIII века) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 164–174.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. VI. Вып. 1 – Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000; Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

РИБ 1910 – Русская историческая библиотека. Т. XXVII. Литовская метрика. Отд. I. Ч. 1: Книги записей. Т. I. СПб., 1910.

СДРЯ 2002 – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. V. М., 2002.

Седов 2015 – *Седов Вл.В.* Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде: архитектура боярского храма. М.; Вологда, 2015.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975; Вып. 11. М., 1986; Вып. 17. М., 1991; Вып. 18. М., 1992; Вып. 25. М., 2000; Вып. 28. М., 2008.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895; Т. III. СПб., 1903.

Торопова и др. 2018 – *Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г.* Старая Русса и Югра // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сб. мат-лов Всерос.

науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В.А. Лапшин. Ч. 1. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. С. 22–33.

Шахматов 2003 – *Шахматов А.А.* Киевский Начальный свод 1095 г. // Шахматов А.А. История русского летописания. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 428–464.

Шашков 2013 – *Шашков А.Т.* Югра в эпоху Средневековья // Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 584–662.

Янин 1991 – *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин 1998 – *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998.

Янин 2003 – *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

Янин, Гайдуков 1998 – *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. III. М., 1998.

Leciejewicz 1962 – *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1962.

В. А. АРАКЧЕЕВ

ДВОРЕЦ И КАЗНА В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

В статье представлены результаты предварительного исследования процесса создания административного аппарата Русского национального государства во второй половине XV – первой половине XVI в. Показаны основные направления исследования этой проблемы в историографии, особо отмечен вклад В.Д. Назарова в изучение системы центрального управления России в середине XVI века. Более глубокому пониманию осуществлявшихся на Руси административных изменений способствует привлечение сравнительно-исторических данных о домениальной системе государств западноевропейского средневековья. Показано, что в великих и удельных княжествах разделение между собственно княжескими (будущими дворцовыми) и черносотными землями осознавалось и было закреплено в деловой письменности терминологически не ранее последней четверти XV века. Институты центрального и местного управления при всем их несовершенстве обеспечивали сбор налогов и соблюдение правопорядка. Исследование дворцовых (домениальных) учреждений на Руси в сравнении со странами средневековой Европы убеждает в отсутствии прямой связи между их развитием и сохранявшейся политической раздробленностью: напротив, имеются убедительные доводы в пользу мнения о домениальных учреждениях как важном инструменте организации монархического государства.

Ключевые слова: Дворец, дворецкий, Казна, казначей, великое княжение, удельное княжество, служебная организация

Проблема происхождения русской приказной системы впервые была в полной мере поставлена на уровне фундаментального исследования Н.П. Лихачевым, который считал, что «все важнейшие дворцовые и не дворцовые приказы уже существовали в конце княжения Иоана III» [Лихачев, 2007, с. 548]. Однако важнейший вклад Лихачева в изучение проблемы состоял не в этом

полемически заостренном выводе, который был опровергнут позднейшими исследователями, а в фактических наблюдениях, поскольку именно Лихачев систематизировал данные о первых дворецких и казначеях. Согласно выводам Н.Е. Носова, приказы как правительственные учреждения зародились в структуре великокняжеского дворца [Копанев, Маньков, Носов, 1957, с. 68].

А.А. Зимин и А.К. Леонтьев небезосновательно полагали, что функционал дворецких Большого и областных дворцов пересекался территориально, и, например, тверские дворецкие могли осуществлять свои функции на территории Московского уезда, входившего в компетенцию «больших» дворецких [Зимин, 1958, с. 185; Леонтьев, 1961, с. 40–41]. А.А. Зимину также удалось составить наиболее полный биографический перечень дьяков во второй половине XV – первой трети XVI в., а на основе изучения их биографий сделать вывод о тождестве великокняжеских и казенных дьяков [Зимин, 1971, с. 219–286]. Исследователь констатировал факт осуществления казначеями «практического руководства дипломатией», а также перехода в конце XV – начале XVI в. в руки дьяков великокняжеской канцелярии (Казны) всех важнейших отраслей государственного управления.

Представления А.А. Зимина о генезисе приказного аппарата менялись: в известной статье и посмертно изданной монографии исследователь проводил мысль о том, что источниками зарождения приказной системы были в равной степени Боярская дума, Казна и Дворец [Зимин, 1971, с. 285–286; Зимин, 1982, с. 253–254]. В монографии 1972 г. историк выводил генезис Казны из Дворца и фактически определял казначеев как дворцовых функционеров. В целом же, Зимин полагал, что «усиление роли дворца в первой трети XVI в.» было временным явлением, обусловленным «сохранением отдельных элементов» удельной разобщенности земель. Этому этапу развития государства и соответствовало территориальное (дворцовое) управление [Зимин, 1972, с. 408–409].

В.Д. Назаров осуществил комплексное исследование деятельности дворцов и Казны в 40–50-х гг. XVI в. и получил результаты, имеющие важное методическое значение для последующих работ. Выяснилось, что даже в столь позднее время не существовало четкого ведомственного разграничения в деятельности Тверского и Большого дворцов, и тверской дворецкий В.М. Юрьев выдавал указные грамоты крестьянам подмосковного с. Воробьева,

находившегося в ведении Большого дворца. Назаров обнаружил, что от деятельности назначенного в 1554 г. тверским дворецким Н.А. Фуникова-Курцева не сохранилось документов, а сами тверские дворецкие не упоминались с 1555 по 1564 г., хотя как минимум два акта, подписанных дьяком Тверского дворца, сохранились [Назаров, 1976, с. 76–98]. Закономерно предполагать, что деятельность дворцов во второй половине XV – первой половине XVI в. еще хуже отражена в актовых источниках, показания которых не всегда могут служить надежной опорой для определенных выводов.

Тем не менее, позднее Ю.Г. Алексеев пришел к определенным выводам, что главным центром системы управления при Иване III была Казна, в то время как дворцовое ведомство имело сравнительно ограниченные функции, а на канцелярию Боярской думы и саму думу в это время «нет никаких намеков». Именно Казна в силу многообразия своих функций стала, по его мнению, колыбелью приказного аппарата, поскольку первыми общегосударственными ведомствами стали подразделения великокняжеской казны (посольское, разрядное, дворцовое, ямское). Взглядам Ю.Г. Алексеева на соотношение дворцового и казенного ведомств свойственно противоречие. С одной стороны, он констатирует, что «дьяки, явно служившие в Казне, никогда не называются казенными дьяками, не называются посольскими дьяками и те, кто был десятки лет у посольских дел». С его точки зрения, «ставшее реальным разделение функций административного аппарата еще недостаточно осознавалось и официально не было закреплено», поэтому дворцовые ямские дьяки назывались по своему ведомству [Алексеев, 1998, с. 275–276]. На примере карьеры дьяка Елизара Сукова Ю.Г. Алексеев проводит идею о тесной связи ведомств Казны и Дворца, и, повторяя суждение А.А. Зимина, пишет о связи «посольских обязанностей с судебно-административными». С другой стороны, пытаясь подчеркнуть специфику функционала дворецких и казначеев, Ю.Г. Алексеев оперирует данными о преимущественной связи ведомства Казны с дипломатией, а дворецких с судом исключительно по источникам 1490-х–1500-х гг. [Алексеев, 1998, с. 261].

Своего рода итог изучению становления дворцового и казенного ведомств подвел М.М. Кром, основным принципом исследования которого стала опора на бесспорные показания источников; отсутствие оных, а также косвенные показания в расчет им не бе-

ругся. Исследователь выдвинул ряд важных тезисов, во многом отвергающих существующую историографическую традицию. Во-первых, Кром уверенно утверждает, что областные дворцы – Рязанский, Дмитровский, – появились только в 30-е гг., а Угличский – в 40-е гг. XVI в. [Кром, 2010, с. 442–465]. Предположения А.А. Зимина о функционировании Рязанского дворца в 1525 г., а Угличского – в 1535 г. отклонены им как не подкрепленные доказательствами. Во-вторых, исследователь предполагает, что территориальная юрисдикция дворцов покрывала всю территорию находящихся в их ведении уездов и даже земель – именно так следует понимать утверждение автора о подведомственности тверскому дворецкому Твери. В-третьих, М.М. Кром придерживается точки зрения А.К. Леонтьева и А.А. Зимина о выделении Казны из состава дворцового хозяйства в середине XV века. В-четвертых, исследователь отказывает в достоверности опубликованному Н.П. Лихачевым отрывку из частной разрядной книги с перечнем разрядных дьяков, несших службу в 1534–1537 годах. Наконец, Кром категорически не согласен с предложенным А.А. Зиминым отождествлением казенных дьяков с великокняжескими [Кром, 2010, с. 448, 473, 498–499, 502].

Кардинальным недостатком трудов по истории дворцового и казенного ведомств в России является игнорирование историками результатов исследования властных институтов и должностей в государствах средневековой Европы. Между тем, именно эволюция дворцовых структур европейских королевств средневековья предоставляет историкам превосходный материал для сравнительно-исторических параллелей, поскольку на Западе, так же как и на Руси, администрация имела патримониальное происхождение. Центром государственного управления Франкского королевства в Меровингскую и Каролингскую эпохи был королевский дворец, которым управлял майордом, а впоследствии граф-палатин и сенешал. Все институты центрального аппарата управления Франции генетически восходили к королевской курии. В рамках княжеского двора происходило строительство органов управления территориальных государств и в Германии [Фюстель де Куланж, 1916, с. 389; Властные институты, 2011, с. 23–61, 79, 188–189].

Во Французском королевстве финансы первоначально контролировались дворцовой структурой – камерарием, а должность казначея отделилась от камерария в начале XII в., и лишь к началу

XIV в. появилось несколько казначеев, сконцентрировавших в своих руках все государственные финансы. Аналогичные процессы шли в испанских королевствах, чьи военизированные институты разрастались в условиях перманентной военной угрозы, подобно военно-административным структурам Русского государства. Во главе дворцовых администраций королевств Испании стояли майордомы, которым подчинялись камары с казначеями; причем, если в Арагоне в конце XIII в. казначей фиска вышел из подчинения майордому, то в Кастилии камареро и казначей, назначавшиеся и отчитывавшиеся перед королем, даже в XIV в. продолжали подчиняться главному майордому [Властные институты, с. 62–63, 423–427].

Исследование истории дворцовых учреждений в русских землях упирается в вопрос о функционировании Дворцов в удельных княжествах Руси в конце XV – начале XVI в., но такой вопрос даже не ставился в историографии: традиционно считалось, что областные дворцы создавались только после ликвидации великих княжеств или уделов [Веселовский, 1947, с. 138; Кром, 2010, с. 445]. По умолчанию предполагается также, что, в отличие от Московского княжества, в других великих и удельных княжествах не было Казны и казначеев. Между тем, имеется совокупность прямых и косвенных показаний источников, не подтверждающих эти представления, и задачей настоящей статьи является наметить пути решения изложенной проблемы.

Очевидно, что в великих и удельных княжествах не ранее последней четверти XV в. осознавалось и было закреплено в деловой письменности терминологически разделение между, собственно, княжескими (будущими дворцовыми) и чернососными землями. В жалованной меновой грамоте 1476–1491 гг. угличского князя Андрея Васильевича с Покровским угличским монастырем земля делится на «волостную» (деревня Черная в Кадцком стану) и социально не определенные шесть починков в том же Кадцком стану. В заключительной части грамоты выменянные у монастыря деревни и починки были объявлены переданными «впрок без выкупа» в состав «земель княженейских» [Антонов, Баранов, 1998, с. 23]. Очевидно осознаваемое составителями и получателями грамоты различие между двумя категориями земель: «волостной», тождественной будущей чернососной, и «княженейской», составлявшей фонд будущих дворцовых земель.

Разграничение фискальных полномочий между Казной и Дворцом хорошо заметно в сфере сбора оброка с бортных угодий медом или деньгами. От 1516–1521 гг. дошли 5 отписей казенного дьяка Ф. Мишурина о приеме в Казну оброка вместо натуральных поставок меда с вотчины Троицкого Белопесоцкого монастыря в Каширском уезде, составленных по следующей форме. «Лета 7025 с Коширы и с Туровской с трех починков с Ступинского, да с Крутовражья, да с Воргасовского, да из Растовской волости з деревни с Мальцова у Троецкаго монастыря, что на Белых песках, у игумена у Володимера за три пуды меда оброку взято 20 алтын да пол-третья алтына, да у Троецкаго игумена у Володимера с Самойликовского ухожея и с Туравской волости с лесу за пуд меду взято 8 алтын без деньги, а у отписи Федорова рука Мишюрина» [Акты, 1860, с. 100]¹. Очевидно, что бортники Туровской волости платили медовый оброк казначеям задолго до передачи их угодий в вотчину Белопесоцкому монастырю.

В отличие от монастырских владений бортники, жившие на «княженейских» землях, то есть составлявшие служебную организацию, подчинялись Дворцу и сдавали оброк в его учреждение. Наиболее рельефно эти отличия проявляются в актах, относящихся и к удельным, и к великокняжеским землям: в уставных грамотах наместничьего управления на «путные» станы 1509 и 1537 гг. и в жалованной и сотной грамотах на волость Талша 1540 и 1550 годов. В уставной грамоте дмитровского удельного князя Юрия 1509 г. были зафиксированы кормленые обязанности и подсудность общины бобровников Каменского стана Дмитровского удела. Княжеские служебники были подсудны ловчему и его тиуну, а решающую роль в раскладке кормов играл «дворский с десятскими и с добрыми людьми» [Наместничьи, губные и земские уставные грамоты, 1909, с. 11].

¹ Важно подчеркнуть, что по своему формуляру цитируемая отпись не отличается от аналогичных документов XVII в., и вероятно, подобные отписи составлялись на большую часть взимавшихся налогов с тысяч вотчин в разных уездах государства. Вышесказанное позволяет отвергнуть как недостаточно доказательные подсчеты М.М. Крома о количестве документации, производимой Дворцом и Казной в 1530–1540-х гг., поскольку исследователь учитывал главным образом жалованные грамоты, предоставлявшиеся лишь крупным имунистам и отдельным тяглым общинам. См.: [Кром, 2010, с. 364–376].

Великокняжеская бортная волость Талша Владимирского уезда к 1540 г., которым датируется полученная волоцанами тарханно-оброчная несудимая грамота, находилась в исключительной подсудности великого князя и дворецкого Большого дворца. Оброк медом и деньгами жители волости, в число которых входили, помимо бортников, солевары, варившие соль и бившие бобров, вносили на Большой дворец в Москве и частично государеву ключнику во Владимире. Бортники волости Талша, согласно соотной грамоте 1550 г., поставляли мед во Владимир «царя и великого князя ключнику», «на Москве во Дворец цареву и великого князя ключнику», «на Москве на Большой дворец погребному ключнику» [Каштанов, 1996, с. 169, 180–183].

Третья промысловая волость Владимирского уезда – бобровники Ильмехотского стана – получила уставную грамоту 16 июля 1537 г. Характеристика служебных обязанностей бобровников, на первый взгляд, неотличима от обязанностей дмитровских бобровников или талшанских бортников; в грамоте они названы «своими» бобровниками великого князя, которые «ведают» его службу. Однако в уставной грамоте зафиксирована их фискальная подчиненность не Дворцу, а Казне, куда им следовало сдавать либо бобров «шерстью» (в натуре), либо сдавать оброк казначею. Подсудность ильмехотских бобровников волостелю волости Кривандино, а по делам о душегубстве – наместникам Владимира – обнаруживает их чернососошный статус и непричастность к Дворцу и древнему домену великих князей Владимирских [Наместничьи, губные и земские уставные грамоты, 1909, с. 23–25].

Последнее обстоятельство убеждает, во-первых, в том, что деление земель, находившихся в распоряжении князей, на чернососошные и домениальные было свойственно еще комплексу земель Великого княжения Владимирского в период до образования единого государства, а во-вторых, что далеко не все промысловые общины принадлежали к числу служебного населения. Такое разграничение полномочий не могло быть случайным, а отражало уходившее, по меньшей мере, во вторую половину XV в. деление земель на «волостные» и домениальные, фискальная подчиненность которых не менялась даже после смены владельца.

Как становится ясно из вводимых в научный оборот источников, в начале XVI в. в удельных княжествах были собственные дворцы, один из которых упомянут в жалованной грамоте дмит-

ровского князя Юрия Ивановича 1509 г. на слободку в городе Кашине: «А что дают с тое слободки оброку на мой Дворец з году на год по полтине, и яз, князь Юрьи Иванович, тем оброком пожаловал игуменью Афонасью с сестрами, дал есми им тот оброк к монастырю, а вперед им того оброку на мой Дворец не давати» [Маштафаров, 1998, с. 50]. Следовательно, Дмитровский дворец, функционировавший как *центральное учреждение великого князя* со дня кончины Юрия Ивановича Дмитровского (03.08.1536), как удельное учреждение возник не позднее 1509 года. С большой долей вероятности удельно-княжеский Дмитровский дворец, как впоследствии и великокняжеский, находился в Москве, как и кремлевский двор (дворец) Юрия Ивановича. Высказанная гипотеза доказывается и фактом выдачи канцелярией дмитровского удельного князя трех известных кормленых грамот 1504, 1510 и 1525/26 г., первые две из которых выданы на волости Кочемль и Белый Город Кашинского уезда [Антонов, 1998, с. 149].

Скорее всего, к более раннему времени, чем об этом свидетельствует, согласно исследованию М.М. Крома, «первое надежное известие», датируемое августом 1538 г., относится возникновение и Угличского дворца. В состав Угличского дворца, как показал А.А. Зимин, входили помимо Углича Калуга, Зубцов, и, вероятно, Бежецкий Верх [Зимин, 1958, с. 193]. Перечисленные города с уездами ранее входили в состав двух удельных княжеств: Углич и Зубцов составляли удел Дмитрия Ивановича Жилки (1505–1521 гг.), а Калуга и Бежецкий Верх – удел Семена Ивановича Калужского (1505–1518 гг.). Совпадение городов, входивших в состав удельных княжеств и впоследствии оказавшихся под управлением Угличского дворца не могло быть случайностью. Вряд ли последний был создан в конце 1530-х гг.: конструировать спустя полтора десятилетия после кончины удельных князей новый великокняжеский Дворец именно из их владений было бы неактуально. Коль скоро под управлением угличских дворецких оказались города из состава сразу двух уделов, логично предположить, что и сам Дворец был образован после кончины Семена (26.06.1518) на основе его удельно-княжеского дворца, расширившись после кончины Дмитрия (14.02.1521).

В еще большей степени сказанное относится к великим княжествам, о существовании в которых дворцового и казенного ведомств не сохранилось прямых упоминаний. В великом княжестве Рязанском, несомненно, должна была быть Казна, поскольку

в обыскной грамоте 1483–1500 гг., выданной по слову рязанского князя Ивана Васильевича, фигурирует казначей Яков Назарьевич, осуществлявший обыск [Антонов, Баранов, 1998, с. 31]. Проблема учреждения Рязанского дворца наталкивается на отсутствие прямых показаний источников вплоть до 5 февраля 1533 г., когда «большой» дворецкий кн. И.И. Кубенский вынес судебное решение по иску игумена рязанского Иоанно-Богословского монастыря к не желавшему покидать вотчинную деревню крестьянину [Акты, 1841. с. 195].

На основании этого факта М.М. Кром предположил, что «в феврале 1533 г. Рязань была подведомственна «большому» дворецкому. Однако он же ниже согласился с высказанным Зиминым и Леонтьевым мнением о «взаимозаменяемости» дворецкого Большого дворца и областных дворецких [Кром, 2010, с. 443]. «Большой» дворецкий мог «вторгнуться» на территорию подсудности Рязанского дворца по многим причинам, например, если Иоанно-Богословский монастырь имел иммунитет, предполагавший его подсудность великому князю или дворецкому Большого дворца. Одним словом, предположение С.Б. Веселовского и А.А. Зимина об образовании Рязанского дворца вскоре после окончательной ликвидации Рязанского княжества в начале 1520-х гг. не лишено оснований [Веселовский, 1947, с. 138; Зимин, 1958, с. 190].

Дополнительным аргументом в пользу их точки зрения являются данные отрывка боярского списка 1547 г., введенного в научный оборот В.Д. Назаровым. Список дворецких в нем начинается с главы Большого дворца; а вслед за тверским и дмитровским дворецкими упомянут замыкающий список рязанский дворецкий [Назаров, 1975, с. 53]. Ровно в той же последовательности, за исключением рязанского дворецкого, перечислены эти чиновники в разрядах царских походов в июле и декабре 1547 г. [РК, 1966, с. 111, 113]. Исходя из известного принципа распределения по местам на основе понятий о «честности» (почете и престиже) лиц и учреждений, формировавшегося с учетом, в том числе, продолжительности службы великому князю, закономерно предположение, что устойчивое перечисление дворецких в определенном порядке свидетельствует об их «старшинстве», возникшем в момент учреждения должностей и институтов.

Должность упомянутого первым дворецкого Большого дворца известна с 1460-х гг., Тверской дворец как московское учре-

ждение был создан не позднее 1490-х гг., Дмитровский дворец как удельное учреждение возник не позднее 1509 г., Рязанский как московское учреждение – не ранее 1521 года. На данный момент необъяснимо отсутствие в этом списке уglichского дворецкого, но вполне возможно, что его низкий ранг исключал возможность его упоминания среди высших должностных лиц, так же как и находившегося вне местнических счетов новгородского дворецкого.

Таким образом, исследование дворцовых (домениальных) учреждений на Руси в сравнении со странами средневековой Европы убеждает в отсутствии прямой связи между их развитием и политической раздробленностью: напротив, имеются убедительные доводы в пользу мнения о домениальных учреждениях как важном инструменте организации монархического государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1841 – Акты исторические, изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.

Акты 1860 – Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. Киев, 1860.

Алексеев 1998 – *Алексеев Ю.Г.* У кормила российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

Антонов 1998 – *Антонов А.В.* Кормленые грамоты XV – середины XVI века // *Русский дипломатический архив*. Вып. 3. М., 1998. С. 149.

Антонов, Баранов 1998 – *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // *Русский дипломатический архив*. Вып. 3. М., 1998. № 14. С. 23.

Веселовский 1947 – *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.

Властные институты 2011 – *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время*. М., 2011.

Зимин 1958 – *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // *Исторические записки*. Т. 63. М., 1958. С. 185.

Зимин 1971 – *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // *Исторические записки*. Т. 87. М., 1971. С. 219–286.

Зимин 1972 – *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972.

Зимин 1982 – *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

Каштанов 1996 – *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. М., 1996.

Копанев, Маньков, Носов 1957 – *Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е.* Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVI в. Л., 1957.

Кром 2010 – *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. М., 2010.

Леонтьев 1961 – *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.

Лихачев 2007 – *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. М.; СПб., 2007.

Маштафаров 1998 – *Маштафаров А.В.* Кашинский Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. № 2. С. 50.

Назаров 1975 – *Назаров В.Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 53

Назаров 1976 – *Назаров В.Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 76–98.

Наместничьи, губные и земские уставные грамоты 1909 – Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909.

РК 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. В.И. Буганов. М., 1966.

Фюстель де Куланж 1916 – *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Т. VI. Пг., 1916.

Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

К ГРАДАЦИИ АГРАРНЫХ СЕЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ (XV–XVII ВЕКА)

В статье рассматриваются основные типы сельских поселений, существовавших в России в XV–XVII веках. Основное внимание обращается на термины, которыми они обозначались, их трансформацию во времени в зависимости от социально-экономического уровня развития. Предлагается также уделять большее внимание важному методу изучения, пока недостаточно практикуемому исследователями, именно этимолого-терминологическому.

Ключевые слова: этапы аграрного развития, одновременность земледельческого освоения, село – деревня и их соотношение как типов поселений

Как известно, аграрное освоение длилось долговременно, в течение многих веков. Оно происходило не только в ранне-средневековой Руси, но и в более поздние периоды российской истории XVI–XIX вв., и в советский период, когда поднимались целинные и залежные земли в 1954–1960 годы. Его продолжительность определялась постепенным приращением территории государства и распространением земледельческой культуры на новые области, причем располагавшиеся все далее от центра страны к югу и востоку. Столь затяжной процесс совершался не только во времени, но и в пространстве. Он развивался отнюдь не поступательно и равномерно, а с некоторой дискретностью, в разные временные периоды и на отдельных фазах имел разную активность, то спадавшую, то усиливавшуюся, и в его ходе совмещались как сходства, так и различия. При этом он естественным образом агрегировал два взаимозависимых компонента земледельческого развития – расселение и окультуривание земли. Связанность этих процессов настолько тесная, что трудно выделить, какой из них был ведущим.

Историки к настоящему времени установили, как сочетались инициативы населения и государства в заселении определенных областей: центрально-русских уездов в конце XVI–XVII в. с последующим продвижением в обширные регионы Поволжья, Зауралья и Сибири с конца XVI в. и в XVII–XVIII вв., и далее в более южные районы страны в XVIII в. – первой половине XIX века. Ученые также детально проследили, сколь губительными для внутривластного положения, экономического и демографического состояния страны были следующие судьбоносные события и процессы: вторжение монголо-татарских войск с последующими почти непрерывными их набегами; межкняжеские усобицы XIV–XV вв.; пагубные перипетии опричнины 1565–1572 гг. с ее «перебором людишек» и владельческих земель, которые вели к падению численности земледельческого населения и селений, к доминированию пустошей и в итоге к хозяйственному разорению страны; последовавшие вскоре катастрофические перемены Смуты начала XVII в. повергли страну в экономический крах, который выразился в значительной убыли населения, повальном запустении деревенских дворов и пашен. Писцовые описания 1620-х гг., проводимые во многих уездах, пестрят сообщениями о запустевших на момент проведения описания селениях и бывших полях, задерневших и заросших лесом – в жердь, в кол, в бревно (См.: [Аграрная история, 1971; Аграрная история, 1974; Аграрная история, 1978; Аграрная история, 1989; История крестьянства, 1986. Гл. 13, 23; История крестьянства, 1990; История крестьянства, 1994; Милов, 1998; Горская, 2006]).

При исследовании неоднозначно совершившегося освоения необходимо принимать во внимание оценку землепашцами пригодности природно-хозяйственных условий, в первую очередь, почв, а также этническую разницу населения, жившего на присоединяемых территориях и имевшего неодинаковые земледельческие навыки и традиции. В отдельные, причем, разные по своей длительности периоды аграрное освоение земледельцев опережало инициативы частных феодалов и правительства, подготавливая тем самым им условия и облегчая более активные действия (См.: [Аграрное освоение, 2016; Ежегодник, 2016; Степанова, 2021]).

Важно учитывать этапы и условия протекавшего аграрного освоения и, по возможности, выявлять на каждом из них черты, как общие, так и особенные, а также устанавливать вызывавшие их причины. Соотношение таких признаков как сходство / отли-

чие, противоположных по своей логической сути, может способствовать оценке интенсивности и результативности освоения как на отдельном из этапов, так и в целом. На одних из них, по преимуществу, ранних доминировала активность индивидуального земледельца, позже на других она сочеталась с мерами, которые использовали привилегированные землевладельцы, на третьих превалировала роль государства, расширявшего свою территорию, инициировавшего развитие пашенного земледелия в новых районах, включая Сибирь. Бытовавшее в неодинаковых пропорциях сочетание сущностно разных инициатив с течением времени итожилось в постепенном приросте земледельческих площадей и сопутствующих им угодий, в том числе промысловых, и все они подлежали повинностному и налоговому обложению. Такими способами государство и привилегированные владельцы земли приумножали совокупный прибавочный доход. Его государственный компонент складывался за счет роста натуральных и денежных налогов, средств, получаемых от экспорта продуктов зерновых и животноводческих, а также от разных промыслов, в том числе, известных издревле, таких как мед, воск, пушнина.

Все эти факторы действовали не последовательно по этапам и не изолированно, а в тесной связи и в различных комбинациях. Разумеется, на них влиял общий ход внутреннего политического и экономического развития страны, который стимулировал, или сдерживал, или даже на время прерывал действия в аграрной сфере. Установление сочетания причин, положительно или отрицательно влиявших на характер земледельческого освоения в тот или иной период, учет местных условий и особенностей ведения хлебопашества на разных по плодородию почвах, а также навыков, с какими поселенцы приходили на новые территории, позволит выявить и по мере накопления фактического материала установить типологические признаки в развитии аграрной колонизации и, в конечном счете, экономики, как присущие тому или иному этапу и периоду, так и общие стадийные.

В.Д. Назаров заострил внимание на важном ракурсе изучения земледельческой колонизации, а именно, на ее взаимосвязи с формами и видами земельной собственности в XV – середине XVI века. Констатируя первостепенное значение природно-климатических и ландшафтных условий, демографического фактора, он полагает, что наиболее благоприятные условия для освоения складывались в рамках государственной (княжеской) соб-

ственности при активных действиях как самих земледельцев-крестьян, так и средних и низших слоев княжеских слуг. С развитием поместной системы инициативность землевладельцев в названном процессе ограничивалась рамками полученного земельного массива, а также несением военной службы. Вместе с тем, эта система оказалась достаточно действенной при колонизации новых территорий в южном пограничье в первой половине XVI века. Автор назвал негативные причины, влиявшие на инициативу помещиков. Основные из них – это отсутствие права майората и территориальная ограниченность оборота вотчинных земель до 1485 года. В.Д. Назаров пришел к значимому выводу: «Итак, формы и виды земельной собственности не играли решающей роль в аграрном освоении (восстановлении) старых и новых территорий в Северо-Восточной Руси. Но при сравнительно благоприятных объективных предпосылках (природных и политических) значимыми в данных процессах были государственная собственность и частная вотчина, прежде всего, светская» [Назаров, 2016, с. 12–15].

Наряду с названными выше знаковыми политико-экономическими событиями происходили частые неурожаи, вызванные климатическими перепадами, страна ведь расположена, по емкому выражению Л.В. Милова, в зоне рискованного земледелия [Милов, 1998, с. 9–17 и др.]. Данный естественно-географический фактор сильно действовал на ведение землепашества как на основной способ тогдашней экономики. Он же в определенной степени предопределял тесную связь и зависимость человека от природной среды, к которой последний адаптировался и одновременно преобразовывал ее для своих потребностей. Низкие, как правило, урожаи при долго существовавшем экстенсивном способе земледелия, нередко случавшиеся недороды вызывали меньшие или большие голодовки, которые сопровождались вспышками эпидемий.

Природно-климатической среде, в которой хозяйствовали крестьяне Новгородской земли, посвятила раздел Л.Г. Степанова в своей обширной монографии [Степанова, 2021]. Она привела многие сведения из разных источников, начиная с летописей, которые относятся к долговременному периоду XV–XVIII веков. Во всех них ежегодно «фиксируются холодные или мягкие зимы, весенние возвраты холодов, половодья, летние засухи, ранние осенние морозы, голодные годы, эпидемии, мор». Довольно одно-

образный исторический нарратив данного параграфа насыщен свидетельствами, отражающими резкие колебания климата, которые вели к большим трудностям в ведении сельского хозяйства на протяжении четырех столетий. Автор резюмирует свои наблюдения, основанные на подсчетах: «Больше всего экстремальных природных явлений наблюдалось в XV–XVII веках. Именно на этот период приходится значительное упоминание засух, обильных летних дождей, возвратов холодов, наводнений и половодий» [Степанова, 2021, с. 169, 188].

Все вкуче перечисленное отрицательно влияло на развитие в аграрном отношении области, сказывалось на демографическом составе и численности населения с его значительной разновозрастной смертностью, вело к падению прибавочного продукта, получаемого, в основном, от земледелия, а порой даже к ослаблению военного потенциала страны. Л.В. Милов пришел к убедительному заключению, что «Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта». Для такого общества был характерен «низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание» [Милов, 1998, с. 412]. В таких условиях кризисные состояния преодолевались долговременно, что было связано с медленным восстановлением роста населения, как земледельческого, так и общего, а также с воссозданием самих селений и сельскохозяйственных угодий. Однако жизнь, хотя и медленно, снова возобновлялась.

Рациональная система аграрных селений формировалась постепенно. Поселения земледельцев существовали на Руси задолго до разрушительного вторжения Батые в 1237 году. Эта система закладывалась еще в пору доминирования потребительского хозяйствования. Судить о ней позволяет лишь археологический материал. Периоду же с середины XIII в. до начала XV в., как хорошо известно, присуща «катастрофическая» скудость письменных источников, в особенности, по социальной и экономической тематике, а от конца XIV в. дошли лишь единичные документы. Археологи с 1970-х гг. обратились к активному исследованию рядовых сельских поселений или селищ, как они их называют, расположенных в районах Северо-Запада и Северо-Востока Руси. В результате целенаправленных раскопок ученые открыли сосредоточения компактных селищ, которые размещались на обшир-

ных территориях, слабо и неодинаково заселенных. Селения были разбросаны на небольших участках, пространственно удаленных друг от друга.

Расселение имело очаговый характер, который сочетался с сохранением стабильности и дальнейшим ростом в одних поселенческих пунктах, с запустением и упадком в других. Значительные сгустки поселений археологи выявили в исторически значимых областях Руси: Ильменском Поозерье, на Мсте и Луге, в Суздальском ополье, на озерах Неро и Плещеево, на Белом озере. По мере увеличения с 1980-х гг. сведений о расселении и селищах X–XII вв. специалисты установили тесную связь сети расселения с природными факторами, которые были определяющими при выборе мест поселения, наиболее пригодных для земледелия и промыслов.

Первичные ландшафты в колонизируемых местностях активно подвергались антропогенному преобразованию. Так, в обширном регионе Белозерья система расселения складывалась в X–XI вв., когда в значительной части микрорайонов появлялась сеть небольших одиночных земледельческих селений. Они были привязаны, и это важно, к «открытым водоемам, а водораздельные участки и участки вблизи малых рек и озер оставались неосвоенными вплоть до XIV в.». Мелкие селения, обнаруженные археологами, располагались на компактных участках «гнездами» (группами) по 2–5 селищ. Характерно, что эта сеть послужила каркасом для системы расселения в XII–XIII вв., когда она значительно усложнилась и возросла плотность населения [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 77, 125]. Замечу, что гнездовой тип расселения в северо-восточной Руси существовал и много позже, его зафиксировали и писцовые описания XVI–XVII веков. Сведения о топографии древнерусских селищ XI–XIII вв., накопленные археологами, убедительно свидетельствуют о бытовании у тогдашних насельников совокупного промыслово–земледельческого хозяйства. Такой его тип позволял получать некоторую часть продукта, потенциально годного для обмена [Макаров, Захаров, Бужилова, с. 110].

Подобное хозяйство базировалось на устойчивом комплексе жилища и примыкавших к нему пахотных и сенокосных участков, непременно с близлежащим источником питьевой воды, а также рыбными и лесными угодьями. Освоение пригодных для земледелия участков было не одномоментным, а длилось в течение не-

которого времени, когда проводились пробные посевы на первичном участке, чтобы оценить плодородие почвы. При положительном итоге устраивалось постоянное жилище с необходимыми хозяйственными постройками, возникал починок, который постепенно за несколько лет набирал хозяйственную силу («мочь» по выражению источников) и перерастал в деревню, первоначально однодворную, которая со временем могла увеличиться до нескольких дворов.

Нарушение естественного хозяйственного процесса по разным причинам, указанным выше и другим, вело к запустению селений, частичному запустошению или даже полному забрасыванию полей и угодий, что было показателем меньшего или большего упадка хозяйства и перерождения в селище – пустошь. Вследствие подобных процессов изменялась поселенческая структура, что сопровождалось уменьшением размеров полноценного пахотного клина и соответственно доли прибавочного продукта, по преимуществу, зернового. Те или иные трансформации, будь то положительные или отрицательные, в каждый конкретный временной отрезок служат показателем степени результативности аграрного развития, а одним из его важных маркеров служит сельское поселение.

Таким образом, исподволь складывалась и действовала стабильная система основных типов селений: займище – починок, деревня – село, селище – пустошь. Важно поставить вопрос о соответствии типов селений, численности в них дворов и насельников различным фазам аграрного освоения, как в определенный период времени, так и за длительный его отрезок. При этом нужно учитывать происходившее расширение государственной территории с разными природными ресурсами и, прежде всего, с качеством почв, пригодных для земледельческого хозяйствования.

Тема о сельских поселениях, естественно, не нова в историографии. Она часто сопутствовала изучению значимых проблем в разных аспектах и таких крупных вопросов, как образование государства и его территории, экономическое положение крестьян разных категорий, а также уровень сельского хозяйства в разные периоды, заселение новых областей и расселение в них и т.п. Штудирование же ее заслуживает и самостоятельного внимания. Оно может вестись по нескольким направлениям, каждое из которых имеет присущие ему характерные приемы изучения и признаки, которые могут познаваться как в отдельности, так и в раз-

ных сочетаниях и совокупности, дополняя друг друга. Среди них следует назвать уже сложившиеся типы исследований с набором ключевых тем и задач, которые в них по-разному сочетаются и определяют ведущий профиль: историографический, источниковедческий, демографический.

Наряду с названными почти классическими способами сравнительно недавно появился метод, названный экологическим. Он нацелен, во-первых, на выяснение действия природных факторов, влиявших на способы ведения земледельческого хозяйства, которые обусловлены природной средой, а во-вторых, на степень ее преобразования, происходившего в ходе освоения. На этот метод ориентировалась в своей монографии Л.Г. Степанова. Она рассмотрела крестьянское хозяйство как неотъемлемую часть единой экосоциальной системы, в которой оно активно функционировало, используя, в первую очередь, наиболее пригодные естественные условия, постепенно приводя их в соответствие с нуждами и запросами хозяйства и попутно преобразуя саму экологическую среду [Степанова, 2021, с. 11–14, 514–517]. Появление каждого из названных методов прошло со второй половины XIX в. к настоящему времени немалый путь развития. В его ходе накапливался источниковый материал разных видов и типов, выработывались методические приемы и техники, наиболее характерные и необходимые для получения целостного позитивного результата.

Следует отметить всплеск интереса историков и этнографов к изучению сельских поселений, который явно проявился в исследованиях с 1960-х гг. (См., напр.: [Горский, 1960; Черепнин, 1960; Кочин, 1965; Алексеев, 1966; Витов, 1962]. Оно явно отражено и в упомянутых уже работах, обобщивших ко времени их создания материал о расселении и поселениях). Естественно, он существовал и ранее. Внимание к сельским поселениям и подход к ним как самостоятельным объектам изучения отразила обширная и детальная рецензия Б.А. Романова «Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. (По поводу книг Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского)» [Воронин, 1935; Веселовский, 1936]. Она представляет собой аналитическую, по своей сути, статью, имеющую не только познавательное, но и концептуальное значение. Написана же она была в 1936 г., а опубликована только в 1960 г. [Романов, 1960]. Б.А. Романов обстоятельно рассмотрел работы обоих авторов и подверг их положения критиче-

скому разбору. В особенности это относится к книге Н.Н. Воронина. Б.А. Романов с большой тщательностью проанализировал понятия «деревня» и «село» в трактовке авторов, однако этим не ограничился, а привел свое убедительное осмысление содержания, наполнявшего оба термина. Так, по поводу предложенного Н.Н. Ворониным толкования термина село он писал: «Не “село” как место жилья, не “село земли”, как в северных актах обозначался участок пашенной земли с двором на нем, является здесь предметом рассмотрения Н.Н. Воронина, а “село” в его “специфическом значении” особого вида “феодалного поселения” для Северо-Восточной Руси», причем «развивающегося в ногу с развитием феодальных отношений» [Романов, 1960, с. 380]. Из этого критического высказывания явно следует понимание самим Б.А. Романовым первичной сущности термина «село». Оно, прежде всего, – средоточие стабильного обиталища, воплощенного в жилище и хозяйственных строениях, а также совокупного с ним «участка пашенной земли», то-есть двух элементов единого целого, константно существующих независимого от того или иного способа производства. Тесная связь и даже неразрывность названных объектов отразилась и закрепились в таком емком выражении актов, как «село земли», употребляемом, как известно, в Поморье и Подвинье. Эта формула северных актов выражает сущностную общность, слитность хозяйственного дворового комплекса и эксплуатируемой¹ земли. Оба компонента, особенно на ранних этапах освоения и возделывания земли, территориально не были оторваны друг от друга и сильно удалены. В этом реально проявлялось совокупное единство начальной деревни.

Б.А. Романов высказал существенное предположение: «появление в языке особого термина “деревня” для обозначения чисто крестьянского сельского поселения стоит в связи ... с *потребностью* (курсив мой. – Е. Ш.) отличить один предмет от другого, когда оба предмета в действительности обрели устойчивые отличительные признаки, сохраняя тождественные родовые черты». Автор имеет в виду оба термина село и деревня, появившиеся,

¹ Важно отметить смыслы слов эксплуатировать (*exploiter*), эксплуатация (*exploitation*). Они пришли в русский язык из французского, а в него – из лагинского языка (*exsplicare* – распространять). Эксплуатировать (*exploiter*) – разрабатывать, обрабатывать, добывать; использовать, пользоваться с какой-то целью. Эксплуатация (*exploitation*) – разработка, добывание, ведение хозяйства; хозяйствование, пользование, использование.

хотя одновременно, но единые по ключевой сущности. Он продолжает: «Крестьянское сельское поселение старше поселения феодала, и термин “село” применялся к нему в известном нам языке искони». Затем он «покрыл и феодальные внегородские владения» и / или «резиденцию владельца». Подводя итог своим размышлениям в связи с работой Н.Н. Воронина, Б.А. Романов резюмирует: «Село – это исконный термин для обозначения сельского поселения как крестьянского, так и господского» [Романов, 1960, с. 413, 417].

Заслуживает внимания еще один аспект в изучении предлагаемой темы, а именно связанный с этимологией и шире с терминологией, которым историки уделяют явно недостаточное внимание. Фундаментальное исследование терминов социальных институтов в разных языках индоевропейской семьи, в том числе славянских, принадлежит известному французскому лингвисту Эмилю Бенвенисту. Он пояснял: «Термин “институт” (*institution*) следует понимать здесь в широком смысле: это не только классические институты права, государства, религии, но и те менее заметные институты, которые обнаруживаются в производстве, повседневной жизни, социальных связях, в процессе речевого общения и образа мыслей» [Бенвенист, 1995, с. 27].

Терминологическое обозначение сельских поселений содержит в себе глубокие смысловые и временные слои, причем многозначные, обусловленные бытованием и каждодневной трудовой деятельностью человека. Остановлюсь на главном термине, непосредственно связанном с аграрной деятельностью. Слово «деревня» ассоциируется, в первую очередь, у современного человека с селением как местом жительства крестьянина. Каково было его происхождение и, главное, оставался ли смысл однозначным на протяжении длительного времени? Я задавала этот вопрос как коллегам-историкам, занимающимся более поздними периодами, так и просто знакомым, в основном гуманитариям. Наиболее частое объяснение, которое возникало у отвечающих, что оно – производное от существительного «дерево». Однако, это поверхностное суждение.

Термин «деревня» издревле был обусловлен обработкой земли, а его содержание восходило к глаголу «драть», то-есть раздирать верхний слой почвы примитивным орудием – первоначально заостренной палкой, а позже деревянным ралом, у которого со временем появился металлический наконечник. Связь с глаголом

«драть» видна в производных от него словах *«рѳздерть»*, *«дор»* в значении корчевье, новь. Слово этимологически находится в соответствии с литовским *dirvà* – *«пашня, нива»*, *dirvonas* – *«пашня, оставленная под луг»*, латышским *druva* – *«пашня»* [Фасмер, 1964; Словарь, 1977]. Термин «деревня» сравнительно поздно фиксируется письменными источниками. Впервые он присутствует в XIV в. в завещаниях Ивана Калиты 1330-х гг. (1336, 1339). В форме «деревенька» он содержится в одной из новгородских берестяных грамот (№ 311), датированной концом XIV в.–1400-ми годами. Можно предположить, что слово существовало и ранее дат, отраженных в названных документах.

В значении «пашня» деревня, так же как и село фигурирует в выражении «пашет деревню», что непосредственно указывает на участок земли, расчищенный для распашки и регулярно возделываемый – «деревню орали под ярь». При обрабатываемой пашне заводилось жильё, которое постепенно обрастало хозяйственными строениями, приобретало постоянство и становилось двором. Именно пахотные угодья в совокупности с жилищем в качестве устойчивых, долговременных компонентов составили единый земледельческий комплекс, а именно – однодворную деревню как место обитания и хозяйствования.

Примечательно следующее обстоятельство. Как уже было сказано, термин «деревня» появляется в дошедших источниках приблизительно с середины XIV в., примерно в это же время возникает другой значимый термин, который относится к населеннику, жителю такого селения, это – «крестьянин» в форме «хрестьянин». Фиксация, почти одновременная, двух значимых понятий «деревня» и «крестьянин» говорит о выделении и маркировании основных звеньев, которые в своем развитии приобретали устойчивость и укреплялись в процессах, действовавших в экономической и социальной сферах тогдашнего аграрного общества. Существовавшие стабильные материальные объекты, воплощенные в понятиях *земля – деревня*, соотносились в социальном устройстве с одной из его категорий, именно с «хрестьянами».

Итак, селения, обозначаемые в документах как «деревня», бытовали в Русском государстве в качестве основного вида обитания и хозяйствования земледельцев. Наиболее характерные признаки деревни, как уже ясно из сказанного, это – наличие пахотных полей, причем регулярно возделываемых и засеваемых, в основном злаковыми и некоторыми другими культурами. Наря-

ду с пашнями достаточного размера при каждой деревне существовали выгоны для выпаса скота и сенокосные участки, а также лесные и рыболовецкие угодья, дополнительно снабжавшие земледельцев белковыми продуктами. Названные качества, присущие деревне, хорошо прослеживаются по актам Северо-Восточной Руси XV–XVI вв., материалам писцовых поземельных описаний XVI–XVII веков.

Выше я говорила об исследовании социальных терминов Э. Бенвенистом. Положительный опыт в этом направлении уже есть. Я имею в виду вышедший недавно труд А.А. Горского [Горский, 2019] и не преувеличиваю, говоря о работе «труд». Он – плод и итог долговременной скрупулезной проработки и аккумуляции данных, собранных из множества разнообразных первоисточников и обширной литературы. Весь этот комплекс данных вкуче относится к средневековой эпохе Русского государства до конца XIV в. и касается *общества* в широком понимании термина этого значительного периода. Названный труд, по моему убеждению, гораздо масштабнее, чем скромное название «справочник». Во всяком случае, для меня, занимающейся более поздним периодом, работа А.А. Горского стала, без преувеличения, настольной книгой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аграрная история – Аграрная история Северо–Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо–Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо–Запада России XVI века. Север. Псков. Л., 1978; Аграрная история Северо–Запада России XVII века. Л., 1989.

Аграрное освоение 2016 – Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. Тез. докл. и сообщений. М., 2016.

Алексеев 1966 – *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.–Л., 1966.

Бенвенист 1995 – *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. Перевод с французского. М., 1995.

Веселовский 1936 – *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. Л., 1936.

Витов 1962 – *Витов М.В.* Историко–географические очерки Заонежья в XVI–XVII вв. М., 1962.

Воронин 1935 – *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

Горская 2006 – *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М. 2006.

Горский 1960 – *Горский А.Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960.

Горский 2019 – *Горский А.А.* Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Ежегодник 2016 – Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.–Уфа, 2016.

История крестьянства 1986 – История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986.

История крестьянства 1990 – История крестьянства СССР. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990.

История крестьянства 1994 – История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

Кочин 1965 – *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.–Л. 1965.

Макаров, Захаров, Бужилова 2001 – *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Милов 1998 – *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.

Назаров 2016 – *Назаров В.Д.* Формы и виды земельной собственности как факторы внутренней колонизации (XV – середина XVI вв.) // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщений. Уфа, 2016. С. 12–15.

Романов 1960 – *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. (По поводу книг Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.–Л. 1960. С. 327–476.

Словарь 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Степанова 2021 – *Степанова Л.Г.* Природа и благосостояние. Освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и ранее Новое время. СПб., 2021.

Фасмер 1964 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.

Черепнин 1960 – *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Б. Н. ФЛОРЯ

СЫН БОЯРСКИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЛАСТИ В СВОЕЙ «ЗЕМЛЕ»

В статье рассматриваются свидетельства источников о ряде отклонений от практики управления в Русском государстве первой половины XVI в., когда дети боярские получали административные должности не там, где находились их владения. Как показывают свидетельства источников, отклонения от такого порядка прослеживаются в первой половине XVI в. в разные годы и в разных регионах Русского государства, как в административном, так и в военном управлении, когда должности на своей территории получают в целом ряде случаев авторитетные представители местного дворянства. Хотя основы организации управления, установленные властью, сохранялись, есть основания видеть в этих фактах отражение попыток отдельных дворянских корпораций получить в свое распоряжение долю власти на территории своей «земли», что находит определенную параллель в устремлениях и действиях дворянства других стран Европы.

Ключевые слова: дети боярские, кормления, наместники, волостели, воеводы «в городе» и «за городом», «товарищи» воевод

Хорошо известно существование значительных различий между характером отношений государственной власти и дворянского сословия в государствах Центральной Европы, с одной стороны, и Русским государством с другой. Эти различия находили свое выражение и в организации управления. В Центральной Европе достаточно рано обозначилось стремление к тому, чтобы административные должности на территории того или иного административного округа («земли») занимали местные землевладельцы. Так, в Польше Кошицкие статуты 1374 г. обязывали монарха назначать на административные должности на территории земли лишь таких лиц, которые имели здесь земель-

ную собственность, «по совету» с дворянством данной земли [Bardach, 1965, s. 256–257, 455–456].

В Русском государстве первой половины XVI в. действовал иной порядок. Здесь власть не была связана подобными нормами и давала, как правило, административные должности детям боярским не там, где находилось их владение. Власть, по-видимому, стремилась к тому, чтобы ее представители на местах не были связаны с местным обществом и не пытались отстаивать его интересы. Так, кормленные грамоты Василия III членам рязанских боярских родов давались на территории, лежавшие за пределами Рязанской земли.

Вместе с тем русские источники первой половина XVI в. позволяют выявить ряд отклонений от такой организации управления. Такое отклонение обнаруживается на территории, например, Нижегородского края. Как показано в специальном исследовании П.В. Чеченкова [Чеченков, 2004, гл. II], «волостелями» – представителями власти в административных округах – «волостях» были местные дети боярские. По оценке исследователя «в нижегородских волостях чужаков мы не находим» [Чеченков, 2004, с. 76]. Нижегородский край – окраинный регион, который занимал в Русском государстве первой половины XVI в. особое место. Его дворянская верхушка не входила в состав «государева двора» – организации верхов дворянского сословия России XVI века.

Однако, имеется и ряд свидетельств о существовании подобной практики на главной территории государства – в «Московской земле». Ряд примеров такой практики дают источники, относящиеся к административному округу Галича Костромского. Так, местный землевладелец Третьяк Котенин [о галицких владениях Котениных см. Акты, 1997, №№ 118–119] при Василии III получил в кормление галицкую волость Чухлому [Акты, 1997, № 121], а в начале правления Ивана IV он получил в управление половину центра уезда – Галича «с волостями» [Акты, 1997, № 123]. Другой галицкий землевладелец Федор Григорьев Свиньин [о галицких владениях Свиньиных – Акты, 2008, № 418] получил кормленную грамоту на Глазуновскую волость в Галицком уезде [Акты, 2008, № 417].

Еще один галицкий землевладелец Андрей Иванов Племянников (о его галицких владениях см. [Акты, 2008, № 349]) получил в кормление галицкие волости Каликино и

Парфентьево [Акты, 2008, № 351]. Важно отметить, что в списках членов «государева двора» середины XVI в. – «Тысячной книге» и «Дворовой тетради» – представители этих галицких фамилий не значатся. Таким образом, получения кормлений в своей земле удавалось добиться и людям, не принадлежащим к верхам дворянского сословия.

Исследование Н.Е. Носовым материалов «Боярской книги» 1556 г. показало, что такая ситуация не была уникальной. В соседнем с Галицким Костромском уезде целый ряд волостей передавался в кормление местным землевладельцам [Носов, 1969, с. 450, 452, 454, 457]. Эти сведения о раздаче волостей в управление в Галицком и Костромском уездах интересно сопоставить с записями «Разрядной книги» о назначениях воевод на этих землях. Обращает на себя внимание участие в военном управлении Галицким уездом местного сына боярского Федора Васильева Супонева. В 1528–1529 гг. он был третьим воеводой в Чухломе [РК, 1977, с. 207, 212–213]. В 1537 г. он был уже третьим воеводой в центре уезда – Галиче [РК, 1977, с. 270]. В середине XVI в. воеводами в Галиче были он и костромской землевладелец Яков Сабуров [РК, 1977, с. 282, 292, 295, 311] (о Я. Сабурове как о костромиче см.: ТК, 1950, с. 59)]. В списке членов «двора» по Галицкому уезду в «Дворовой тетради» Ф.В. Супонев записан первым. Очевидно, он был своеобразным лидером местного общества детей боярских.

Эти данные есть смысл сопоставить с записями о назначении воевод в соседнюю Кострому. В 1537 г. вместе с двумя наместниками и первым воеводой «за городом», присланными из Москвы, в разрядной записи отмечены и трое воевод «за городом» кн. Н.П. Палецкий, кн. А.Д. Друцкий и кн. Василий Ляпун Неввицкой [РК, 1977, с. 269] – члены местных дворянских семей [см. ТК, 1950, с. 57, 148, 150]. Члены этих семей продолжали занимать такие посты и в последующие годы [РК, 1977, с. 305, 311]. А в 1547 г. одним из костромских наместников стал местный землевладелец Михаил Михайлов Мусин Пешков Сабуров [РК, 1977, с. 336; ТК, 1950, с. 59]. Хотя руководящие посты в Костроме занимали присланные из Москвы представители знати, но и представители местной дворянской верхушки занимали определенное место в военном управлении своим уездом.

Круг таких фактов увеличивается при обращении к разрядным записям, касающимся других регионов России. Большой ин-

терес представляют в этой связи записи 20-х–30-х гг. XVI в. касающиеся такой недавно присоединенной земли как Рязанская. В 1530 г. и здесь двумя воеводами «за городом» были двое рязанцев – Вас. Вердеревский, Назар Глебов [РК, 1977, с. 216 – о их детях – рязанцах см. ТК, 1950, с. 166]. В 1531 г. уже 6 представителей местной верхушки были «в товарищах» у стоявших «за городом» присланных из Москвы воевод [РК, 1977, с. 225]. Все отмеченные здесь фамилии фиксируются в рязанском разделе «Дворовой тетради». Вместе с тем воеводами «в городе» были только люди, присланные из Москвы. Очевидно, лояльность этих недавних подданных вызывала сомнения, но, по-видимому, без их участия не удавалось создать на соответствующей территории эффективную военную организацию.

Из приведенных фактов достаточно ясно следует, что успехи местной дворянской верхушки в деле завоевания позиций в системе управления «своими землями» были достаточно ограниченными, но, как представляется, они могли подготовить почву к середине XVI в. для предложений о передаче определенных функций управления в руки лиц, избравшихся местными сообществами детей боярских.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1997 – Акты служилых землевладельцев XVI – начала XVII в. Сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. Т. I. М., 1997.

Акты 2008 – Акты служилых землевладельцев XVI – начала XVII века. Сост. А.В. Антонов. Т. IV. М., 2008.

Носов 1969 – *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

РК 1977 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. / Сост. Н.Г. Савич. М., 1977.

ТК 1950 – Тысячная книга 1550 и Дворовая тетрадь 5-х годов XVI в. Подг. А.А. Зимин. М.–Л., 1950.

Чеченков 2004 – *Чеченков П.В.* Нижегородский край в конце XV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

Bardach 1965 – *Bardach J.* Historia państwa i prawa Polski. T. I (do połowy XV wieku). Warszawa, 1965.

А. В. БЕЛЯКОВ

БАКШЕИ – ГЕОГРАФИЯ БЫТОВАНИЯ ПОНЯТИЯ (ОНОМАСТИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

СКЛАДЫВАНИЕ ПОСОЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ И ПРИКАЗНОГО АППАРАТА В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ XV–XVI ВЕКОВ

В XV–XVI вв. на русских землях фиксируется такое явление как институт бакшеев. Анализ имеющихся данных говорит о том, что бакшеи изначально тяготели к великим и удельным княжествам. Это явление было позаимствовано на русских землях из Золотой Орды. Там так называли писцов, которые составляли официальные документы, написанные уйгурской графикой. На русской почве писцы и делопроизводители трансформируются в лиц, отвечавших за контакты с ордынскими ханами. Бакшеи имелись в большинстве русских княжеств. Постепенно функция контактов с Ордой становилась монополией Москвы. Но наличие бакшеев как статусных слуг с особыми функциями при дворах удельных князей и их наследников фиксируется до середины XVI века. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что становление посольской службы как постоянно действующего института при великих и удельных князьях в русских землях следует отнести к рубежу XIII–XIV веков.

Ключевые слова: бакшеи, Московское государство XV–XVI вв., дьяки, служилые татары, посольская служба, приказной аппарат

В XV–XVI вв. на русских землях фиксируется такое явление как институт бакшеев. Данный термин позаимствован в Золотой Орде. Изначально он обозначал буддийское духовенство, а также писцов уйгурского письма. В их ведении находилась дипломатическая переписка. В русских землях этим словом стали обозначать великокняжеских слуг (разновидность дьяков), отвечавших за поддержание контактов с Золотой Ордой. Изначально они должны были владеть уйгурским письмом, являвшимся офици-

альным для ханской канцелярии. Со временем (XV–XVI вв.) бакшеями стали называть наиболее доверенных слуг потомков бывших удельных князей, а также высококлассных специалистов уйгурской и арабской графики [Беляков, 2021; Абзалов, 2011, с. 168]. Рассмотрим географию распространения этого понятия в XV–XVI веках.

Впервые на русских землях понятие *бакшей* зафиксировано во второй половине XIII века. Л.В. Черепнин, исследуя пометы на древних новгородских документах, обнаружил на договорной (докончальной) грамоте 1268–1269 гг. Новгорода с великим князем владимирским и тверским Ярославом Ярославичем запись, сделанную уставом: «се приехала послы от Менгоу-Темира царя сажат Ярослава с грамотою Чевгоу да байши» [Черепнин, 1948, с. 237–238, 262–266]. Исследователь воспринял слово «байши» как имя второго посла. Мы склонны видеть в нем отсылку на его должность. Важен вывод историка о том, что пометы на документе делались в Твери. Князь для того, чтобы получить контроль над Новгородом, обратился за татарской помощью. Послы приехали специально для этого. В таком случае, вполне возможно, приезжавшие из Орды в составе посольств бакшей должны были владеть как минимум русским устным языком.

Наблюдение о тверском происхождении надписи хорошо коррелирует с более поздними данными по топонимии тверских земель. В XVI в. находим в волостях Воловичи и Кава деревни Бакшеево, в Микулинском стане (уезде) починок Бакшеево займище, в Захожской волости (стане) село Бакшеево и одноименный починок, в волости Хорвач в Юрьевском стане деревню Бакшеево. Встречаются здесь, и помещики Бакшеевы (Сувор Русинов сын Бакшеев и владычий сытник Бакшей в Суземской волости, 1551–1554 гг.) [Писцовые материалы, 2005, с. 105, 121–122, 159, 162, 174, 179, 223, 304; Описание, 2020, № 12707, 12602]. В 1460–1480-х гг. в Старицком у. при заключении сделки по купле-продаже села упоминается послух Василий Бакшей [АСЭИ, 1964, с. 284–285]. Между бакшеем XIII в. и тверскими помещиками должна была иметься самая прямая связь.

Такие должности существовали и в других регионах. Отметим выявленные примеры фиксации родового прозвища Бакшеев, а также населенных пунктов Бакшеево и производных от него по документам XV – начала XVIII века.

В синодике Успенского Кремлевского собора указан Иван Сокол Бакшеев, погибший 5 декабря 1437 г. под Белевом [Памятники, 2011, с. 171]. Между 1417 и 1425 гг. в Переяславском у. отмечен Никита Бакшеев. В 1473 г. в Звенигородском у. фиксируется Михаль бакшей, сын Степана Лазарева [АСЭИ 1952, с. 43–44, 100–102]. Васюк Бакшеев указан как вотчинник Звенигородского у. в 1504 г. [ДДГ, 1950, с. 385]. В 1516 г. в Рузском у. упоминается Алексей Никитин сын Бакшеев [АФЗХ, 1956, с. 70]. Бакшеев Сеня и его сын Нечай известны в Белозерском у. в первой половине XVI в. [Грязнов, 2019, с. 292]. Иван Бакшеев сын Облязов указан в Дворовой тетради 1550-х гг. по Москве [Тысячная книга, 1950, с. 128]. Помещики и вотчинники Бакшеевы фиксируются на рубеже XVII–XVIII вв. в Хотмышском у. Крестьяне и посадские люди с таким прозвищем известны в Устюге, Соли Вычегодской и Соли Камской [Описание, 2020, № 11322, 11358, 11370, 13272, 14058, 14143, 14149, 14160]. Сын боярский Сафрон Бакшеев отмечен в 1633 г. в Белгороде. В 1633 г. документами фиксируются три брата стародубца Осип, Григорий и Василий Бакшеевы [Акты, 1890, с. 451–452, 499]. Василий Иванов Бакшеев упоминается там же еще в 1610–1612 гг. [АФЗХ, 1851, с. 341, № CLXXIV]. В конце XVII в. в Корсуни отмечен казак Исайка Бакшеев [Писцовые книги, 2014, с. 80]. Документировано присутствие Бакшеевых в Вяземском, Коломенском, Белевском, Орловском [Савелов, 1906, с. 110–111], Тульском уу. [Писцовые книги, 1877, с. 169, 174, 922, 931].

Возможно, к Бакшеевым следует отнести и великокняжеских дьяков отца и сына Семена Дмитриева и Юрия Семенова Башениных [Веселовский, 1975, с. 44]. Интересны службы Семена. Он при Иване III руководил в Казенном приказе неким особым ведомством, наблюдал за татарскими пошлинами и ведал татарские посольские дела («писал посольство») [Сборник, 1884, с. 312, 397, 403, 411]. В духовной грамоте Ивана III (1504 г.) подчеркивается особый статус дьяка: «А оприч того, что ни есть моей казны у моего казначая у Дмитрея у Володимерова и у моих дьяков, и у моего дьяка у Семена у Башенина» [ДДГ, 1950, с. 363]. Отметим, что отец и сын являлись вотчинниками Дмитровского уезда [Перечень, 2007, с. 279]. Возможно, статус Семена был близок положению бакшеев, наследников вчерашних удельных князей. В это время они выполняли особые, зачастую щекотливые, поручения своих господ (кн. М.В. Горбатого Кислого и кн. И.В. Ромоданов-

ского). У последних помимо бакшеев отмечены и дьяки [Акты, 1998, № 40, с. 125–126], а следовательно, должностные обязанности первых и вторых не совпадали.

Известен населенный пункт Бакшеево и во Владимирском у. Однако его появление здесь следует связывать с московским великокняжеским домом. Дело в том, что это название фиксируется вблизи Александровской слободы – летней резиденции великих московских князей (царей).

Деревня Бакшеево известна в Дмитровском у. [ДДГ, 1950, с. 394]; в Закудемском стане Нижегородского у. [Материалы, 2015, с. 442]; Корсунском у. [Писцовые книги, 2014, с. 177]; Крапивенском стане Верейского у. [Антонов, 2002, № 178]; в Людимском стане Козельского у. (1586/87 г.) [АСЗ, 2002, № 438]; в Окологородном стане Рязанского у. (конец XVI в.) [Писцовые книги, 1996, с. 32–33]. Деревня Бакшейцово известна в середине XVI в. в Сотском стане Костромского у. [Акты, 1998, № 110]. Сельцо Бакшеево отмечено в Березопольском стане Нижегородского у. [Материалы, 2015, с. 133]; в Никитском стане Береславского у. [АСЗ, 1997, № 159, с. 155].

Бакшеи имелись и у знатных татарских выходцев в России. А.В. Бабурин указывает на существование в прошлом деревни Бакшеево на речке Бакшейке в Касимовском районе Рязанской области [Бабурин, 2004, с. 25]. Вполне возможно, что название деревни связано с бакшеями касимовских царей и царевичей, проживавших в регионе в XV–XVII веках. Отмечены бакшеи и среди романовских татар. В первой половине XVII в. в Романовском у. жил Дербыш Бакшеев сын Кукеев [Соколов, 1886, с. 311–312]. В писцовой книге Романовского у. 1593–1595 гг. указан нововыезжий «ногайский татарин» Бахтеев (Бакшеев?) Елболда, владевший значительным поместьем (241 четь) [Антонов, 2007, с. 577].

Мы специально не стали указывать бакшеев переводчиков Посольского приказа. Их статус и службы требуют отдельного исследования.

Таким образом, география бытования подобного родового или же личного прозвища, а также производных от него топонимов довольно широка. При этом она тяготеет к территориям великих и удельных княжеств XV–XVI веков. Зафиксированные топонимы можно разбить на три группы: 1) когда населенный пункт получал название от рода деятельности его владельца; 2) образо-

ванные уже от родового прозвища (Бакшеевы дети); 3) примеры вторичного распространения названий, когда носители прозвища основывали поселения на вновь осваиваемых землях. Со временем данный термин обрел популярность и стал даваться как личное прозвище (иногда переходящее в родовое) у широких слоев населения.

В Московском княжестве составными элементами организации дипломатических контактов с Золотой Ордой, а затем с ее государствами-наследниками наряду с бакшееями выступали великокняжеские татары. Они делились на станичных голов (часто выступавших в роли толмачей и приставов) и рядовых станичников. Позднее они органично вольются в состав Посольского приказа. Из них будут набирать станичников, толмачей и переводчиков восточных языков. Помимо этого, известны некие люди, в функцию которых входило обеспечение ордынских послов в русских землях всем необходимым.

Такая же модель организации посольской службы фиксируется в Рязанском княжестве. Исследователи, анализируя ошибки в тексте, пытаются обнаружить дьяка «не совсем владевшим русской речью, м. б., из татар, переходивших на службу в русские княжества». При этом для анализа используется сделанный в XVIII в. список с грамоты XVI в., которая приводит текст XIII в. [АСЭИ, 1952, с. 373]. По косвенным данным в Рязанском княжестве фиксируется весь комплекс лиц, участвовавших в организации дипломатических контактов с Ордой и государствами, образовавшимися на ее развалинах: бакшей, служилые татары, толмачи, а также лица, в чьи функции входило материальное обеспечение послов [Беляков, 2021].

Имеются косвенные указания на существование подобных групп населения на территории ряда великих и удельных княжеств (Московского, Рязанского, Тверского, Суздальско-Нижегородского, Звенигородского, Рузского, Белозерского, Дмитровского, Микулинского, Верейского). Служилые татары с подобным же статусом отмечены и в других княжествах.

Встречаются упоминания татар и новокрещеных у рузского кн. Ивана Борисовича. В 1503 г. отмечают Митины дети Ойдаровы (Айдаровы), по-видимому, недавние новокрещены. Также князь приказывал вернуть 11 рублей с гривною некоему Облязу [ДДГ, 1950, с. 351]. Несколько ранее известен Абляз-бакшей

(Аблез, Обляз), писавший и переводивший восточные грамоты [Сборник, 1884, с. 75, 78, 87, 100, 120, 122, 247, 333, 335].

В 1524 г. старицкий кн. Андрей Иванович пожаловал новокрещену Василию Баранчеву поместье в Верейском у. В 1541 г. поместьем в Старицком у. его пожаловал уже великий кн. Иван Васильевич [Савелов, 1906, с. 118–119; АСЗ, 2008, № 16, 17, с. 14–15].

Известны примеры существования бакшеев в частных канцеляриях первой половины XVI века. В духовной кн. И.В. Ромодановского 1521/22 г. среди людей (слуг) князя, находящихся на положении холопов, завещанных его снохе, значатся «Христофор бакшей Сенкин сын Долгомеров», «да дьяк Иван з женою и з детми», «Кузма толмач з женою и з детми» [Акты, 1998, № 40, с. 125–126]. В духовной грамоте кн. М.В. Горбатого 1534/35 г. читаем: «Да пожаловал есми слугу своего Бакшея Семенова сына деревнею отца его Отляевым да починком Оловянкиным в Ярлыкковском приселье, да опашень бархат червчат, да дватцать рублей денег, да за его сукна приказчики мои дадут ему два сукна брюкишные восемь локот» [Акты, 1998а, № 35, с. 93]. Эти же лица упоминаются еще раз во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «7043-го году июня в 25 день по князь Михайле, во иноцех Захее, Кислом дал вкладу человек его, князь Михайлов, бакшей денег 20 рублей» [Вкладная книга, 1987, с. 74]. В июле 1554 г. было пресечено бегство в Литву кн. Н.С. Лобанова-Ростовского. Из допроса князя стало известно, что его туда послал шестияуродный брат боярин кн. С.В. Ростовский сообщить, что он с «братья и племянники» вослед «х королю идет». Перед этим, как оказалось, боярин посылал в Литву «человека своего, бакшея, опасной просить» [ПСРЛ, 2000, с. 237–238].

Приведенные факты нельзя абсолютизировать. Нет данных о том, что в каждом из удельных княжеств существовала полноценная «дипломатическая» служба. Однако даже фиксация отдельных ее элементов позволяет поставить вопрос о том, насколько неукоснительно соблюдался принцип запрета самостоятельных ссылок удельных князей с Ордой, регулярно воспроизводимый в договорных грамотах.

Также следует скорректировать датировку зарождения регулярной «дипломатической службы» в русских княжествах. Ведь с этой даты можно предположительно говорить о существовании института бакшеев и великокняжеских татар. А.А. Горский гово-

рит о 1347 г. – начале регулярных обменов посольствами с Ордой [Горский, 2018, с. 173–179]. Мы можем несколько удревнить эту дату. В жалованных грамотах монастырям и церковным иерархам в XV в. регулярно, как вполне устоявшаяся форма, с незначительными вариациями фигурирует фраза: «ни кормов, ни подвод не емлют, ни проводников, ни гонци мои, великого князя, подвод у них не емлют, ни приставове мои, ни толмачи послов на те села не наводят, ни ставят» [АФЗХ, 1951, № 145, с. 130]. Интересно упоминание толмачей. Они явно выполняют функции приставов у послов. В данное время это могли быть только ордынские послы. Известна жалованная тарханная и несудимая грамота ярославского кн. Василия Давидовича (Грозного) архимандриту Спасо-Ярославского монастыря Пимену на монастырские села в Ярославском княжестве, датируемая около 1320-х годов. В ней читаем: «ни бегоули мои не имают людей спаских в сторожу, ни в корму» [АСЭИ, 1964, с. 204]. Нас интересует слово «бегоули» (бегеул), переводящееся с татарского как пристав [Срезневский, 1893, с. 47; Веселовский, 1917, с. 201–204]. При этом «бегоули» указаны как княжеские. Возможно, это заимствованное из тюркского языка слово также было связано с сопровождением и обеспечением ордынских послов. В таком случае перед нами фиксация наиболее раннего примера складывания службы по содержанию и сопровождению ордынских послов в русских землях. Появление данного термина в Ярославле, по-видимому, связано со вторым браком смоленского и ярославского кн. Федора Ростиславовича Черного, с ордынской принцессой Анной.

В Великом княжестве Литовском бакшеи также фиксируются [Литовская метрика, 1998, с. 38]. На территории современной Беларуси известен населенный пункт созвучный с Бакшеево – деревня Бакшты [Акты, 2012, с. 236] (ныне Ивненский район Гродненской области). Однако этот термин не закрепился за людьми, отвечавшими за контакты с мусульманскими странами. Они известны в Литве как татарские писари. Набирали их из литовских татар, зачастую очень высокого статуса. При этом для них был присущ кланово-семейный принцип комплектования [Любая, 2015]. В целом круг лиц, отвечавших за дипломатические контакты с мусульманскими странами в Литве и Москве, был идентичен. Являются одинаковыми и источники комплектации кадров. Служилые татары фиксируются на дипломатической службе многими поколениями. Этот принцип подбора кадров в России отча-

сти нарушается только после эпохи Смуты [Беляков, 2022]. Но имелось и отличие в статусе татарских писарей и бакшеев. Если на русских землях бакшей чаще всего фиксируются за пределами Московского княжества, на территории иных великих и удельных княжеств, то в Литве татарские писари в частных канцеляриях неизвестны.

А.Л. Грязнов, анализируя монограммы белозерских дьяков на уйгурице и кириллице, пришел к выводу о том, что присутствие в княжеской канцелярии дьяка, знавшего уйгурскую письменность, свидетельствует о возможности соответствующего князя вести самостоятельные отношения с Ордой и получать ярлык на свое княжение. Переход на кириллические монограммы, как в белозерском, так и в других уделах, вероятно, свидетельствует о вытеснении удельных князей из внешнеполитической сферы. Очень важно замечание исследователя о том, что переход от уйгурской графики наметился в середине XV в. [Грязнов, 2019, с. 133–134].

Приведенные факты позволяют предположить, что институт бакшеев был позаимствован на русских землях из Золотой Орды. Однако на новой почве он трансформировался из писцов и делопроизводителей в лиц, отвечавших за контакты с ордынскими ханами. Первоначально бакшей имелись во всех или же большинстве русских княжеств. Однако постепенно функция контактов с Ордой становилась монополией Москвы. Но до середины XVI в. бакшей как статусные слуги с особыми функциями продолжали существовать при дворах удельных князей и их наследников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абзалов 2011 – *Абзалов Л.Ф.* Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань, 2011.

Акты 1851 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. IV. СПб., 1851.

Акты 1890 – Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890.

Акты 1998 – Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. М., 1998.

Акты 1998а – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.

Акты 2012 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. Шестая книга записей Литовской метрики. М.; СПб., 2012.

Антонов 2002 – *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // *Русский дипломатарий*. Вып. 8. М., 2002.

Антонов 2007 – *Антонов А.В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1595 годов // *Архив русской истории*. Вып. 8. М., 2007. С. 574–601.

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. II. М., 1997; Т. III. М., 2002; Т. IV. М., 2008.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952; Т. III. М., 1964.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков. Т. I. М., 1951; Т. II. М., 1956.

Бабурин 2004 – *Бабурин А.В.* Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень). Рязань, 2004.

Беляков 2021 – *Беляков А.В.* Бакшей – трансформация понятия // *Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность*. 2021. № 4. С. 60–71.

Беляков 2022 – *Беляков А.В.* Когда в Московском государстве появились переводчики? (к организации дипломатической службы в России в конце XV–XVI вв.) // *Российская история*. 2022. № 5. С. 19–31.

Веселовский 1917 – *Веселовский Н.* Мнимая должность букаульного тамговщика в Империи Чингиз-хана // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. 1916. Т. 26. Пг., 1917. С. 201–204.

Веселовский 1975 – *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Вкладная книга 1987 – *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*. М., 1987.

Горский 2018 – *Горский А.А.* Московские «ордынцы» и «делюи» // *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори*. М., 2018. С. 173–179.

Грязнов 2019 – *Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV – XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019.

ДДГ 1950 – *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л., 1950.

Литовская метрика 1998 – *Литовская метрика*. Кн. 3. Вильнюс, 1998.

Любая 2015 – *Любая А.А.* Князь Ибрагим бен Тимер из рода Юшинских // *ALBA RUSCIA: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*. М., 2015. С. 153–184.

Материалы 2015 – *Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века*. М., 2015.

Описание 2018 – *Описание Грамот Коллегии экономии*. Т. III. М., 2018.

Памятники 2011 – *Памятники истории русского служилого сословия*. М., 2011.

Перечень 2007 – Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537. М., 2007.

Писцовые книги 1877 – Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отделение 2. М., 1877.

Писцовые книги 1996 – Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. I. Вып. 1. Рязань, 1996.

Писцовые книги 2014 – Писцовые книги Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. Ульяновск, 2014.

Писцовые материалы 2005 – Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.

ПСРЛ 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000.

Савелов 1906 – *Савелов Л.М.* Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства. Вып. 1. М., 1906.

Сборник 1884 – Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Соколов 1886 – *Соколов А.К.* Летописи сел Кузминского, Никольского и Чиркова Романо-Борисоглебского уезда // Ярославские епархиальные ведомости. 1886. № 20. Неофициальная часть. Стб. 308–320.

Срезневский 1893 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893.

Тысячная книга 1950 – Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

Черепнин 1948 – *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Т. I. М.; Л., 1948.

М. М. КРОМ

МОСКОВСКИЕ СОБОРЫ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРЛАМЕНТЫ

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В статье подводятся промежуточные итоги многолетней дискуссии по вопросу о типологической близости московских земских соборов и европейских представительных учреждений. Первый этап дискуссии, завершившийся в начале XX в., сопровождался резкой поляризацией мнений по обсуждаемой проблеме. Второй этап, пришедшийся на 1950-е – 1970-е гг., характеризуется консенсусом, достигнутым на основе принятой советскими историками концепции «сословно-представительной монархии». Третий (современный) этап дискуссии начался в 1990-х гг. с ревизии прежней концепции и терминологии. Заключительная часть статьи содержит критику новейших попыток вновь противопоставить соборы и парламенты и демонстрацию эвристических возможностей сравнительной типологии при изучении этой темы.

Ключевые слова: земские соборы, представительные учреждения, сословия, Европа, Россия, сравнительная типология, историография

Среди тем, которые на протяжении многих лет остаются в центре внимания Владислава Дмитриевича Назарова, особое место занимает история земских соборов в России XVI–XVII вв. Его перу принадлежит документальная публикация и ряд статей о соборной практике XVI – начала XVII в. [Назаров, 1990; Лукичев, Назаров, 1994; Назаров, 2009]. Кроме того, ученый выступил одним из организаторов проведенной в 2013 г. большой международной конференции, посвященной сословному представительству в России XVI–XVII вв. в контексте европейской истории, а позднее стал ответственным редактором сборника материалов, изданного по ее итогам [Представительные институты, 2017]. Прошедшая конференция послужила поводом для публикации

В.Д. Назаровым в соавторстве с П.Ю. Уваровым и В.А. Ведущим в испанском журнале большой статьи историографического характера об изучении феномена земских соборов в европейском контексте [Nazarov, Ougarov, Vedyushkin, 2015]. Нетрудно предположить, что стойкий интерес Владислава Дмитриевича к этой теме сложился под влиянием его учителя, академика Л.В. Черепнина, чей фундаментальный труд о земских соборах Владислав Дмитриевич переиздал в 2015 г., сопроводив полезным обзором новой литературы по указанной проблеме, вышедшей в конце XX – начале XXI в. [Черепнин, 2015].

Уже первые исследователи земских соборов в России (сам этот термин, как известно, обязан своим происхождением славянофилам) обратили внимание на их сходство с парламентами и иными представительными учреждениями Европы. Но степень этого сходства, а также отличительные особенности соборов и их роль в истории страны, по-разному оценивались различными учеными. Так возникла дискуссия, которая продолжается и по сей день. Наличие обстоятельных историографических обзоров в книгах Л.В. Черепнина и С.О. Кристенсена [Черепнин, 2015, с. 5–47; Кристенсен, 1989, с. 51–56] избавляет меня от необходимости подробно разбирать множество точек зрения, высказанных по интересующему нас вопросу за полтора с лишним столетия. Поэтому я лишь кратко охарактеризую основные вехи дискуссии и подробнее остановлюсь на ее новейшем этапе, который развивается на наших глазах.

Для российской образованной публики второй половины XIX в. вопрос об историческом значении земских соборов в сравнении с европейскими парламентами представлял отнюдь не только академический интерес: с ним были связаны некоторые надежды на постепенный переход России от самодержавной монархии к парламентской, которые по цензурным соображениям не могли быть высказаны вслух. И когда Б.Н. Чичерин писал в 1866 г. о том, что «при громадном развитии самодержавной власти, при крепостном состоянии населения земские соборы должны были иметь несравненно меньшее значение, нежели подобные собрания на Западе» и что даже на фоне французских Генеральных штатов они кажутся «крайне скудными и бесцветными» [Чичерин, 1866, с. 363], то это означало, среди прочего, что, по мнению автора, надежды либеральной общественности на «народное представи-

тельство» были, мягко говоря, преждевременны, а с исторической точки зрения – беспочвенны.

Полемизируя с Чичериным, В.И. Сергеевич дал земским соборам гораздо более высокую оценку и при этом, что представляет особый интерес для нашей темы, применил в своей работе новейшую «сравнительную методу», рекомендованную европейскими учеными, в частности, Э. Фриманом. С помощью этого метода он обнаружил многочисленные черты сходства между земскими соборами, французскими Генеральными штатами и английским Парламентом в его первоначальном виде: «Сходства этих учреждений так многосторонни, – писал Сергеевич, – что никак не могут быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы действием одинаких причин» [Сергеевич, 1875, с. 3]. Говоря далее о сходстве условий возникновения соборов, штатов и парламента, ученый, вероятно, имел в виду то, что все три сравниваемых государства достигли в тот момент одной и той же стадии развития (хотя сам этот термин Сергеевич не использует), когда на смену старым народным собраниям вечевого типа пришли новые (представительные) собрания. К числу общих черт ученый отнес также сословный состав этих учреждений и нерегулярность их созыва, который полностью зависел от воли царствующего монарха.

Сравнительно-историческое изучение земских соборов было продолжено в книге В.Н. Латкина, который сопоставил их с представительными учреждениями Германии, Франции, Англии, Испании, Швеции и Венгрии и обнаружил «поразительное сходство» между ними. По мнению ученого, оно свидетельствовало о том, что эти собрания в России и на Западе «являются видами одного и того же рода учреждений и не составляют исключительной принадлежности какого-нибудь одного народа, а присущи всем европейским народам и вызваны к жизни одними и теми же причинами, так как ни о каких заимствованиях в данном случае не может быть и речи» [Латкин, 1885, с. 406].

Латкин яснее и четче, чем Сергеевич, выразил мысль об общей стадийальной природе отмеченного сходства. Отметил он и ряд существенных отличий московских соборов от их европейских аналогов – в частности, более слабое проявление сословного деления и отсутствие юридической основы их компетенции и функций.

К сожалению, в XX в. книга Латкина вместе с содержащейся в ней идеей параллельного изучения средневековых русских и европейских институтов была незаслуженно забыта.

Из работ конца XIX в. самый заметный след в историографии оставило исследование В.О. Ключевского, посвященное, казалось бы, частному вопросу о составе представительства на земских соборах XVI века. Историк одобрительно процитировал в своей статье нелестное мнение Б.Н. Чичерина о соборах, включая приведенные выше слова об их «скудности и бесцетности» по сравнению даже с французскими Генеральными штатами. Но главным выводом работы стал основанный на тщательном анализе рукоприкладств под соборными приговорами 1566 и 1598 гг. тезис о том, что эти собрания, строго говоря, не имели представительного характера: «...собор 1566 г. был в точном смысле *совещанием правительства со своими собственными агентами*» (курсив В.О. Ключевского. – М. К.) [Ключевский, 1959, с. 49].

Сегодня эта хрестоматийно известная характеристика нуждается в определенных коррективах. Во-первых, необходимо сделать поправку на то, что собор 1566 г., как показал В.Д. Назаров, был созван в спешном порядке, что отразилось на составе его участников [Назаров, 1990, с. 297–302]. Во-вторых, идея представительства в Средние века сильно отличалась от нашего времени, поэтому бояре, церковные иерархи, столичные дворяне (еще не оторвавшиеся к тому времени от своей уездной «братии», см.: [Павлов, 1999, с. 120]) и купцы вполне могли выступать на соборе от имени «всей земли», т.е. страны.

Следующий большой этап в изучении земских соборов пришелся уже на 50–70-е годы XX века. У советских историков, в отличие от их дореволюционных предшественников, этот сюжет не вызывал каких-либо злободневных политических ассоциаций или надежд. Что же касается отношения соборов к европейским парламентам, то теперь и те, и другие считались разновидностями сословно-представительных учреждений, институтами сословно-представительной монархии, которая, в свою очередь, рассматривалась как этап на пути к абсолютизму.

По наблюдениям М.А. Бойцова, эта терминология возникла под пером русских медиевистов начала XX в. (в частности, Н.И. Кареева) и затем была усвоена советской историографией. Она оказалась очень неудачной, поскольку не соответствовала ни реалиям средневековой эпохи, ни представлениям о ней запад-

ных медиевистов [Бойцов, 2017, с. 26–32], но для советских историков, изолированных от своих зарубежных коллег, упомянутая концепция на несколько десятилетий стала основой для некоего консенсуса, позволившего (поскольку вопрос о месте земских соборов в мировой истории казался решенным) сосредоточиться на выяснении фактической стороны изучаемого явления. На этом поприще советские историки-русисты добились немалых успехов (см. обзор в кн.: [Черепнин, 2015, с. 38–44]); кульминацией этого этапа, его высшим достижением стала упомянутая выше монография Л.В. Черепнина, изданная посмертно в 1978 году.

Между тем некоторые западные русисты, словно приняв эстафету от дореволюционных критиков земских соборов, скептически восприняли советскую концепцию сословно-представительной монархии, а также попытку уравнивать московские соборы с западными парламентами. Так, Х.-Й. Торке отрицал наличие в Московском государстве сословий как самостоятельной политической силы, а соборы (которые он предложил называть «московскими собраниями») считал лишь «информационными совещаниями» и местом для правительственных деклараций [Torke, 1974, с. 119–215; Торке, 1991, с. 5–7].

Новый этап в отечественной историографии земских соборов начался в середине 1990-х гг., и начался он с ревизии концепции сословного представительства. В.М. Панеях, поддержав точку зрения Х.-Й. Торке, указал на отсутствие в России XVI в. сословий и на этом основании отверг принятую в советской исторической литературе характеристику политического строя страны как сословно-представительной монархии [Панеях, 1996, с. 73].

Ревизионистскую линию продолжил А.П. Павлов, направив острие своей критики против отождествления земских соборов с западноевропейскими сословно-представительными учреждениями (парламентами).

Традиционные аргументы в пользу однотипности тех и других институтов, включая идею о том, что все страны Европы проходили одни и те же стадии политического развития, и ссылки на записки современников-иностранцев, называвших московские соборы «парламентами», «сеймами» и т.д., ученый счел недостаточными. Прежде всего, по его мнению, различие коренилось в путях зарождения и развития упомянутых учреждений: становление парламентов в странах Западной Европы «происходило “снизу”, в процессе борьбы сословий с государством с целью за-

воевания политических прав и привилегий. Результатом этой борьбы, – продолжает Павлов, – было ограничение власти монарха сословиями и утверждение политического строя сословно-представительной монархии. Развитие земских соборов происходило “сверху” и было тесно связано с развитием самодержавия» [Павлов, 1999, с. 115].

Невольно вспоминаются афористичные строки Ключевского: «Представительные собрания средневековой Западной Европы были вызваны к жизни политическою борьбою и ею же воспитаны». И затем о земском соборе XVI в.: «...он родился не из политической борьбы, а из административной нужды» [Ключевский, 1959, с. 7, 110].

Вообще создается впечатление, что отечественная историография, словно завершив некий столетний цикл, вернулась к истокам, на позиции «государственной школы» со свойственным ей резким противопоставлением путей развития России и Европы и, в частности, земских соборов и парламентов. Но есть и существенное различие: в отличие от корифеев «государственной школы», особенно Б.Н. Чичерина, современные исследователи не склонны уже принижать значение земских соборов. Так, А.П. Павлов подчеркивает, что «сами факты соборного избрания монархов свидетельствуют о весьма значительной роли, которую играли земские соборы в системе русской государственности» [Павлов, 1999, с. 119]. Но роль эта, по мысли ученого, принципиально отличалась от той, которую играли представительные учреждения в Западной Европе.

Сходная аргументация содержится и в недавно опубликованной статье Д.В. Лисейцева, выразительно озаглавленной «Почему Земский собор – не парламент?». Автор начинает с того, что, как и А.П. Павлов, дезавуирует свидетельства иностранцев, побывавших в Московии на рубеже XVI–XVII вв. и, подобно Флетчеру и Маржерету, охотно использовавших для описания проходивших там высоких собраний знакомые им термины («парламент» и «штаты»). По мнению Лисейцева, иностранный наблюдатель, воспитанный в другой культуре, «смотрит на иноземное явление замутненным взором»: «Описывая соотечественникам явление чужой культуры понятным им языком, он неизбежно вводит в заблуждение и их». А затем «в ту же ловушку охотно попадает историк, стремящийся найти подтверждения тезису о типологиче-

ской идентичности российских политических институтов европейским» [Лисейцев, 2020, с. 144].

На это можно было бы возразить, что, хотя, конечно, от иностранных наблюдателей трудно требовать научного анализа и знания всех деталей политической системы страны, которую они посетили, но уловить внешнее сходство явлений и на этом основании обозначить их привычными словами родного языка они вполне могли. Однако у Лисейцева уже готов следующий аргумент: внешнее сходство не означает типовой идентичности: «Дельфин живет в море, формой тела напоминает рыбу, но рыбой не является» [там же].

Но, если земский собор отличался от европейского парламента, как дельфин от рыбы, то что это за особый (непарламентский) тип представительства, и какие еще учреждения, помимо московских соборов, к нему относились? Ни Лисейцев, ни другие нынешние последователи «государственной школы» не дают ответа на подобный вопрос.

Более того, слабой стороной их построений являются крайне расплывчатые представления о европейских представительных учреждениях: А.П. Павлов и Д.В. Лисейцев, как и ранее Б.Н. Чичерин и В.О. Ключевский, оперируют неким собирательным образом европейского парламента, не уточняя, какая страна или эпоха имеются в виду. Показательно, что А.П. Павлов вообще не сослался ни на одного отечественного или зарубежного медиависта, а Д.В. Лисейцев упомянул только работу М.А. Бойцова (доклад на конференции 2013 г., позднее опубликованный в виде статьи), из которой следует, как уже говорилось выше, что принятый в советской историографии термин «сословно-представительная монархия» является ошибочным. Дело в том, что средневековые сословия, вопреки представлениям советских историков, отнюдь не были большими социальными группами наподобие марксистских «классов»; соответствующими терминами (*ordines*, *Stände*, *estates* и т.д.) обозначались лица, корпорации, сообщества, обладавшие особым статусом; они же (сами или их делегаты) заседали в представительных собраниях, но смысл такого представительства состоял не в том, что члены парламента представляли и защищали интересы своих «сословий», а в том, что все они, в совокупности, представляли всю страну [Бойцов, 2017, с. 22–26].

Похоже, однако, что основной посыл упомянутого выступления М.А. Бойцова не был понят Д.В. Лисейцевым, и поэтому он по-прежнему видит суть парламентаризма именно в *сословном* представительстве, а земские соборы считает не сословным, а территориальным представительным органом. Незавершенность формирования сословий в эпоху соборов, т.е. неспособность социальных групп российского общества XVII в. осознать собственное единство в общегосударственном масштабе, и обусловила, по мнению ученого, невозможность превращения земского собора в парламент [Лисейцев, 2020, с. 147–150].

Чтобы оценить корректность приведенных выше наблюдений и выводов Д.В. Лисейцева, напомним о том, что в ряде европейских стран (Англии, Венгрии, Польше и др.) парламентское представительство было организовано не по сословному, а по территориальному принципу [Федоров, 2017, с. 56]. Действительно, в Палату общин английского Парламента избирались рыцари и горожане от графств, в Посольскую избу Сейма Речи Посполитой шляхтичи избирались по поветам и т.д. Территориальный принцип представительства замечен и в соборной практике России XVII в. [Черепнин, 2015, с. 253, 285, 292, 319–320, 327–328], поэтому противопоставлять в этом отношении земские соборы некоему усредненному «европейскому парламенту» просто не имеет смысла.

На недоразумении основано и другое «сущностное различие», которое Лисейцев находит между земскими соборами и европейскими представительными органами, а именно – асинхронность их возникновения, «большое хронологическое отставание» первых по сравнению со вторыми. При этом ученый ограничивается тремя примерами: английского Парламента, французских Генеральных штатов и кортесов пиренейских христианских королевств [Лисейцев, 2020, с. 145]. Между тем в научной литературе давно установлено, что распространение представительных учреждений по всему Европейскому континенту – это очень длительный процесс, занявший более трех столетий. Первые кортесы, как считается, собрались в Леоне в 1188 г.; в XIII в. они возникли в остальных королевствах Пиренейского полуострова, включая Португалию; в том же столетии зародился английский Парламент и провинциальные штаты в Лангедоке и Тулузе; французские Генеральные штаты открылись только в 1302 году. Первое заседание польского Сейма (с участием представителей городов) относится

к 1399 г., датского Ригсдага – к 1468, а шведского Риксдага – только к 1527 г. (см. компактный обзор в: [van Zanden et al., 2012, с. 838–839]). И в этом плане зарождение земских соборов в России (традиционная дата – 1549 г.) вполне вписывается в указанный общеевропейский процесс.

Как видим, сравнительная типология способна давать вполне наглядные результаты, но обязательным условием ее плодотворного использования является систематичность: типологический ряд должен непременно рассматриваться целиком, а выхватывание отдельных «ярких» и общеизвестных примеров оборачивается, как правило, неудачей.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что сравнение, для того чтобы оно было корректным, должно во всех своих частях опираться на совокупность известных сегодня науке данных. В распоряжении исследователя, помимо необозримого количества специальных работ, посвященных истокам парламентаризма в отдельных странах, имеется ряд полезных обзоров и обобщающих трудов, описывающих феномен представительства в средневековой и раннемодерной Европе в целом [Marongiu, 1968; Myers, 1975; Blockmans, 1998; Graves, 2001].

Возникает, однако, вопрос: а зачем вообще сравнивать между собой представительные учреждения разных стран? Разве нельзя изучать земские соборы отдельно, вне какого-либо сравнительного контекста? Д.В. Лисейцев так прямо и говорит: «сравнивать соборы с парламентами – занятие в принципе неблагодарное, подобное сопоставлению велосипеда с ветряной мельницей...» [Лисейцев, 2020, с. 147].

Разумеется, фактическую сторону истории какого-то политического института, в данном случае – земского собора, вполне можно исследовать, не прибегая к сравнительно-историческим параллелям. Но, как только дело доходит до интерпретации интересующего нас явления, сравнение становится необходимым. Как иначе понять, например, что в соборной практике было уникальным, характерным только для Московского государства, а что – типичным для представительных учреждений всей Европы? Более того, сравнение способно пролить свет на некоторые нерешенные вопросы и направить научный поиск в новое русло. Рамки статьи вынуждают меня ограничиться здесь несколькими показательными примерами.

Ранняя история московских соборов по-прежнему таит в себе немало загадок. Первым из них по традиции считается так называемый собор примирения 1549 г., но был ли он действительно первым?

Д.В. Лисейцев справедливо напомнил о том, что появлению английского Парламента предшествовала давняя традиция уитенагемотов – советов при короле из представителей знати и высшего духовенства, а созыву французских Генеральных штатов – расширенные заседания королевского совета с участием представителей городов, а также провинциальные сословные ассамблеи. Ничего похожего, по мнению ученого, в Московском государстве не было: там земские соборы возникли в середине XVI в. «по инициативе центральной власти без опоры на местные сословно-территориальные структуры» [Лисейцев, 2020, с. 145]. Территориальный аспект проблемы отмечен исследователем верно: московские соборы действительно с самого начала своего существования заседали в столице, где находились государев двор и резиденция митрополита, и никакой связи с региональными традициями типа новгородского веча не имели. Но отмечаемый Лисейцевым контраст между долгим подготовительным этапом европейских институций и внезапным появлением земского собора оказывается на поверку мнимым.

Исследователи уже давно обратили внимание на летописный рассказ о подготовке похода Ивана III на Новгород в 1471 г.: «И в той час князь велики розосла по братию свою и по все епископы земли своея и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа своа. И яко же вси снидошася к нему, тогда всем възвещает мысль свою, что ити на Новьгород ратью...» [ПСРЛ, 1949, с. 286]. На этом импровизированном военном совете мы видим, помимо братьев великого князя, его бояр, всех епископов, воевод и ратников. М.А. Дьяконов еще в 1908 г. с полным основанием писал по поводу приведенного эпизода: «...совместные совещания освященного собора и думы начинают со второй половины XV в. расширяться присоединением к ним нового составного элемента из среды служилых людей» [Дьяконов, 1908, с. 472].

Таким образом, выясняется, что и у земских соборов была своя предыстория. Родовой чертой всех представительных учреждений (кортесов, парламентов, Генеральных штатов и т.д.) была их генетическая связь с расширенным королевским советом (курией). То же самое мы видим и в Москве: совместные заседания

великокняжеской думы и Освященного собора (с приглашением в экстренных случаях служилых людей) известны, по крайней мере, с XV века.

Важно также обратить внимание на время появления представительных учреждений в разных странах Европы: как уже отмечено выше, на Пиренейском полуострове это – конец XII–XIII веков, в Англии – XIII столетие, во Франции – XIII – начало XIV в., а в Скандинавии – XV – первые десятилетия XVI века. Во всех указанных случаях эти периоды пришлось на время интенсивного государственного строительства, закладывания основ государства Нового времени. Частью этого процесса в каждой стране было резкое расширение сферы публичной политики, приобщение к ней не нескольких десятков, как прежде, а многих сотен людей.

Период зарождения земских соборов в России, конец XV – середина XVI в., – это время создания и развития Московского государства. Как и повсюду в Европе, этот процесс сопровождался постепенным расширением круга лиц, допущенных к обсуждению вопросов государственной важности. Если на военном совете 1471 г. (названном М.Н. Тихомировым «прототипом Земского собора»: [Тихомиров, 1973, с. 50]) Иван III совещался с боярами, епископами, воеводами и «воями», то на соборе 1566 г., созванном Иваном IV по вопросу о продолжении войны с Литвой, свои «советы» и «мысли» царю высказали церковные иерархи, бояре, приказные люди, дворяне и купцы [Черепнин, 2015, с. 107–108, 112–114]. И, конечно, не случайно становление земских соборов сопровождалось развитием идеи «общей пользы» в форме «дела государева и земского», впервые упомянутого в источниках в 1502 г. [Кром, 2010]. А в XVII в. «выборные люди из городов», согласно официальной терминологии, созывались на собор «по государеву указу для государевых и земских дел» [Черепнин, 2015, с. 293].

Таким образом, не с пресловутой сословной рознью следует, на мой взгляд, связывать возникновение земских соборов в России, а с расширением поля публичной политики и развитием идеологии «общего блага», т.е. тенденциями, сопровождавшими процесс формирования государства Нового времени в Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бойцов 2017 – *Бойцов М.А.* Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV – середина XVII в. М., 2017. С. 18–32.

Дьяконов 1908 – *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 2-е. СПб., 1908.

Ключевский 1959 – *Ключевский В.О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. VIII. М., 1959. С. 5–112.

Кристенсен 1989 – *Кристенсен С.О.* История России XVII в. Обзор исследований и источников: Пер. с дат. / Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Буганова. М., 1989.

Кром 2010 – *Кром М.М.* «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 581–585.

Латкин 1885 – *Латкин В.Н.* Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885.

Лисейцев 2020 – *Лисейцев Д.В.* Почему Земский собор – не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 142–150.

Лукичев, Назаров 1994 – *Лукичев М.П., Назаров В.Д.* Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов конца XVI – начала XVII вв. // Исторический архив. 1994. № 6. С. 167–177.

Назаров 1990 – *Назаров В.Д.* К истории земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, культура периода феодализма (Археография и источниковедение Сибири) / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 296–303.

Назаров 2009 – *Назаров В.Д.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации (эпизод из политической жизни российского двора в середине XVI в.) // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 482–494.

Павлов 1999 – *Павлов А.П.* Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI – XVII веков // Место России в Европе (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 113–121.

Панеях 1996 – *Панеях В.М.* Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 11–110.

Представительные институты 2017 – Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV – середина XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2017.

ПСРЛ 1949 – Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.–Л., 1949.

Сергеевич 1875 – *Сергеевич В.И.* Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. Т. II. СПб., 1875. С. 1–59.

Тихомиров 1973 – *Тихомиров М.Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973. С. 42–69.

Торке 1991 – *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3–11.

Федоров 2017 – *Федоров С.Е.* Принципы парламентского представительства и перспективы *État moderne* в Западной Европе (постановка проблемы) // Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV – середина XVII в. М., 2017. С. 55–59.

Черепнин 2015 – *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / Послесл. В.Д. Назарова. М., 2015.

Чичерин 1866 – *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866.

Blockmans 1998 – *Blockmans W.* Representation (Since the Thirteenth Century) // *The New Cambridge Medieval History. Vol. VII. Ed. by Ch. Allmand.* Cambridge, 1998. P. 29–64.

Graves 2001 – *Graves M.A.R.* The Parliaments of Early Modern Europe. Harlow & London, 2001.

Marongiu 1968 – *Marongiu A.* Medieval Parliaments. A Comparative Study. London, 1968.

Myers 1975 – *Myers A.R.* Parliaments and Estates to 1789. London, 1975.

Nazarov, Oubarov, Vedyushkin 2015 – *Nazarov V.D., Oubarov P. Y., Vedyushkin V.A.* Las instituciones rusas de representación durante los siglos XVI y XVII en el contexto europeo: una perspectiva historiográfica // *Studia histórica, Historia moderna.* 2015. Vol. 37. P. 27–51.

Torke 1974 – *Torke H.-J.* Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. Leiden, 1974.

van Zanden et al. 2012 – *van Zanden J.L., Buringh E., Bosker M.* The Rise and Decline of European Parliaments // *The Economic History Review.* 2012. Vol. 65. No. 3. P. 835–861.

Е. В. БЕЛЯКОВА

К ИСТОРИИ СОБОРА 1572 ГОДА

Статья посвящена малоизученному собору 1572 г., давшему царю Ивану IV Грозному разрешение на четвертый брак. Собор имел предысторию – развод и второй брак Василия III. Постановление собора было издано по списку середины XVII века. Сохранилось еще три списка постановления этого собора в составе Кормчих разных редакций второй половины XVI века. Все списки XVI в. образуют одну группу. В статье дана характеристика списков и проанализирован характер исправлений, внесенных редактором XVII века. Автор ставит вопрос о причинах включения постановления собора в Кормчие, заказчики которых известны, а также о том, как читалось постановление этого собора современниками в связи с последующими браками царя.

Ключевые слова: собор 1572 г., четвертый брак, Иван Грозный, епископат, формуляр постановлений собора

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, грант № 20-18-00218,
<https://rscf.ru/project/20-18-00218/>*

Изучение постановлений соборов московской митрополии XVI в. показывает, что к середине XVI в. еще не сложился единый формуляр, по которому должны были оформляться их решения [Назаров, 1990, с. 189–190]. Нет единства в расположении материала в Стоглаве, в нем четко видны две по-разному оформленные части, а заключительная часть с подписями участников отсутствует.

Собор, состоявшийся в Москве 29 апреля 1572 г., давший разрешение Ивану IV Грозному на четвертый брак, стоит особняком среди соборов московской митрополии, так как он посвящен не общецерковным вопросам, а касается только вопроса о браке царя [Макарий, 2016, с. 80–81]. Брак царя был общегосударственным делом [Назаров, 1976, с. 110–111], чины молитв за царскую семью все время совершенствовались, а введенные при Василии III смотрины невест только подчеркивали значимость события.

Собор имел свою предысторию: развод отца Ивана IV, Василия III, с его первой женой Соломонией Сабуровой. Об этом разводе, как и о последующей женитьбе Василия III и проблеме престолонаследия, существует обширная историография [Зимин, 1972, с. 267–299; Иглесиас, 2016; Иглесиас, 2017].

Источники не позволяют однозначно утверждать, каким образом было оформлено разрешение митрополита Даниила на развод и новый брак Василия III. Прославляющая Василия III Повесть о втором браке указывала на митрополита Даниила как главного организатора развода с Соломонией, при этом инициатором развода выступала сама Соломония, а митрополит выступал не один, а «с всем священным сънмом» [Бегунов, 1970, с. 116]. Когда получено было согласие Василия III, митрополит Даниил, князья Георгий и Андрей, а также все «поместные князья и бояре» взяли на себя грех правителя: «Они же вси радостно и велегласно възпиша: «Грех твой царю, буди на нас» [Бегунов, 1970, с. 117]. После выбора невесты царь созвал собор: «Сам же посла г Данилу митрополиту, да съберет священный сънм. Вскоре же снисходящая к митрополиту епископи и архимандрити, и честнейшиа игумени. Царь же и государь всеа Руси прииде и благословися от священнаго собора. Даниил же митрополит всеа Руси и преосвященный сънм – вси единогласно радостнее государя благословляют браку совокупитися и прощают в сий век и в будущий» [Бегунов, 1970, с. 118]. Бегунов датировал Повесть промежутком между 1526 и 1528 гг. [Бегунов, 1970, с. 109]. Таким образом, источник, восхваляющий Василия III, сообщал о том, что благословение на второй брак было дано не одним митрополитом Даниилом, а митрополитом был созван собор и собор дал прощение Василию III.

Другое изложение событий представлено в Выписи о втором браке Василия III. Этот текст был впервые опубликован в 1847 г. [Выпись, 1847, с. 1–8]. Выпись была опубликована вновь А.А. Зиминым уже по 14 спискам [Зимин 1976, с. 132–148]. Историк отметил удивительную «смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных» и сделал вывод о том, что Выпись была написана в начале XVII в., так как в ней даются «предсказания», составленные уже после царствования Ивана IV [Зимин, 1976, с. 135]. Согласно Выписи, Василий III по благословению митрополита Даниила и Вассиана Топоркова написал послание к четырем патриархам, но получил от них отказ: «Они же велики

согласился и предложили писание по правилу святых отец: «Не подобает бо тако тебе, государю, творити, понеже и мирской чади правила святых отец запрещают» [Зимин, 1976, с. 144]. Однако митрополит Даниил убедил Василия созвать собор: «Но, сыну Василей, тебе глаголют, великому государю, учини благословение, и возмем на ся и всем вселенским собором и благословим творити ему паки, о чем печаль имеет» [Зимин, 1976, с. 144]. Необходимо отметить мнение А.И. Плигузова и Г.В. Семенченко, которые считали, что митрополит Даниил не был заинтересован во втором браке Василия III, так как митрополит поддерживал Юрия Дмитровского [Плигузов, Семенченко, 1989, с. 146–149].

Оба источника, независимо от их тенденции, предполагали необходимость созыва собора для решения вопроса о разводе и втором браке. А.А. Зимин, на основании посыльных грамот от митрополита Даниила и великого князя епископу Суздальскому и Тарусскому Генadiю от 23 января 1523 г. [АЮ, 1841, № 360, с. 385], полагал, что такой Собор должен был состояться в феврале 1523 г., но «состоялись ли его заседания или нет, остается неясным» [Зимин, 1972, с. 258]

Необходимо отметить, что в связи с разводом и новым браком Василия III четко выражено представление о возможности взятия греха правителя подданными. Представление о том, что за грехи правителя несет наказание вся земля, имело весьма архаичное происхождение и было топомом в древнерусской письменности [Белякова, 2021, с. 421–423]. В данном случае речь шла о том, что грех правителя его братья и митрополит берут на себя добровольно, чтобы снять его с великого князя. В епитимийниках и славянских сборниках канонического содержания неоднократно говорилось о возможности разделения длительной епитимьи на три части: Бога, духовника и кающегося [Белякова, 2022, с. 78].

Если второй брак разрешался церковными канонами в случае вдовства, хотя и с определенными ограничениями, то четвертый брак прямо запрещался хорошо известным «собором соединения» 920 года. Его постановления имелись в составе Кормчих Сербской и Русской редакций и не могли не быть известными русским епископам. В постановлении говорилось: «Отрицаем общею волею и судом от нынешняго лета, еже есть 6428, индикта осмаго, четвертому браку никакое же дерзновение имети, но быти отвержену отнюдь». Это же постановление предписывало не разрешать

третий брак тому, кому было более 40 лет и имелись дети от предыдущих браков [Кормчая, 1653, л. 574–575].

Иван IV собрал собор 1572 г. в отсутствие митрополита. До избрания митрополита был созван царем и собор 1564 г., утвердивший право митрополита на белый клобук. Всего восемь лет отделяло собор 1564 г. от собора 1572 года. За эти страшные годы опричнины на кафедре сменилось три митрополита: Афанасий, муч. Филипп (Кольчев) и Кирилл, скончавшийся 8 февраля 1572 года. Ни один из епископов, участвовавших в соборе 1564 г., не остался на своей кафедре, т.е. епископат полностью обновился. Репрессиям подверглись епископы Пимен Новгородский и Филофей Рязанский. Изменилось место Пермской и Вологодской кафедры, занявшей место после Полоцкой и Великолуцкой, что было связано с планами Иоанна IV по перемещению царской резиденции в Вологду [Усачев, 2022, с. 190–199]. Помимо епископов (Новгородского Леонида, Ростовского Корнилия, Полоцкого Антония, Макария Вологодского, Сильвестра Смоленского, Сергея Рязанского, Савы Тверского, Давида Коломенского, Германа Сарского) в состав участников собора 1572 г. «государевых богомольцев» были включены архимандриты Троице-Сергиева, Новоспасского, Чудова, Симоновского, Андроникова, Лужецкого, Богоявленского, Пафнутиевского, Калязинского, Колочского, Даниловского и Угрешского монастырей.

Деяние собора состоит из 1) краткой преамбулы, 2) речи царя к Собору, представляющей просьбу о разрешении вступить в четвертый брак и содержащей рассказ о смерти предыдущих жен; 3) канонического обоснования, состоящего из указания на 3-е правило Новокессарийского собора, переработанного изложения 4-го и 80-го правила Василия Великого, а также ссылок на Номоканон Иоанна Постника; 4) решения собора, которое начинается с перечисления имен участников собора; 5) подписей участников. Необходимость заключить четвертый брак мотивировалась тем, что третий брак, с Марфой Собакиной, на который царь получил благословение митрополита Кирилла, длился две недели и Марфа умерла, а царь «девство не разрешил третьего брака» [ААЭ, 1836, № 284, с. 329].

Царю в 1572 г. было 42 года, и он уже имел двух сыновей от первого брака, поэтому оснований для снисхождения не было, но собор проигнорировал постановление Собора соединения 920 г. и разрешил четвертый брак, запретив царю входить в цер-

ковь до Пасхи и наложив епитимию на три года с подробной росписью ее содержания [Макарий, 1996, кн. 4. ч. 1, с. 173]. В случае военного похода трехлетняя епитимия снималась с царя и перекладывалась на весь «освященный собор». Далее шло указание на запрет всем остальным вступать в четвертый брак.

Постановление собора было издано единственный раз в 1836 г. по списку ГИМ. Син. 850 [ААЭ, 1836, № 284, с. 329–332]. Этот сборник, датируемый серединой XVII в., известен в первую очередь помещенным в нем Сказаниям о книгопечатании [Описание, 1973, ч. 2. № 974, с. 90–92]. Рукопись принадлежала вдовому иерею Никифору Семенову, появившемуся на Печатном дворе в 1664 г. в качестве книжного чтеца, а в 1666 г. назначенного справщиком. Никифор Семенов пробыл в этой должности до 1686 г. [Мансветов, 1883, с. 516, 523; Дадыкин, 2017, с. 70]. Содержание сборника очень разнообразно и отвечает новым явлениям русской культуры XVII века. В него включены статьи по грамматике, а собранные в нем тексты объединяет тема русской истории. Его составитель копировал тексты и документы на отдельные листы, оставляя незаписанным пространство по окончании документа. В сборник вошли и другие церковные документы: Грамота об учреждении патриаршества, послания митрополита Макария, отреченные грамоты новгородских владык. По-видимому, копии этих документов хранились в библиотеке Печатного двора.

Сверка показала, что издатели точно воспроизвели текст, находящийся на л. 492–497. Но другие списки Постановления собора 1572 г. не были известны и не были привлечены в разнотечниках, хотя они принадлежат к XVI веку. Как мы уже отмечали, это Постановление оказалась в составе Кормчих разных редакций: Сербской с добавлениями «Акиндиновской» [РНБ. Соф. 1175, л. 45–49, далее С], «Годуновской» [ИР НБУ. Ф. 306 (Собр. Киево-Печерского монастыря) № 80 / 102, л. 711–715об., далее II] и Чудовской с дополнениями [ГИМ. Муз. 3471, л. 617об.–620об., далее М]. [Белякова, Мошкова, Опарина, 2017, с. 63]. Указание на постановление собора содержится и в оглавлении Годуновской Кормчей из Успенского собора Московского Кремля [ГИМ. Усп. бум. 21. Л. 30 об.; Белякова, Мошкова, Опарина, 2017 с. 107–121], однако его текст отсутствует. Такое включение постановления московского собора в текст Кормчих – явление исключительное. Достаточно напомнить, что Грамота об учреждении патриарше-

ства не встречается в рукописных Кормчих (она была включена только в печатное издание), отсутствуют в них и грамоты соборов 1547, 1564 г. и др.

В Кормчей, написанной священником Акиндином в 1551 г.¹ повелением архиепископа новгородского Серапиона (1551–1552), грамота помещена на л. 45–49, то есть перед Изложением правил апостольских и отеческих, что совершенно нетипично для дополнения Кормчих. Возможно, грамота была написана на листах Кормчей, которые остались незаписанными. Кормчая Акиндина имеет сложный состав. Ряд листов в ней так и остался незаполненным (листы 14 об., 72 об., 75, 89 об., 111, 140, 144 об, 270 об., 342), и в рукописи отражены несколько этапов работы над текстом, включая сверку с печатной Кормчей 1787 г.² и составление указателя с использованием указателя Печатной Кормчей, но с отсылкой к листам рукописи. В основу была взята Кормчая Сербской редакции (возможно, Даниловского извода), дополненная по Софийской редакции. Как предполагает М.В. Корогодина, Постановление собора 1572 г. «было приписано на свободном месте вскоре после 1572 г.» и «инициатором добавлений был новгородский архиепископ Леонид (1571–1575)» [Корогодина, 2017, т. 1, с. 415, 412–414, т. II, с. 49–50]. Возможно, что новгородский архиепископ Леонид, имя которого стоит первым в подписях соборного деяния и который, по-видимому, был председателем на этом соборе в отсутствие митрополита, счел необходимым внести постановление в Кормчую, уже находившуюся в Софийском соборе.

Более традиционное место заняло постановление этого Собора в Кормчей из собрания Национальной библиотеки им. Вернадского [ИР НБУ, Киево-Печ. 80 / 102], основная часть которой датируется 1570–1580 гг. (датировка М.В. Корогодиной: [Корогодина, 2017. Т. 2, с. 340–341]), где оно расположено на листах 711–715 об. Эта рукопись имеет владельческую запись участника Собора 1572 г. епископа Смоленского и Брянского Сильвестра (1572–1592). М.В. Корогодина считает, что редакция была составлена по заказу епископа Смоленского и Брянского Сильвестра, поэтому назвала редакцию Сильвестровской [Корогодина, 2017, т. 2, с. 314]. Но мы считаем, что редакция была составлена

¹ Об этом имеется запись: С, л. 551 об.

² Запись: С, л. 341.

в Москве и рукописи имеют общий протограф с Годуновской Кормчей из Успенского собора. До отсутствия текстологического сопоставления рукописей Годуновской и Сильвестровской все выводы могут иметь лишь предварительный характер. Рукопись епископа Сильвестра осталась на Брянской кафедре, о чем свидетельствует запись на первом листе Зосимы Прокоповича, епископа Черниговского (1655–1657). Рукопись из Успенского собора (ГИМ. Усп. 21 бум.), несмотря на дважды повторенную торжественную вкладную запись, не содержит точной даты, но упоминание во вкладной записи царя Федора Ивановича, названного «начальником мирови, сиречь христианского сонма благочестиваго царя» [ГИМ. Усп. бум. 21, л. 1], царицы Ирины, патриарха Иова и Григория Васильевича Годунова (ум. 1598 г.) позволяет отнести ее ко времени после учреждения патриаршества, т.е. к концу XVI в., что подтверждают и водяные знаки.

Деяние сохранилось еще в одной Кормчей, принадлежавшей Вологодскому архиепископу Ионе и датируемой по записи епископа 1591/92 годом. В ней также к главам из Чудовской редакции добавлены главы из Софийской редакции, а кроме того имеются добавления из Тактикона Никона Черногорца «О особном петии». На первых листах помещен список истинных и ложных книг, последние слова которого содержат анафематствование тех, кто не «повинуется сеи велицеи Церкви еже есть София Премудрости Божия и Цариграду патриарху». Иона Думин, архимандрит Владимирского Рождественского монастыря, занимал Вологодскую кафедру с 1588 по 1603 г., в 1603 г. он стал митрополитом Ростовским и Ярославским, но уже в 1604 или 1605 г. удалился на покой. Иона Думин активно участвовал в московской церковной жизни, и Б.Ф. Годунов пожаловал его вотчиной [Башнин, 2019. с. 293–297]. Именно в архиерейство Ионы кафедра была повышена до архиепископии, но это связано было не с его заслугами, а с учреждением патриаршества. Иона был известным книжником, с его деятельностью связывают создание 22 книг. Он также был создателем особой редакции Повести о житии Александра Невского и собрания произведений Максима Грека [Буланин, 1988, с. 430–432]. Иона Думин был на соборе 1589 г., учредившем патриаршество, и поставил свою подпись под документом, но мы не находим в его Кормчей Грамоты об учреждении патриаршества. Несомненно, что епископ не располагал копией с этой грамоты, как и другие участники собора.

Иона Думин занял кафедру уже после смещения митрополита Дионисия в 1587 году. Митрополит Дионисий лишился кафедры из-за поддержки им Шуйских, вместе с которыми он замыслил развод Федора Ивановича с Ириной Годуновой из-за отсутствия наследника [Макарий, 1996, кн. 4, ч. 1, с. 177; Правящая элита, 1992, с. 35–37]. Эта ситуация, повторяющая случай с Василием III, могла актуализировать и решение Собора 1572 года. Как известно, брак Ивана IV с Анной Колтовской просуществовал несколько месяцев, а после этого последовали пятый и шестой браки Ивана Грозного, и рожденный от шестого брака Дмитрий воспринимался как законный наследник. Отсутствие постановления в упомянутой выше рукописи Успенского собора при наличии этого текста в ее протографе свидетельствует о том, что трактовка решения собора о четвертом браке была совсем неоднозначной.

Как же понималась это соборное деяние образованным епископатом? Неудачная попытка развода Федора Ивановича показывает, что и брак Василия III, и браки Ивана IV создали прецедент, по которому царь ставился выше церковных канонов и за ним признавалось исключительное право на нарушение церковных постановлений. В отличие от Византии, где нарушения канонов императорами вызывало протест патриархов и становилось предметом общественного обсуждения и прещений со стороны патриархов, собор 1572 г. стал беспрецедентным с точки зрения канонического права. Собор специально оговаривал, что принятое им решение разрешить царю четвертый брак ни в коем случае не может быть рассмотрено как допущение для всех остальных христиан практики четвертого брака. Но может быть, включая это постановление в свои Кормчие, епископы указывали на недопустимость последующих браков «благочестивого» царя? Ведь после пострижения Анны и новой женитьбы деяние полностью утратило свой прямой смысл, а каких-либо протестов со стороны митрополита Антония не последовало. Может быть, Иона Думин, собиравший сочинения опального Максима Грека, рассуждал именно так?

В любом случае, иерархи не решались на обличение царя после гибели митрополита Филиппа, и этот отказ иерархов как от обличений, так и от печалований, что традиционно считалось их функцией, оставил глубокий след в истории. Более того, этот отказ повлиял и на последующую историографию событий XVI века. Так, В.В. Шапошник, ссылаясь на известие иезуита А. По-

ссевино, писавшего, что царь исповедуется, но не причащается, делает несколько странный «вывод о том, что Грозный не считал свои многочисленные браки нормальным явлением и стремился покаянием успокоить свою христианскую совесть» [Шапошник, 2006, с. 352]. Но возможна и другая трактовка этого факта: у епископов хватило решимости отлучить царя от причастия и наложить епитимию, что в годы опричнины уже могло восприниматься как проявление смелости иерархов.

Текстологическое изучение списков Постановления собора 1572 г. показывает, что необходимо его новое издание. Хотя издатели XIX в. точно воспроизвели текст своего оригинала (ГИМ. Син. 850), однако текст имеет целый ряд разночтений с более ранними списками. Разночтения не носят принципиального характера, меняющего понимание текста, но в ряде случаев исправляют ошибки и важны для истории языка. Так как все три списка постановления в Кормчих содержат в большинстве случаев одинаковые чтения, отличающие их от чтений Син. 850, то можно предположить, что изменения были сделаны писцом Син. 850. Добавления имеют характер стереотипных формул, которые редактор вносил в текст.

Покажем это в таблице:

Издание по ркп. ГИМ. Син. 850	Чтение в списках П, С, М.
царевич князь Иван и царевич князь Федор	царевич Иван и царевич Федор
И толика быша за ним царица Марфа две недели	И толико быша за ним две недели
И его царьские богомолцы архиепископи и епископи	И боголюбивии архиепископи и епископи
И седоша боголюбивии архиепископи и епископи, архимариты и игумены, и весь собор освященный	И седоша боголюбивии архиепископи и епископи
Пречестнаго Ея и славнаго Успения и великих святителей и чудотворцов	Честнаго Ея Успения и великих чудотворцов
Архиепископ Макарий Вологодский и Великопермский	Епископ Макарий Вологодский и Великопермский

Вместо ошибочного чтения «о разрешении и **обличении** четвертаго брака» в списках **П, С, М** стоит «облечении», вместо «в Никеи Кесари» – «в Новеи Кесари».

Есть расхождение и в формуле проклятия тех, кто вслед за Иваном Грозным решится на четвертый брак. Вместо «Аще кто гордостью дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити, пригрозным клятвам да будет **таковый за дерзость** по священным правилам **проклят**» в **П, С, М**: «Аще кто дерзнет четвертому браку гордостью дмяся или от неразумия, прегрозным клятвам предан будет по священным правилам». Отметим, что **С** и **М** не помещают подписей под решением собора (чтобы избежать удвоения, так как в тексте перечислялись присутствовавшие на соборе), а в **П** они сохранились. Несомненно, что мы имеем дело со становлением формуляра постановлений соборов.

Вопрос о том, как же было прочитано современниками постановление собора 1572 г., воспринималось ли оно как неизбежный акт конформизма [Правящая элита, 2006, с. 303], позволяющего царю перешагнуть через церковные запреты, или как возможность отлучения царя, остается открытым. Возможно, для читателя XVII в. интерес представлял и просто сам рассказ царя о своей семейной жизни, когда всех его жен отравляли «злокозньством». В любом случае, это постановление, в отличие от многих других постановлений московских соборов, оказалось включено в состав трех Кормчих XVI века и в сборник XVII века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ААЭ 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1836.

АИ 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1841.

АЮ 1838 – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838.

Башнин 2019 – *Башнин Н.В.* Вотчина Вологодского архиерейского дома Св. Софии в Московском уезде в конце XVI–XVIII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. М.–Калуга, 2019. С. 293–297.

Бегунов 1970 – *Бегунов Ю.К.* Повесть о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 25. М.–Л., 1970. С. 105–118.

Белякова 2021 – *Белякова Е.В.* «От того Божии гнев на нас и многие казни и последний суд» (к проблеме осмысления кризисных ситуаций в православной книжности) // *Slavica Slovaca*. 2021. Вып. 56(3). С. 420–427.

Белякова 2022 – *Белякова Е.В.* Заповедь Иоанна Златоустого о законе церковном в восточнославянской традиции (к вопросу о новых текстах в составе монастырских библиотек) // *Stephanos*. 2022. № 4 (54). С. 73–83.

Белякова, Мошкова, Опарина 2017 – *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.–СПб., 2017.

Буланин 1988 – *Буланин Д.М.* Иона Думин // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Втор. пол. XIV–XVI в. Л. 1988. С. 430–432.

Выпись 1847 – Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю, Василию Ивановичу о сочтании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради / Изд. О.М. Бодянский // *ЧОИДР*. 1847. № 7. С. 1–8.

ГИМ. Муз. 3471 – ОР ГИМ. Музейное собр. Кн. 3471. Кормчая Ионы Думина.

ГИМ. Усп. бум. 21 – ОР ГИМ. Собрание Успенского собора. Бум., 21. Годуновская кормчая.

Дадыкин 2017 – *Дадыкин А.В.* Сотрудники Московского Печатного двора второй половины XVII в. Именной список // *Труды Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова*. Вып. 2. М., 2017. С. 52–237.

Зимин 1972 – *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин 1976 – *Зимин А.А.* Выпись о втором браке Василия III // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 30. М.–Л. 1976. С. 132–148.

Иглесиас 2016 – *Иглесиас Р.Ф.* К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // *Каптеревские чтения*. Вып. 14. М., 2016. С. 246–296.

Иглесиас 2017 – *Иглесиас Р.Ф.* К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // *Каптеревские чтения*. Вып. 15. М., 2017. С. 304–336.

ИР НБУ. Ф. 306 № 80 / 102 – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Киево-Печерское собр. Ф. 306. № 80 / 102.

Кормчая 1653 – Кормчая. М., 1653.

Корогодина 2017 – *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 1–2. М.–СПб., 2017.

Макарий 1996 – *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996.

Макарий 2016 – *Макарий (Веретенников), архим.* Из истории соборов русской церкви. Можайск, 2016.

Мансветов 1883 – *Мансветов И.* Как у нас правилась церковные книги (Материалы для истории книжной справы в XVII столетии по бумагам архи-

ва типографской библиотеки в Москве) // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1883 г. Ч. 32. М., 1883. С. 514–575.

Назаров 1976 – *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–123.

Назаров 1990 – *Назаров В.Д.* К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1990. С. 187–207.

Описание 1973 – Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева. Ч. 2. № 820–1051. М., 1973.

Павлов 1992 – *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Плигузов, Семенченко 1989 – *Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Русская книжность XV–XIX вв. (Труды ГИМ. Вып. 71). М., 1989. С. 139–154.

Правящая элита 2006 – Правящая элита Русского государства IX- начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006.

РНБ. Соф. 1175 – Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Софийское собрание. Кн. 1175.

Смирнов 1912 – *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. Т. 1, 2. М., 1912.

Усачев 2022 – *Усачев А.С.* Вологодская кафедра и Иван IV // Вестник Пермского университета. 2022. Вып. 2(57). С. 190–199.

Шапошник 2006 – *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30-80 годы XVI в. / 2-е изд. СПб., 2006.

И. О. ТЮМЕНЦЕВ

РОССИЙСКИЕ САМОЗВАНЦЫ И УКРАИНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СМУТНОЕ ВРЕМЯ НАЧАЛА XVII СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена выяснению роли запорожских казаков в движениях Лжедмитриев I и II в Смуту начала XVII столетия в России. Войско Запорожское, в отличие от Донского, в движении Лжедмитрия I никакого участия не принимало. Получив жалование от царя Василия Шуйского, оно также осталось глухим к призывам Лжедмитрия II. Повстанческие войска пополнялись главным образом отдельными формированиями запорожцев, рестровых украинских казаков и просто «показавшихся» простолодинов, которые действовали на свой страх и риск вопреки запретам войсковых властей и руководства Речи Посполитой. Запорожские полки непосредственно подчинялись «гетману» Р. Ружинскому и были неподвластны главе казачьего приказа «боярину» И.М. Заруцкому. После разгрома Тушинского лагеря «запорожцы» Лжедмитрия II без всяких условий перешли на сторону короля Сигизмунда III и причинили немало бед русским людям в ходе вторжения в Россию. В 1618 г. все Войско Запорожское во главе с гетманом П. Сагайдачным приняло участие в неудачном походе королевича Владислава на Москву.

Ключевые слова: Смута начала XVII столетия, Лжедмитрии I и II, войско Запорожское и самозванцы, украинские казаки в таборах самозванца, вторжение короля и королевича, гетман Петр Сагайдачный

Публикация подготовлена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН на 2022 г. (00-22-15, № проекта АААА-А20-120122990111-9) направления ПФНИ 21-2030 гг.

6.1.2.8. «Формы социальной организации и социальные группы в прошлом и настоящем», ОЭСР 6.1.1 «История»)

Об участии запорожцев в Смутном времени начала XVII в. исследователи обычно судят по их участию в иностранной интервенции в 1609–1618 годах. Анализ документов, современных событиям, свидетельствует, что в действительности их участие не было однозначным.

Лжедмитрий I и украинские казаки. Летом 1602 г. беглый монах Григорий Отрепьев наряду с донцами попытался получить поддержку у запорожцев: «учал воровати у Запорожских черкасов», но был принят лишь в роте запорожцев-ариан старшины Герасима Евангелика. Православные запорожцы наотрез отказались иметь с ним дело [ААЭ, 1836, с. 79].

Запорожцы имели давние связи с князьями Вишневецкими, но кн. Адам (Василий) Вишневецкий вступил в острый конфликт с московскими властями, так как часть владений князя во время демаркации границы оказалась «в облоге» [СРИО, 1912, с. 2; СО, 1855, с. 30]. Князь решил использовать «царевича» в своей игре [Ульяновский, 1993, с. 77]. Его вынудили вновь одеть монашеский клобук и разыграли спектакль с его опознанием [СВМГ, 1918, Кн. 1, с. 36; СО, 1855, с. 10; СГГид, 1819, с. 81]. Но это не помогло. Московские власти в письмах к кн. К. Остожскому, кн. А. Вишневецкому и др. обличили самозванца как беглого монаха Григория Отрепьева и потребовали выдачи проходимца [СВМГ, 1918, с. 4; ААЭ, 1836, с. 142–144]. Запорожцы после спектакля в Брагине будто бы были не прочь помочь самозванцу занять «отчий престол» [Эварницкий, 1895, с. 179] и прислали к нему своих представителей, чтобы «провадити его до Москвы» [Кулиш, 1977, с. 21–23]. Но Борис Годунов прислал запорожцам «государево жалование» с призывом не верить беглому монаху. Летом 1604 г. старшина Скалозуб увел большую часть запорожцев (3 тысячи человек) в морской поход на турок [СН, 1911, с. 14]. Накануне выступления Лжедмитрия I в поход из Самбора у него было всего 2 тысячи солдат и 1 тысяча казаков. Очередная попытка «царевича» получить помощь у запорожцев и донцов провалилась [Доманицкий, 1899, с. 11–12; Пирлинг, 1912, с. 1841; Novakowski, 1841, с. 65–70]. Реальную помощь самозванцу оказал магнат-католик Ю. Мнишек с братом, сыновьями и прочими родственниками [Скрынников, 1987, с. 151–165; Ульяновский, 1993, с. 80–84], которые затеяли экспедицию в Россию на свой страх и риск вопреки запретам властей Речи Посполитой.

3 (13) октября 1604 г. «царевич» выступил из Киева с 2 тысячами казаков, которые были уряжены на три полка: Белешко (Мелешко), Куцько и Швайковского. Гетман запорожцев Яков Недородич и запорожцы остались в Сечи. Под знамена самозванца собрались реестровые казаки и примкнувшие к ним местные простолодины. В авангарде войска шел полк Белешко (Мелеш-

ко), в котором служил приятель самозванца по Гоще арианин Я. Бучинский. Это наблюдение дает основание предположить, что здесь было много запорожцев-ариан – приятелей самозванца [Доманицкий, 1988; С. 11–12; Борша, 1872, стб. 367–369].

На пограничье отряды «запорожцев» пополнились за счет украинских и русских служилых и вольных казаков [Болтин, 1868, с. 324; Доманицкий, 1899, с. 11–12] и достигли 3 тысяч [Борша, 1871, стб. 367–369]. Затем, после успешного для самозванца сражения у Новгорода Северского, кн. А. Вишневецкий по степным шляхам Дикого Поля в обход Украины привел 4 тысячи казаков [Доманицкий, 1899, с. 12; СГГиД, 1819, с. 171]. Слуга Ю. Мнишка А. Рожнятовский отметил, что общая численность «запорожцев» 8 тысяч человек [Дневник, 1996, с. 29]. Затем к неопишуемой радости «царевича» прибыли еще 4 тысячи запорожцев. Численность прибывших запорожцев совпадает с численностью отряда старшины Скалозуба [Борша, 1871, стб. 367–369, 383; ССДС, 1859. Ч. 1, с. 162; Ч. 2, с. 14.]. По подсчетам Д.И. Эварницкого, среди них было 8 тысяч конницы и 4 тысячи пехоты [Эварницкий, 1895, с. 179–180]. Таким образом, Запорожское войско, как и Войско Донское, официально самозванца не признало, но удержать отдельные станицы руководители Сечи не смогли.

Победа у Новгорода Северского оказались «пирровой», т.к. наемное войско взбунтовалось из-за невыплаты жалованья и ушло в Речь Посполитую. Следом уехал «на сейм» Ю. Мнишек [Борша, 1871, стб. 385]. «Царевич» и его новый гетман А. Дворжецкий дали сражение правительственной армии у Добрыничей 20 января 1605 г. и потерпели сокрушительное поражение. Взбешенные гибелью многих товарищей запорожцы искали «царевича», чтобы казнить, но он убежал в Рьльск, а затем в Путивль. Запорожцы ушли из России. У самозванца осталось лишь 500 запорожцев-ариан [Борша, 1875, стб. 387–388; Белокуров, 1907, 2, 238; ССДС, 1859, с. 166; РИБ, 1909, стб. 726]. В походе Лжедмитрия I на Москву Запорожское войско не участвовало и присяги «царю Дмитрию» не приносило.

Запорожцы и Лжедмитрий II. В восстаниях Истомы Пашкова и Ивана Болотникова в России запорожцы не участвовали из-за рокоша в Речи Посполитой. Первый отряд запорожцев присоединился к Лжедмитрию II в Брянске 2 (12) октября 1607 года. Однако после капитуляции повстанческой армии

И.И. Болотникова в Туле 10 (20) октября 1608 г. они ушли от самозванца [Moskwa, 1995, s. 36–37, 414–415].

Снова украинские казаки появились у Лжедмитрия II в конце 1607 г., когда прибыл «полковник» Ян Велегловский с 12 хоругвями погребичских казаков и «царевичем Федором Федоровичем» [ЛНБ. Ф. 5. №. 5998 / III. Л. 286; Moskwa, 1995, s. 415–416]. Лжедмитрий II принял своего «родственника», как и прочих казацких царевичей, с распростертыми объятиями, но затем кн. Р.Н. Ружинский, захвативший власть в стане самозванца, приказал его казнить вместе с другими казацкими царевичами [Тюменцев, 2008, с. 133–134, 184, 257].

В начале 1608 г. в Орловском лагере Лжедмитрия II собралось около 3 тысяч запорожцев [Moskwa, 1995, s. 40–41]. В начале осени 1608 г. они были уряжены на 4 полка: полк Грица (700), Ростенецкого (500), Повидзавского (700), Лиса (150) – всего 2050 чел. [ЛНБ. Ф. 5. №. 5998 / III, л. 323]. В «русские» казацкие полки А.И. Лисовского и И.М. Заруцкого запорожцы не входили и подчинялись напрямую гетману кн. Р.Н. Ружинскому. Осенью 1608 г. «запорожцы» входили в небольшой отряд Петра Головича и обрусевшего шведа, торговца из Ярославля Тимофея Бьюгова (Лауренса Биугге) [Буссов, 1961, с. 154; РАЯС, 2012, с. 207–208], который разгромил и разграбил Ростов Великий и привел к присяге жителей Замосковья и Поморья [РАЯС, 2012, с. 352; Дневник, 2012, с. 68–73].

В Замосковье отдельные казацкие отряды вышли из повиновения тушинских властей. Атаман Федор Наливайко с запорожцами и татарами во Владимирском уезде, который был отдан в приставство («кормление») полку А. Лисовского, «многих людей побил, дворян и детей боярских, до смерти, а жон и детей позорили и в полон имали...». Владимирский «воровской» воевода «боярин» М.И. Вельяминов собрал местных дворян, привлек расквартированную во Владимире роту Я. Соболевского и отряд наемников во главе с панами А. Приклонским и М. Окульским. Разбойники были разгромлены, а их предводитель схвачен и казнен [РАЯС, 2012, с. 34, 276–277, 405]. В конечном счете, тушинским властям удалось сбить волну грабежей и насилий, но полностью остановить грабежи они не смогли. В марте 1609 г. пан А. Крупка со своей ротой людей «побивали на смерть и грабили» [РАЯС, 2012, с. 274, 282].

В ноябре 1608 г. кн. Р. Ружинский направил из Тушина к Новгороду Великому «полковника» Ян Кернозицкого около 2 тысяч «степных» казаков и 4 тысяч русских тушинцев [Видекин, 2000, с. 41]. Среди подчиненных Я. Кернозицкого упоминается полковник Гриц и в большом числе запорожские казаки [ЛНБ. Ф. 5. №. 5998 / III, л. 323–324 об.]. Русскими тушинцами командовал «боярин» Ф.М. Плещеев. Кн. М.В. Скопину-Шуйскому пришлось прервать переговоры со шведами и сесть в осаду с новгородцами [ЛНБ Ф. 5. № 168. Л. 540; Тимофеев, 1951, с. 103–105; БЛ, 1978, с. 250; НЛ, 1910, с. 85; Видекин, 2000, с. 41].

В начале декабря 1608 г. запорожцы пана Чижа численностью в 1 тысячу человек захватили Дорогобуж и намеревались уговорить смолян сдаться [АИ, 1841, с. 161–162]. «Смутить» горожан взялся смолянин сын боярский Иван Зубов, пожалованный самозванцем в думные дворяне. Смоленские воеводы М.Б. Шеин и кн. П. Горчаков смогли упредить противника. В начале декабря 1608 г. отряд смолян кн. Я.П. Барятинского и С. Одадунова разгромил Чижа с запорожцами и захватил Дорогобуж [Дневник, 2012, с. 38–41; Вараксин, 1982, с. 8.].

В конце осени 1608 г. непомерные поборы с посадских и крестьян Замосковья, Поморья и Новгородской земли через традиционную налоговую систему и через учрежденные наемниками и солдатами «приставства» [Тюменцев, 2008, с. 328–438] спровоцировали народное восстание против тушинских властей в Замосковье и Поморье. Кн. Р.Н. Ружинский и Я. Сапега направили против повстанцев карательный отряд А.И. Лисовского, в который входили казаки «запорожцы». Каратели «огнем и мечом» прошли по Замосковью, но восстановить свою власть в Поморье и Новгородской земле уже не смогли. А. Лисовский со своими воинами безуспешно отвоевывал Владимир, Ярославль, Кострому, пока наплавная рать нижегородцев не разгромила его во время переправы через Волгу [Тюменцев, 2008, с. 438–485].

Упорная борьба отрядов земских ополчений с тушинцами в Замосковье и Поморье помогла М.В. Скопину-Шуйскому выстоять и с помощью земских ополчений, поднявшихся на борьбу с тушинцами в Новгородской земле, отогнать полковника Я. Кернозицкого и запорожских казаков от Новгорода Великого [БЛ, 1978, с. 250; НЛ, 1910, с. 85; Almkvist, 1907, s. 128–141]. В мае 1609 г. кн. М.В. Скопин-Шуйский с правительственными

отрядами и шведским экспедиционным корпусом перешел в наступление и нанес тяжелые поражения полковнику Я. Кернозицкому с запорожцами у Старой Русы, Торжка и Торопца. Кн. Р.Н. Ружинский отправил из Тушина наемное войско во главе с полковником Александром Зборовским и русских тушинцев с «боярином и слугой» кн. Г.П. Шаховским. Гетман в письмах от имени самозванца буквально умолял Я.П. Сапегу прийти на помощь к А. Зборовскому, Я. Кернозицкому и кн. Г.П. Шаховскому [РАЯС, 2012, с. 51–52, 54–57], но «полковник» из-за неудачного штурма Троицы опоздал. Тверское сражение 11–13 (21–23) июля 1609 г. закончилось тяжелым поражением тушинцев, но оказалось «пирровой» победой. Солдаты шведского экспедиционного корпуса оказались западноевропейскими наемниками. Они, так же как их восточно-европейские коллеги взбунтовались и потребовали жалование за одержанную победу. Денег у кн. М.В. Скопина-Шуйского не было, поэтому мятежники бросили его у Твери и ушли на Валдай. Отсюда большая часть солдат вернулась в Европу. Молодому воеводе не оставалось ничего, кроме как отступить в Калязин монастырь на правом берегу Волги, где он из отрядов земского ополчения сформировал 20 тысячную правительственную армию и разгромил тушинцев в Замосковье. Вырвавшись из Твери, А. Зборовский с наемниками ушел к Я.П. Сапеге к Троице, а кн. Г.П. Шаховский и Я. Кернозицкий ушли в Вязьму [Тюменцев, 2008, с. 486–533].

Осенью 1609 г. польский король Сигизмунд III вторгся в Россию и предъявил свои права на Московский престол. Он потребовал, чтобы наемники оставили самозванца и явились в его войско на службу [Флоря, 2005, с. 102–137]. Кн. Р. Ружинский и тушинские наемники сначала потребовали, чтобы король покинул Россию и не лишал их «заслуженных» денег. Я. Сапега и его солдаты попытались переложить долги самозванца на короля. Запорожцы Я. Велегловского и Я. Кернозицкого отказались присоединиться к конфедерации и вернулись на королевскую службу. Дело в том, что Запорожская Сечь подержала Сигизмунда III. Многочисленное запорожское войско явилось к королю под Смоленск [SRSPB. E. 8604].

Во время распада Тушинского лагеря Лжедмитрий II бежал в Калугу, где летом собрал новое войско. К огорчению короля и его советников, Я. Кернозицкий смог увести часть запорожцев к «царику» [SRSPB. E. 8597; Буссов, 1961, с. 162.]. Наемное вой-

ско самозванца в Калуге, по данным Й. Будилы, было уряжено на четыре полка: Гетманский (Яна Сапеги) – 300 казаков, 600 пятигорцев, и 100 гусар; А. Хруслинского – 200 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; С. Тышкевича – 100 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; Й. Будилы – 400 казаков, 600 пятигорцев и 200 гусар [ЛНБ. Ф. 5. № 5998 / III, л. 323–324; РИБ, 1871, стб. 713–716; Moskwa, 1995, s. 443–444]. В дневнике Я. Сапеги упоминаются также два полка запорожцев Костенецкого и Дуршлака, по каким-то причинам не учтенные мозырским хорунжим [Дневник, 2012, с. 196–205; Żółkiewski, 1966, s. 122, 124; Moskwa, 1995, s. 160–161]. Учитывая, что средняя численность запорожских полков составляла примерно 500–600 человек [РИБ, 1871, стб. 713–716], можно предположить, что в наемном войске было не более 1 тысячи запорожцев.

В начале 1610 г. «запорожцы», перешедшие на сторону короля, вторглись на Северщину и стали громить приверженцев самозванца. В марте 1610 г. они штурмом взяли Стародуб Северский, в конце марта овладели Почепом, а затем Черниговым [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 570–571]. В апреле 1610 г. запорожцы Богушевский и Ганченко убедили жителей Новгорода Северского целовать крест королевичу Владиславу [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 587]. В начале мая 1610 г. присягнули королевичу жители Рославля [SRSPB. E. 8597; РИБ, 1871, стб. 570–571]. К лету 1610 г. запорожцы лишили Лжедмитрия II главной базы его движения – Северщины. Осенью 1610 г., после второго неудачного похода на Москву, новый гетман самозванца В. Валевский смог собрать в войско Лжедмитрия II около 1 тысячи иноземцев. Запорожцев среди них не было. Все войско Запорожское в полном составе во главе с гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным приняло участие в завоевательном походе королевича Владислава на Москву, который закончился полным провалом и привел к окончанию Смуты в России.

Московским властям, благодаря прочным связям с Запорожским войском и своевременным выплатам «государева жалования», в течение продолжительного времени удавалось удерживать Запорожское войско от вмешательства в русские дела. Костяк отрядов «запорожцев» в повстанческом войске составили рядовые казаки и атаманы реестрового и отчасти сечевого казачества, которые, как и донцы, в обход официальных запретов приняли участие в движениях Лжедмитриев I и II. Эти отряды пополнялись

«показавшимися» простолюдинами Украины. Именно они превратили отряды «запорожцев» в полки, внушительные по численности, но не отличавшиеся высокой боеспособностью. Запорожское войско в целом вступило в войну лишь в 1618 году.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ААЭ 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией: В 4-х тт. Т. 2. СПб., 1836.

АИ 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5-и тт. Т. 2. СПб., 1841.

Белокуров 1907 – *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

БЛ 1978 – Бельский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 238–271.

Болтин 1869 – *Болтин Б.* Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 321–379.

Борша 1872 – *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия с Сендамирским воеводой Юрием Мнишек и другими лицами из рыцарства 1604 г. // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 367–369.

Буссов 1961 – *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. / Пер. с нем. Е.И. Бобровой; Ред. С.А. Акулянец. М.; Л., 1961.

Вараксин 1982 – *Вараксин А.Ф.* Повесть о победах Московского государства / Подгот. текста, коммент. Г.П. Енина. (Серия «Литературные памятники»). Л., 1982.

Видекинд 2000 – *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны XVII в. М., 2000.

Дневник 1996 – Дневник Марины Мнишек / Отв. ред. Д.М. Буланин; Пер. с польск., предисл. и коммент. В.Н. Козлякова. (Studiorum slavicozum monumenta. Т. 9). СПб., 1996.

Дневник 2012 – Дневник Яна Петра Сапег (1608–1611 гг.) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Тупикова, А.Б. Плотников. М.; Варшава, 2012.

Доманицкий 1899 – *Доманицкий В.* Новый документ 1604 года о самозванце // Киевская старина. 1899. № 1. С. 11–12.

Кулиш 1877 – *Кулиш П.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877.

ЛНБ – Львовская научная библиотека НАН Украины. Отдел рукописей. Ф. 5. № 168; №. 5998 / Ш.

НЛ 1910 – Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910.

Пирлинг 1912 – *Пирлинг П.* Россия и папский престол / Пер. с фр. В.П. Потемкина. М., 1912.

РАЯС 2012 – Русский архив Яна Сапег 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012.

РИБ 1871 – Поход его королевского величества в Москву 1609 г. // РИБ. Т. 1. СПб., 1871. Стб. 427–720.

РИБ 1909 – Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Сост. С.Ф. Платонов. (РИБ. Т. 13). СПб., 1909.

СВМГ 1918 – Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606) // Смутное время Московского государства. Вып. 1. (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 9). М., 1918.

СГГид 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел в 5-ти частях. Ч. 2. М., 1819.

Скрынников 1987 – *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.

СН 1911 – Старина и Новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 14. М., 1911.

СО 1855 – Сборник кн. Оболенского в 12 выпусках. № 8. М, 1855.

СРИО 1912 – Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским // Сборник Русского исторического общества. Т. 137. М., 1912.

ССДС – Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. М., 1859.

Тимофеев 1951 – Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной; Ред. В.П. Андрианова-Перетц. (Серия «Литературные памятники»). М.; Л., 1951.

Тюменцев 2008 – *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII ст.: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Ульяновский 1993 – *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории: В 2 ч. Ч. 1. Киев, 1993.

Флоря 2005 – *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005.

Эварницкий 1895 – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков в 3-х т. Т. 2. СПб., 1895.

Almkvist 1907 – *Almkvist H.* Sverige och Rysland förbundet mot Polen, 1595–1611. Upsala, 1907.

Moskwa 1995 – Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612 / Wybór i oprac. M. Kubala. Varsoviae, 1995.

SRSРВ – Stockholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska brev.

Żółkiewski 1966 – *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Warszawa, 1966.

А. В. ЗАХАРОВ

ПЕРВЫЙ В РОССИИ СЕКРЕТАРЬ И ПОСОЛЬСКИЕ ЗВАНИЯ ПРИ ПЕТРЕ I

Автор исследует историю заимствования в Московском государстве термина «секретарь» для повышения статуса российских дипломатов на переговорах с государствами Священной лиги и для введения нового чина «секретарь». Кратко проанализирована практика наделения посольским титулом «наместник», посольскими званиями «стольник», «дворянин», «секретарь». По новым архивным данным изучены основные вехи биографии «генерального писаря и секретаря Большого полка» Л.С. Судейкина, пожалованного в новый чин-должность 24 апреля (5 мая) 1702 г.; казус присвоения звания «дворянин» А.Д. Меншикову во время Великого посольства. Рассмотрен первый случай именованного П.П. Шафирова званием «тайный секретариус».

Ключевые слова: чины, посольские звания, секретарь, Петр I, Посольский приказ, А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, Л.С. Судейкин, тайный секретарь, наместничества

«ДОБРОРОЖДЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ»

Жизнеописания представителей статусных званий, санов и должностей закономерны для штудий историков с античных времен. В латиноязычной традиции путь людей, добившихся первенства в публичных сферах, интересовал Корнелия Непота. Классическим образцом написания биографий принципалов стал труд Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей». Спустя тысячелетие вопрос о «первом князе» закономерно был поставлен и в древнерусской культуре. В текстологии при реконструкции истории Начальной летописи возник интерес к личности первого летописца.

В историографии петровской эпохи известны дискуссии о первом губернаторе, генералиссимусе, коменданте, солдате. Мотив поиска имен принцев или первооснователей «дел» коренится в социальном запросе наследников статусных отличий или

в задачах исследователей. Одна из дискуссионных страниц о первом пожаловании в секретари заполнена строками из биографий нескольких известных сановников. Иноязычное слово «секретарь» вошло в русский лексикон и документацию не позже XVI в. из посольских документов, перечислявших должности «канцлера», «комиссара», «агента». В звании «секретарь» был отмечен чиновник Польского королевства в русской Иоасафовской летописи, составленной около 1530-х гг. [Сергеев, 1971, с. 185], во второй половине XVI в. аналогичное значение фиксируется в документах делопроизводства¹.

Семантика термина «секретарь» может быть надежно установлена из контекста синхронных документов того времени. В верительных грамотах и статейных списках 1680-х гг. встречается двойная семантика термина «секретарь». В одном значении это дипломатический агент (посланник, гонец), который также именовался «посольским секретарем», «ближним секретарем»; в другом значении – помощник дипломата, канцелярский служащий² [ПДС, т. 8, с. 989–990]. В русских документах этого времени «секретарями» назывались и посланники, и канцелярские служащие Швеции, Бранденбурга, Польши, Турции, Англии [ПДС, т. 6, с. 346; ПиБ, т. 1, с. 87, 314, 369, 706, 712; ПСЗ, 1830, № 1804, с. 66]. В русском переводе «Манифеста о вызове иностранцев» 1702 г., подготовленном П.П. Шафировым, о секретарях говорилось как о канцелярских служащих [ПиБ, т. 2, с. 48]. С помощью двусоставных терминов («посольский секретарь», «ближний секретарь», «тайный секретарь») подчеркивался статус персон, наделенных посольским рангом, в отличие от канцелярских служащих («секретарь посольства») [ПДС, т. 8, стб. 1369–1370]. До начала XVIII в. термин «секретарь» в русскоязычной речи не устоялся семантически и грамматически³ [Сергеев, 1971, с. 185].

Впервые звание «секретарь», по отношению к царскому подданному, Посольский приказ использовал в годы регентства царевны Софьи. 7 июня 1686 г. старый подьячий Посольского при-

¹ В документе 1570 г. слово «секретарь» используется в контексте дипломатической должности в Речи Посполитой [Словарь, 2000, с. 39].

² Служащие при великих послах в 1697–1698 гг. – «дворяне», «секретари», «пажи», «лакеи».

³ С начала XVI в. в русских источниках регистрируются следующие варианты: секратарь, секлетарь, секретер (-ар), секретарий, секретариус (-ус), секлетариус, секретарьус, секретариус, секретарис и другие.

каза Кузьма Никитич Нефимонов отправлялся гонцом⁴ в Варшаву и Вену в звании «государственной посольской канцелярии секретарь» [ПДС, т. 6, стб. 1005–1006; Белокуров, 1906, с. 128]. В дипломатическом терминоведении этот казус считался формальным примером именованя российского служащего «секретарем», но в историческом контексте он не рассматривался [Сергеев, 1971, с. 187].

Московское государство в 1686 г. присоединилось к союзу Священной Римской империи, Речи Посполитой и Венецианской республики в войне против Османской империи. В послании к австрийскому двору царские дипломаты сослались на случай с гонцом подьячим Н. Венюковым, которому в 1682 г. император «довольства не учинил и грамоты своей им, цар. вел-ва великим и полномочным послом, так же и гонцу отдать сам не изволил», поэтому «вел. государи, их царское вел-во, изволили ныне в прибытности его цес. вел-ва секретаря во отдании своей, цар. вел-ва грамоты учинить против того ж, для того, чтоб обоих вел. государей их государская честь равенственна была» [ПДС, т. 6, стб. 301–304, 1032]. Стремление к соблюдению равной чести союзников подтолкнуло руководство Посольского приказа – боярина кн. В.В. Голицына и думного дьяка Е.И. Украинцева – ввести звание «секретарь» для гонца от Российской державы, вступающей в Священную лигу. Кузьма Нефимонов получил это дипломатическое звание в 1686 г. для представительской функции вне России для поддержания статуса дипломатов наравне с союзниками, однако не имел ни чина, ни звания секретаря в московских приказах.

Дипломатическая миссия К.Н. Нефимонова, названного имперскими дипломатами «добророжденным секретарем», завершилась удачно [ПДС, т. 7, стб. 45]. После возвращения в Россию Нефимонов более не назывался «секретарем». Современники петровского царствования повседневно обходились категорией «чин». Писцы в приказном делопроизводстве обращались к богатому выбору синонимов – «звание», «род», «достоинство», «уряд», «сан», «именование», «степень», «состояние»⁵. Необходимости различать понятия «чин», «должность», «звание» не су-

⁴ В посольство с Нефимоновым отправлялись толмач Василий Ерофеев и жилец В.С. Борзой.

⁵ Примеры синонимов неоднократно упоминались в формуляре текстов царских указов (указных грамот) до 1699 г. в семантике «чина».

ществовало до введения Табели о рангах (в зависимости от сферы службы).

По совпадению – в год тридцатилетия службы Нефимонова 24 июля 1695 г. «великие государи пожаловали» его чином дьяка [Демидова, 2011, с. 389]⁶. В начале 1696 г. Посольский приказ отправил Нефимонова вновь в страны Священной лиги уже в чине дьяка, который для репрезентации посольской миссии объявлялся в посольском звании стольника.

Звание «секретаря», изобретенное в голицынской дипломатии, не было забыто при Петре I. На смену Нефимонова резидентом в Польшу⁷ отправился посольский дьяк А.В. Никитин, который должен был посетить Вену. В верительной грамоте от 4 января 1697 г. австрийскому императору Леопольду I дьяк Никитин объявлялся «посланным секретарем, а не первым, ни вторым чином», то есть не великим послом и не посланником. Император «изволил его принять за второй чин», то есть в статусе посланника [ПДС, т. 8, стб. 473–474]. В посольской документации дьяк Никитин именовался «стольником» [РГАДА, ф. 79, д. 251]. Вновь на русском слогe верительных грамот московского дьяка в посольстве представляли в звании секретаря и стольника. В возобновлении дипломатического звания «секретарь» инициативу, вероятно, проявил думный дьяк Е.И. Украинцев.

ПОСОЛЬСКОЕ ЗВАНИЕ «ДВОРЯНИНА» АЛЕКСАНДРА МЕНШИКОВА

Русская посольская терминология отличалась специфичной лексикой. Посольский приказ на время дипломатической миссии присваивал «по указу государя» кроме званий «стольника» и «секретаря» посольский титул «наместника» и звание «дворянина», которые не стоит воспринимать буквально, экстраполируя на внутреннюю практику российской администрации.

Титулатура «наместников» наиболее известна в историографии по проекту «Устава о служебном старшинстве бояр», который был предложен в 1681 г. царю Федору Алексеевичу [Проект, 1850, с. 19–40]. Титулы «наместников» существовали независимо от

⁶ В 1698/1699 г. Нефимонов скончался [РГАДА, ф. 210, оп. 2, д. 36, л. 346 об.; д. 43, л. 344 об.].

⁷ В боярских списках 1697–1698 г. у имени Нефимонова помета – «в Полше на резыденцыи» [Там же, д. 42, л. 314; д. 43, л. 343].

этого документа и по иерархии регламентировались «наместническими книгами». «Устав» должен был соотнести по 35 степеням действовавшие «чины» четырех иерархий – думных людей, разрядных воевод, «ближних людей» и «наместников». В записной «наместнической книге» за 1686 г. перечислены 68 титулов наместников – от Московского, Киевского, Володимерского, Новгородского, Казанского до Симбирского, Карачевского, Волоколамского [Проект, 1850, с. 38–40]. Титул наместников, записывался в верительных грамотах и повышал честь московского дипломата тем, что контрагент принимал их по одному из наивысших рангов. Использование титула наместников практиковалось до 1702 года.

Для дипломатической миссии Посольский приказ формировал посольство, возглавляемое гонцом, посланником или полномочным послом, иерархия которых в России была четко прописана, а постоянные чины и посольские звания сопоставлялись московскими приказами. Так, в 1695 г. в Вену с тем же дьяком посланником К. Нефимоновым Посольский приказ назначил служилого В.С. Борзого, имя которого разрядные служащие не обнаружили ни в «московском списке», ни в «жилецком списке». Соответствие «чинов» должна была выправить его заручная челобитная. Накануне отъезда посольства из Москвы в декабре 1695 г. Борзой просил государей «*в Разряде в жилецком списке именишко мое, холопа вашего, отметить*» [ПДС, т. 7, стб. 1005–1006]. Разрядный приказ записал государево пожалование В.С. Борзого в жильцы осенью 1699 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 60. Л. 157], а в Вену он отправился в посольском звании «дворянина». По приказу Нефимонова в августе 1696 г. Борзой вместе с переводчиком Степаном Чижинским передал послу Венецианской республики Карло Руццини царскую грамоту и пожелание встречи от русского посланника [ПДС, т. 8, стб. 201].

Во время Великого посольства аналогичная челобитная для повышения статуса А.Д. Меншикова не потребовалась. В посольских документах с 1697 г. Александр Меншиков официально именовался «дворянином» при особе великого посла и наместника Сибирского боярина Ф.А. Головина [ПДС, т. 8, стб. 847, 1306, 1317, 1333, 1393]. Это посольское звание указывает не на дворян-

ство Меншикова, увиденное историками⁸, а на противоположное – не худородность. Дискуссия о происхождении Меншикова вряд ли завершится свидетельством о его посольском звании. Для генеалогии светлейшего князя остается актуальной идентификация его родственников и свойственников⁹.

Таким образом, посольское звание «дворянина» А.Д. Меншикова отражало типичную практику повышения статуса в посольском обычае Московии. В помощники к послам и посланникам Посольский приказ (а затем канцелярия) назначали в звании «дворян» царедворцев и офицеров вплоть до 1716 г.¹⁰ Звание «секретаря» могло быть присвоено гонцу или посланнику, бывшему в России в подьячих или дьяках. Во внутрirosсийском управлении до начала XVIII в. не существовало чина, звания или должности секретаря.

От посольского звания к чину московскому

Иноземному слову «секретарь» дьяки К.Н. Нефимонов и А.В. Никитин в самоименовании предпочитали посольские звания стольника или дворянина, которые были выше их повседневного статуса. В этом же русле правительство царевны Софьи ре-

⁸ «Проезжий лист» от 18 июля 1698 г., открывавший право передвижения «дворянину» до Венеции, опубликован [ПДС, т. 8, стб. 1392–1393; Беспятых, 2005, с. 94–95].

⁹ Упоминание имени Данилы Меншикова в подлинной записи от 17 октября 1689 г. не тождественно его идентификации с отцом светлейшего князя. Фрагмент «в житье» был ошибочно прочитан публикатором как «в битье», вызвав новую фантазию. [Государственный Владимиро-Суздальский музей заповедник, фонд рукописных книг, В-5636/513 (КР-798), л. 426, 427; Беспятых, с. 89–90].

¹⁰ При дипломатах состояли «во дворянах»: в Голландии при кн. Б.И. Куракине с 1713 г. – стольник Б.З. Оладин; в Польше при кн. Г.Ф. Долгоруком с 1715 г. – квартирмейстер (из жильцов) кн. С.М. Шейдяков, флигель-адъютант (из стольников) кн. А.Я. Шейдяков (братья Шейдяковы были быстро отпущены «понеже для тамошних дел не способны»), поручик Александр Еропкин; в Персии при посланнике А.П. Вольском с 1715 г. – Яков Девилет, прапорщик Матвей Карцов, «из окладных новгородских дворян» Андреян Лопухин; кн. Ю. Гагарин, отправленный в Пруссию в 1715 г. и через год – к цесарю, уже не имел звания «дворянина» (Список составлен около 1720 г.) [РГАДА, ф. 138, 1713 г., д. 10, л. 1–2].

шило записать с 1684 г. имена всех дьяков московских приказов в «московский список» – ниже дворян московских.

В начале Северной войны «секретарями» именовались несколько крупных сановников. В историографии выдвигались мнения о П.П. Шафирове и А.В. Макарове как первых обладателях «секретарского» звания, но в датировке пожалований не приводилось свидетельств из текстов указов. Историки XIX в. без ссылки на документы сообщали о назначении П.П. Шафирова «секретарем» к боярину Ф.А. Головину в 1703 году. К этому времени Шафиров завоевал репутацию талантливого переводчика и организатора, известного государю. Шафиров пользовался и доверием А.Д. Меншикова, учредившего в январе 1703 г. на паях с ним, с его отцом и тестем С.И. Копьевым компанию по скупке и продаже продуктов морского промысла [ПСЗ, 1830, № 1988, с. 264; Лаппо-Данилевский, 1899, с. 28].

Первое упоминание Шафирова в звании «тайного секретаря», вероятно, относится к описанию приезда в мае 1703 г. литовских «послов» в Шлотбург (Ниеншанц), которые красочно запечатлены в посольской книге:

«1703-го мая в 20 день к великому государю, к его царскому величеству Великого княжества Литовского послы господин Халецкой староста Мозырской с товарищи пришли въ ево великого государя поход к Шлютебурху. А ехали они послы на дву караблях, и были все три особы на одном, а на другом карабле дворяня их и люди... А как те карабли /увидели/ (стали)¹¹ и со взятого шведцкого карабля, которой стоял близ города, поздравляли приход тех караблей с того взятого карабля пушечною стрелбою изо всех (12) пушек. Потом с тех караблей стреляли, ис каждого, ис пятнадцати пушек. И против каждого карабля палили в городе (з бастионов) ис пушек толиким же числом. Послан к тем (послам) от царского величества тайной секретариус Петр Шафиров. В барже государевой, в которой гребцы были все в бархатных бостроках и штанах (и имели на грудях великие знаки гербные), да адмирала Феодора Алексеевича Головина шлюпка (с убором же) и при том и иные три шлюпки» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1703 г., д. 21. Л. 59–59 об.].

¹¹ В круглых скобках – вставки писца над строками основного текста, в косых скобках – зачеркнутые фрагменты.

Служащие посольской походной канцелярии редактировали эту запись, детализируя сведения о расположении «ставки послов» («станции»), о внешних атрибутах посольского приема («убора» баржи государя, шляпки боярина Головина, одежды и «знаков гербных»¹² на гребцах), что должно было подчеркнуть уровень миссии, а в дальнейшем послужить образцом для аналогичных «приемов»¹³. Звание «тайного секретаря» в переговорах с литовскими послами [Базарова, 2013] повышало статус П.П. Шафирова в окружении «людей чиновных»¹⁴. Новое звание не имело шансов попасть в «московский список» без пожалования Шафирова московским чином¹⁵.

Биограф П.П. Шафирова Д.О. Серов был убежден, что единственный пример обладания чином «тайного секретаря» в 1703–1709 гг. говорит о «глубоком кризисе национальной системы чиновпроизводства» в России [Серов, 2008, с. 163]. Разумеется, необходимы более веские доводы для утверждений о кризисе. К началу XVIII в. существовало несколько чиновных иерархий, в том числе на посольском, дворцовом, военном поприщах. Новые чины «московского списка» генерировались правительством в XVII в. и до начала 1710-х годов. Достаточно назвать чины «думного дьяка и печатника», «думного генерала», «думного советника»

¹² В описании посольской встречи от 22 мая было указано, что у гребцов, бывших «в бархатных бостроках и штанах, и с знаками по прежнему на грудях гербы царского величества серебряные» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1703 г., д. 21, л. 63].

¹³ Церемония приема Петром I послов строилась по московскому образцу – по выпискам, присланным из Посольского приказа. По указу царя дипломаты предложили «яства и питье для послов», к которым «с столом» был послан комнатный стольник С.Г. Нарышкин. Подьячий посольской походной канцелярии отметил: «о столе выписать не ис чего, для того, что в присланной с Москвы выписке того ничего не написано» [Там же, л. 70 об.].

¹⁴ Выражение «люди чиновные» использовано в документе в контексте перечисления «послов» и их «людей» (свиты) [Там же, л. 68, 70].

¹⁵ Московским чином обладал только один представитель рода Шафировых – Кирсан Иванович. На смотре дворцовых служителей летом 1700 г. К.И. Шафирова записали из стряпчих Большого двorca в дворяне московские, оставив от «полковой службы» 11 сентября 1700 года. Ошибочная идентификация чина П.Ф. Шафирова восходит к сокращению из публикации «Актной книги» 1702 г. («продал двор моск. дворянину») следует читать «продал двор московский – дворянину»). [РГАДА, ф. 210, оп. 2, д. 43, л. 632; Москва, 1892, с. 174; Серов, 2008, с. 91].

и более поздние московские чиновные новации [Захаров, 2012, с. 45–55].

В историографии известно о возвышении А.В. Макарова в царские кабинет-секретари с его слов, записанных при получении патента на чин [Павленко, 1994, с. 281–282]. Макаров заявил о вступлении на службу к государю в 1704 г., что лишь косвенно говорит о получении «секретарского чина».

Подлинные документы свидетельствуют еще об одном сановнике, пожалованном в секретари «по московскому списку». Имя этого сановника было известно в историографии лишь относительно посольской миссии. И это неудивительно – легко оказаться в тени крупной фигуры П.П. Шафирова и влиятельного А.В. Макарова.

Впервые чин секретаря в практике внутреннего российского управления получил дьяк Любим Сергеевич Судейкин, что было отмечено в боярском списке: «По указу великого государя за пометою думного дьяка Протасья Микифорова» 24 апреля 1702 г. было «велено ему быть на службе в Большом полку. И в Розряде в списках писать его генеральным писарем и секретарем Большого полку выше дьяков» [РГАДА, ф. 210, оп. 2, д. 46, л. 291]. Отмеченное свидетельство (по современному стилю 5 мая) оказывается поводом обращения к биографии человека, впервые назначенного на административную должность секретаря в России – Любима Судейкина.

В семье подьячего Сергея Судейкина двое сыновей построили дьяческую карьеру. Старший Клим Судейкин был дьяком в Севском полку при воеводе стольнике Л.Р. Неплюеве в 1678 г. в Киеве, в Новобогородицком на Самаре, в Белгороде [Веселовский, 1975, с. 499]. Любим Судейкин добился личного расположения Петра I и почести «быть выше дьяков». Секреты писцового дела Любим познавал с малых лет, вероятно, начав карьеру подьячего в Севске в 1670-е годы. В 1681 г. ему поручили работу писца «у ратных дел» в Ответной палате в Москве, где заседала комиссия боярина кн. В.В. Голицына, готовившая проект военной реформы и отмену местничества. Тогда он получал годовой оклад 9 рублей «с прибавкой», соразмерный жалованию подьячего средней статьи.

Карьера Л.С. Судейкина строилась по двум направлениям приказной службы – у «дел» посольских и полковых. Большую часть службы он провел в устроении письмоводства «в полках

бояр и воевод» и был пожалован «во дьяки» 12 февраля 1688 г. [РГАДА, ф. 210, оп. 2, д. 27, л. 471]. Дьяк возглавлял походный шатер (канцелярию) боярина Шереметева в нескольких военных походах: в Путивль в 1691 г., в Казыкерьмень в 1695 г., под Азовом¹⁶. От работы дьяка в организации полковых финансов и писцового дела 1691–1696 гг. зависели и успех действий Белгородского полка. После возвращения в столицу в 1697 г. дьяка ожидала вереница новых назначений: 14 мая – в дьяках Ямского приказа; в ноябре – в Пскове [РГАДА, ф. 210, оп. 2, д. 43, л. 342 об.; Веселовский, 1975, с. 499]. Царским указом 29 января 1699 г. Л. Судейкина вызывали из Пскова в столицу [РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2041, л. 35], где он получил назначение 15 июля 1699 г. быть посланником к польскому королю [РГАДА, ф. 79, 1700 г., д. 5, л. 1–1 об. – Статейный список 1701 г.].

Звание стольника Л.С. Судейкину объявлялось в «верящей грамоте» Петра I к польскому королю 30 июля 1699 г. для службы в посольской миссии. Перед Судейкиным стояла деликатная и сложная задача – поддерживая союз с Августом II, протестовать и сдерживать насаждение унии польскими властями и магнатами православным «братчикам». Посольский приказ получал от Судейкина самые подробные сведения о его «резиденции», но был отозван. Согласно одной из оценок, его способности оказались якобы невысокими [РБС, т. 20, с. 101–102]. Взвешенная оценка «посольского труда» дьяка могла бы сложиться с учетом кадровых планов боярина Шереметева и при изучении дипломатической миссии Судейкина [РГАДА, ф. 79, 1700 г., д. 6, л. 1–114; д. 8, л. 1–62].

Новой службой после польской «резиденции» Судейкин был вновь обязан своему давнему вельможному покровителю. Боярин Б.П. Шереметев не раз полагался на полкового дьяка и знал его таланты и качества. В 1696 г. боярин спешил в Москву к своему заболевшему сыну Михаилу, а устройство «полковых дел» оставил за Судейкиным [РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1417; д. 1458, л. 612–614]. После Нарвской катастрофы боярину вновь требовался опытный делец для устройства письмоводства и финансов

¹⁶ В 1690/91 г. Судейкин отправлялся с полковой документацией в столицу. Сохранилось несколько прихода-расходных книг разрядной избы Белгородского полка 1692/1693 г., скрепленных подписью Л.С. Судейкина [РГАДА, ф. 210, оп. 13, стб. 1529, ч. 1; оп. 6-ж, д. 233].

Большого полка, скомплектованного заново¹⁷. В начале 1702 г. появилась подходящая кандидатура – возвращенный из Польши дьяк Судейкин. В конце марта Шереметев просил царя устроить в своем полку необходимую должность: «Надлежит быть генералному писарю так же, как и в Преображенском, чтобы он ведал все полковые дела. Кому быть укажешь?». На что царь указал – «Выбрать самому по рассмотрению, ково похочет» [ПиБ, т. 2, № 416, с. 25].

Боярин Шереметев и секретарь Судейкин принадлежали к одному поколению слуг четырех царей. Исполнительность и работоспособность дьяка, совместный опыт, по видимому, ценились Шереметевым, и боярин продвигал своего клиента до старости. Судейкин в ответ усердно выполнял бесконечные поручения боярина и фельдмаршала. Сохранилось не менее двух десятков смотренных и служебных списков, нарядов, ведомостей, закрепленных Л.С. Судейкиным по ведомству Большого полка. Судейкин состоял и личным секретарем Б.П. Шереметева.

Безусловно, «кавалер малтийский свидетельствованный» боярин и фельдмаршал Шереметев хорошо понимал значение служебного статуса и почетного звания, которое мы называем мотивацией. Спустя месяц после обращения Шереметева к царю состоялся указ 24 апреля 1702 г. о награждении Судейкина чином «генерального писаря и секретаря Большого полка». «Секретарский» опыт недавней посольской миссии дьяка нашел необычное преломление в новом чине, в котором кроме Судейкина современников не нашлось. Вновь обнаруживается и глубинный смысл московского чинопроизводства – отличать чином заслуги одних служилых людей от других, а в его случае – от генерального писаря Преображенского полка¹⁸. Судейкин сопровождал фельдмаршала Б.П. Шереметева в организации государевых смотров 1702 г. и в 1703 г. по набору царедворцев в кадеты, «в ученье» для назначения в офицеры в Большой полк¹⁹. В год Полтавской битвы

¹⁷ Большой полк был подчинен боярину Б.П. Шереметеву и в начале 1701 г. комплектовался заново, с полками «генеральств» А.А. Вейде и А.М. Головина, лично плененных под Нарвой в 1700 году.

¹⁸ Генеральными писарями Преображенского полка состояли И.Т. Инехов, затем И.Г. Суворов – дед генералиссимуса А.В. Суворова.

¹⁹ В 1703 г. была подготовлена выписка о комплектовании Большого полка с 1700 г. – с закрепой Л.М. Судейкина, с пометами Петра I [РГАДА, ф. 9, отд. I, д. 37, л. 8–20; ПиБ, т. 2, с. 270–287, 692].

фельдмаршал Шереметев отставил Судейкина от полковых дел и принял секретарем (без звания «генеральный писарь») Франца Виста [Поленов, 1869, с. 1758]²⁰.

Царь не собирався утешать пожилого секретаря полной отставкой, и вновь назначил Судейкина в Польшу. 13 апреля 1713 г. ему указывалось быть при новом резиденте в Речи Посполитой Алексее Дашкове, который отпустил Судейкина за то, что «стар и дряхл, и худо слышит» [ПиБ, т. 12, вып. 2, с. 262–263, 523]. Насколько наговаривал Дашков на своего старшего конкурента, неизвестно. Но имеются веские основания утверждать, что чин «секретаря» закрепился в российской практике управления как должность в известном нам значении. Подражание званиям, принятым в Священной Римской империи, присылавшей в Московию своих секретарей, продолжил Петр I долгой серией введения имперских званий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Базарова 2013 – *Базарова Т.А.* Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703–1704 гг. // Петербург и страны Северной Европы: Матлы 14-й ежегодной междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 86–96.

Белокуров 1906 – *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.

Беспярых 2005 – *Беспярых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005.

Веселовский 1975 – *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Демидова 2011 – *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011.

Захаров 2012 – *Захаров А.В.* Московская служилая элита и последние пожалования в думные чины при Петре I // Вестник Челябинского ун-та. История. 2012. Вып. 53. № 34. С. 45–55.

Лаппо-Данилевский 1899 – *Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899.

Москва 1892 – Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 1. М., 1892.

Проект 1850 – *Оболенский М.А.* Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.В. Калачовым. Кн. 1. Отд. 2. М., 1850. С. 1–43.

²⁰ В 1704 г. Ф. Виста принял генерал Аллартом переводчиком немецкого, латинского и польского языков, в 1707 г. он определен к фельдмаршалу Шереметеву переводчиком, у которого служил до 1719 года.

Павленко 1994 – *Павленко Н.И.* Алексей Васильевич Макаров // Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 280–330.

ПДС – Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. 6. СПб., 1862; Т. 7. СПб., 1864; Т. 8. СПб., 1867.

ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887; Т. 2. СПб., 1889; Т. 12, вып. 2. М.; Л. 1977.

Поленов 1869 – *Поленов Д.* О присяге иноземцев, принятых и русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. № 11.

ПСЗ 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 4. СПб., 1830.

Сергеев 1971 – *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.

Серов 2008 – *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2008.

Словарь 2000 – Словарь русского языка XIV–XVII вв. Вып. 24. М., 2000.

РБС – Судейкин Любим Сергеевич // Русский биографический словарь. Т. [20] Суворова–Ткачев. СПб., 1912. С. 101–102.

II

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

3. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ

Т. В. ГИМОН

ИМЕНА НОВГОРОДЦЕВ В НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ КОНЦА XIII – НАЧАЛА XV ВЕКА

Статья является продолжением исследования, опубликованного автором в 2006 г. и посвященного тому, по каким поводам имена новгородцев, не принадлежавших к династии Рюриковичей, могли попасть на страницы новгородской владычной летописи в XII–XIII веках. В статье рассматриваются статьи Новгородской I летописи за 6783–6922 (1275–1414) годы. Делается вывод о том, что в целом набор поводов, по которым имя не-Рюриковича могло попасть на страницы летописи, остался в этот период прежним. Однако отмечаются и некоторые изменения. Часть из них связана с эволюцией новгородских политических институтов, другие еще ждут своего объяснения. Возможно, речь может идти о некотором размывании в этот период представления о летописи как о собрании юридически значимых прецедентов.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, источниковедение, летописание, архиепископы, текстология, посадники, Новгородская I летопись

Для чего писались древнерусские летописи? Вопрос этот (кстати, весьма интересующий юбиляра) не имеет прямого, содержащегося в самих источниках, ответа. Искать его можно лишь путем анализа косвенных данных (см. попытки анализа таких данных: [Данилевский, 2004, с. 232–267; Гимон, 2012; Guimon, 2021, р. 277–393]). Один из путей – анализ того, какие персоналии и в связи с какими деяниями (событиями) оказываются удостоенными быть упомянутыми в летописях.

Основными персонажами древнерусских летописей были, конечно, князья-Рюриковичи. Существенно меньше, но тоже часто упоминаются церковные иерархи. Но довольно много в летописях упоминаний и других представителей древнерусского общества (главным образом, элиты – см. анализ применительно к южнорусскому и владими́ро-суздальскому летописанию: [Гимон, 2015; Guimon, 2021, p. 314–325]). И особенно много упоминаний не-Рюриковичей в новгородском летописании. Даже самого общего знакомства с летописями достаточно, чтобы отметить важнейшее отличие новгородских летописей (с XII в.) от современных им неновгородских: если последние фиксируют главным образом деяния Рюриковичей (хотя нередко, по целому ряду поводов, на их страницы попадают имена и других представителей элиты), то новгородская летопись следит за внутриновгородской политикой, участниками которой уже были главным образом не-Рюриковичи.

В другой работе [Гимон, 2006] мною были проанализированы упоминания не-Рюриковичей в новгородском летописании с 6623 (1115) по 6782 (1274) год. Выяснилось, что есть ограниченный набор ситуаций, в которых имя новгородца могло попасть на страницы летописи:

1) смены посадников (они фиксировались достаточно систематически);

2) смены тысяцких (они фиксировались изредка в XIII в., всегда – одновременно со сменами посадников);

3) смерти знатных новгородцев, не являвшихся на момент кончины посадниками либо тысяцкими (таких известий всего шесть – в первой половине XIII в.);

4) разного рода упоминания посадника как официального главы Новгорода (в сообщениях о политических событиях, выборах архиепископа и церковном строительстве);

5) упоминания предводителей военных походов;

6) перечни послов (представителей, заложников);

7) упоминания жертв чьих-либо агрессивных действий внутри Новгорода либо самих агрессоров (первые упоминаются существенно чаще, чем вторые, – при этом летописец может как сочувствовать жертвам, так и считать действия против них оправданными);

8) упоминания жертв действий князей (чаще всего речь о лишении свободы, один раз – имущества);

- 9) упоминания изменников;
- 10) перечни погибших в битвах;
- 11) упоминания заказчиков церковного строительства;
- 12) упоминания женщин, называемых всегда по отцу и / или мужу (в связи с их выходом замуж за князя либо в связи с основанием женского монастыря);
- 13) упоминания дворов, называемых по владельцу (почти всегда в рассказах о пожарах).

Вне этих 13-ти типичных контекстов оказывается сравнительно немного упоминаний новгородцев (всего 15 сообщений). В целом, попадание имен новгородцев на страницы летописи в XII–XIII вв. было скорее закономерным, чем случайным, а основной состав потоков сообщений стабилен на протяжении всего этого периода.

В настоящей статье я попробую продолжить это исследование на материале новгородского летописного текста за 6783–6922 (1275–1414) годы. Начальная граница – это момент, до которого доведено уже проведенное исследование. Завершающая граница – первый из вероятных моментов смены владычного летописца, приходящихся уже на XV в. [Гимон, 2019, с. 23–24].

Новгородское летописание с XII в. было, несомненно, архиепископским. Это очевидно из содержания летописи, и это стало еще более очевидным после лингвотекстологического исследования А.А. Гиппиуса, показавшего, что авторы, ведшие из года в год новгородскую летопись, сменялись тогда же (или почти тогда же), когда сменялись (архи)епископы [Гиппиус, 2006]. Исследование было доведено Гиппиусом до 6838 (1330) г., т.е. до момента окончания древнейшего дошедшего до нас Синодального списка Новгородской I летописи (Син.)¹. Для конца XIII – начала XIV в. Гиппиусом выделены следующие сегменты:

летописец архиепископа Климента – статьи 6783–6806 (1275–1298) гг.;

летописец архиепископов Феоктиста и Давыда – статьи 6807–6818 (1299–1310) гг.;

летописец архиепископа Давыда – 6819–6832 (1311–1324) гг.;

летописец архиепископа Моисея – статьи 6833–6838 (1325–1330) гг.

¹ Если не считать приписок на дополнительные листы Син.

Дальнейший текст новгородского летописания отразился в списках Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.) середины XV в. (Комиссионном и Академическом), а также в новгородско-софийских летописях. Хотя нельзя исключать того, что Н1мл. передает текст основной новгородской летописи с некоторыми пропусками², все-таки очевидно, что, во-первых, эти пропуски не сокращают текст радикально и, во-вторых, основная новгородская летопись, как и прежде, в XIV – начале XV в. велась систематически, из года в год.

Нет сомнений и в том, что эта летопись оставалась архиерейской. Анализ содержания статей Н1мл. за середину XIV – начало XV в. показывает, что изменения по некоторым параметрам (фиксация некоторых типов событий, деталей, особенности датировок и пр.) снова коррелируют со сменами архиереев [см.: Гимон, 2019]. Приведу перечень новгородских архиереев середины XIV – начала XV в.:

Василий Калика (6838–6860 [1330–1352])

Моисей (во второй раз) (6860–6867 [1352–1359])

Алексий (6867–6896 [1359–1388])

Иоанн III (6896–6923 [1388–1415])

Данные, собранные в работе [Гимон, 2019], говорят о вероятной смене летописцев в моменты смены архиереев – с той поправкой, что, возможно, в период правления Алексия действовали два летописца (граница проходит где-то между 6875 [1367] и 6879 [1371] гг.), а статья 6922 (1414) г. – последняя у летописца Иоанна III.

Таким образом, в настоящей работе анализируется текст, с высочайшей степенью вероятности восходящий к ведшейся из года в год новгородской владычной летописи, который для статей 6807–6838 (1299–1330) гг. представляет собой общий текст Син. и Н1мл., а для статей 6783–6806 (1275–1298)³ и 6839–6922 (1331–1414) гг. – текст Н1мл.

В тексте за 6783–6922 (1275–1414) гг. я насчитал 350 случаев, когда не-Рюрикович (и не церковный иерарх) упомянут по имени, то есть в среднем ок. 2,5 упоминаний на одну погодную статью.

² См. анализ соотношения Н1мл. и новгородско-софийских летописей по статьям за время правления Василия Калики (1331–1352) [Гимон, 2014, с. 51–55].

³ Тетрадь за эти годы в Син. отсутствует.

В целом, эти упоминания укладываются в те же ряды, что были мною выделены в работе 2006 г., поэтому их рассмотрение удобно будет структурировать по уже выделенным группам контекстов.

СМЕНЫ И СМЕРТИ ПОСАДНИКОВ. В таблице 1 отражены все известия о сменах и смертях посадников в интересующем нас тексте.

ТАБЛИЦА 1.

ИЗВЕСТИЯ О СМЕНАХ ПОСАДНИКОВ В НОВГОРОДСКОЙ-
ЛЕТОПИСИ ЗА КОНЕЦ XIII – НАЧАЛО XV ВЕКА

Год	Прежний посадник	Новый посадник
6782 (1274)	Павша (†)	Михаил Мишинич
6788 (1280)	Михаил Мишинич	Семен Михайлович
6794 (1286)	Семен	Андрей Климович
6798 (1290)	Андрей Климович	Юрий Мишинич
6811 (1303)	Семен Климович	Андрей Климович
6817 (1309)	–	Михаил Павшинич
6819 (1311)	Михаил	Семен Климович
6823 (1315)	–	Семен Климович
6840 (1332)	Федор Ахмыл	Захария Михайлович
6840 (1332)	Захария	Матфей Коска
6850 (1342)	Варфоломей Юрьевич (†)	–
6853 (1345)	Остафья Дворянинец	Матфей Варфоломеевич
6858 (1350)	Федор Данилович	Онцифор Лукинич
6862 (1354)	Онцифор Лукинич	Обакун Твердиславич
6867 (1359)	Анриан Захарьинич	Селивестр Лентиев
6867 (1359)	–	Микита Матфеевич
6896 (1388)	Есиф Захарьинич	Василий Еванович
6900 (1392)	Василий Федорович (†)	–
6900 (1392)	Михаил Данилович (†)	–
6902 (1394)	Есиф Захарьинич	Богдан Обакунович
6905 (1397)	Есиф Фалелеевич (†)	–
6913 (1405)	Василий Иванович (†)	–
6917 (1409)	Тимофей Юрьевич (†)	–
6917 (1409)	Есиф Захарьинич (†)	–
6918 (1410)	Юрий Дмитриевич (†)	–
6918 (1410)	Кирилл Ондrejaнович (†)	–
6922 (1414)	Кирилл Дмитриевич (†)	–

Вплоть до 6798 (1290) г. сообщения о сменах посадников составляют почти непрерывную цепь. Однако ситуация резко меняется на рубеже XIII–XIV веках. Между 6798 (1290) и 6811

(1303) гг. летопись не зафиксировала ни одной смены посадника, с 6811 (1303) по 6823 (1315) г. – четыре смены. Затем в течение полутора десятилетий о сменах посадников снова не говорится. Летописец Василия Калики практически сразу возобновляет фиксацию смен посадников, однако делает это тоже несистематически: с 6840 (1332) по 6858 (1350) г. имеется пять таких известий.

Ясно, что летопись в первой половине XIV в. зафиксировала меньшинство имевших тогда место смен посадников. Видимо, дело здесь в изменениях, произошедших на рубеже XIII–XIV вв. в характере самого института посадничества. Как показал В.Л. Янин, в первой половине XIV в. посадники сменялись часто, однако избирались из очень узкого круга лиц, представлявших новгородские концы и занимавших место в этом кругу пожизненно. Ученый также выдвинул тезис о том, что с рубежа XIII–XIV вв. смена посадников стала ежегодной [Янин, 1991, с. 18–25; Янин, 2003, с. 236–244]. Последний тезис является дискуссионным (см. возражения: [Линд, 1997]), однако ясно, что в первой половине XIV в. посадники менялись часто, многие из этих смен были мирными (видимо, вопрос решался в узком кругу) и в большей степени, чем раньше, носили характер рутинных событий. Поэтому, видимо, фиксация смен посадников в летописи и перестала быть систематической.

Почему в НВЛ оказались зафиксированы одни смены посадников и не упомянуты другие, сказать трудно. В 6823 (1315) г. избрание нового посадника произошло на фоне гибели большинства «потенциальных посадников» в битве под Торжком⁴. В 6840 (1332) г. (первое известие) и 6858 (1350) гг. посадник сменился в ходе беспорядков в Новгороде. Под 6853 (1345) г. летописец, напротив, отмечает, что «божиею благодатью не бысть между ими лиха», т.е., видимо, конфликт был острым, но его удалось разрешить мирно. В остальных случаях о причинах появления этих известий в летописи остается только гадать.

Примерно с середины XIV в. (точная дата для нас сейчас не имеет значения) в Новгороде сформировалась коллегия посадников, куда, по-видимому, пожизненно входили представители концов, из которых все именовались *посадниками* и из числа ко-

⁴ Скорее всего, действовавший на тот момент посадник (возможно, Юрий Мишинич) в битве не погиб [Янин, 2003, с. 242], однако сама ситуация делала переизбрание посадника далеко не рутинным событием.

торых избирался степенной посадник [см.: Янин, 1991, с. 25–29; 2003, с. 269–289].

В период второго правления архиепископа Моисея имеются два известия о сменах посадников. Под 6862 (1354) г. говорится: «Отступися посадничества Онцифорх Лукинъ по своей волѣ, и даша посадничество Обакуну Твердиславличу...». Под 6867 (1359) г. описывается внутриновгородский конфликт, в ходе которого дважды сменился посадник. В период правления архиепископа Алексия в летописи нет ни одного сообщения о сменах посадников. Напротив, в летописи Иоанна III есть целых 11 известий на эту тему (с 6896 [1388] по 6922 [1414] г.). Из них 9 сообщают о смертях посадников (не называя преемников), а 2 – о сменах посадников (под 6896 [1388] г. – здесь описывается внутриновгородский конфликт, в результате которого сменился посадник, – и под 6902 [1394] г.: «отъяша» / «даша»).

Надо думать, что летописцы Алексия и Иоанна III по-разному подошли к вопросу о том, что́ писать о посадниках в условиях коллегиальности этого института. Если первый решил о сменах посадников вообще не писать, то второй фиксировал (видимо, систематически – по крайней мере, часто) смерти посадников (очевидно, любых членов коллегии посадников, а не только степенных). Тем самым в конце XIV – начале XV в. восстанавливается традиция, зародившаяся было в первой половине XIII в., фиксировать во владычной летописи кончины лидеров местных боярских группировок⁵.

Что касается известий о сменах посадников под 6896 (1388) и 6902 (1394) гг., то в первом случае (6896 [1388] г.), несомненно, речь идет о смене степенного посадника, коль скоро на прежнего посадника «въсташа 3 концѣ»; во втором – вероятно, тоже [Янин, 1991, с. 34–35]. Несомненно, в первом случае, и вполне вероятно – во втором, смены посадников были зафиксированы летописцем в порядке исключения, как не рутинные, а, наоборот, представлявшие собой важное событие в жизни Новгорода.

Смены тысяцких. Таких сообщений всего два: под 6794 (1286) и 6862 (1354) годами. Как и в предшествующий период,

⁵ Кстати, еще два известия такого рода относятся к концу XIII в.: под 6788 (1280) и 6795 (1287) гг. летопись сообщает о кончинах бывших посадников, Михаила Мишинича и Семена Михайловича соответственно (оба были лишены посадничества незадолго до кончины).

сообщения о тысяцких следуют за сообщениями о посадниках, то есть о тысяцких никогда не говорится специально. Но если в XIII в. все-таки в летописи присутствуют 9 сообщений о сменах тысяцких (включая 6794 г.), то на всем протяжении XIV – начала XV в. таковое всего одно.

УПОМИНАНИЯ ПОСАДНИКА (РЕЖЕ – ПОСАДНИКА И ТЫСЯЦКОГО) КАК ОФИЦИАЛЬНОГО ГЛАВЫ НОВГОРОДА. К этой категории мною отнесены 12 достаточно разнообразных упоминаний посадников (в трех из этих случаев – посадников и тысяцких). Упоминания посадников (без тысяцких) концентрируются в тексте за конец XIII – первую половину XIV века. Эти контексты довольно разнообразны, но в целом похожи на те, что имелись в статьях за XII–XIII вв. [Гимон, 2006, с. 304–306]. Лишь два таких известия относятся к концу XIV – началу XV в., причем они упоминают сразу и посадника, и тысяцкого (видимо, степенных). Под 6905 (1397) г. сообщается, что посадник и тысяцкий заключили от имени Новгорода мирный договор со Псковом. В сообщении о денежной реформе 6918 (1410) г. сказано: «при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячкомъ Василю Есифовичѣ». Аналогичная формула присутствует и раньше: архиепископ Василий в 6839 (1331) г. прибыл в Новгород «при князи Иванѣ, при посадницѣ Валфромѣ, при тысячкомъ Остафѣ». Подобная формула (но без тысяцкого) имелась также под 6673 (1165) г.; встречается она и за пределами новгородской летописи [Гимон, 2006, с. 305].

ПОСЛЫ (ПРЕДСТАВИТЕЛИ, ЗАЛОЖНИКИ). Это наиболее частотный контекст – к нему относятся 84 упоминания (т.е. 24 % всех упоминания новгородцев). Как и в конце XII – XIII в., летопись постоянно называет имена представителей Новгорода (а также иногда Пскова) на тех или иных переговорах и пр. Можно отметить только отсутствие сообщений о персональном составе посольств между 6790 (1282) и 6836 (1328) годами. Более детальный анализ этого комплекса сообщений (и, собственно, состава посольств) мог бы стать темой отдельного исследования.

ПРЕДВОДИТЕЛИ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ. Это второй по частотности контекст – 57 упоминаний (т.е. 16,3 % упоминаний новгородцев). Кроме того, сюда примыкают такие редкие контексты, как деятельность по строительству городских укреплений (в Копорье в 6788 [1280] г., в самом Новгороде в 6843 [1335] г., в Порхове в 6895 [1387] г. – всего 5 имен), наместничество в только что от-

воеванном у шведов Орехове (6856 [1348] г. – 2 имени), экспедиция за Волок с целью сбора 5000 рублей для выплаты контрибуции великому князю (6894 [1386] г. – 2 имени).

ПОГИБШИЕ В БИТВАХ. В связи с гибелью в сражениях упоминаются по имени 24 новгородца и псковича. Они погибли в 10 сражениях, сообщения о которых более или менее равномерно распределены по изучаемому тексту.

ИЗМЕННИКИ. К этой категории относятся 17 упоминаний имен, но все они концентрируются в статьях 6906–6909 (1398–1401) гг., принадлежащих летописцу Иоанна III. В этом важное отличие от текста за XIII в., по которому упоминания изменников распределены более или менее равномерно.

ЖЕРТВЫ ЧЬИХ-ЛИБО АГРЕССИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ВНУТРИ НОВГОРОДА. К этой категории относятся 27 упоминаний, включая 5 сообщений об убийстве людей «на вече» либо новгородцами при иных обстоятельствах (в остальных случаях имело место разграбление имущества, изгнание, пленение и т.д.). Интересно при этом, что такая категория, как «жертвы действий князей», достаточно частотная в XII–XIII вв., на более позднем материале не прослеживается.

ЗАКАЗЧИКИ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. В этом качестве новгородцы упоминаются 19 раз, причем 10 сообщений относятся к летописи Иоанна III (под 6897–6921 [1389–1413] гг.). В большинстве случаев статус новгородцев – ктиторов церквей – не называется, однако интересно отметить, что, в отличие от XII–XIII вв. и даже от большей части XIV в., в период правления Иоанна III в качестве заказчиков церковного строительства четырежды выступают посадники: в 6897 (1389), 6900 (1392), 6910 (1402) и 6915 (1407) годах. Вероятно, здесь речь идет не о нарушении старой традиции (при которой действующий посадник не мог быть заказчиком строительства церкви в одном из районов Новгорода [см.: Гимон, 2006, с. 323]), но об изменении сути понятия «посадник». Нет данных о том, чтобы заказчики строительства церквей в этих четырех случаях были на тот момент степенными посадниками (см. сводку данных: [Янин, 1991, с. 35]); скорее они были представителями своих концов в коллегии посадников.

ДРУГОЕ. Трудно разложить на отдельные контексты рассказ о драматичных политических событиях в Новгороде в 6850 (1342) г. (24 упоминания имен новгородцев). Еще в ряде случаев

в рассказах о политических и военных событиях упоминаются персоналии, чья роль не сводима к одной из вышеперечисленных. Например, в 6851 (1343) г. псковский посадник Данила бежал с поля боя, «обрѣзавъ брони на собѣ»; в 6854 (1346) г., Ольгерд Литовский начал войну с Новгородом, заявив: «...лаяль ми посадникъ вашъ Остафеи Дворяницъ, назвал мя псомъ»; в 6906 (1388) г. «владычень волостель Исаи» встретил новгородских воевод на Двине и дал им подробную информацию о мятежниках (приводится его прямая речь); и т. д.

Из редких «неполитических» контекстов, встречавшихся и в предыдущий период, можно назвать упоминания дворов (названных по владельцам) при описании пожаров (3 раза – под 6819 [1311], 6837 [1329] и 6855 [1347] гг.) и упоминания мастеров, участвовавших в церковном строительстве (под 6846 [1338] г. – художник Гречин и под 6850 [1342] г. – мастер-колокольщик из Москвы, «человек добр» Борис; оба упоминания – в летописи Василия Калики⁶).

* * *

Итак, новгородское летописание конца XIII – начала XV в., в целом, демонстрирует преемственность по отношению к летописанию предшествующего периода. Набор основных поводов, по которым имя новгородца могло попасть на страницы летописи, остался прежним. В то же время заметны некоторые изменения. Часть из них, несомненно, связана с эволюцией новгородских политических институтов (посадничества, тысяцкого). Другие пока ждут своего объяснения (из наиболее ярких – фиксирование имен изменников только летописцем одного архиепископа – Иоанна III, тогда как в более раннем тексте новгородской летописи таковое было регулярным, да и вообще характерно для раннего летописания [см.: Guimon, 2021, p. 322–325]).

Как кажется, в рассматриваемый период наблюдается больше, чем ранее, различий в том, по каким поводам упоминали не-Рюриковичей разные архиепископские летописцы. По ряду параметров выделяется период правления Василия Калики, и особенно – Иоанна III. Возможно (предположим это пока чрезвычайно осторожно), речь может идти о размывании представления о ле-

⁶ Любопытно, что в тексте за XII–XIII вв. тоже было всего два упоминания мастеров, участвовавших в церковном строительстве, и оба – практически рядом, в статье 6704 (1196) г. [Гимон, 2006, с. 328].

тописях как о собрании юридически значимых прецедентов, вероятно, характерного для более раннего периода [Гимон, 2006, с. 332].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гимон 2006 – *Гимон Т.В.* В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 291–333.

Гимон 2012 – *Гимон Т.В.* Для чего писались русские летописи? (вторая версия) // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства. URL: <https://history.jes.su/s207987840000431-3-1> (июнь, 2023).

Гимон 2014 – *Гимон Т.В.* Новгородское историописание в правление Василия Калики (1330–1352) // Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги: Мат-лы всерос. конф. М.; СПб., 2014. С. 36–70.

Гимон 2015 – *Гимон Т.В.* Не-Рюриковичи в «Повести временных лет» // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2015. Вып. 1 (34). URL: <https://history.jes.su/s207987840000950-4-1> (июнь, 2023).

Гимон 2019 – *Гимон Т.В.* Новгородские владычные летописцы второй трети XIV – начала XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2019. № 1 (75). С. 22–25.

Гитшиус 2006 – *Гитшиус А.А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Данилевский 2004 – *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

Линд 1997 – *Линд Дж.Х.* К вопросу о посаднической реформе Новгорода около 1300 г. и датировке новгородских актов // Древнейшие государства Восточной Европы, 1995 г. М., 1997. С. 263–270.

Янин 1991 – *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин 2003 – *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. И доп. М., 2003.

Guimon 2021 – *Guimon T.V.* Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; Vol. 71). Leiden; Boston, 2021.

М. М. БЕНЦИАНОВ

«ИМЕНИТЫЕ ЛЮДИ»

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАТРОНИМОВ С «ВИЧ» В ДОКУМЕНТАХ XIV–XV ВЕКОВ

Распространенное в исторической литературе мнение о привилегированном статусе носителей отчеств с окончанием на «вич» основывается на источниках XVI–XVII веков. Такая практика отражала официальный взгляд на систему социальной иерархии. В делопроизводственных документах она проявляется с 1480-х гг., в великокняжеских летописях и синодике московского Успенского собора – не ранее 1440-х годов. Источники частного происхождения показывают широкое бытование отчеств с окончанием на «вич» как признак уважительного отношения (высокой самооценки). Употребление таких патронимов имело значительное распространение в XII – первой половине XV в. и далеко не всегда отражало реальный статус действующих лиц. Сравнительно позднее возникновение представлений о привилегированном характере отчеств на «вич» делает необходимым более тщательное изучение свидетельств, привлекаемых в качестве маркера принадлежности к «служилым элитам».

Ключевые слова: Русское государство, Северо-Восточная Русь, антропонимика, патроним, отчество, бояре, аристократия, элита

Известно значение, которое придавалось в России XV–XIX вв. написанию отчества. Многочисленные примеры иллюстрируют роль отчества для подтверждения статуса его носителя. Использование суффиксов -евич/ович, -ич (далее, – «вич»), как обобщенная форма) при написании своих отчеств было привилегией знатных особ. В мемуарах Г. Штадена содержится эпизод о смотре в Старице, на котором ему было предоставлено право именоваться с отчеством *Владимирович*. По его мнению, «слово вич» – княжеское и дворянское. В 1610 г. право писать свое отчество с «вичем» было пожаловано купцу П.С. Строганову [Успенский, 1994, с. 175–176]. Активно использовались прецеденты обраще-

ния отчества с «вич» и в местнической практике. В 1665 г. во время спора Ф. Грибоедова с И.И. Чадаевым последний ссылался на жалованные грамоты (фальсифицированные) своих предков: «А в тех грамотах родственники его Матвей Иватин и сын его Григорий Чадаев писаны с дворяны и с вичем» [Пономарева, 2005, с. 49].

В.К. Чичагов показал разницу в написании отчеств на примере списков Государева двора. Отчества с «вич» использовались царем и членами Боярской Думы. Остальные – довольствовались отчествами на -ов и -ин. Со временем статус некоторых лиц мог повышаться, соответственно менялось и написание их отчеств в официальных документах. Московские приказные люди меняли окончание фамилий у представителей польско-литовской (западнорусской) знати. Такая практика прослеживается в посольских документах с конца XV в. [Чичагов, 1959, с. 48–54; Карнович, 1886, с. 35–36].

Представленная ситуация с использованием двойных вариантов написаний отчеств отражала сложившуюся официальную трактовку. Документы неофициального характера показывают, что использование отчеств с «вич» имело более широкое распространение и далеко не всегда совпадало с реальным социальным статусом. Обычной была практика уважительного обращения жены к мужу (сыновьям) с использованием «полного» варианта отчества. Об этом свидетельствуют, например, письма жен детей боярских из Смоленска в 1609 г. Все фигурировавшие здесь лица невысоко котировались в системе смоленского «города». Так же обращались к своим близким другие авторы писем Смутного времени. К зятю Семену *Захаревичу*, сестре Овдотье *Яковлевне* и племяннику Панюшке *Семеновичу* писал некий Дружина *Яковлев*. В другом письме священник Василий был обозначен как Василий *Дмитриевич*. Очевидно, эта традиция также имела длительную историю [ДАИ, 1846, № 231, с. 397–399].

Уместным в этой связи является вопрос о допустимости использования отчества с «вич» как маркера, определяющего высокий статус того или иного лица для документов XIV–XV веков. В отсутствие специальных исследований обобщения, сделанные в историографии, нуждаются в более тщательной оценке с учетом особенностей того или иного источника [См., например: Веселовский, 1947, с. 166–167; Савосичев, 2013, с. 102; Чернов, 2012, с. 660].

Изучение процесса складывания отчеств (патронимов) получило достаточно подробное освещение в отечественной антропонимике, хотя и имеет несколько односторонний характер. В рамках исследования антропонимической системы, предпринимаемого лингвистами, акценты ставились на лексический, этнографический и культурологический аспекты. Значительно меньшее внимание отводилось собственно исторической составляющей. Вопрос о необходимости изучения различных форм отчества в историческом контексте был поставлен В.Б. Кобриным, но не получил заметного продолжения [Королева, 2000; Кобрин, 2008, с. 243].

Существование отчеств в русской антропонимической практике прослеживается, начиная с X века. Уже в XII в. формы обозначения отчеств были представлены в нескольких вариантах. Наибольшее распространение имели отчества с окончанием на «ич», обозначающие связи с определенным родом (вятичи и радимичи как потомки Вятко и Радима) [Успенский 2002, с. 78–90]. Далеко не всегда подобные отчества соотносились с представителями правящей элиты, князьями и приближенными к ним лицам. В Повести временных лет упоминается, например, конюх князя Святополка Изяславича Сновид *Изечевич*. Та же тенденция обнаруживается при анализе эпиграфических памятников. Среди убийц Андрея Боголюбского с отчествами на «вич» перечислялись «паробки», что должно было подчеркивать их невысокий социальный статус [Медынцева, 1978, с. 64, 67, 82, 91; Гипшиус, Михеев, 2020, с. 63–102].

Добавление суффиксов -ин, -ов/-ев первоначально могло обозначать зависимость от того или иного лица, а в ряде случаев также могло рассматриваться как патроним [Успенский, 2002, с. 90–92]. Характерно, однако, что примеры подобных отчеств в летописных текстах практически не встречаются. На ранних этапах развития антропонимической системы употребление двух вариантов этих отчеств не имело, видимо, статусных различий. Среди свидетелей купчей княгини Анны из граффито киевского Софийского собора были представлены Тудор *Тубынов*, Илья *Копылович* и Тудор *Борзятч*, которые, по-видимому, обладали равным положением (перечислены в одной части текста) [Высоцкий, 1966, с. 61].

Источники Северо-Восточной Руси в целом подтверждают отмеченную тенденцию. В летописных текстах отсутствовали

патронимы с окончаниями на «ин», «ов/ев». Первые примеры такого рода относятся к Троицкой летописи. В 1368 г. во время похода Ольгерда на Москву великий князь Дмитрий «воеводство приказа Дмитрею *Минину*». Это – сын известного московского боярина Мины, основатель рода Софроновских и Простевых. Стоит обратить внимание, что вторым воеводой сторожевого полка от Владимира Храброго был Акинф *Федорович* Шуба [Приселков, 1950, с. 387; Веселовский, 1963, с. 237–238]. В нескольких последующих статьях лица с отчествами на «вич» и «ин», «ов/ев» также упоминались в одном ряду. В 1376 г. новгородский посадник был назван как Юрий *Онцифоров*, а чуть ниже уже как Юрий *Анцифорович*. Во втором случае вместе с ним в поездке к митрополиту участвовали бояре Василий *Кузьмин* и Василий *Иванович* [Приселков, 1950, с. 401].

Употребление отчеств на «вич» в конце XIV – начале XV в. еще не выступало в качестве обязательного отличительного признака для представителей правящей элиты (за исключением членов княжеских династий). В данных грамотах князя Ф.А. Стародубского в Троице-Сергиев монастырь, составленных в 1424 г. и имевших характер жалованных грамот, перечислялись его бояре Константин *Михайлов* и Федор *Михайлов* [АСЭИ, 1952, № 4–5, с. 27–28; Назаров, 2000, с. 29–58]. Вряд ли в этом случае у стародубского князя стояла задача принизить статус своих бояр. В купчей М.Ф. Крюка Фоминского на село Медно в Новоторжском уезде продавец вотчины был назван Юрием *Онцифоровым*. Это – уже упоминавшийся новгородский воевода, сын посадника Онцифора Лукинича, а впоследствии и сам посадник, который, согласно устоявшейся в историографии логике, должен был иметь отчество на «вич» [АСЭИ, 1952, № 2, с. 26–27].

В значительной степени преобладание отчеств с окончанием на «вич» в летописных текстах отражало сложившуюся традицию. Новгородские берестяные грамоты показывают распространение отчеств с использованием суффиксов -ин, -ов/-ев в XIV веке. Подобные примеры известны и на территории Северо-Восточной Руси. В древнейшем сохранившемся частном акте продавцом вотчины в Белозерье был Павел *Харитонов*. Свою вотчинную землю в Переславском уезде отводил Михаил *Константинов* Дорожаев. Какой-то Иван *Петров* («се поставиша Иван Петров») упоминается в документах из архива тысяцких Вельяминовых.

При немногочисленности упоминаний отчеств на «ин», «ов/ев» и их достаточно позднем массовом появлении в источниках необходимо более тщательно рассмотреть вопрос о времени возникновения представлений о привилегированном характере носителей отчества с «вич».

В целостном виде эти представления были представлены в делопроизводственных источниках, начиная со второй половины 1480-х годов. Уже первые записи в литовской посольской книге демонстрируют предельно жесткое отношение к употреблению отчеств с «вич». Право на использование этой формы признавалось только за родственниками великого князя и членами Боярской Думы, исключая казначея Д.В. Ховрина (так же в крымской посольской книге). В первоначальном варианте даже служилые князья русско-литовского порубежья и литовские родичи Ивана III акцентированно именовались с упрощенными вариантами отчеств. Несколько позднее произошло уже заметное «ослабление» позиции. Служилые князья, включая Ф.И. Бельского, стали обозначаться с отчествами на «вич». То же правило было применено в переписке с наместниками.

Отчетливо прослеживается должностной характер присвоения окончания «вич», что проявилось, например, в записи посольства в мазовецкое княжество. В описании самого посольства и в грамотах администраторам на местах В.Г. Заболоцкий и В.В. Долматов были обозначены как «*Григорьев*» и «*Васильев*». В грамотах же, обращенных к Конраду Мазовецкому, ливонскому и прусскому магистрам, оба они фигурировали с отчествами на «вич» [Сб. РИО, 1882, с. 89–102]. В этой же связи находится применение отчеств с «вич» в «верющих» грамотах некоторых послов. Такая практика применялась к послам в Крым, приравненным к «боярам». Явно повышен был статус у П.З. Скурата Станицева, отправленного в качестве «боярина» в Великое княжество Литовское [Сб. РИО, 1882, с. 163].

Тот же подход присутствовал в договорах присоединенного к Москве Новгорода с Ливонским Орденом и Швецией. С «полным» отчеством здесь были названы «сведенцы» купеческие старосты Фома *Данильевич* Саларев и Иван *Елизарович* [АЗР, 1846, № 112, с. 133; Sverges traktater, № 549, s. 450].

Анализ новгородских писцовых книг конца XV – первых лет XVI в. показывает, что выделение «именитых» людей также производилось в зависимости от занимаемых ими должностей. Нов-

городские бояре, лишившиеся своих вотчин, были полностью исключены из этого списка. Носители отчеств с «вич» здесь были крайне немногочисленны. Большинство из них входило в состав Боярской Думы. Новгородскими дворецкими были И.М. Волынский и М.К. Беззубцев. Кроме того, отчества с «вич» имели писцы М.И. Валуев и Д.В. Китаев. Сопоставление с последующими писцовыми описаниями показывает, что распространение отчеств на «вич» отличалось от принятых ранее норм. Отчества с «вич» были зафиксированы у целого ряда местных помещиков из княжеских и боярских фамилий [ПКНЗ, т. 4, с. 79, 148, 163; ПКНЗ, т. 5, с. 80; ПКВП, с. 14, 41]. Подобная тенденция, видимо, была связана с формированием новой новгородской знати из числа местных помещиков.

В разъезде 1504 г. территорий уделов сыновей Ивана III с землями, оставшимися в великокняжеском домене, проявился тот же принцип наделения отчеств на «вич»: Г.Ф. Хромой (боярин или окольник), князь П.В. Великий Гагин (дворецкий), удельный боярин князь А.А. Голенин. В зависимости от роли, в которой выступал тот или иной служилый человек, менялось написание его отчества. Землевладельцем Московского уезда был князь Федор княж *Васильев* Телепень Оболенский. В 1492 г. он был воеводой сторожевого полка в походе на «Северу». Как и у других воевод, он имел в этом случае отчество на «вич» [ДДГ, 1950, с. 386, 390, 397; РК 1966, с. 22].

Описанная система ранжирования, маркером которой выступали отчества на «вич», появилась явно значительно ранее 1480-х годов. Жесткость этой системы, при размывании в последующие годы, свидетельствует одновременно о сравнительно недолгом сроке ее функционирования.

Эволюция этой системы прослеживается в московских официальных летописях второй половины XV века. В Никаноровской (доведена до 1471 г.) и в Вологодско-Пермской летописях персонажи с отчествами на «ин», «ов/-ев» начинают появляться, начиная с 1431 года. Первым из них стал мценский воевода Григорий *Протасьев*. В 1441 г. упоминается приближенный Дмитрия Красного Денисий *Фомин*. Эти примеры примечательны для понимания редакторских правок. Ранее в другом контексте Г. Протасьев фигурировал как «Григорий *Протасьевич*». Д. Фомин был крупным галицким вотчинником и, вероятно, входил в состав местного боярства. Известен его вклад в Успенский Паисьев монастырь.

В данной грамоте он называл себя «Денисий *Фоминич*» [ПСРЛ, 2007, с. 100, 102, 107; ПСРЛ, 1959, с. 186, 194; Антонов, Баранов, 1998, с. 37].

В дальнейшем количество употреблений патронимов на «ин», «ов/-ев» значительно возрастает. С середины 1440-х гг. можно говорить о различном восприятии статуса названных лиц. Среди детей боярских, которые хотели «князя великого выняти» в 1446 г. был Семен *Филимонов* с детьми. Это – совсем не рядовой член княжеского двора. Филимоновы были ближайшими родственниками Морозовых. Я.К. Жест Филимонов, племянник Семена, был боярином и дворецким у князя Юрия Звенигородского. Тем не менее, указание на отчество «*Филимонов*» в этом случае имело вполне осознанный характер. Все сыновья Семена также писались с окончанием на «ов». Роман *Семенов* Филимонов был отмечен среди погибших в 1445 г. в Суздальском бою в синодике московского Успенского собора [Веселовский, 1963, с. 208–209; ПИРСС, с. 172]. Очевидно, что уже в 1440-е гг. эта ветвь Филимоновых выбыла из боярской среды. С упрощенными вариантами отчеств были перечислены дети боярские князя Василия Ярославича, пытавшиеся освободить его из заточения. Среди них был Володя Давыдов – представитель боярского рода Александра Нетши.

Наиболее отчетливо отмеченная тенденция проявилась при упоминании новгородских и псковских бояр. Как и в более поздних новгородских писцовых книгах, все они упоминались с упрощенными вариантами отчеств [ПСРЛ, 2007, с. 129, 130, 133, 134, 135].

Система ранжирования статуса различных лиц через их отчества в летописных текстах долгое время не имела такого же прямолинейного выражения, как это было отмечено, например, в литовской посольской книге. Дети боярские, участники похода на Казань 1469 г., были записаны с отчествами на «вич» – Иван *Гаврилович* (Заболоцкий), Тимофей *Михайлович* Юрло (Плещеев), Федор *Борисович* Брюхо (Морозов) [ПСРЛ, 1949, с. 281].

В неофициальном летописании Северо-Восточной Руси второй половины XV в. употребление отчеств в целом вписывалось в указанные рамки, хотя и отличалось известной вариативностью. Поминования «избиенным» русским воинам в синодике московского Успенского собора подтверждает отмеченные особенности. В 1440-е гг. в синодике появляется целый ряд имен, обозначенных

с сокращенными отчествами. Разница между ними и лицами с отчествами на «вич» проявилась в поминании погибших в Суздальском бою (1445 г.), которое с большой долей вероятности имело официальный характер. Отчества с окончаниями на «ов» и «ин» были отмечены в конце списка среди массы служивых людей, упомянутых только по имени. Стоит отметить при этом, что число носителей подобных отчеств заметно меньше числа персон с отчествами на «вич». Без носителей княжеского титула всего насчитывается 11 имен с отчеством на «вич» против 6 с окончаниями на «ов» и «ин», что, несомненно, свидетельствует о начальной стадии возникновения системы ранжирования. При этом представители одной и той же семьи – Иван *Борисович* Плещеев и Иван *Иванов* Плещеев (его сын) имели разный статус [ПИРСС, с. 172].

Более позднее развитие этого вектора представлено в списке погибших при взятии Казани (1485 г.). Все дети боярские здесь были записаны с сокращенными вариантами отчеств в отличие от «именитых» воевод – князей Ю.Д. Ростовского и Ю.Ф. Ушатого [ПИРСС, с. 174–175]. Можно предположить, что формирование официально признанной системы ранжирования служивых людей, маркером которой выступало написание отчеств в полном или сокращенном видах, ведет свой отсчет с 1440-х годов. Сама же эта система к началу 1470-х гг. уже обладала своими характерными чертами.

Очевидным представляется также предположение о том, что указанная система опиралась на более раннюю традицию, в которой отчества на «вич» рассматривались как более престижные. Не исключено, что именно этим обстоятельством объяснялось широкое бытование отчеств на «вич» в жалованных грамотах. С такими отчествами в XIV – первой половине XV в. фигурировали члены княжеских династий, бояре великих и удельных князей, митрополитов, в том числе, бояре введенные и путные (чашники, стольники, конюшие), дворецкие, казначеи (в Рязани), наместники и воеводы. Нередко отчества на «вич» имели и другие должностные лица. В актах княжеских канцелярий именно так часто обозначались дьяки.

С 1490-х гг. отчество с «вич» было присвоено главам писцовых комиссий на время исполнения ими служебных обязанностей. Разъездчики пользовались им в некоторых случаях и в предшествующие десятилетия.

В документах неофициального характера использование отчества на «вич» часто было не столько отражением реального социального статуса, сколько стремлением продемонстрировать высокий авторитет их носителей в кругу родственников или в рамках местного сообщества. В семье переславских вотчинников Ворониных отмечалось чередование отчества на «вич». В данной Василия *Яковлева* Воронина в Троице-Сергиев монастырь послухом был назван его брат Кузьма *Яковлевич*. Когда же в свою очередь вклад сделал Кузьма *Яковлев* Воронин, то послухом у него оказался уже Василий *Яковлевич*. В завещании А.Я. Воронина фигурировал также «брат мой Андрей *Яковлевич*» [АСЭИ, 1952, № 36, с. 45, № 38, с. 46, № 46, с. 50]. Безусловно, в этом случае братья старались продемонстрировать взаимное уважение друг к другу.

В 1472 г. была составлена духовная грамота Александра *Федосеева* Белеутова. Сам он, по всей видимости, оценивал себя достаточно скромно, что объяснялось его недавним выездом из Литвы. При этом он счел необходимым подчеркнуть положение своих родственников. В этом завещании отчества на «вич» были указаны у его «господина» дяди, «братьев», «шурьев» и даже у зятя. Как и столетия спустя, высокое положение мужа стремились подчеркнуть женщины [АСЭИ, 1964, № 67, с. 98–100; АФЗХ, 1951, № 99, с. 104, №117, с. 110, № 127, с. 119–120].

Большое значение имела самооценка лиц, претендовавших на «высокий» статус. Характерной является купчая 1491/92 г., по которой казначей Д.В. Ховрин приобрел вотчину у купца Ф.Д. Саларева. В самом акте продавец в соответствии со своим действительным статусом был обозначен как «Федор *Данилов*». В подтверждении сделки, однако Ф.Д. Саларев счел необходимым указать себя уже с отчеством «*Данилович*» [АСЭИ, 1952, № 566, с. 444]. В 1490 г. была составлена духовная грамота коломенского вотчинника Семена *Ивановича* Хлопова. Его потомки служили по «дворовому» списку. Сам он, скорее всего, также принадлежал к числу дворовых детей боярских, но явно не выделялся при этом в служебном отношении [Антонов, 1999, с. 3–9]. Обратной стороной медали могло быть осознанное занижение своего социального статуса, что особенно характерно было для лиц духовного звания. Так, Г.И. Бутурлин, представитель видного боярского рода и, вероятно, прежде боярин Андрея Радонежского, приняв постриг в Троице-Сергиевом монастыре, стал именовать себя «Генадей

чернец *Иванов* Бутурлин» [АСЭИ, 1952, № 21, с. 37, № 54, с. 55; Назаров, 1999, с. 180–189].

Принимая во внимание большое число возможных причин использования отчеств на «вич» в актах XIV–XV вв., необходимо рассматривать такие примеры в более широком контексте. Единичные употребления подобных отчеств вряд ли могут подтвердить высокий статус их носителей. Сопоставление данных о землевладении самих этих лиц, их ближайших родственников, служебных достижениях их потомков позволяет существенно сузить круг лиц, которые могут быть отнесены к элите местных сообществ. Маловероятно, что на эту роль претендовали такие персонажи как Михаил *Елизарович* Редриков, Александр *Алферьевич* Лапоть, Никифор *Васильевич* Кренин, Нестор *Иванович* Катунин и целый ряд других лиц, известных в качестве послухов. Ситуация с ними находит параллели в северных (двинских) грамотах XV в., где среди «добрых» людей фигурировало большое число местных крестьян, которые в силу каких-то личных качеств пользовались уважением в своем кругу. Использование «именными» людьми отчеств на «вич» часто объяснялось субъективными причинами и не имело дальнейшего продолжения для их ближайших родственников и потомков.

С течением времени в актах прослеживается тенденция к постепенному отказу от отчеств с «вич» у представителей боярских семей, терявших свой статус. В 1480 г. послухом в деловой грамоте князей Кемских был Александр *Васильев* Плещеев. В 1478/79 г. на разезде земель Симонова монастыря присутствовали Василий *Никитин* Пушкин и Федор *Михайлов* Тушин [АСЭИ, 1958, № 227 а, с. 148, № 392. С. 400; АСЭИ, 1952, № 511, с. 306]. Менялась и самооценка служилых людей. И.Д. и В.Д. Бобровы именовали себя с сокращенными вариантами отчества. Их отец – Д.В. Бобр в 1460-е гг. неизменно называл себя с отчеством на «вич» [АРГ, 1975, № 35, с. 41; АСЭИ, 1952, № 335, с. 243, № 389, с. 283, № 488, с. 367–368]. Эта тенденция, вероятно, была связана с введением обязательной службы и выстраиванием на ее основе иерархии внутри местных сообществ служилых землевладельцев.

Подводя итоги, хочется обратить внимание на необходимость тщательной оценки контекста и особенности источников, в которых встречаются носители отчеств на «вич», для определения их статуса в реалиях XIV–XV вв., когда система социальной

градации не приобрела еще сложившиеся позднее устойчивые формы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АЗР 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846.

Антонов 1999 – *Антонов А.В.* Духовная Семена Ивановича Хлопова 1490 года // *Русский дипломатарий*. Вып. 5. М., 1999. С. 3–9.

Антонов, Баранов 1998 – *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты из архивов русских монастырей и церквей // *Русский дипломатарий*. Вып. 3. М., 1998. С. 3–44.

АРГ 1975 – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. редактор Б.Д. Греков. Т. 1. М., 1952; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. редактор Л.В. Черепнин, сост. И.А. Голубцов. Т. 2. М., 1958; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. редактор Л.В. Черепнин, сост. И.А. Голубцов. Т. 3. М., 1964.

АФЗХ 1951 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. к печати А.А. Зимин. Ч. 2. М., 1951.

Веселовский 1947 – *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

Веселовский 1963 – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1963.

Высоцкий 1966 – *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

Гипшиус, Михеев 2020 – *Гипшиус А.А., Михеев С.Н.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slověne*. 2020. № 2. С. 63–102.

ДАИ 1846 – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею / Сост. Я. Беренников. Т. 1. СПб., 1846.

ДДГ 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Карнович 1886 – *Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.

Кобрин 2008 – *Кобрин В.Б.* Опричнина, генеалогия, антропонимика. М., 2008.

Королева 2008 – *Королева И.А.* Становление русской антропонимической системы. Автореф. дисс. д. ф. н. М., 2000.

Медынцева 1978 – *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

Назаров 1999 – *Назаров В.Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // *Восточ-*

ная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто / Под ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 180–189.

Назаров 2000 – *Назаров В.Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной России. Сб. мат-в межд. конф. М., 2000. С. 29–58.

ПИРСС – Памятники истории Русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011.

ПКВП – Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. / Под ред. А.М. Гневушева. Вып. 1. Новгород, 1917.

ПKNЗ, т. 4 – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-х – 1540-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М., 2004.

ПKNЗ, т. 5 – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5: Писцовые книги Деревской пятины 1550-х – 1560-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М., 2004.

Пономарева 2005 – *Пономарева И.Г.* История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №4. С. 41–50.

Приселков 1950 – *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Московский летописный свод конца XV века / Подг. к печати М.Н. Тихомиров. Т. 25. М.; Л., 1949; Вологодско-Пермская летопись / Подг. к печати М.Н. Тихомиров. Т. 26. М.; Л., 1959; Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века / Изд. А. Кошелев. Т. 27. М., 2007.

РК 1966 – Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. М., 1966.

Савосичев 2013 – *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.

Сб. РИО 1882 – Сборник императорского русского исторического общества / Под ред. Г.Ф. Карпова. Т. 35. СПб., 1882.

Успенский 1994 – *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994.

Успенский 2002 – *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.

Чернов 2012 – *Чернов С.З.* Три семьи радонежских бояр // Русское Средневековье: Сб. статей в честь проф. Ю.Г. Алексева / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2011. С. 653–711.

Чичагов 1959 – *Чичагов В.К.* Из истории русских отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

Sverges traktater – Sveriges traktater med frammande makter / Utg. O.S. Rydberg. Bd.3. Stockholm, 1895.

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИМЕНА ЗНАМЕНИТЫХ ДЬЯКОВ XVI–XVII ВЕКОВ

Данная работа посвящена именам представителей бюрократической элиты XVI – первой половины XVII века. Обсуждается, в частности, наличие двух христианских имен в миру у А.Я. Щелкалова, И.Е. Цыплятева, Б.И. Сукина, Ф.Н. Апраксина и Н.Н. Новокшенова, рассматриваются принципы функционирования этих антропонимов, их роль в разных сферах светской и церковной жизни.

Ключевые слова: историческая ономастика, христианская двуименность в допетровской Руси, бюрократическая элита, дьяки, культ святых, церковный календарь

Бюрократическая элита XVI–XVII столетий представляет совершенно особый интерес для истории русской ономастики. В самом деле, эти люди были одновременно творцами и заложниками правил употребления имен собственных – по роду своей деятельности им приходилось принимать множество стандартизированных решений, относящихся к тому, как следует назвать то или иное лицо в очередном документе, именно они, хотя и действуя в предзаданных рамках, всякий раз совершали конкретный выбор, откликаясь как на строгие указания государей, так и на более тонкие, обусловленные временем, антропонимические тенденции.

С другой стороны, ничьи имена – за исключением разве что царских и великокняжеских – не запечатлевались на письме столь часто, как их собственные. Есть сотни документов, которые дьяки Андрей Щелкалов, Иван Цыплятев или Борис Сукин, Федор Апраксин или Николай Новокшенов подписывали как *Андрей, Иван, Борис, Федор, Николай...* Подобная густота вхождений дает неплохую возможность проследить за различными перипетиями их карьеры, пронаблюдать меру их участия в государственных

делах, разглядеть взлеты и падения их собственной публичной жизни.

Эта же густота, однако, мешает исследователю заподозрить, что они могли зваться и как-то иначе. В определенном смысле, отсутствие их полных антропонимических досье соответствует нашей малой осведомленности об их частной жизни, приподнимаемая же завесу над иными именами, которыми они могли обладать в миру, мы получаем шанс до известной степени в нее проникнуть. Обнаруживая всякий раз еще одно христианское имя этих, столь знаменитых, казалось бы, дьяков, волей-неволей сталкиваешься с уникальными сюжетами, относящимися как к исследовательским разысканиям, так и церковному обиходу XVI–XVII вв., к своеобразной повседневности благочестия. Вместе с тем, все типичные принципы выбора и функционирования двух христианских имен на Руси также как нельзя лучше проявляются в их имяназвании.

Начнем с антропонимического досье Бориса Ивановича Сукина, дьяка и царского печатника, скончавшегося в 1578 году. Вся его служебная карьера пришлась на время правления Ивана Грозного и при этом, насколько мы можем судить, отличалась сравнительным благополучием. Умер он в довольно преклонном возрасте и был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре, где, счастливым образом, сохранилась его надгробная плита. Нередко именно здесь представлен максимально полный перечень христианских имен, которые при жизни носил усопший. Действительно, на надгробье Сукина есть не только год его кончины, но и два его имени – и без того известное по множеству документов *Борис* и монашеское *Кирилл*¹.

Эту антропонимическую информацию можно было бы считать исчерпывающей, однако ее состав сам по себе побуждает исследователя задуматься о том, не было ли у Бориса Сукина еще одного христианского имени в миру. В ту эпоху монашеское имя чаще всего подбирали в соответствии с именем крестильным, и соответствие это обыкновенно сводилось к совпадению началь-

¹ «Лѣта 7086 <1578> мѣца июля в 14 дн на память стго апстла Акилы стго о(тца) Иосифа преставися раб божи инокъ скимникъ Кирило а в мире был Борисъ Иванович Сукинъ» [Николаева, 1960, с. 182, табл. 876]. Здесь и далее разрядка принадлежит авторам статьи.

ных букв или звуков этих имен², имена же *Борис* и *Кирилл*, как нетрудно убедиться, подобным созвучием не объединены.

Дальнейший просмотр разнообразных сведений о поминальных вкладах по Борису Сукину (а коммеморативные тексты подобного рода вообще являются ценнейшим источником по истории мирской христианской двуименности) постепенно подводит нас к искомому. Так, в 1607 г. сын Бориса Ивановича, Василий, пожалуй, еще более известный представитель бюрократической элиты, дает вклад по своим родителям. Отца он называет монашеским именем *Кирилл*, однако поминает его предписывает отнюдь не в день празднования кому-либо из свв. Кириллов или на одну из борисовских дат, но «июля в 29 день на память святого мученика Калинника...» [АСЗ, III, с. 341, № 416].

Этот штрих весьма характерен для русской полиномии – времена имени в иночестве на Руси отнюдь не означала отказа от всех предшествующих имен. Как правило, монахи при жизни продолжали отмечать именины по прежнему, крестильному, имени, а после смерти их могли поминать как на день кончины, так и на эту, в сущности, мирскую, именинную дату – в день того святого, во чье имя они некогда были крещены. Естественно допустить, поэтому, что наш Сукин-старший в крещении был вовсе не *Борисом*, а *Каллиником*, в честь св. Каллиника Гангрского, чья память отмечается 29 июля. В таком случае была бы разрешена и проблема несоответствия мирского и монашеского имен – обладателю крестильного *Каллиник* как нельзя лучше подошло бы иноческое *Кирилл*.

Такое допущение полностью подтверждается благодаря еще одной записи, на этот раз во Вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря: «Борис Иванович Сукин в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу, и игумену Афонасию з братиею, или кто по нем иный игумен будет, вкладу дал 50 рублей. И доколе Борис жив, ино за него молити Бога и поминати во октениях на молебенех, Борисово имя Калинник. А Бог пошлет по душу Борисову, ино его написати во вседневной сенаник и в вечной без выгладки <...> А

² Принцип подбора монашеского имени по первым буквам или звукам имени крестильного не был в ту эпоху единственно возможным (например, человек мог получить новое имя по тому святому, на память которого совершался его иноческий постриг), однако частотность его применения была чрезвычайно высока.

коли Борис преставится, ино по нем пети сорокоуст, а на третины, на девятины и на сорочины кормити кормы. А на то дал Борис 10 рублей. А другую 10 рублей дал, велел милостины нищим роздати» [Алексеев, 2010, с. 38, л. 44об.–45].

Отметим, что покуда дьяк Сукин действует как вкладчик, лицо отдающее некие имущественные распоряжения, он именуется *Борисом*, т.е. так, как он известен в придворной жизни и по всем подписанным им документам. Однако когда речь заходит о его посмертной судьбе, о том, как его надлежит поминать после кончины, пометой «имя» маркируется совсем иной антропоним – *Каллиник*. Это, вообще говоря, стандартный способ выделить крестильное имя в ряду других личных имен христианина на Руси – оно может именоваться «прямым», «молитвенным» или «именем» как таковым, тогда как с именем публичным, некрестильным скорее соотносится определение «прозвище», «зоровый», «пореклу», «рекомый» и т.п.

Доподлинно зная, кто стал небесными покровителями Сукина, можно воссоздать и календарную логику выбора двух его христианских имен. Весьма вероятно, что он появился на свет 29 июля, и благочестивое внимание к этой дате определило выбор имени *Каллиник* для крещения. При этом если в семье решались в качестве публичного дать какое-то другое именование, то его чаще всего подыскивали в близких календарных окрестностях даты рождения. Вполне закономерным образом, выбор пал на имя популярнейшего русского святого – князя Бориса Владимировича, благо празднование Борису и Глебу (24 июля) всего на пять дней отстояло от реконструированной даты появления ребенка на свет, а имя *Борис* было равно популярно в самых разных социальных группах и годилось, в сущности, для любой семьи.

Еще более могущественное положение в бюрократической системе на Руси второй половины XVI столетия занимали братья Щелкаловы, Андрей и Василий, которые, по всей вероятности, доводились Борису / Каллинику Сукину свойственниками. Наше внимание будет сосредоточено вокруг фигуры старшего из них, думного дьяка Андрея Яковлевича. Знаменитый своей энергичностью и трудоспособностью, проклинаемый одними иностранцами и уважительно оцениваемый другими, он более двух десятков лет стоял во главе Посольского приказа, постоянно включаясь во множество других государственных дел. Щелкалов оставался влиятельнейшей персоной практически до конца своих дней,

а будучи вынужден, наконец, удалиться в отставку, ничуть не повредил, тем самым, карьере своего младшего брата Василия.

Один только перечень документов, которые Щелкалов подписывал как *Андрей*, и чужих текстов, где он появляется под этим именем, занял бы несколько страниц. Точно так же, как и в случае Бориса Сукина, нам может показаться, что у нашего всесильного «министра иностранных дел» за всю жизнь было только два имени – в миру общеизвестное *Андрей* и монашеское *Феодосий*, которое он принял незадолго до своей кончины. Однако здесь мы вновь, как и в казусе Сукина, наблюдаем пресловутое отсутствие соответствия / созвучия мирского христианского имени и имени иноческого, которое подталкивает нас к дальнейшим поискам.

Антропонимические разведки в данном случае осложняются тем, что родовая линия Щелкаловых, претерпевшая феерический взлет в поколении Андрея и Василия, вскорости стремительно угасает – у самого Андрея после кончины не оказалось наследников мужского пола, а после Василия остался лишь единственный сын, о детях которого ничего не известно. Иначе говоря, сами братья Щелкаловы имели обширнейшие средства и возможности для устройства собственных заздравных кормов и посмертного поминовения своих не слишком знаменитых предков и родичей, но еще одно поколение спустя уже никто не был заинтересован в том, чтобы так же широко и обильно поминать их самих. Структура же коммеморативных записей такова, что донаторы зачастую фигурируют в них под публичными именами, тогда как имена крестильные (если они отличались от публичных) скорее имеют шанс проявиться в той части текста, где назван усопший, за коего, по условиям вклада, надлежит молиться в назначенные дни.

Таким образом, Андрей Щелкалов, будучи богатейшим вкладчиком, фигурирует в столь многих и в столь разнообразных текстах коммеморативного типа только как *Андрей* или как инок *Феодосий*, что мы почти теряем надежду отыскать какое-либо третье принадлежащее ему христианское имя и могли бы заключить, что он не обладал им вовсе. Собственно говоря, до недавнего времени из-за такой обильной совокупности свидетельств, как светских, так и церковных, никому и в голову не приходило, что у Щелкалова было еще одно в миру. Однако целенаправленный поиск позволяет обнаружить несколько текстов, демонстрирующих, что монашеское *Феодосий* было дано могущественному

дьяку в полном соответствии с господствующей традицией выбора имени при постриге, и однозначно установить, что в крещении он был вовсе не *Андреем*.

Для начала неожиданным кажется, что в синодике Крутицкого архиерейского подворья середины XVII в. под рубрикой «Род Щелкаловых» вовсе нет Андрея, зато фигурирует некий неизвестный нам Фаддей (ГИМ, собр. Щукина, № 136, л. 51) [Яцимирский, 1896, с. 205]. Эта странность отчасти проясняется благодаря еще одному синодику – в Синодике Успенского собора на день апостола Фаддея (21 августа) предписывается помянуть не кого иного, как Андрея Щелкалова³. Это типичное в своем роде косвенное свидетельство христианской двуименности, однако, удачным образом, сохранилась запись, где обладатель иноческого имени *Феодосий* (а мы точно знаем, что в семье Щелкаловых он был один – наш Андрей) напрямую поименован *Фаддеем*: «Мѣсяца Августа <...> Въ 21 день. Пам<ять> Щелкалову, а имя ему Фадѣй, Феодосѣй» [Апухтин, 1914, с. 19; Апухтин, 1914а, с. 39].

Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что Андрей Яковлевич Щелкалов сделался в иночестве *Феодосием* именно потому, что его некогда крестили *Фаддеем*. Весьма существенно, что из разнообразных вкладов семьи Щелкаловых, упоминаемых в документах, до наших дней сохранился артефакт, композицию которого едва ли можно оценить, не зная крестильного имени Андрея. Речь идет о шитой плащанице «Положение во гроб» из Псково-Печерского монастыря [ПМЗ, инв. № 1258]. На пелене имеется надпись с именами вкладчиков: «...СЕ ВОЗДУХ ПРИЛОЖИ ОНДРИ ЯКОВЛЕВИЧ ЩЕЛКАЛОВ СО СВОЕИ С ЖЕНОЮ СОЛОМАНИ В ДОМ НИКОЛЫ» [Силкин, 2006, с. 45–48, прим. 2]. По краям же плащаницы в медальонах располагаются вышитые изображения различных святых с указанием их имен. В одном из таких медальонов на левой кайме есть образ мученицы Соломонии, покровительницы Соломонии Щелкаловой (урожд. Засекиной). В непосредственном же соседстве с ним мы видим медальон с изображением апостола Фаддея, а отнюдь не кого-либо из свв. Андреев [Силкин, 2006, с. 48, прим. 1]. Иначе говоря, вполне закономерным образом на этом артефакте рядом

³ «...а на Андрееву память августа в 21 день на апостола Фаддея» (ОР ГИМ, Успенское собр. № 65, л. 454).

помещены небесные тезки супругов-вкладчиков по их крестильным именам.

Характерно при этом, что, как и в случае Бориса / Каллиника Сукина, выбор мирских христианских имен для Андрея Яковлевича Щелкалова, скорее всего, был – в полном согласии с общераспространенной тенденцией наречения двумя христианскими именами – детерминирован календарем. Вероятно, он родился 21 августа, на апостола Фаддея, и в честь него-то и был крещен; *Андреем* же он, со всей очевидностью, стал по св. Андрею Стратилату, чья память отмечается 19 августа [Литвина, Успенский, 2022].

Выбор монашеского имени, который порой оказывается столь значимым маркером, сигнализирующем о наличии у человека двух христианских имен в миру, может нести и еще большую семиотическую нагрузку, обслуживать несколько задач сразу. Так, думный дьяк Иван Цыплятев, скончавшийся в 1567 г., в монашестве принял имя *Евфимий*. Здесь сразу же бросается в глаза нечто вроде родовой преемственности – *Евфимием* в иночестве звался и его родной отец († ок. 1546 г.). Существенно при этом, что в наречении их обоим новым именем не нарушалась общая тенденция соответствия иноческого имени крестильному. В случае с Цыплятевым-старшим эта зависимость более очевидна, поскольку по всем письменным источникам он известен как *Елеазар*. Что же касается младшего представителя этой семьи, то благодаря всему набору связанных с ним текстов удастся однозначно установить, что в миру он обладал двумя христианскими именами – публичным *Иван* и крестильным *Елевферий* [Литвина, Успенский, 2018].

Еще более интересную форму идеи семейной преемственности в монашеских именах мы наблюдаем в наречении московского дьяка Федора Никитича Апраксина († 1636 г.). В монашестве он стал *Корнилием*, и под этим именем нередко появляется в синодиках (ОР РГБ, ф. 304. I. 042, л. 43) [Алексеев, 2019, с. 52, л. 54 об., с. 64, л. 81–81 об.]. Возможность такого наречения становится очевидна, если обратиться, например, к записи о строительстве обетной церкви в московском Златоустовском монастыре, из которой недвусмысленно следует, что *Федор* – лишь публичное имя Апраксина, а в крещении тот был *Кононом*: «Въ лѣто 7140 <1631/32> году, Кононь, зовомый Федоръ, да Петръ, да Ондреанъ, да Никита Никитины, дѣти Опраксина, въ Златоустовомъ монастырѣ, по обещанію за вкладъ поставили храмъ камен-

ной, во имя св. мученика Василиска съ трапезою по старому окладу, да два предѣла новые каменные-жь: св. священномученика Корнилія, да св. мученика Конона градаря, и келарскую, и укрыли черепицею» [Григорий Воинов, 1914, с. 136, прилож.].

Однако сама по себе эта запись способна вызвать и некоторое недоумение. Дьяк Апраксин с братьями возводит эту церковь с приделами св. Корнилія и св. Конона, еще будучи мирянином. Неужели он заранее знал, что ему предстоит постричься с именем *Корнилий*? Разумеется, он мог желать этого, но самое это желание было бы отнюдь не случайным. Дело в том, что имя *Корнилий* в крещении получил его родной сын, которому суждено было умереть при жизни отца. Скорее всего, именно в память о нем старшие Апраксины устраивают в обетной церкви придел, посвященный его небесному тезке. Отец же, Конон / Федор Апраксин, когда ему приспела пора постригаться, из всех возможных имен, созвучных крестильному *Конон*, получил то, что в крещении носил его покойный сын.

Едва ли не самым любопытным и загадочным из всего ряда предложенных здесь антропонимических досье оказывается, пожалуй, случай думного дьяка Новокщеного († 1637). Во всех известных нам документах он подписывается как *Николай* (*Микулай*, *Миколай*). Само по себе наличие такого имени у светского человека представляет немалый интерес. Позднее русское Средневековье, вплоть до XVII столетия, скорее избегает подобного наречения мирян, хотя никакого формального запрета здесь, разумеется, не существовало. Николай Угодник, «титულный» обладатель этого имени, настолько почитаем на Руси, что в определенный период его имя подвергается своего рода благочестивому табуированию – присвоить в качестве личного небесного патрона того, кто был всеобщим заступником, считалось, по-видимому, не вполне уместным (ср.: [Успенский, 1982, с. 11–12, прим. 5]). Нельзя сказать, что здесь не было никаких исключений, но каждое из них – каждый пример использования имени *Николай* в миру – заслуживает особенного исследовательского внимания.

Казус же нашего Новокщенова осложняется еще и тем, что имя *Николай* заведомо не было для него единственным. Более того, мы можем с уверенностью сказать, что его крестили не *Николаем* – в крещении Новокщенов был *Дмитрием* (что и определило выбор его монашеского имени *Дионисий*), причем наречен он был по популярнейшему на Руси святому, Дмитрию Солунскому,

на память которого (26 октября) и появился на свет: «ДАЧА ДЬЯКА МИКУЛАЯ НОВОКРЕЩЕНОВО И ЕГО РОДИТЕЛИ. Рождение его октября в 26 день. Пострижение его июля в 20 день, во иноцех Дионисей...» [ВК ТС, с. 171, л. 698].

Банальная логика говорила бы о том, что человек, родившийся на празднование Дмитрию Солунскому и крещеный в его честь, вообще не нуждается в еще одном христианском имени – подавляющее большинство семей оно удовлетворило бы в обеих функциях, и как крестильное, и как публичное. Однако бывают, как известно, особые случаи семейных культов, побуждающие связать новорожденного с помощью имянаречения с неким святым, по особым причинам важным для этой семьи. Очевидно, что здесь мы имеем дело с чем-то подобным.

Непреренно ли этим святым был Николай Чудотворец? Полностью исключить такой возможности, разумеется, нельзя, однако вся практика имянаречения XVI столетия, как уже отмечалось выше, свидетельствует о том, что именно антропонимическая манифестация связи с Николаем Угодником была, скорее, не принята. Быть может, эта своеобразное благочестивое табу смягчалось как раз тем, что Новокшенова не крестили *Николаем*, но лишь именовали так на людях. Однако нельзя не заметить, что в ту эпоху имя Николая Угодника в качестве публичного практически столь же раритетно, как и в качестве крестильного⁴. Вероятно, здесь следует задуматься о другой «кандидатуре» или о другом, более извилистом антропонимическом пути.

С одной стороны, не исключено, что Николай Новокшенов получил свое публичное имя не непосредственно в честь св. Николая Мирликийского, а, так сказать, опосредованным образом – как бы по празднованию одной из икон св. Николы. Аналогию такой практике можно усматривать в традиции наречения девочек *Мариями* по празднованию той или иной Богородичной иконе. Делать Богоматерь персональной заступницей-тезкой новорожденной, скорее, возбранялось, а потому имянаречение приурочивалось к празднованию иконе, которая становилась своеобразным

⁴ Отметим все же, что имя *Николай* в качестве публичного (некрестильного) у двуименных людей встречается не единожды – в документе 1609 г. приводятся следующие имена посланника велижского старосты Госевского к смоленскому воеводе М. Б. Шеину: «...Михайла прозвище Никулай» [АИ, П, с. 225, № 194-П].

посредником, нейтрализовавшим, по-видимому, дерзновенность подобного шага [Литвина, Успенский, 2018а]. Впрочем, такое обоснование выбора имени *Николай* нуждается в дополнительных и довольно непростых разысканиях – носителей этого имени на Руси до поры до времени очень мало, а каких-либо сведений о мотивации и конкретных обстоятельствах их имянаречения и того меньше.

В случае с Новокшеновым есть и другая возможность. 14 октября, незадолго до его рождения, церковь празднует память еще одного святого с именем *Николай* – князя-инока XII столетия, Николы Святоши. Значительная часть дошедших до нас примет его почитания связаны с более поздним временем, со второй половиной XVII в., однако точечные свидетельства культа встречаются как на рубеже XVI–XVII столетий⁵, так и в первые десятилетия XVI в.⁶, не говоря уже о том, что характер посвященного ему текста в Киево-Печерском патерике делает его раннее прославление весьма вероятным – очевидно, по крайней мере, что фигура Николы Святоши не пребывала в забвении⁷. Не могла ли семья Новокшенова по тем или иным причинам знать и чтить этого святого, что и обусловило появление у него публичного имени *Николай*?

Обращает на себя внимание и необычность конкретной формы антропонима, которой наш Новокшенов именуется во множестве документов. В самом деле, перед нами вовсе не ожидаемое *Никола* или *Микола* (*Микула*), но *Николай*, *Микулай*, *Миколай* – в ту эпоху так называли, скорее, выходцев из юго-западных и западнорусских земель [Успенский, 1969, с. 217–221], с которыми как раз и ассоциируются ранние свидетельства почитания черниговского князя-инока. Так или иначе, выбирая такого небесного

⁵ Так, частицы мощей Николы Святоши присутствуют (наряду с реликвиями других святых) в двух напрестольных крестах, вложенных между 1596 и 1610 гг. Никитой Строгановым († 1616) во Введенский и Благовещенский соборы Сольвычегодска [Игошев, 2005, с. 385, 583–584, 597–599, № 2, с. 600–602, № 3; Игошев, 2009, с. 512–513, № 4, с. 514–516, № 5].

⁶ Память Николы Святоши под 14 октября обнаруживается, например, в стихшном Прологе на сентябрь – февраль 1518 г. из собрания Е.Е. Егорова [Аннисинова, 2021, с. 64–65, № 215].

⁷ Ср., например, посвященный Николу Святоше фрагмент в одном из так называемых сборников Ефросина второй половины XV в. из Кирилло-Белозерского собрания (№ 9/1086, л. 222–222об.) [Каган, Поньрко, Рождественская, 1980, с. 125].

покровителя для ребенка, нарекающие могли, как и в случае наречения «по иконе», опосредованным образом, не преступая благочестивого табуирования, отдавать новорожденного под покровительство того, во чье имя некогда был назван сам св. Никола Святоша – под патронат Николая Мирликийского.

Итак, антропонимикон бюрократической элиты позволяет очень ярко и контрастно увидеть принципы функционального разделения, лежащего в основе мирской христианской двуименности, да и русской полиномии в целом. Вплоть до середины XVII столетия почти невозможно представить себе ситуацию, когда двуименный дьяк калибра Андрея Щелкалова и даже Николая Новокщенова подписывал бы официальные бумаги своим крестильным именем, *Фаддей* или *Дмитрий* – для них это была зона безусловного доминирования публичных, некрестильных имен. Характерно, что если кто-либо из крупных административных деятелей носил в качестве публичного имя нехристианское (*Сыдавной, Томило, Сурьянин, Добрыня, Алмаз...*), то они тоже как правило им документы и подписывали. Лишь с середины XVII столетия крестильные имена двуименных представителей бюрократической элиты начинают активно проникать в их «рабочую жизнь», в выпускаемые ими документы. До тех пор крестильные имена этих лиц остаются исключительно в зоне их церковной жизни и личного благочестия, они фиксируются несравненно реже (а некоторые, возможно, навсегда ускользнули от исследовательского внимания), но для своих обладателей они, с одной стороны, имели первостепенное значение, были «именами» как таковыми, а, с другой, давали пространство для индивидуального выбора, особого выстраивания своей второй жизни и особой семейной истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АИ I–V – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I–V. СПб., 1841–1842.

Алексеев 2019 – *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 5–196.

Анисимова 2021 – *Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских летописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. III: № 201–300 / Под ред. Ю.С. Белякина. М., 2021.

Апухтин 1914 – *Апухтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г.: Краткий исторический очерк. М., 1914.

Алухтин 1914а – *Алухтин В.Р.* Кормовая книга Псково-Печерского монастыря // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1914. Вып. 1-й (37-й). Год десятый. С. 23–42.

АСЗ I–IV – Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. I–IV. М., 1997–2008.

ВК ТС – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.

Григорий Воинов 1914 – *Григорий (Воинов)*. Историческое описание московского Златоустовского монастыря. М., 1914.

Игошев 2005 – *Игошев В.В.* Сольвычегодские серебряные кресты XVI – первой половины XVII в. // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005. С. 576–609.

Игошев 2009 – *Игошев В.В.* Драгоценная церковная утварь XVI–XVII веков. Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М., 2009.

Каган, Поньрко, Рожественская 1980 – *Каган М.Д., Поньрко Н.В., Рожественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXV. Л., 1980. С. 3–241.

Литвина, Успенский 2018 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории именнаяречения в XVI в.) // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 387–396.

Литвина, Успенский 2018а – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Почитание Богоматери и некоторые аспекты именнаяречения в допетровской Руси // Вопросы ономастики. 2018. Т. XV. № 2. С. 87–107.

Литвина, Успенский 2022 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени и коммеморативная практика в XVI в. (Новое о думном дьяке Андрее Щелкалове) // Scando-Slavica. 2022. Т. LXVIII / 1. С. 157–174.

ОР ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея. Москва.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва.

ПМЗ – Псковский музей-заповедник.

Силкин 2006 – [*Силкин А.В.*] Плаганица «Положение во гроб, с избранными святыми» // Реставрация музейных ценностей в России. V Триеннале: Каталог выставки. М., 2006. С. 45–48.

Успенский 1969 – *Успенский Б.А.* Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969.

Успенский 1982 – *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Яцимирский 1896 – *Яцимирский А.П.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина / Изд. П.И. Щукина. Вып. I. М., 1896.

4. ЛЮДИ, КАЗУСЫ И ОБРАЗЫ

Е. В. ПЧЕЛОВ

ДРАКОН МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА

Статья посвящена анализу одной из существенных деталей изображения на лицевой стороне печати Ивана III начала 1490-х годов. В композиции всадника-драконоборца важное место занимает дракон, имеющий несколько характерных признаков. Сопоставление особенностей его изображения с изображениями драконов в драконоборческих сюжетах в искусстве Древней Руси и различных художественных школ европейского Ренессанса показывает близость дракона с печати драконам флорентийской школы живописи XV в. (Уччелло, Поллайоло). Поскольку печать Ивана III создал западноевропейский мастер, возникает вопрос о его возможной идентификации. В летописных известиях упоминается несколько мастеров, в том числе римский мастер Христофор с учениками. Возможно, именно его и следует признать наиболее вероятным создателем печати, если он принадлежал к кругу учеников флорентийца Антонио дель Поллайоло, который с начала 1480-х гг. работал в Риме.

Ключевые слова: печать, герб, дракон, искусство эпохи Возрождения

Этапным явлением в истории русской сфрагистики и геральдики справедливо считается печать Ивана III, самый ранний дошедший до нас оттиск которой датируется июлем 1497 г. (матрица печати создана несколько раньше – в начале 1490-х гг.) [Кучкин, 1999; Агоштон, 2005]. На лицевой стороне этой печати изображен всадник, убивающий дракона, а на оборотной – двуглавый орел. Как известно, интерпретация всадника в XVI–XVII вв. в Московском государстве носила светский характер. Емче всего ее выразил Г.К. Котошихин: «царь на коне победил змия». В то же время иностранцы, начиная с середины XVI века, усматривали в этом образе изображение святого Георгия, хорошо им известное

по композиции победы этого святого над драконом¹. Иконографически, действительно, это изображение соответствует сюжету «Чуда святого Георгия о змие». Под словом «змей», как справедливо показал Г.И. Королёв, подразумевался именно дракон [Королёв, 1998, с. 64–68]. Но какой именно дракон был помещен на печать Ивана III, остается не вполне проясненным.

Наиболее детально определить «видовую» принадлежность дракона постарался А.Л. Юрганов [Юрганов, 1998, с. 334–341]. По его мнению, это аспид-кераст. С керастом дракона роднит то, что он, по мнению ученого, имеет рога, а с аспидом – то, что эти рога на более поздних изображениях соединяются в ухо и то, что дракон имеет крылья, две ноги, птичий нос и два хвоста (также, по мнению исследователя, хорошо различимые на государевых печатях). Идентификация дракона с керастом помогает ученому связать всю драконоборческую композицию на печати с византийским эсхатологическим произведением «Откровение Мефодия Патарского». М. Агоштон, не согласившись с основным выводом А.Л. Юрганова, тем не менее, не поставила под сомнение конкретную атрибуцию дракона, имеющего очевидные аспидные черты. Чтобы еще раз убедиться в ее правильности, рассмотрим изображение дракона на печати 1497 года подробнее.

Голова дракона имеет птичий клюв на конце морды, длинный язык, покрыта шерстью (во всяком случае нижняя ее часть, где отчетливо показана свисающая шерсть, из-за чего кажется будто у дракона растет борода). В задней части головы видны два небольших, загибающихся вверх и назад отростка, практически соединяющихся друг с другом. А.Л. Юрганов и вслед за ним М. Агоштон полагают, что это рога, однако, в большей степени это напоминает по форме относительно длинное ухо. Шея дракона длинная; само туловище небольшое; длинный, извивающийся и свернутый один раз в кольцо хвост – все это покрыто чешуей. Хвост дракона вовсе не кажется раздвоенным. Дракон стоит на двух лапах с несколькими когтистыми пальцами, при этом сами лапы тоже покрыты шерстью. Он имеет два сложенных, перепончатых крыла, причем на оттиске печати, привешенном к грамоте от 16 июня 1504 г., на крыльях дракона отчетливо видны небольшие кружки, своего рода круглые пятна. Эти особенности

¹ Об интерпретациях изображения, как с русской стороны, так и иностранцами, см.: [Агоштон, 2005, с. 319–325].

(и, прежде всего, такие детали, как клюв, шерсть в нижней части головы и на ногах, кружки-пятна на перепончатых крыльях) придают дракону заметную индивидуальность.

С керастом этот визуальный образ сопоставить сложно. В славянской бестиарной символике кераст представляет собой огромную речную (и, следовательно, бескрылую) змею, без языка [Белова, 2001, с. 141], а кроме того, он имеет не два, а четыре рога [Юрганов, 1998, с. 337–338]. Все это очевидным образом противоречит особенностям изображений дракона на печати 1497 года. Напротив, аспид обладает теми же визуальными характеристиками, что и «московский» дракон: птичьим носом, двумя ногами, крыльями и ушами, одним или двумя (т.н. аспид «глухой») хвостами [Белова, 2001, с. 58–60]. Поэтому, со всей очевидностью, можно считать, что перед нами именно вполне традиционный аспид.

Однако сама стилистика изображения и дракона, и других объектов на печати со всей однозначностью показывает, что резчиком матрицы печати был западноевропейский мастер [Агоштон, 2005, с. 332]. Кем был этот мастер и откуда он происходил, доподлинно неизвестно, но высказывались обоснованные предположения, что он мог быть или итальянцем (Милан, Рим), или немцем (Любек) [Кучкин, 1999, с. 16–17, 20²; Соболева, 2004, с. 42–46; Соболева, 2006, с. 114–118³]. Следовательно, в большей степени ему были близки те изобразительные традиции, которые существовали в западноевропейском, нежели в древнерусском изобразительном искусстве XV века. Среди художественных памятников Западной Европы и следует, по всей видимости, искать аналоги «московского» дракона. Обратимся к изображениям дракона (в первую очередь, в сценах со святым Георгием) в искусстве того времени детальнее.

Безусловно, наиболее существенными для нас будут изображения XIV и особенно XV веков. Среди произведений XIV в. можно выделить фреску из базилики Сан-Дзено Маджоре в Вероне. На ней сидящий на коне Георгий пронзает дракона в пасть, а вокруг шеи чудовища обвит поводок, за который его держит принцесса. Дракон здесь двуногий, а с его лапами соединены пе-

² Исследователь полагает, что это мог быть или римский мастер Христофор, или любекский мастер Альберт.

³ По ее мнению, это был ломбардский, возможно, миланский мастер.

репончатые крылья, на которых видны пятна-кружки. Туловище дракона покрыто чешуей. Хвост один раз обвивается вокруг задней ноги коня, а голова увенчана двумя длинными ушами. Морда дракона заканчивается крючковатым наростом-клыком, напоминающим конец птичьего клюва.

На композиции «Святой Георгий и дракон» болонского мастера Витале да Болонья (середина XIV в., Национальная картинная галерея в Болонье) дракон также имеет нарост-клюв на конце морды, длинные волнообразные уши, две ноги и перепончатые крылья, а сверху его туловище покрыто небольшими наростами-шипками.

Из художников флорентийского Кватроченто трижды к сюжету противоборства святого Георгия с драконом обращался Паоло Уччелло (1397–1475). На композиции из собрания Национальной галереи штата Виктория в Мельбурне (ок. 1430 г.) спешившийся Георгий борется с драконом словно с человеком. Дракон имеет четыре лапы (что необходимо в таком противоборстве), длинные шею и уши, перепончатые крылья с пятнами-кружками, а его тело покрыто шерстью, в том числе шерсть свисает и с головы наподобие бороды, за которую хватается Георгий. На картине из коллекции парижского Музея Жакмар-Андрэ (1456–1460 гг.) двуногий дракон идет навстречу пронзающему его в пасть копьем всаднику Георгию. Этот дракон также имеет перепончатые крылья с пятнами-кружками, завивающийся кольцами хвост, небольшие уши, коготь-клюв на конце морды и шерстяную «бороду». Наконец, на картине Уччелло из Национальной галереи в Лондоне (ок. 1470 г.) укрощенный дракон практически лишен шерсти, но имеет те же характерные особенности – две лапы, завивающийся кольцами хвост, клык-клюв на конце морды, удлиненные уши и крылья с большими и разноцветными кругами на перепонках.

В изобразительном искусстве сиенского Кватроченто борьба Георгия с драконом присутствует на деревянной панели работы т.н. Мастера Оссерванца, с которым идентифицировали известного сиенского художника Сано ди Пьетро (1405–1481). Работа датируется временем ок. 1440 г. и была исполнена для сиенской церкви Сан-Кристофоро (ныне хранится в местном Епархиальном музее церковного искусства). Дракон имеет длинное тело с круглыми пятнами, покрытое сверху шерстью, две шерстистые лапы, перепончатые крылья также с пятнами-кружками, крючковатый

клык, но не на конце морды, а в виде маленького рога на голове. Длинный хвост один раз обвивает заднюю ногу коня. В целом дракон похож на драконов из Вероны и Флоренции (Уччелло), имея, впрочем, некоторые оригинальные черты.

В феррарской школе живописи святой Георгий представлен в творчестве Козимо Туры (ок. 1430–1495). На картине из собрания графа Витторио Чини (ок. 1460 г., Палаццо Чини в Венеции) Георгий отсекает мечом голову поверженного дракона, а на створке футляра для органа в кафедральном соборе Феррары (1469 г.), сидя на коне, пронзает дракона в пасть. В обоих случаях дракон изображен практически одинаково и отличается от драконов Уччелло четырьмя лапами, гладкой шкурой, маленькими круглыми ушами и заостренными шипами перепонки на крыльях (последнюю деталь можно считать характерной особенностью нарочито вычурного индивидуального стиля художника). Единственное, на конце морды остается загнутый вниз клык, как и у других ренессансных итальянских драконов.

Андреа Мантенья (ок. 1431 – 1506), работавший в Падуе, а с 1460 г. в ломбардской Мантуе, представил мертвого дракона, лежащего у ног святого Георгия, на панели из собрания Галереи Академии в Венеции (ок. 1460 г.). Он схож с драконами К. Туры, но отдельные детали сложно разобрать из-за особенностей композиции. Уши у этого дракона небольшие, но клык на конце морды присутствует.

С Феррарой была связана творческая жизнь и уроженца ломбардской Кремоны Антонио Чиконьяры (1480 – после 1500). Для церкви Сан-Джорджо в Брешии в конце XV в. он исполнил работу с изображением битвы Георгия и дракона, которая сейчас хранится в Пинакотеке Тозио Мартиненго в той же Брешии. Дракон у Чиконьяры выглядит очень эффектно. Он четырехлапый, причем передние лапы имеют пальцы с когтями, а задние перепончатые. На перепончатых крыльях видны пятна разной формы, в том числе и ряд круглых. Хвост дракона завивается кольцом один раз в середине и потом на конце. Голова дракона имеет те же особенности, что и у флорентийских собратьев: сравнительно длинные уши, свисающая шерсть внизу морды, даже шерстистые брови и все тот же когтистый клык на конце морды.

В венецианской графике и живописи XV в. драконов можно увидеть в композициях со святым Георгием у Якопо (1396? – 1470?) и Джованни Беллини (ок. 1430 – 1516), Карло Кривелли

(1430? – 1495) и в начале XVI в. – у Витторе Карпаччо (ок. 1465 – 1525/1526).

Якопо Беллини несколько раз обращается к драконам в борьбе со святым Георгием и архангелом Михаилом на рисунках из альбома, хранящегося в Лувре. Все эти драконы четырехлапые. Тела их покрыты чешуей, хвосты завиваются кольцами, все имеют сравнительно длинные уши, шерсть в нижней части морды и клык-клюв на ее конце, а у одного на перепончатых крыльях можно разглядеть круглые пятна.

Джованни Беллини изобразил дракона на одной из панелей пределлы Алтаря Пезаро (между 1471 и 1483 гг.), центральную часть в котором занимает сцена коронования Марии (ныне в городском музее в Палаццо Моско в Пезаро). Дракон в сцене со святым Георгием выглядит как большая ящерица. У него четыре когтистые лапы, очень маленькие крылья и оригинальные красные рожки, напоминающие тонкие веточки кораллов. Клювообразное завершение морды небольшим клыком – деталь, сближающая его с другими драконами ренессансной живописи.

У Карло Кривелли известны три композиции с драконом и святым Георгием – стоящий Георгий с поверженным драконом на алтарной панели из коллекции Музея Метрополитен (ок. 1472 г.) и две схожие сцены противоборства: на панели алтаря Порто-Сан-Джорджо (1470 г., Музей Изабеллы Стюарт-Гарднер в Бостоне) и на панели пределлы «Мадонны с ласточкой» (1490–1492 гг., Национальная галерея в Лондоне). Все три дракона схожи между собой – имеют по две лапы, поросшие шерстью, уши на голове и длинную морду, напоминающую крокодилию, заканчивающуюся традиционным крючковатым клювом. У двух драконов перепончатые крылья, а также у драконов на картинах 1470-х гг. с нижней части морды свисает шерсть. Эти драконы наиболее похожи на драконов Уччелло, с той лишь разницей, что не имеют пятен на перепонках крыльев.

Наконец, картина Витторе Карпаччо, показывающая битву Георгия с драконом, была написана уже в начале XVI века (ок. 1506–1507 гг.) для венецианской Скуолы ди Сан-Джорджо дельи Скьявони (ее более поздний вариант был создан художником в 1516 г. для венецианской церкви Сан-Джорджо-Маджоре). В этом чрезвычайно динамичном произведении четырехлапый дракон набрасывается на святого Георгия, пронзающего его копьем в пасть навывлет. Дракон имеет перепончатые острые крылья,

покрытые шерстью лапы, завивающийся одним кольцом длинный хвост, длинные висящие уши, шерсть на морде, крючковатый коготь на ее конце и крючковатый рог на голове. Таким образом в нем соединились черты сразу нескольких предшествующих драконов, в том числе и флорентийских.

Здесь мы не рассматриваем драконоборческий сюжет в картинах Рафаэля о святом Георгии, поскольку он уже полностью относится к началу XVI столетия (умбрийскому и, вероятно, флорентийскому периодам творчества художника).

За пределами Италии битва Георгия с драконом представлена в произведениях различных национальных художественных школ.

Так, в Каталонии этот сюжет был воплощен в живописи барселонским мастером Бернардо Мартореллом (ум. в 1452 г.). Его композиция датируется временем около 1430–1435 гг. и представляет собой центральную часть створчатого алтаря (Институт искусства, Чикаго) [Эрши, 1984, № 48]. Дракон четырехлапый, с небольшими круглыми ушами, шерстистой мордой, завершающейся загнутым вверх носом. Единственное, что роднит его с флорентийскими драконами, – это круглые разноцветные пятна на перепончатых крыльях.

В Швейцарии находим дракона на очень оригинальной картине т.н. Мастера из Сиренца (между 1440 и 1450 гг., Художественный музей Базеля), последователя крупного базельского художника Конрада Вица. Святой Георгий в рыцарских латах пронзает дракона в шею мечом, при этом захватывая рукой его нижнюю челюсть. Сам дракон четырехлапый, но без крыльев и шерсти. Зато с длинными ушами и стандартным крючком-клювом на конце морды. В значительной степени он напоминает большую ящерицу.

В живописи Нидерландов XV в. можно выделить картину Рогир ван дер Вейдена (ок. 1432–1435 гг., Национальная галерея, Вашингтон), рисунок Гуго ван дер Гуса (там же), картины Ганса Мемлинга (ок. 1480–1490 гг., Мюнхенский диптих, Старая Пинакотека в Мюнхене; 1484 г., правая наружная створка триптиха Виллема Мореля, Грунингемусей в Брюгге), миниатюру Ливена ван Латема (ок. 1471 г., Музей Гетти, Лос-Анджелес). Все эти драконы отличаются от итальянских. Они, как правило, четырехлапые (за исключением дракона ван дер Вейдена), имеют маленькие круглые уши, сравнительно короткие морды, лишены шерсти, а их перепончатые крылья (обычно тоже небольшие) лишены

круглых пятен. Нет у них и крючкообразного завершения морды, а морда дракона Гуго ван дер Гуса и вовсе выглядит по-собачьи.

В немецком изобразительном искусстве XV в. обратим внимание на драконов святого Георгия (и даже святой Маргариты) на панели Фридриха Херлина (1475–1480 гг., Музей Метрополитен, Нью-Йорк), на створках Кильхбергского алтаря работы Бартоломеуса Цайтблома (ок. 1490 г., Государственная галерея Штуттгарта), на гравюрах Мартина Шонгауэра (кон. XV в.) и Альбрехта Дюрера (нач. XVI в.). Эти драконы ближе к итальянским, но все они четырехлапые, лишены шерсти, с характерными «рваными» крыльями без всяких пятен, но зато, как правило, с удлиненными ушами (иногда также «рваными») и крючком-когтем на конце морды.

В древнерусской иконописи изображения драконов весьма разнообразны (иногда они представлены даже в виде змей), но у них нет ни характерного клювообразного завершения морды (а как правило, напротив, конец морды загнут вверх), ни шерсти на лапах и голове, ни пятен на крыльях (зачастую крылья изображаются птичьими), ни кольцеобразных завитков хвоста. Наиболее близко к дракону печати 1497 г. изображение дракона на известной иконе «Чудо Георгия о змие» новгородской школы второй половины XV в. (Государственный Русский музей) (См.: [Вилинбахов, Вилинбахова, 1995, № 5]. Здесь же и другие примеры), но и здесь совпадают только наличие двух лап и, как кажется, длинных ушей в задней части головы змия.

Как видим, несмотря на индивидуальную художественную манеру каждого мастера, драконы в западноевропейском искусстве в рамках различных художественных школ имеют характерные, повторяющиеся черты. Их анализ показывает, что ближе всего к дракону печати 1497 года стоят драконы флорентийской и венецианской живописи XV в. Стилистически можно исключить влияние немецкого, а тем более нидерландского изобразительного искусства. Разумеется, дракон печати никак не связан и с древнерусской изобразительной традицией. «Обзор» итальянских драконов показывает, что вероятными прототипами можно считать скорее драконов флорентийских, прежде всего, работы Паоло Уччелло.

Здесь важно обратить внимание на два произведения другого флорентийского художника Антонио Поллайоло (ок. 1431 – 1498). Ему принадлежит небольшая картина «Геркулес и гидра»

(ок. 1475 г., Уффици), входящая в цикл подвигов Геракла. Гидра, с которой сражается античный герой, хоть и многоглавая, но имеет две мохнатые лапы, сравнительно длинные уши на головах и шерсть на морде, в том числе в ее нижней части. Еще более показательна картина с изображением архангела Михаила, поражающего дьявола в образе дракона (Музей Бардини, Флоренция). Она очень напоминает картину с Геркулесом и гидрой как самой композицией, так и характерными чертами чудовищ. Здесь дракон также имеет две мохнатые лапы, тело, покрытое чешуей, загибающийся кольцом длинный хвост, длинные уши и покрывающую шерстью морду, в том числе в нижней части (наподобие бороды). На перепончатых крыльях дракона видны круглые пятна. Эти примеры показывают стабильность характерных деталей в живописи Флоренции.

Однако, среди возможных мастеров печати 1497 года не было флорентийцев. По летописным сведениям, известно, что в 1490 г. в Москву вместе с братом Софьи Палеолог, Андреем, приехали многие мастера, в том числе серебряных дел мастер Христофор с двумя учениками из Рима, немчин Альберт из Любека, Карл с учеником из Милана, венецианский грек Пётр Ранка. По предположению В.А. Кучкина, наиболее вероятными создателями печати могли быть римлянин Христофор или немецкий мастер Альберт [Кучкин, 1999, с. 16–17, 20]. Как кажется, последний вариант можно отвести. Но римский мастер вполне мог воспринять изобразительную стилистику флорентийцев. Известно, например, что тот же Антонио Поллайоло, который был не только великолепным живописцем и графиком, но и скульптором, в т.ч. мастером барельефов, после смерти папы Сикста IV в 1484 г. был приглашен в Рим, где плодотворно трудился вместе со своим братом Пьеро и оставил многих учеников [Вазари, 1993, с. 655]. Возможно, среди них и был мастер Христофор, который, тем самым, становится наиболее вероятным автором печати 1497 года. Разумеется, это лишь предварительные предположения, основанные на анализе одного, хотя и значимого изобразительного элемента печати. Для более детального исследования необходимо также проанализировать и другие части этой композиции – самого всадника, его одеяние и вооружение, коня. Но важно все же отметить тот очевидный факт, что мастером печати, кем бы он ни был, изображение на ней понималось именно как противостояние Георгия с драконом, о

чем красноречиво свидетельствуют те детали изображения, о которых говорилось выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агоштон 2005 – *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005.

Белова 2001 – *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.

Вазари 1993 – *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М., 1993.

Вилинбахов, Вилинбахова 1995 – *Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Святой Георгий Победоносец. Образ святого Георгия Победоносца в России. СПб., 1995. № 5.

Королёв 1998 – *Королёв Г.И.* Змий или дракон? // Гербовед. № 27. М., 1998. С. 64–68.

Кучкин 1999 – *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999.

Соболева 2004 – *Соболева Н.А.* Драконоборец из Ломбардии // Родина. 2004. № 3. С. 42–46.

Соболева 2006 – *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 114–118.

Эрши 1984 – *Эрши А.* Живопись интернациональной готики. Будапешт, 1984. № 48.

Юрганов 1998 – *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

С. К. ЦАТУРОВА

ПОМНИТЬ / ЗАБЫТЬ ФРАНЦУЗСКУЮ СМУТУ

В статье анализируются события, связанные с окончанием королевской схизмы во Франции в первой трети XV века. Ключевым моментом в этом сложном процессе стало возвращение Парижа в подчинение королю Карлу VII весной 1436 г. после 18-летнего пребывания столицы под властью англо-бургиньонов. Город сдался добровольно, но не без проблем. Хотя королю было за что гневаться на парижан, он всех простил. Бескровное восстановление власти законного короля над столицей было сочтено Божественным чудом. В честь этого знаменательного события в Париже была учреждена ежегодная торжественная процессия. Она имела целью сохранять память о чудесном «избавлении парижан от иноземного ига», но тем самым она же закрепляла память о совершенном ими предательстве.

Ключевые слова: Французское королевство, Столетняя война, Париж, двойная монархия, политические процессии, историческая память

События во Франции в первой трети XV в. вполне подпадают под определение «смутного времени». Начало политическому кризису положило воцарение в 1380 г. несовершеннолетнего короля Карла VI, от имени которого правили его дяди – принцы крови, герцоги Бургундский, Беррийский, Бурбонский и Анжуйский. А с 1392 г., когда у короля случился первый приступ психического заболевания, которое продлится все годы его долгого правления, вакуум власти спровоцировал жестокое соперничество ближайших родственников за власть и за доступ к королевской казне. Вскоре обозначились два непримиримых лагеря: первый лагерь так называемых арманьяков во главе с младшим братом короля Людовиком герцогом Орлеанским, а после его убийства в 1407 г. – во главе с тестем его сына Бернаром Арманьяком; и противоположный лагерь бургиньонов во главе с Филиппом Храбрым герцогом Бургундским, а после его смерти в 1404 г. – во

главе с его сыном Жаном Бесстрашным. В итоге в стране разразилась первая гражданская война, как не обинуясь именуют историки так называемую борьбу бургиньонов и арманьяков, расколовшую французское общество.

Этим не могли не воспользоваться «давние враги» англичане, которые в 1415 г. начали полномасштабное вторжение во Францию. Серия военных поражений французской армии происходила на фоне заигрывания обеих враждующих партий с англичанами, что привело к заключению в 1420 г. договора в Труа при активном содействии герцога Бургундского Филиппа Доброго. Согласно договору, наследником французского престола становился английский король Генрих V, а затем сын, родившийся от его брака с Екатериной Валуа, должен был унаследовать обе короны, Англии и Франции. В итоге к 1422 г., после смерти обеих королей, Карла VI и Генриха V, Франция раскололась на три части (так называемая королевская схизма): на английскую под властью регента «двойной монархии» герцога Бедфорда (северо-запад и юго-запад), на французскую во главе с дофином, будущим королем Карлом VII (центр и южнее Луары) и на бургундскую (северо-восток), поскольку после убийства, в присутствии дофина Карла, Жана Бесстрашного в 1419 г. его сын Филипп Добрый сосредоточился на собственном Бургундском княжестве, пытаясь превратить его в самостоятельное государство.

Париж оказался под властью англо-бургиньонов начиная с весны 1418 г., когда в него вошли войска герцога Бургундского под восторженные рукоплескания парижан, давних и убежденных сторонников Бургундского дома. Дофину Карлу удалось бежать из столицы при помощи «арманьяков» из числа преданных короне чиновников и слугителей двора. Они же создали в Бурже и в Пуатье параллельные органы власти (Парламент, Счетную палату, Канцелярию и т.д.), объявив находящихся в столице королевских чиновников предателями. Париж и оставшиеся там служители короны Франции, пусть и нехотя, присягнули договору в Труа и все 18 лет, что длилось англо-бургундское правление пытались сохранять лояльность французским законам, нормам управления и обычаям, действовать в интересах французского королевства, как они их понимали. Позиция в отношении дофина Карла в Париже была настороженная: чиновники, прелаты, Университет всячески пытались найти возможность примирить враждующие партии ради защиты страны от английской оккупации, но после

заключения договора в Труа, формально-юридически вполне законного, и особенно после его вступления в силу в 1422 г. все контакты с Карлом были разорваны. Однако здесь внимательно следили за ходом войны, ясно видя, после победы Жанны д'Арк под Орлеаном, коронации в Реймсе короля в 1429 г. и заключения в 1435 г. мира в Аррасе между Карлом VII и Филиппом Добрым герцогом Бургундским, что чаша весов неумолимо клонится в другую сторону.

Судьба Парижа была предрешена, когда к городу 8 апреля 1436 г. подошли соединенные войска французского короля и герцога Бургундского: надо было сдаваться. О настроениях в городе и об обстоятельствах его сдачи подробно повествует автор «Дневника парижского горожанина», по всей видимости, клирик и преданный сторонник бургиньонов (Journal, 1990, р. 349–354). Войска возглавляли с французской стороны коннетабль Франции Артур де Ришмон, а с бургундской Жан де Вилье де Лиль-Адам, тот же самый, кто брал Париж в 1418 году. Они подошли с юга, к воротам Сен-Жак, и предложили добровольно их открыть, чтобы спасти горожан «от голода и смерти». Лиль-Адам взобрался на ворота и водрузил французское знамя с криком «Победа!» (Ville gagnée). Парижане тут же нацепили на одежды белый и прямой кресты (знаки Франции и Бургундии). Поддержку подошедшим войскам внутри города организовал Мишель де Лалье, служитель Счетной палаты, а в тот момент купеческий прево Парижа: он воодушевлял речами и даже вооружил горожан. Но в городе оставались англичане и их преданные сторонники, включая канцлера Франции. Они пытались дать бой и обзывали переметнувшихся парижан предателями. Вооруженные горожане набросились на прежних «хозяев», осыпая их оскорблениями. Но и подступившим к городу войскам не особо доверяли, опасаясь грабежей и насилий, тем более было за что. По мнению Парижского горожанина, для этого они привезли с собой множество повозок, намереваясь награть в Париже на всю оставшуюся жизнь. Более того, согласно его версии, ворота Сен-Жак были взяты ими силой 13 апреля, и лишь заступничество Богоматери и небесного покровителя Франции св. Дионисия, которым люди усердно молились в соборе Нотр-Дам, спасло Париж от разграбления. Это всеми было сочтено за Божественное чудо. На деле, король Франции еще 28 февраля 1436 г. издал указ о всеобщем прощении и помиловании, более того, командиры вошедших войск распоря-

дилься не чинить насилий (исключая англичан и их пособников) и размещаться лишь в тех домах, куда их добровольно впустят. Укрывшиеся у Сент-Антуанских ворот в Бастилии англичане и их пособники были отпущены 15 апреля за большой выкуп, к возмущению парижан, осыпавших их на всем пути из города проклятиями.

В целом, подробное описание Парижским горожанином, свидетелем и очевидцем событий, связанных с возвращением Парижа под власть короля Франции, оставляет двойственное впечатление. Прежний режим, которому 18 лет безропотно подчинялись парижане, он уподобляет по жестокости египетскому плену евреев. И разумеется, он рад, что в городе не последовало грабежей и расправ от новых хозяев, но приписывает это лишь вмешательству высших сил, а никак не доброй воле короля. Да и так ли уж добровольно Париж вернулся под власть законного короля Франции?

Далеко не случайно, когда король спустя полтора года соизволил посетить Париж, откуда поспешно бежал в юности, он намеренно подчеркнул, что вступает в завоеванный город. 12 ноября 1437 г. Карл VII въехал в город в полном вооружении, сопровождаемый большим войском, отдельно везли его шлем с короной и боевого коня, украшенного цветами лилии. О «взятии города» красноречиво говорил и совершенный тогда ритуал сдачи королю ключей от Парижа. Хотя бургундский хронист Ангерран де Монстреле утверждает, что горожане «плакали от радости» (Monstrelet, 1857–1862, IV, p. 301–306), но он не был свидетелем. А вот очевидец, Парижский горожанин, весьма скептичен в описании этого события, тем более что при новых властях все подорожало, а король не слишком спешил в столицу и пробыл там всего один день. А ведь пышная встреча короля обошлась Парижу в целых 60 тыс. франков (Contamine, 2018, p. 441)

Лейтмотивом организуемых после сдачи Парижа весной 1436 г. процессий и исторической памяти о них становится бескровное возвращение столицы к подчинению законной власти как проявление Божественного чуда. Уже 20 апреля 1436 г. Парижский университет организовал торжественную процессию, «каких не видывали сто лет», дабы возблагодарить Бога за чудесное спасение Парижа; она собрала более 4 тыс. человек, шедших к университетской церкви Сент-Катрин-дю-Валь-дез-Эколье с зажженными свечами под проливным дождем и при сильнейшем ветре;

но ни одна свеча якобы не погасла, что также было приписано Божественной милости. А 22 апреля состоялась общегородская торжественная процессия, которую организовал капитул собора Нотр-Дам. Она длилась четыре часа, вынесены были мощи св. Женеьевы и св. Марцелла, дабы возблагодарить небесных заступников Парижа за спасение города. Автор «Дневника» особо подчеркивает явленные здесь чудеса: вновь лил проливной дождь, люди вымокли так, словно бы они вылезли из Сены, молящиеся шли босыми, и нести раки с мощами было тяжело, ноги скользили, но ничто не помешало церемонии, более того, никто не заболел, что также было приписано милости св. Женеьевы, которая «не раз в прошлом спасала добрый город Париж» (Journal, 1990, p. 356–357). Тогда же было решено, что общегородская процессия будет проводиться каждый год, раз Библия раскрылась во время мессы на словах «И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его» (Исх. 12, 14).

Эта процессия, религиозная по форме и политическая по своим задачам, призвана была хранить память о поворотном событии в истории Парижа. Что мы знаем о ней и, в целом, о такого рода процессиях?

Это было относительно новым явлением в повседневной жизни города, и его изучение началось не так давно. К. Бон относит появление ежегодных празднеств, призванных сохранять память о чуде, явленном в отношении короля, временем французской смуты и конца Столетней войны. Тогда одноразовые процессии или празднества трансформируются в ритуал ежегодного воспоминания о событии, например, как это было установлено в Орлеане в 1430 г. в память о снятии с города осады англичан (Beaune, 1985, p. 239–256). По большей части это были локальные праздники, связанные с освобождением городов и областей Франции, но они свидетельствовали о новой тенденции – о превращении религиозных шествий в политические церемонии. А позднее, в начале XVII в. видный королевский советник, служитель Парламентов в Париже и в Тулузе Бернар де Ла Рош Флавен уже прямо писал: «по случаю неких счастливых успехов в делах или в войнах, как и из-за одержанных побед, выигранных битв, взятия или освобождения городов, во Франции существует подобный обычай, и наши регистры (суда) полны записями о празднествах, в которых курия Парламента участвует как кор-

порация, а Дворцы (правосудия) в такие дни бывают закрыты» (La Roche Flavin, 1617, p. 897).

Применительно к истории Парижа изучению политических процессов как нового явления «осени Средневековья» положила начало статья Ж. Шиффоло, посвященная уникальному эпизоду периода гражданской войны арманьяков и бургиньонов: в 1412 г., с мая по август, в Париже проходили сотни процессов «за победу короля» (Chiffolleau, 1990). Анализируя истоки церемонии и ее трансформацию в ритуал, пути следования процессов, даты проведения, участвовавшие в них церкви, используемые священные предметы, облик участников и т.д., автор прозорливо подметил, что со временем причины учрежденного ритуала могли забываться, а сам смысл церемонии существенно менялся.

Большой вклад в изучение политических процессов в Париже позднего Средневековья внесла статья Б. Гене «Литургия и политика» (Guenée, 1999). Он проследил, как бывшие изначально чисто религиозными в правление Карла VI (на рубеже XIV–XV веков) процессы трансформировались в политические, «за короля» (pro rege), за его здоровье, за его победы, за установление мира в стране. Вначале их организует церковь и клир, но постепенно светские власти сами решают их проводить, будь то король, его Совет или даже прево Парижа. Важные изменения происходят и во внешнем облике процессов: все они используют церковные атрибуты (кресты, мощи святых, колокола), но светские участники церемоний получают право нести зажженные свечи, и их торжественные одеяния (например, у чиновников) приобретают значение.

Итак, мы знаем, что в Париже в апреле 1436 г. была учреждена ежегодная общегородская (генеральная) процессия в память о возвращении под власть законного короля Франции. Но как именно она происходила, в каких церквях, каков был порядок шествия и т.д., мы точно не знаем. В «Дневнике парижского горожанина» она с тех пор ни разу больше не упоминается. Однако благодаря регистрам парижского муниципалитета и протоколам Парижского парламента мы можем утверждать, что процессия регулярно проводилась, по крайней мере, до середины XVI в., до начала во Франции новой смуты, Религиозных войн (Champion, 1934, p. 164).

Участие членов верховного суда Французского королевства в этой церемонии не только доказывает факт ее ежегодного про-

ведения, но и позволяет понять всю драматичность сохранения такого рода исторической памяти. Действительно, в регистрах Парламента регулярно отмечалось, когда суд не работал и по какой причине. Благодаря этому мы знаем, что ежегодно в апреле, хотя даты менялись – 10 или 14 числа, имела место общегородская процессия, в которой шли и служители верховного суда. В обиходе процессия именовалась «против англичан» (*Fête aux Anglais / la procession qu'on appelle des Anglais*), но в протоколах Парламента формулировка стала меняться. Если в 1436 г. сказано, что это процессия в честь «возвращения Парижа в подчинение Карлу Седьмому», то впоследствии говорится о «выведении Парижа из рабства у англичан» (AN U 511, fol. 209, 325–327).

Драматизм сохранения исторической памяти об этом событии заключался в том, что ежегодная церемония не только праздновала бескровное чудесное возвращение Парижа к «законному королю» или даже «освобождение от английского ига», но и сохраняла память о времени «союза двух корон», которое теперь предпочитали забыть. Отмечаемое поворотное событие было совсем не таким радостным для горожан, как хотелось представить властям. Парижане долгие годы были искренними сторонниками реформ в королевстве, движение за которые возглавляли главы Бургундского дома. В силу этого и парижане в целом, и элита города в лице Парижского университета были убежденными бургиньонами. Ежегодное шествие напоминало им о поражении, окрахе их надежд и о времени «предательства».

Но особенно остро эту коллизию переживали в Парижском парламенте. Нахождение под властью англо-бургиньонов и «двойной монархии» стало для членов верховного суда испытанием на верность королю и интересам королевства. Эти 18 лет были далеко не безоблачны, Парламент сначала искал пути замирения в стране, вел переговоры со сбежавшим дофином Карлом, вынужден был присягнуть договору в Труа и все годы пытался сохранять хотя бы видимость защиты законов страны, вершить правосудие, заботиться о Париже, оставленном новыми властями. Но главное, он пережил раскол – на тех, кто остался служить после 1418 г. в Париже, и тех, кто покинул столицу вместе с Карлом и позиционировали себя как законных служителей короны Франции. Этот раскол был «ножом в сердце» для всех парламентариев, поскольку нанес удар по одному из главных постулатов статуса Парламента – по умело и последовательно отстаиваемому им

принципу политической нейтральности верховного суда королевства, вершащего суд невзирая на лица, равно богатому и бедному, вне всяких политических привходящих. Королевская схизма ударила и по Парламенту, расколов его на «арманьяков» и «бургиньонов». Но Карл VII всех простил. Воссоединение в столице в ноябре 1436 г. по указу короля двух Парламентов, функционировавших 18 лет отдельно в Париже и в Пуатье, было трудным, болезненным и драматичным для обоих лагерей. Те, кто последовал за Карлом, упрекали его в неблагодарности, в прощении предателей; оставшиеся под властью «двойной монархии» настаивали на лояльности короне Франции, на сохранении ими домена, законности и правосудия, на защите общего интереса королевства. И всем хотелось побыстрее забыть время раскола.

Спасла ли эта ежегодная церемония в Париже от повторения ошибок или, наоборот, сохранила память о том, что могло быть и по-другому? Как бы то ни было, спустя полтора века события повторились: в Религиозных войнах Париж занял резко прокатолическую позицию и отказывался подчиниться королю Генриху IV, пока тот не отречется от протестантской веры. 22 марта 1594 г. город сдался, и король въехал в Париж. И вновь членам Парламента пришлось умолять короля о прощении, выражая радость по случаю бескровного и чудесного «освобождения от иноземного плена» (имелись в виду притязания короля Испании Филиппа II), восхваляя короля за милосердие и пророча вечную славу. Им вновь приходится оправдываться и уверять, что они трудились во благо короны Франции, ничем не поступились и сохранили домен, законы, суд «под угрозой жизни». И снова король всех простил и указом от 28 марта воссоединил разделившиеся Парламенты. А на 29 марта 1594 г. была назначена королем генеральная процессия, дабы возблагодарить Бога за «возвращение Парижа под власть короля Генриха IV». Процессия вышла из Сент-Шапель в Сите и проследовала до собора Нотр-Дам; были вынесены священные реликвии (Честной Крест, Терновый Венец, голова Людовика Святого); парламентарии облачились в парадные одежды, в пурпурные мантии и опущенные шапки (Félibien, 1725. T. V. P. 21–23, 473). Она должна была проводиться ежегодно.

Близость дат обоих «освобождений» – начало апреля 1436 г. и конец марта 1594 г. – привела к тому, что два события со временем смешались в коллективной исторической памяти парижан:

около 1735 г. две процессии объединились в одну, возможно, в ответ на просьбу местных властей, поскольку такого рода акции обходились городу недешево (Allmand, 1983, p. 305). Проводилась эта процессия вплоть до Французской революции 1789 г. Этот ежегодный ритуал ярко демонстрирует амбивалентность сохранения исторической памяти, поскольку о некоторых событиях, даже славных, подчас бывает лучше поскорее забыть.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Allmand 1983 – *Allmand C.T.* Lancastrian Normandy, 1425–1450. The history of a medieval occupation. Oxford, 1983.

AN U 511 – Archives nationales de France. Série U. Collection Jean Le Nain. U 511 Cérémonies auxquelles le Parlement a assisté.

Beaune 1985 – *Beaune C.* Naissance de la nation France. Paris, 1985.

Champion 1934 – *Champion P.* Splendeurs et misères de Paris (XIVe–XVe siècles). Paris, 1934.

Chiffolleau 1990 – *Chiffolleau J.* Les processions parisiennes de 1412 // *Revue historique*. 1990. T. 285. No. 575. P. 37–76.

Contamine 2018 – *Contamine P.* Charles VII: une vie, une politique. Paris, 2018.

Félibien 1725 – *Félibien M.* Histoire de la ville de Paris. 5 vols. Paris, 1725.

Guenée 1999 – *Guenée B.* Liturgie et politique : les processions spéciales à Paris sous Charles VI // Saint-Denis et royauté. Études offertes à Bernard Guenée. Paris, 1999. P. 23–49.

Journal 1990 – *Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449* / Éd. C. Beaune. Paris, 1990.

La Roche Flavin 1617 – *La Roche Flavin, B. de.* Treize livres des Parlements de France. Bordeaux, 1617.

Monstrelet 1857–1862 – *Monstrelet, Enguerrand de.* Chroniques / Éd. L. Douët-d'Arcq. 6 vols. Paris, 1857–1862.

П. Ю. УВАРОВ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА УЛИЦЕ СЕН-ЖАК 20 МАРТА 1529 ГОДА

(НОТАРИАЛЬНАЯ СЮИТА)

Нотариальные акты как исторический источник способны дать историку стереоскопическую картину прошлого. В качестве примера взята публикация нотариальных актов Э. Куайака, соответствующая фонду нотариальной конторы № XXXIII центрального хранилища Нотариальных минут в Париже, 12-му делу (МС / ЕТ / XXXIII / 12). В одном из актов нотариус Пьер Крозон записывает показания свидетелей того, как судебный пристав Большого королевского совета 20 марта 1529 года захватил дом, принадлежавший аббатству де ла Кутюр. Оспариваемый дом находился во владении семьи де Бон, чей глава Жак де Бон де Санблансе был повешен 12 августа 1527 г., его жена и единственный из выживших сыновей подверглись репрессиям, имущество подлежало конфискации. Однако архив нотариуса Крозона позволяет увидеть, как семья использует возможности для сохранения части своих богатств, опираясь на поддержку друзей и родственников. В итоге социальное возвышение семьи было успешно продолжено внуками казненного финансиста. Способности людей если не противостоять давлению властей, то, по меньшей мере, уклоняться от него хорошо демонстрируются именно нотариальными источниками.

Ключевые слова: Франция XVI века, Париж, Франциск I, семья финансиста де Сенблансе, нотариальные акты

Богатство и разнообразие источников по истории Латинского Запада является предметом зависти тех, кто занимается русской историей до XVII, а то и до XVIII века. Во всяком случае, мне часто доводилось слышать подобные слова от Владислава Дмитриевича Назарова. Возможно, сегодня такие lamentации звучат реже – в научный оборот вводится много новых источников и появляется много новых подходов к изучению источников уже известных. Но если говорить о сохранности частных актов, то разрыв огромен. И дело не только в том, что в каменных строениях Запа-

да документов погибло от пожаров меньше, чем на Руси с ее деревянным зодчеством. Но и в том, что в Италии, например, еще на рубеже XI–XII вв. сформировался институт латинского нотариата, неспешно, но уверенно распространившийся затем на север от Альп. Это способствовало не только обильному производству нотариальных актов, но и их сохранности, в которой нотариус был кровно заинтересован, ведь таким образом он сохранял круг своих постоянных клиентов. Для Парижа XVI в., по моим подсчетам, сохранилось до одного миллиона актов (все же фонды Центрального хранилища нотариальных минут¹ насчитывают сегодня 26,6 км полок). Наряду с массой различного рода сделок встречаются и акты не договорного, а заявительного характера, к которым можно отнести отмены ранее сделанных дарений (*tévocations*), заявления (*déclarations*), показания (*dépositions*). Можно предположить, что такого рода акты служили аргументами в судебных процессах.

Один такой акт был составлен в конторе парижского нотариуса Пьера Крозона². Пятеро свидетелей дали показания о событиях, произошедших в Париже 21 марта 1529 г. в особняке де Ля Кутюр, расположенном на улице Сен-Жак. Клод Шевалон, присяжный книгопродавец Университета³, совместно с Николя Прево, парижским типографом, показали, что «вчера, между четырьмя и пятью часами пополудни, они видели, как восемь или десять человек, среди которых были сержанты, а также человек, одетый как священник, и его слуга вошли в особняк де Ля Кутюр». По словам Шевалона «эти люди вели себя так, будто шли на штурм крепости – у них в руках были палки, войдя внутрь они

¹ Нотариальная минута (от ит. *minuta* – черновик, набросок) – черновые записи частных актов, составленные нотариусами, в которых кратко фиксировалось лишь содержание сделки.

² Издатель Эрнест Куайак, один из первопроходцев в работе с нотариальными актами, опубликовал объемный том, передающий содержание 3608 нотариальных минут. Ныне документы, приводимые Куайаком, хранятся в центральном хранилище нотариальных актов в Париже и относятся к архиву конторы (*étude*) XXXIII. Здесь и далее мы представляем эту публикацию [Соуеске, 1905].

³ Это были не только владельцы книжных лавок, но и издатели. Они приносил присягу Парижскому университету и пользовались его привилегиями.

закрыли ворота, а затем, вызвав замочных дел мастера, приступили к смене замков».

Другой свидетель, священник Николя Торо, рассказал, как «вскоре к дверям подошел мэтр Жюльен Бидо, который проживал в этом особняке, равно как и мессир Жиль Перен, официал Жозаса⁴. Жюльен Бидо постучал в ворота, и ему отворили, но едва он вошел во двор, на него набросились сержанты и их спутники и, нанеся ему ряд ударов, вышвырнули его на улицу. Вскоре тот, кто был одет как священник, вышел и сказал Жюльену Бидо, что если он хочет войти силой, он никогда не пройдет, но полюбовно его впустят. Мэтр Жюльен вошел и через четверть часа покинул дом, не унеся с собой никаких вещей. Клод Шевалон и Николя Перо добавили, «что около шести часов вечера прибыл вышеупомянутый официал Жиль Перен, которого также не пустили в дом, встретив грубыми словами».

Так увидели эту сцену те, кто находились снаружи, но нотариус записал показания и тех, кто наблюдал за нею с другой стороны. Книготорговец и переплетчик Реми Буасет, чья лавочка была расположена неподалеку от особняка, рассказал, что его позвали, дабы он присутствовал там при составлении описи имущества. Он видел, как между пятью и шестью часами вечера Жюльен Бидо говорил с приставом (huissier) и с прочими людьми. Указанный Бидо спросил, что они ищут в этом доме, на что ему велели убираться, сказав, что пустили его полюбовно, а если он не согласен, то его вытолкают силой. Тот же свидетель показал, что еще ранее из разговора пристава со священником он слышал, как последний называл себя доверенным лицом (прокурором) брата Адама Фюме, которого пристав вводит во владение указанным домом.

Тифен Оже, вдова тридцати лет, показала, что находясь в этом доме, где она прежде проживала постоянно, она видела и слышала, как вошло человек десять сержантов и прочих, и как они, сняв старые замки, тут же навесили другие. Затем, пройдясь по всем комнатам указанного дома, спросили у Тифен, где находится мессир официал и принадлежит ли вся имеющаяся мебель мадам генеральше де Бон или же аббатству де Ля Кутюр. Тифен

⁴ Официал – глава церковного суда. Весь диоцез Парижа делился на три архидьяконата – собственно Парижа, Бри и Жозаса (к последнему относилась южная часть диоцеза).

Оже отвечала, что по ее разумению здесь все принадлежит указанной даме или мессиру официалу. После чего попросила разрешения покинуть дом. На улице, увидав, как Жюльен Бидо направляется прямо в особняк, вернулась, чтобы его сопроводить. Когда он постучал, ему открыли калитку, но как только сержанты поняли, что он хочет войти внутрь, они набросились на него, таскали за волосы, награждали исподволь ударами, а увидев, что Бидо упорствует, один из нападавших нанес ему удар по щеке такой силы, что тот вылетел наружу и упал в уличную канаву. После чего калитку захлопнули. Но Жюльен Бидо вернулся к воротам, требуя, чтобы его выпустили. На это ему было сказано, что если он обещает поступать полюбовно, то пусть войдет. Указанный Бидо согласился и, войдя внутрь, спросил, по какому праву и предписанию они захватили дом. Но документы ему не показали, и тогда он заявил, что являясь представителем Жака де Бона, аббата аббатства Кутюр, подаст на них жалобу. В ответ тот, кого называли господином Жаном, «ругаясь и богохульствуя, клянясь телом и кровью Господа Спасителя нашего», сказал, что если он сейчас же не выйдет вон, то его вытолкают взащей. После чего указанный Бидо ушел, ничего не забрав из дома, а оставшиеся принялись описывать имущество [Соусек, 1905, № 1032, р. 208–209].

На вопрос свидетелей в нотариальной конторе ушло два дня, акт, составленный по запросу Жюльена Бидо, был датирован 21 и 22 марта 1529 года.

Неделей позже, 27 марта, ту же контору посетил Жиль Перен, официал архидьяконата Жозаса, из заявления которого мы узнаем, что его главного обидчика звали Жан Галлуа и что он – пристав Большого королевского совета⁵. По словам Перена, «в прошлую субботу Галлуа в сопровождении пятнадцати или шестнадцати вооруженных людей проник в особняк Кутюр, который занимает до сих пор, не имея на это судебного постановления. Взломав двери, он своевольно захватил имущество, принадлежащее Перену. С тех пор официал лишен возможности войти в дом, который, по его словам, принадлежит ему. И лишь в прошлый четверг его пустили туда на четверть часа, чтобы он взял себе немного денег на жизнь».

⁵ Во время описываемых событий в компетенцию этого суда в основном входили тяжбы по поводу церковных бенефиций и разборки конфликтов между другими суверенными куриями.

В этом же акте нотариус зафиксировал и ответ Жана Галлуа, возразившего, что Перен говорит неправду, и что пристав явился с предписанием Большого королевского совета с тем, чтобы ввести брата Адама Фюме, аббата де ля Кутюр, во владение домом, принадлежащим этому аббатству. Интересы аббата представлял мэтр Жан Серр, его поверенный, действовавший во исполнение постановления Большого совета, вынесенного в пользу Адама Фюме. По словам пристава, при этом его сопровождало лишь пятеро сержантов в качестве свидетелей.

На это Жюльен Перен ответил, что даже если бы представители Адама Фюме действовали мирно, им все рано нечего делать в этом доме, поскольку, по словам Перена, дом принадлежит ему. Кроме того, сказал Перен, войдя в дом, они выставили проживавших там людей на улицу, выгнав его людей (то есть слуг), камеристку мадам генеральши де Бон, и сказали кормилице этой генеральши, что если она не покинет дом сама, они выставят ее и ребенка прямо на мостовую. А по поводу составления описи имущества, о которой говорит Галлуа, в особенности книг, находящихся в доме, то, по словам Перена, приставу нечего там находиться всю неделю, вскрывая сундуки. Жан Галлуа на это напомнил, что Перен уже приходил в этот дом, открыв кладовую дома, из которого вынес мешок, набитый бумагами, и что от этой кладовой у него до сих пор имеется ключ, несмотря на то, что Перену было велено сдать все ключи.

В конце акта значилось, что Жиль Перен заявлял протест против действий Галлуа и от своего имени, и от имени мадам генеральши [Coysesque, 1905, № 1036, p. 209–210].

Попробуем разобраться в сути конфликта. Оспариваемый особняк был расположен на улице Сен-Жак в университетском квартале Парижа. Свидетели – народ типичный для этих мест: университетский книгоиздатель, типограф, переплетчик, священник. Дом принадлежал аббатству Сен-Пьер де ля Кутюр, расположенному в окрестностях города Ле Мана. Два человека именуют себя представителями разных аббатов - Жака де Бона, от имени которого действует Жюльен Бидо, и Адама Фюме, чьи интересы представляет Жан Серр. Заручившись постановлением Большого королевского Совета, Жан Серр при помощи судебного пристава и сержантов занял дом, выселив оттуда жильцов.

Протесты, связанные с причиненным при этом ущербом, вполне понятны. Но что мы знаем о жильцах злополучного дома?

Почему там находится Жюльен Бидо ясно, он представляет интересы аббата монастыря де Ля Кутюр, точнее, бывшего аббата, на чем настаивает сторона Адама Фюме. Но на каких основаниях судья парижского архидьяконата, каноник Жиль Перен, называет себя владельцем этого дома, проживает в нем, да еще со своими слугами? Среди пострадавших упомянута некая генеральша Ле Бон, по-видимому, находившаяся в хороших отношениях с официалом Переном, раз он подает протест не только сам, но и от ее имени. Самой генеральши, судя по всему, в доме не было. Но движимое имущество («мебель»), принадлежит не аббатству, а генеральше, в доме проживает ее камеристка (возможно, ею и была Тифен Оже), а также кормилица с ребенком генеральши.

Итак, важная фигура в этом деле – генеральша Ле Бон. Очевидно, она находилась в родстве с аббатом Жаком Ле Боном. Начав выяснять личность этой дамы, мы покидаем уютный мир интеллектуалов Левого берега и оказываемся в водовороте Большой истории. Генеральшей Ле Бон могли именовать двух дам: Жанну Рюзе и Бону де Коттро. Первая была вдовой генерала (то есть главы генералитета – финансового округа) и сюринтенданта финансов (главного управляющего королевскими деньгами) Жака де Бона, барона де Санблансе. А вторая – Бона Коттро де Ментенон, была женой Гийома де Бона, также генерала финансов, сына Жака де Бона. Упоминание о кормилице с ребенком свидетельствует в пользу второй кандидатуры, ибо Жанне Рюзе на тот момент было 72 года.

Аббатом монастыря Сен-Пьер де Ля Кутюр назван некий Жак де Бон. Наиболее известным обладателем этого имени был сам сюринтендант де Санблансе. Происходя из богатой семьи купцов города Тура, он начал свою карьеру еще при Людовике XI и достиг высочайшего авторитета к началу 20-х годов XVI века. Однако после ряда военных неудач, в особенности после поражения французов в битве при Павии (1525 г.) и пленения короля, он впал в немилость, был обвинен регентшей Луизой Савойской, матерью Франциска I, в растрате королевских финансов и в иных преступлениях. Санблансе пытался активно защищаться, но был помещен в Бастилию, по заключению особой следственной комиссии осужден и повешен 12 августа 1527 г. на знаменитой парижской виселице Монфокон. Все ждали, что вернувшийся из плена король в последний момент помирует своего старого

слугу, которого он когда-то называл «отцом», но так и не дождался [Spont, 1895].

У барона де Санблансе и Жанны Рюзе было трое сыновей. Жак, ставший епископом бретонского города Ванна и умерший в 1517 г., никак не мог быть тем аббатом, который упомянут в актах, Гийом де Бон, генерал финансов, и самый младший Мартен, ставший архиепископом Турским в 1519 году. Он был скандально молод для этого сана, но после подписания Франциском I Болонского конкордата со Львом X, король получил возможность назначать епископами тех, кого считал нужным, и в ту пору он счел нужным сделать архиепископом сына своего верного сюринтенданта. Впрочем, семья финансиста уплатила 2,5 тысячи флоринов за папское «снисхождение» (диспенцию) к возрасту прелата, которому исполнилось всего 23 года. Среди бенефиций, которыми владел новый архиепископ, названо и аббатство де Ля Кутюр [Spont, 1895, p. 167]. В английском варианте «Википедии», правда, без указания на источник, приводится список аббатов этого монастыря. Начиная с 1519 г. «просто» аббаты сменяются «аббатами-коммендаторами», то есть лишь получавшими доход с этого монастыря, но в нем не пребывающими. Мартен де Бон указан как 46-ой аббат, занимавший это место в 1524–1527 гг., но следующим аббатом под номером 48 там назван Адам Фюме, ставший аббатом в 1530 г. [[https://en.wikipedia.org/wiki/Abbey_of_](https://en.wikipedia.org/wiki/Abbey_of_Saint-Pierre_de_la_Couture)

[Saint-Pierre_de_la_Couture](https://en.wikipedia.org/wiki/Abbey_of_Saint-Pierre_de_la_Couture) – обращение 7.11.2022]. Мог ли 47-м аббатом быть сюринтендант Жак де Бон?

Мартен де Бон умер в июне 1527 г., не дожив до казни своего отца. Сохранилось его письмо от 2 марта 1527 г., где он сообщал о тех доходах, которые он намеревается передать родителю, оказавшемуся в столь тяжелом положении. Среди прочего он указывает на денежные поступления с хутора (closerye), принадлежащего «вашему аббатству де ла Кюльтюр (sic!)» [Spont, 1895, p. 236]. Впрочем, он и все архиепископство Турское называет в письме отцу «вашим», подчеркивая, что своим положением и своим имуществом он обязан лишь ему. Тем не менее, сюринтендант Жак де Санблансе мог стать аббатом-коммендатором монастыря Сен-Пьер де Ля Кутюр. И парижское подворье монастыря могло быть столичным жилищем для членов его семьи, особенно в условиях, когда прочая недвижимость уже находилась под секвестром, ожидая конфискации.

Но против этой гипотезы есть возражение. В архиве конторы Пьера Крозона сохранилась нотариальная минута акта о сдаче в аренду Жаком де Бонот, аббатом-коммендатором де Ля Кутюр, представленным Жюльеном Бидо, доходов со своих церковных имуществ, расположенных в окрестностях Тура, сроком на девять лет некоему купцу из Тура при условии, что он будет платить аббату тысячу ливров ежегодно [Соуеске, 1905, № 1007, р. 204].

Жюльен Бидо уже хорошо знаком нам в качестве поверенного этого аббата и все бы было ясно, если бы не дата составления акта – 26 января 1529 года. Несчастный финансист был казнен полтора года назад. Невероятно, чтобы в Париже хоть кто-то не знал об этом. Но ни нотариус Крозон в январе, ни пристав Галлуа в марте не оспорили полномочий Жюльена Бидо. Может быть, мы имеем дело с «посмертным мандатом»? При передаче наследства завещатель назначал душеприказчика, наделив его полномочиями какое-то время действовать от имени усопшего, распоряжаясь его имуществом. Мне не встречались такие примеры, относившиеся к передаче церковных должностей. Да и успел бы арестованный финансист, ставший аббатом, составить такое завещание или передачу прав?

Благодаря архиву нотариуса Крозона удалось отыскать еще одного претендента. Бона де Коттро, жена Гийома де Бона, генерала финансов, 11 мая 1528 г. совершает дарение своему сыну, Жаку де Бону, студенту Парижского университета, «с тем, чтобы ему было чем жить и содержать себя в учении и получить степень в этом университете». Она передает ему две расписки от 1522 и 1523 гг., данные Гийому де Бону неким королевским поставщиком [Соуеске, 1905, № 898, р. 183].

Смысл дарения вполне очевиден: став собственником этих долговых обязательств, студент для взыскания долга мог теперь обращаться в специальный университетский суд. Как правило, дела в таких тяжбах решались в пользу студента [Уваров, 2004, с. 253–256]. Для нас в данном случае важнее разобраться с личностью студента Жака де Бона. Он тоже мог быть аббатом-коммендатором и в этом качестве передать защиту своих интересов Жюльену Бидо.

Этот Жак II де Бон впоследствии унаследует сеньорию Санблансе, дожив до 1579 года. Но мы не знаем года его рождения. Сколько лет ему могло исполниться в 1528 году? Студентами бывали и вполне зрелые люди, особенно если речь шла о факультете

богословия, медицины или канонического права. Но вряд ли это относится к Жаку де Бону. В той генеалогии семьи де Бон, которая приводится во французской «Википедии», указано, что свадьба Гийома де Бон и Боны Коттро состоялась в замке Ментенон в 1512 г. (https://fr.wikipedia.org/wiki/Famille_de_Beaune – обращение 7.11.2022), в таком случае на момент составления акта студенту было не более шестнадцати лет и, соответственно, не более пятнадцати, когда умер его дядя архиепископ Турский, который мог бы передать («резигнировать») ему это аббатство. В тех генеалогических таблицах, на которые ссылаются авторы данной статьи в «Википедии», дата бракосочетания родителей Жака II отсутствует ([http://racineshistoire.free.fr/LGN/PDF/Beaune_](http://racineshistoire.free.fr/LGN/PDF/Beaune_Semblancau.pdf)

[Semblancau.pdf](http://racineshistoire.free.fr/LGN/PDF/Beaune_Semblancau.pdf) – обращение 7.11.2022). Но раз в особняке ля Кутюр среди прочих упоминался ребенок генеральши, еще нуждавшийся в кормилице, то ее сын-студент вряд ли был совсем уж взрослым человеком. Впрочем, молодость не была непреодолимой преградой, чтобы считаться аббатом-коммендатором. Архиепископ мог успеть перед смертью передать аббатство своему юному племяннику. Другое дело, что для закрепления этой передачи потребовалось бы папское «снисхождение» и одобрение королевской власти. В любом случае, пока окончательного решения не было вынесено, новым аббатом мог считаться тот, кого предпочел аббат предыдущий (был ли этим человеком его отец или его племянник), но его права можно было оспорить в Большом совете, что, собственно, и произошло весной 1529 года.

Кем был Адам Фюме, ставший по решению Большого совета новым аббатом? Семейство Фюме, как и де Боны, и как их общице свойственники – Рюзе, было уроженцами Тура. Адам Фюме, медик по образованию, кредитор королей, завоевал доверие и Людовика XI, и Карла VIII и дважды становился хранителем печати. Они с Жаком I де Боном были женаты на сестрах. Адам Фюме, сопровождавший в свое время Карла VIII в Итальянском походе, умер в 1594 году. А с его наследниками у Жака де Бона случился громкий конфликт. Имя Адам часто встречалось в семье Фюме, но чьим именно потомком стал новый аббат-коммендатор, понять трудно. Известно лишь, что он был аббатом де Ля Кутюр с 1530 по 1546 г., затем бежал к швейцарцам как «еретик», но успел при этом передать (резигнировать) свой бенефиций некоему Николя Фюме. Возможно, борьба за обладание доходами с этого

аббатства явилась отголоском давней вражды между родственными кланами.

Остается понять, кто такой Жиль Перен, официал архидьякона Жозаса, и что он делал в доме на улице Сен Жак? На этот вопрос может ответить Клод Шевалон, первый из свидетелей, дававших показания об инциденте 20 марта 1527 года. Книжная лавка, точнее «издательский дом» Шевалона, соседствовал с отелем де Ля Кутюр [Coyesque, 1905, № 714, p. 147]. Шевалон владел издательством, выпускавшим книги с типографской маркой «золотого солнца» и специализировавшимся на высококачественных публикациях литературы по гражданскому и каноническому праву. В этих трудах Клоду Шевалону, а после его смерти (1537 г.) и Шарлоте Гийар, его вдове, продолжившей дело, большую помощь оказывал Жиль Перен – ученый-правовед и гуманист, редактор и комментатор новых изданий корпусов Канонического и Гражданского права [Jimenes, 2017, p. 139–159]. Понятно, почему официал предпочел обосноваться по соседству с издательством и почему он так беспокоился о судьбе своих бумаг, захваченных приставом Галлуа. Его друг и деловой партнер, Клод Шевалон, сразу же откликнулся на просьбу дать свидетельские показания.

Но почему Жиль Перен представился судебному приставу как владелец особняка? Среди минут конторы Пьера Крозона имеется его акт от 10 апреля 1528 года. Официал долго хранил свои книги и другое имущество в одной из комнат университетской Отенской коллегии, которую занимал студент Жан Балайе. Теперь он готов был вернуть все Перену, но лишь после того, как получит 16 ливров за то, что эти вещи более двух лет хранились в его комнате. Перен счел эту плату непомерной и пожаловался в суд. Стороны сошлись на 12 ливрах, и в присутствии представителя правосудия и нотариуса студент получил деньги, а официал – свое имущество, перечисленное в пространной описи. Список из 189 наименований книг настолько заинтересовал издателя нотариальных актов Э. Куайака, что он опубликовал его отдельно [Coyesque, 1897]. Но среди прочего имущества (одежда, ткани, балдахин с бахромой и тремя занавесками зеленой и красной саржи и т.д.) упомянута и «опись книг покойного архиепископа Турского, представляющая собой маленькую тетрадь о 12-ти бумажных листах, в кожаном переплете» [Coyesque, 1905, № 885, p. 179].

Оказывается, официал Перен был как-то связан с архиепископом Мартеном де Боном. Книги и опись пролежали в Отенской коллегии не менее двух лет, следовательно, архиепископ, еще будучи аббатом-коммендатором, мог передать Перену права на особняк де Ля Кутюр, ставший вскоре приютом для осколков семьи де Бонов. Это не более чем гипотеза, но с ее помощью мы можем распределить роли между всеми участниками нашей небольшой пьесы, разыгранной на улице Сен-Жак в двадцатых числах марта 1529 года.

Вернемся к архиепископу Мартену де Бону. 16 июня 1527 г., то есть вскоре после его смерти, но еще до казни его отца, у нотариуса Пьера Крозона был составлен еще один любопытный акт. Жан Гийо, опекун Мартена де Бона, эмансипированного (получившего право самостоятельных юридических действий) сына Гийома де Бона, генерала финансов, передавал некому Жану Корруайе право представлять интересы Мартена де Бона, являвшегося наследником покойного архиепископа Турского по результатам раздела наследства (*par benefice d'inventaire*). Жан Корруайе был финансистом из окружения Жака и Гийома де Бонов, Жан Гийо также был финансовым чиновником и другом этой семьи. Много лет спустя, в 1542 г. Бона Коттро отблагодарит его в особом нотариальном акте, вернув ему расписку на 1000 ливров, датированную еще 1523 г. [Souesque, 1905 № 1822, p. 347].

Обратим внимание, что и в этом акте, и в дарении своему сыну-студенту сам генерал Гийом де Бон участия не принимает. Очевидно, что он использовал любые средства, чтобы мобилизовать остатки семейного имущества, выведя их из-под угрозы секвестра, стремясь при этом остаться в тени. Но однажды он обратился к нотариусу самостоятельно. Это случилось 12 мая 1527 г., когда следствие над томящимся в Бастилии сюринтендантом шло полным ходом. Пьер Крозон и его коллега подтверждали, что по просьбе господина Гийома де Бона, генерала финансов, они пришли в дом де Ля Кутюр, в настоящее время являвшийся местом его пребывания. Там генерал заявил, что с его матерью, дамой Жанной Рюзе, в церкви говорил монах ордена доминиканцев, не назвавший своего имени. Он сообщил, что некие люди, «желавшие облегчить свою совесть», но опасавшиеся раскрыть свое имя, просили его передать даме Рюзе и ее сыну важные документы. Монах настаивал на том, чтобы эта передача состоялась в безопасном месте и без свидетелей. Генерал Гийом де Бон, посетив монаха в его мона-

стыре, условился с ним о встрече в доме де Ля Кутюр, но предупредил, что передача документов по списку должна состояться в присутствии нотариусов. Монах долго отказывался, но затем решили, что нотариусы не будут присутствовать при самой передаче, находясь в соседней комнате, а затем приступят к составлению описи документов. Акт передачи состоялся, причем, монах изменил свое мнение и уже не боялся общаться с нотариусами, сообщив им, что его зовут Дени Риан, и что он – бакалавр теологии. Процедура растянулась на три дня. Опись составлялась 12, 13 и 16-го мая, и Дени Риан подтверждал ее правильность. Документов, судя по всему, было очень много. Опись и протокол были составлены в трех экземплярах – для монаха, генерала финансов и его матери, «если он будет действовать от ее имени тогда, когда понадобится» [Coynesque, 1905, № 784, p. 159–160].

Очевидно, что речь шла о ценных документах, которые призваны были воспрепятствовать обвинениям в адрес сюринтенданта. Успели ли жена и сын пустить их в ход, неизвестно. Во всяком случае, на результаты процесса это не повлияло, и престарелый Жак де Бон кончил свои дни на виселице 12 августа 1527 года.

Но Жанна Рюзе, несмотря на то, что уже достигнув возраста семидесяти двух лет удалилась в монастырь [Spont, 1895, p. 265], все же по совету бывшего адвоката сюринтенданта Эмери Лопена и своего племянника, адвоката Дени Рюзе, тайно подготовила и подала апелляцию на приговор, вынесенный ее покойному мужу. Апелляция против действий канцлера Антуана Дюпра и «его сообщников, которые осуществляли подлоги и оговоры», была подана в Парламент 23 декабря 1528 года. Канцлер Дюпра был в ярости и написал Франциску I, что эта апелляция является величайшим бесчестьем и скандалом для короля и для правосудия.

11 февраля 1529 г. смертный приговор Санбласе был признан правильным, а апелляция – ложной. Адвокатов Рюзе и Лопена, «давших плохой совет», наказали штрафами. Жанна Рюзе лишалась всего движимого и недвижимого имущества, Гийом де Бон также лишался своей должности. Его имущество подлежало конфискации, а сам он был признан виновным в «оскорблении Величества» и приговорен к повешению. Но еще раньше, в июле 1528 г. Гийом де Бон бежал в Германию, увезя с собой бумаги, в числе которых была опись документов, подписанных его отцом, относящихся к имущественным правам его сыновей Гийома и

Мартена [Spont, 1895, p. 267]. Поэтому казнь свершилась символически: было повешено лишь «изображение» генерала де Бона.

Фиаско было полным. В этом ракурсе визит пристава Жана Галуа в дом де ля Кутюр, состоявшийся в марте, выглядел продолжением суровых мер против семейства де Бон. Вспомним, как пристав интересовался, что именно принадлежит мадам генеральше, и как он стремился вскрыть сундуки и кладовую. Не искали ли они новые документы, помимо тех, что были задействованы в апелляции по делу казенного сюринтенданта? Тем более, что специальная комиссия, заседавшая в Квадратной башне Дворца Правосудия, развернула в то время наступление на сплоченный клан финансистов, выявляя и арестовывая все новых «расхитителей королевских денег». Эта версия кажется правдоподобной, вписываясь в сценарий, напоминающий триллер о борьбе безжалостного и мстительного государства с теми, кто попал в опалу.

Но это только часть правды. Другая же заключается в том, что вскоре после мартовского инцидента на улице Сен-Жак, уже в апреле 1529 г. Гийом де Бон получил королевское прощение. Франциск I вспомнил о былых заслугах генерала. Королевская милость была вознаграждена благодарным Гийомом де Бон, предоставившим королю 10 тысяч ливров в виде ссуды (очевидно не только беспроцентной, но и безвозвратной), а также передавшим в казну некие драгоценности, взятые его отцом в залог у итальянских банкиров. Гийом вновь вступил во владение своей сеньорией Санблансе и с королевского разрешения продал свою должность генерала другому финансисту. Разумеется, экономические потери семьи де Бон были огромны. Но в их руках что-то осталось.

Об этом свидетельствует судьба внуков казенного Жака де Санблансе. Мартен II станет епископом Пюи (умер в 1581 г.). Бывший студент Жан II де Бон унаследует титул барона де Санблансе, виконта Тура, займет должность генерала финансов округа Дофинэ и скончается в 1579 году. Его дочь Шарлота де Сов, урожденная де Бон, баронесса де Санблансе, станет фрейлиной Екатерины Медичи и украсит собой так называемый «летучий батальон» придворных дам, призванный, по замыслу королевы, смягчить нравы воинственных дворян. Смягчения нравов достичь не вполне удалось, но среди возлюбленных Шарлотты де Сов будут Генрих Наваррский, Франсуа Анжуйский и Генрих де Гиз. Расставшись с ней утром 23 декабря 1588 г., герцог де Гиз отпра-

вился прямо на заседание королевского совета, где был убит по приказу короля Генриха III. При желании эту даму из семьи финансистов можно отнести к числу вершителей судеб королевства.

Но с большим основанием так можно охарактеризовать младшего сына Гийома де Бон. Став архиепископом Буржским, он после 1589 г. одним из немногих прелатов поддержит нового короля-гугенота Генриха IV, способствуя его возвращению в лоно католицизма, затем получит должность Великого омонье («королевского раздатчика милостыни», отвечавшего за всю церковную политику короля) и, наконец, станет архиепископом Санским, у которого сам епископ Парижский будет в подчинении. Знал бы пристав Галлуа, какого ребенка он грозился выкинуть на мостовую вместе с кормилицей в марте 1529 года!

Чем объяснить, что опаленная молнией королевского гнева семья финансиста возродилась, как Феникс из пепла? Франциск I проявил милосердие, устыдившись содеянного? Скорее, король, как и его предшественники, проявил прагматизм. Показательно покарвав финансиста, обвиненного в хищениях, он вернул его детям если не деньги, то хотя бы титулы и часть земель. Такова, например, была судьба семьи Жака Кёра в XV столетии. Не менее важно, что среда «людей финансов», несмотря на неизбежные внутренние противоречия, была спаяна узами солидарности, брачными связями и осознанием общих интересов, причем у нее всегда имелись союзники в лице судебных и духовенства. По мнению Филиппа Амона, судьба детей опального финансиста была во многом легче судьбы детей обанкротившегося купца [Напон, 1999].

Выбранный нами комплекс источников – минуты актов, хранящихся лишь в одной из многочисленных нотариальных контор Парижа, подкрепляет это мнение. Мы видим стратегию семьи, попавшей в беду, но до конца продолжавшей бороться за свои права, что позволяет взглянуть на историю в ином ракурсе, не только с позиций государственных интересов. И в этом непреходящая ценность актового материала для историка. Разумеется, не только для историка Франции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Уваров 2004 – *Уваров П.Ю.* Французы XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

Coynecque E., 1897 – *Coynecque E.* La bibliothèque de Gilles Perrin, official de l'archidiacre de Josas (10) avril 1528. Paris, 1897.

Coynecque E., 1905 – *Coynecque E.* Recueil d'actes notaries relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle t. I, 1498–1545. Paris, 1905.

Hamon, 1999 – *Hamon Ph.* «Messieurs des finances». Les grands officiers de finance dans la France de la Renaissance. Paris, 1999.

Jimenes, 2017 – *Jimenes R.* Charlotte Guillard femme imprimeur à la Renaissance. Tours, 2017.

Spont, 1895 – *Spont A.* Semblancay (?–1527): la bourgeoisie financière au début du XVIe siècle. Paris, 1895.

К. Зольдат

КОРМЧИЙ РИЧАРД ЧЕНСЛЕР И КОРОЛЕВА МАРИЯ

ОПИСАНИЕ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ И ИНТЕРЕСОВ

Когда кормчий Ричард Ченслер создавал свое описание России, перед ним стояла сложнейшая задача: убедить королеву Англии и свою «китайскую» компанию разрешить и начать торговлю с Московией вместо Китая, который тогда являлся единственной целью его экспедиции. В статье рассмотрены авторские стратегии, употребленные Ченслером для решения этой задачи при описании Московии, в частности, при описании православной религии. Анализ показывает, что Ченслер обширно использовал «Записки о Московии» С. Герберштейна, чтобы польстить Королеве и показать, что англичан принимали в Москве так же, как раньше принимали имперских послов, и что Русь не является сторонником реформации. Предпринятый анализ важен для оценки достоверности сведений иностранных источников о Руси XVI века.

Ключевые слова: Иван Грозный, Королева Мария, Ричард Ченслер, путь в Московию, Сигизмунд Герберштейн, литературные связи, религия, ренессансное самосовершенствование

ВВЕДЕНИЕ

В середине XVI в. многие лондонские купцы были озабочены поиском новых рынков сбыта для своих товаров. Еще в начале века англичане потеряли рынки в Голландии, с азиатскими рынками они не могли связаться самостоятельно, потому что те контролировались португальцами. Внешнеэкономическая ситуация осложнялась внутренними религиозными проблемами. При Генрихе VIII Англия пережила реформацию церкви [The Oxford History, 1988, с. 282; Baker, 2007]. После смерти Генриха в 1547-ом году вспыхнули народные восстания и мятежи из-за того, что эко-

номический уровень жизни в 1540-е годы снижалась, стоимость аренды земли росла, начался процесс «огораживания», местные мануфактуры терпели убытки, потребительские цены росли, а зарплаты снижались [Mayers, 2005, с. 3; Зольдат, 2010, с. 41–43].

Для решения своих экономических проблем английские купцы основали в 1551 г. первое акционерное общество (joint stock company), впоследствии называемое «Английской компанией», целью которой с самого начала был поиск новых рынков сбыта в Азии и Китае. Предполагалось, что достичь их можно через северный морской путь [Mayers, 2005].

Однако экспедиция, во главе которой оказался кормчий Ричард Ченслор¹ приплыла не в Китай, а в устье реки Двины около города Холмогоры [Chancellor, 1968, с. 9–10]. Когда он понял, что нашел северный путь в Московию, то изменил свои планы и последовал как посол короля Эдуарда в Москву [Английские путешественники, 1937, с. 13]. Он был принят царем Иваном Грозным, которому передал подарки, предназначенные для царя Китая.

Царь Иван IV приветствовал возможность как торговли, так и дипломатических связей с Англией, которыми он в дальнейшем интенсивно пользовался, и согласился на заключение договора об экономических связях между Московской Русью и Китайской компанией.

По возвращении в Англию летом 1554 г. Ченслер узнал, что молодой король Эдуард VI, поддержавший экспедицию, умер 6 июля 1553 г. в Гринвиче. Через полгода после смерти Эдуарда на престол взошла королева Мария, она начала новую религиозную политику целью которой было восстановление католической веры в Англии и заключение нового союза с римской церковью. Началось время преследований и даже сожжений: не менее 287 человек были сожжены и впоследствии стали протестантскими мучениками. Другие были осуждены и умерли в тюрьме [The Oxford History, 1988, с. 299].

Возвратившись в эту атмосферу контрреформации, Ричард Ченслер должен был действовать для достижения своей цели, торговли с Московией вместо Китая. Проблемы здесь были разные, но религиозные, очевидно, играли не последнюю роль.

¹ Начальником экспедиции был назначен лорд Уиллоуби, однако он погиб в начале пути.

В описание, адресованное королеве, конечно, необходимо было поместить рассказ о религии Московитов, свидетельствующий, что русские – не сторонники реформации. Поэтому Ченслер воспользовался помощью своего старого друга Клемента Адамса (они вместе учились в Гринвиче), преподававшего в Кембриджском Кингс Колледж и ставшего домашним учителем королевских наследников в Гринвиче [Wilson, 1970, с. 22, прим. 1]².

К тому же Адамс был хорошо знаком с «Записками о Московии» Сигизмунда Герберштейна 1549-го года. Об этом свидетельствуют не только некоторые совместные темы, но и текстуальные связи.

Здесь нет возможности проанализировать весь текст «Записок», чтобы показать влияние Герберштейна на описание Ченслера. Поэтому мы проанализируем только текст, характеризующий религию. В этом описании сам Ченслер предстает как сторонник католицизма, которого можно послать как капитана в следующие миссии в Московию. Привлечение «Записок» Герберштейна для достижения поставленной цели могло представляться особенно полезным, так как имперский посол уже в 1525-м году смог убедить своего императора Максимилиана в том, что русские – не сторонники реформации [Bogatyrev, 2002; Kämpfer, 1996; Хорошкевич, 2002; Soldat, 2006].

ОПИСАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РЕЛИГИИ

Ченслер начинает свое описание как Герберштейн: «Русские исповедуют учение Восточной Церкви» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 60; Chancellor, 1968, с. 35] – «С самого начала и до сего дня русские пребывают в христианской вере греческого обряда» [Герберштейн, 2008, с. 145–146; Herberstein, 2007, с. 109]. Далее следует маленький абзац о почитании икон, базирующийся частично на Герберштейне:

«В храмах имеют много изображений Святых, которым молятся, делают приношения и возжигают фимиам; но прежде нежели икону поставят в церкви, ее окропляют святою водою. По мнению Русских, изваянных изображений Святых в храмах иметь не должно, потому что они покупаются у делающих кумиры. Вошедши в комнату, Русский прежде всего отдаст честь священ-

² Уильсон ошибочно пишет о последователях короля.

нымъ изображениямъ, кланяясь несколько разъ» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 60–61; Chancellor, 1968, с. 35; Герберштейн, 2008, с. 203–204, 264–265; Herberstein, 2007, с. 150, 194–195].

Здесь Ченслер в первый раз предстает как католик, почитающий вырезанные изображения святых. В английском тексте написано «Говорят, что наши изображения...». [Chancellor, 1968, с. 35]³. Этим «наши» Ченслер обозначает свою принадлежность к католической вере, противопоставляя еепротестантской вере, которая была введена Эдуардом VI и привела к иконоборчеству в Англии. Далее Ченслер обращается к вопросу о браках клириков, по которому протестанты критиковали католиков.

«Духовные и миряне ни мало не различаются одеждою. Брак никому не воспрещается; но, если у Священника умрет жена, то во второй брак он не вступает, и потому вдовы Священники делаются монахами, которым предписывается всегдашняя чистота» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 61. Chancellor, 1968, с. 35].

«В белые священники посвящают по большей части тех, кто долго служил при церквях в сане диакона. [В диаконы же] посвящают только состоящих в супружестве, поэтому-то и празднование свадьбы, и поставление [в сан диакона] обычно устраиваются вместе. Если же про невесту какого-нибудь диакона идет дурная слава, то его не посвящают в сан, если он не возьмет себе жену безупречного поведения. По смерти жены священник отрешается от исполнения служения, если же он живет целомудренно, то может наряду с прочими церковнослужителями принимать участие в обеднях и других богослужениях, будучи своего рода служителем в хоре» [Герберштейн, 2008, с. 152–153; Herberstein, 2007, с. 115].

Далее следуют замечания о пении литургии на родном языке и о причащении прихожан «под обоими видами», а не только на квасном хлебе. Вероятно, чтобы отвлечь внимание читателя от этих деталей, которые обнаруживают сходство скорее с протестантской литургической практикой, нежели с католической, Ченслер помещает следом курьезное замечание о ношении даров по храму «на голове» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 61; Chancellor, 1968, с. 35–36]. Именно это замечание находится

³ См. неточный русский перевод 1838 года [Первое путешествие англичан, 1838, с. 61].

у Герберштейна [Герберштейн, 2008, с. 204–205; Herberstein, 2007, с. 150] – вместе с другими замечаниями о причащении и образованности православных верующих [Герберштейн, 2008, с. 228–229, 202–203, 204–205, 228–229; Herberstein, 2007, с. 168, 149, 150, 168].

Многочисленные следы влияния текста Герберштейна избавляют от необходимости искать буквальные совпадения. Всю информацию, данную Ченслером, можно было найти в опубликованном в 1549-м году на латыни описании имперского посла. Повидимому, Ченслер и Адамс использовали для композиции собственного текста именно его. Об этом свидетельствует такая маленькая деталь как ношение святых даров «на голове» через церковь [Первое путешествие англичан, 1838, с. 61–62; Chancellor, 1968, с. 36–37].

Далее Ченслер переработал целую главу Герберштейна о постах. Он начинает изложение с Петровского поста и, вслед за Герберштейном, ошибочно полагает, что все посты начинаются с масленицей. Завершает он этот рассказ, тоже вслед за Герберштейном, также ложным замечанием о том, что по субботам и во время поста можно покушать мясное [Герберштейн, 2008, с. 162–163, 164–165, 208–211; Herberstein, 2007, с. 122, 124, 153–154].

Хотя в основе следующей части могут лежать собственные впечатления Ченслера [Первое путешествие англичан, 1838, с. 62–63; Chancellor, 1968, с. 37–38]⁴, в ней тоже обнаруживаются два заимствования из Герберштейна.

Первое сообщение – «насколько они (московиты – *К.З.*) воздержанны в пище, настолько же неумеренно предаются пьянству» [Герберштейн, 2008, с. 262–263; Herberstein, 2007, с. 153–193; Chancellor, 1968, с. 37]⁵.

Второе – сюжет о золотом идоле татар, который, правда, Ченслер излагает в других выражениях, нежели Герберштейн. «В смежности с Татарами живут идолопоклонники. Славный

⁴ «Церкви строят обыкновенно деревянные; по середине зданий возвышается глава, крытая гонтом. На церковном дворе строятся деревянные здания, в которых вешают колокола, по одному, по два и по три. Нельзя пройти молчаньем следующего обыкновения Русских: мертвому кладут в руки бумагу, на которой написано, что он Русский, исповедал Русскую Веру и в ней скончался. Нас они почитают только полухристианами, а себя истинными» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 62–63].

⁵ Отсутствует в переводе Первое путешествие англичан, 1838-го года.

идол их называется золотою женщиною. Если случится общественное бедствие, как-то: голод, война или язва; то они вопрошают идола следующим образом: народ повергается пред ним на землю и молится; посредине ставится тимпан; вокруг него ложатся, кому выпадет жребий; на тимпан кладут серебряную жабу, и по тимпану ударяют палочкой. На кого упадет жаба, того на месте убивают; – не знаю каким волшебством, – он тотчас оживает (!) и открывает причину бедствия. Таким образом идола умило-стивляют и бедствие проходит» [Первое путешествие англичан, 1838, с. 63; Chancellor, 1968, с. 38–39].

«Золотая баба, т.е. *Aurea anus*, – это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора, на том берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители которых, как говорят, все подчинены государю московскому. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Бабы – это статуя в виде старухи, держащей на коленях сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от [сильно и постоянно] дующего на эти инструменты ветра» [Герберштейн, 2008, с. 372–373; Herberstein, 2007, с. 271–272; Chancellor, 1968, с. 39, прим. 57].

Ченслер очень искусно использовал сочинение Герберштейна. Он не просто переписал из него информацию, интересующую английскую Корону, но добавил к ней свои впечатления. Ченслеру важно было подчеркнуть, что его текст опирается на самое новое описание Московии, выполненное одним из знаменитых ученых и послов Священной Римской империи – Герберштейном.

Еще значимо, что в конец своего доклада Ченслер поместил рассказ о религии и самую замечательную ссылку на Герберштейна, эпизод о Золотой Бабе у татар. Последние фразы сообщения, особенно если они громко прочитаны, как это обычно делалось в раннее Новое время, лучше сохраняются в памяти, нежели произнесенные первыми.

Описание православной религии демонстрирует, что Ченслер был готов перевоплотиться из протестанта в католика ради достижения своих личных карьерных целей. Это не могло происходить без использования некоторых письменных стратегий, с помощью которых Ченслер сгладил разногласия между православием и католицизмом. Появление рассказа о православ-

ной религии не обязано какому-то особенному интересу к православию, который якобы существовал у Ченслера или у Двора. Рассказ служит способом заявить о приверженности автора к католической вере.

Таким образом, Ченслер предстает перед нами настоящим ренессансным человеком. В традиции самосовершенствования человека Ренессанса, описанного в 1980-е годы английским ученым Стивенем Гринблатом, автор посредством своего сочинения формировал у читателя то впечатление о себе, которое наилучшим образом способствовало карьерному росту [Greenblatt, 1980]. Таким образом, описание России для Ченслера явилось способом выживания в атмосфере контрреформации и, в то же время, средством сделать карьеру. Такие приемы становились обычными в эпоху реформации. Освобождаясь от неизменных статусов уходящего средневековья, человек эпохи реформации получал в свое распоряжение новые приемы самосовершенствования и возможность решать, кем он хочет быть, какое платье носить, какой профессией овладеть [Eliav-Feldon, 2012]. Кстати, немец Генрих Штаден через тридцать лет после Ченслера попробовал сделать карьеру тем же самым приемом, что и Ченслер, и составил описание Московской Руси для Римского Императора [Soldat, 2022, с. 219].

РЕЗЮМЕ

Через описание Ченслер в изменившейся религиозной ситуации должен был не только представить Московскую Русь как более выгодный рынок, чем Китай, но и убедить королеву, что в религиозном отношении русские не представляют опасности для католицизма, а легитимацию протестантской веры отвергают. Вместе с тем самого себя нужно было представить как настоящего католика.

Достичь желаемого эффекта ему удалось благодаря письменным стратегиям самосовершенствования и использованию такого авторитетного источника, как «академическое» латинское описание Руси Герберштейна.

Очевидно, что при описании чужой страны в раннее Новое время сведения о религии представляли не просто этнографический или культурологический интерес. Невозможно согласиться

с теми исследователями, которые полагают, что религия или религиозная политика не сыграли роли в установлении контактов англичан с Москвией [Dulles, 1931, с. 26; Wilson, 1970, с. 30]. Авторы описаний Московии могли в своих текстах представлять себя совершенно ренессансными личностями и таким образом делать карьеру. Но надо помнить, что за представленными в этих текстах «реалиями» могут скрываться штампы из уже давно знакомой литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Английские путешественники 1937 – Английские путешественники в московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1937.

Герберштейн 2008 – *Герберштейн С.* Записки о Московии. В двух томах. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с лат. А.И. Маленина и А.В. Назаренко, с ранненововерхнем. А.В. Назаренко / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008.

Зольдат 2010 – *Зольдат К.* Балтика, Россия и английская торговля в XVI веке. Почему в XVI в. англичане приплыли в Россию не через Балтику, а через Белое море? // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. / Под ред. А. Филошкина. М., 2010. С. 40–59.

Первое путешествие англичан 1838 – Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Вып. XX. С. 35–64.

Хорошкевич 2002 – *Хорошкевич А.Л.* Русские обычаи в изображении Герберштейна // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins De Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999. Jubiläumsvorträge, eds. Frank Kämpfer and Reinhard Frötschner. Wiesbaden, 2002 (= Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa; 24). С. 49–76.

Baker 2007 – *Baker, C.* Religion in the Age of Shakespeare. Westport, Connecticut–London, 2007.

Bogatyrev 2002 – *Bogatyrev S.* Diplomats and Believers. Herberstein and Cross-Confessional Contacts in the Sixteenth Century // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins De Rerum Moscoviticarum Commentarii, 1549–1999. Jubiläumsvorträge, eds. Frank Kämpfer and Reinhard Frötschner. Wiesbaden, 2002 (= Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa; 24). С. 215–234.

Chancellor 1968 – *Chancellor R.* The First Voyage to Russia // Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers, ed. by Lloyd E. Berry and Robert O Crummey. Madison, Milwaukee, London, 1968. С. 9–41.

Dulles 1931 – *Dulles F.R.* Eastward Ho! The First English Adventures to the Orient – Richard Chancellor – Anthony Jenkinson – James Lancaster – William Adams – Sir Thomas Roe. London, 1931.

Eliav-Feldon 2012 – *Eliav-Feldon M.* Renaissance Impostors and Proofs of Identity. Basingstoke, Hampshire, 2012.

Greenblatt 1980 – *Greenblatt S.* Renaissance Self-Fashioning. From More to Shakespeare. Chicago – London, 1980.

Herberstein 2007 – *Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand – Basel, 1556 und Wien, 1557. Unter Leitung von F. Kämpfer, erstellt von E. Maurer und A. Fülberth. Redigiert und hrsg. von H. Beyer-Thoma. München, 2007.

Kämpfer 1996 – *Kämpfer F.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Вып. 44. С. 1–27.

Mayers 2005 – *Mayers K.* North-East Passage to Muscovy. Stephen Borough and the first Tudor Explorations. Thrupp – Stroud – Gloucestershire, 2005. С. 1–2.

Soldat 2006 – *Soldat C.* The Cultural Borders of Religion. Reactions to Russian Orthodoxy by Early-Modern Diplomats and Businessmen // Borderland Identities. Territory and Belonging in Central, North and East Europe. Ed. by Madeleine Hurd. Eslöv, 2006 (= Baltic and East European Studies; 8). С. 355–377.

Soldat 2022 – *Soldat C.* Russland als Ziel kolonialer Eroberung. Heinrich von Stadens Pläne für ein Moskauer Reich im 16. Jahrhundert. Bielefeld 2022 (= Global- und Kolonialgeschichte; 9).

The Oxford History 1988 – The Oxford History of Britain. Ed. by Kenneth O. Morgan. Oxford – New York, 1988.

Wilson 1970 – *Wilson F.* Muscovy. Russia through Foreign Eyes 1553–1900. London.

А. В. ТОЛСТИКОВ

ЙОНС УЛЬССОН, ОН ЖЕ ЙОНС ТОЛМАЧ, ОН ЖЕ ГРИША ЯНС

СУДЬБА АГЕНТА

Обобщаются и дополняются биографические сведения о Грише Янсе (Ансе) – пленном шведе, служившем толмачом в Посольском приказе как минимум с 1559 до 1567 года. Уточняются его имя (Йонс Ульссон – Jöns Olsson), обстоятельства пленения (по-видимому, под Орешком осенью 1555 г.), а также вехи его биографии после известного эпизода 1571 г., когда он пытался передать свергнутому шведскому королю Эрику тайное послание от Ивана Грозного и оказался схвачен (тогда казнен не был, оставался в заключении до начала 1573 г., затем был отпущен на свободу, но осенью того же года снова взят под стражу по другому обвинению, однако, возможно, повторно избежал казни и еще в июне 1574 г. продолжал служить в Швеции «русским толмачом»).

Ключевые слова: Россия, Швеция, XVI век, дипломатия, Посольский приказ, толмач, Гриша Янс

В галерее персонажей российской истории XVI в. человек, о котором пойдет речь и который в России был известен как Гриша Янс (или Анс), конечно, не принадлежит к наиболее заметным фигурам. Хотя нельзя сказать, что историки совсем не уделяли ему внимания. Внимание это было вызвано его связями с И.М. Висковатым [Хорошкевич, 2006, с. 255–259], а также сыгранной им ключевой ролью в попытке установления контактов между Иваном Грозным и находившимся под стражей свергнутым шведским королем Эриком XIV [Ödberg, 1897, с. 7–10; Рыков, 2007, с. 144–148]. Вообще говоря, судьба Гриши Янса могла бы, по-моему, представлять определенный интерес и сама по себе, но еще важнее, что он был дипломатическим переводчиком, точнее толмачом¹ (причем успел послужить в данном качестве как в Рос-

¹ По всей видимости, различие между *толмачами*, занимавшимися устным переводом, и собственно *переводчиками* – более квалифицированными

сии, в Посольском приказе, так и затем в Швеции), т.е. относился к той профессиональной группе, которой в последнее время все активнее занимаются исследователи². Здесь я намерен, во-первых, обобщить имеющиеся биографические сведения о Грише Янсе, а во-вторых, немного дополнить их, опираясь на ряд шведских свидетельств.

Начнем с того, что его шведские имя и отчество – Йонс Ульссон (*Jöns Olsson*). Это выясняется при сопоставлении оригиналов и переводов русских и шведских документов, в которых он упоминается. Например, в грамоте царя королю Швеции Юхану III от октября 1571 г. при пересказе предыдущего послания Юхана (по-видимому, с неправильно понятым сообщением о смерти толмача, о чем см. ниже) читаем по-русски: «А которую мы свою опасную грамоту преж того с твоим гонцом, з **Гришею Янсом**, на твои послы послали, и того **Янса** в животе не стало, а та гра-

специалистами, способными выполнить письменный перевод, установилось в русском языке только к началу XVII века. Оно, во всяком случае, встречается в русско-английском словаре Ричарда Джемса (1618–1619 гг.): [Сквейрс, Фердинанд, 2002, с. 146–147] (см. там же об отсутствии четко выраженной оппозиции значений «устный – письменный переводчик» и в нижненемецком языке того времени). То же самое можно предполагать и для шведского языка, где в рассматриваемый период основным словом для обозначения дипломатических переводчиков (несомненно занимавшихся и переводом письменным) было слово *tolk* (нередко, когда речь шла о специалистах конкретно по русскому языку, с уточнением – *rysssetolk*). Это шведское *tolk*, на мой взгляд, следует в данном контексте передавать именно как *толмач* (соответственно, *rysssetolk* – *русский толмач*). Тем более что шведские *rysssetolkar* в XVI в. всегда так и назывались в русских источниках [см. также: Толстиков, Рыбаков, 2022, с. 802]. Гриша Янс во всех известных мне случаях именовался *толмачом* по-русски и *tolk* по-шведски.

² Как раз в связи с вопросом о переводчиках, служивших в Посольском приказе, о Грише Янсе упомянул (приведя впервые ценные сведения о нем) И. Граля: [Граля, 1994, с. 463, 469]. О значительно возросшем интересе к толмачам и переводчикам в допетровской России свидетельствуют, к примеру, публикации: [Переводчики, 2019; Оборнева, 2020; Переводчики, 2021; Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, 2021]. Добавлю, что ценный материал содержится также в статье [Angermann, 1998]. О русских переводчиках в других государствах раннего Нового времени выходы меньше исследований. См., впрочем, применительно к Дании: [Лунд, 2011; Лунд, Иванова, 2012; Лунд, Иванова, 2014; Лунд, 2017]. Относительно Швеции отмечу раздел о русских толмачах в книге К. Таркиайнена, где суммируются итоги его многолетних исследований: [Tarkiainen, 2017, s. 205–224], а также позволю себе сослаться на статью [Толстиков, Рыбаков, 2022].

мота опасная до тебя не дошла»³. И то же самое в переводе на шведский: «*Och wårt leigdebref, som wij till digh medh thin breffdragere Jöns Olsson tilförenne haffue tillschickett, så ähr thenn Jöns dödh, och samme leigdebref kom tigh inthett tilhande*»⁴. Таким образом, принятое в литературе именование его Георгом Янсенем очевидно ошибочно.

Самые ранние имеющиеся у нас сведения о нем относятся к январю 1559 г.: как указывает И. Граля, Гриша Янс тогда уже числился в штате Посольского приказа [Граля, 1994, с. 463]. Из позднейшего рассказа Гриши о себе (об обстоятельствах появления в 1571 г. этого главного источника о его биографии см. далее) ясно, что он был шведским военнопленным. Судя по всему, после пленения он сначала попал к И.М. Висковатому, а затем – вероятно, не без влияния последнего [Хорошкевич, 2006, с. 255], – был принят на службу толмачом: «И свейской гонец Гриша Янс сказал, что он преж того пожил у Ивана Михайловича Висковатого, а после того был у государя царя у великого князя в толмачех...» [Сборник РИО, 1910, с. 196].

Дополнительный свет на ранний этап жизни нашего героя проливает один шведский источник, датированный июнем того же 1559 года. Это письмо королю Густаву Васе от выборгского наместника Класа Кристерссона Горна (Хурна), который сообщает новости, полученные его агентом (и, кстати, тоже «русским толмачом») Хенриком Маттссоном⁵. Находясь в России, тот получил сведения в том числе от «шведского писаря, попавшего в плен под Нотебургом, по имени Йонс Ульссон, который теперь толмач великого князя» (...*aff Enn Swe[n]sk skriff[we]re som fånged bleff wid Nöteborgh Bene[m]pd Jöns Olsson, Hwilkenn nu är Storfurstens Tålck...*) [Riksarkivet. Kopiesamling I. Vol. 132. Fol. 84]. Так выясняется, что Йонс Ульссон, по всей видимости, еще в Швеции исполнял канцелярскую службу и попал в плен под Орешком, скорее всего, в сентябре–октябре 1555 г., когда, в ходе российско-шведской войны, состоялась неудачная для шведов попытка взятия крепости [Viljanti, 1957, s. 432–450].

³ Копия в Государственном архиве Швеции: [Riksarkivet. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 152v]. См. также публикацию В. В. Фомина в: [Царь, 2005, с. 222].

⁴ Копия: [Riksarkivet. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 27]. Публикация (пагинация двойная): [Hjärne 1880, s. 544(=14)].

⁵ «Индрик Матвеев» в русских источниках. Его биография достойна отдельного рассматривания.

О жизни новоиспеченного толмача Посольского приказа в столице мы знаем исключительно из его рассказа о себе А.Я. Щелкалову весной 1571 г. и из поданных им тогда же (17 и 18 марта) челобитных на имя царя. Оказавшись в России, Йонс принял православие и стал Григорием Васильевым Янсом. Он сам себя так именует («Гриша Василев Янса») в челобитной 17 марта, одновременно заявляя, что желает «за православное вера... голова положить и не мочи православья отстать». В ходе той же встречи Гриша сообщил, что «шесть языков учил»; что был женат на дочери подьячего Юрия Бернядинова⁶; что имел двор в Москве на Казённой улице «блиско Юрьева двора Башенина»⁷ и поместье в Клинском уезде. При чем весной 1571 г. его жена была еще жива и продолжала пользоваться клинским поместьем [Сборник РИО, 1910, с. 196, 198].

Но, как он тогда же рассказал А.Я. Щелкалову, его московская служба закончилась в начале 1567 г.: шведское посольство во главе с Нильсом Юлленшерной, которое прибыло для заключения печально известного договора от 16 февраля 1567 г. о выдаче российской стороне супруги герцога Юхана (будущего короля Юхана III) Екатерины Ягеллонки, попросило отпустить домой еще оставшихся в России шведских военнопленных. В их число входил и Гриша Янс, которому в итоге пришлось вернуться в Швецию, где, по его словам, у него к тому времени уже не осталось ни родственников, ни друзей [Сборник РИО, 1910, с. 196, 198, 199].

Вскоре после его возвращения на родину, в 1568 г., король Эрик XIV был свергнут собственным братом Юханом и заключен под стражу. Неясно, успел ли Гриша послужить Эрику, но к новому королю Юхану он точно поступил на службу (принес ему клятву в октябре 1568 г.: [Ödberg, 1897, s. 7]). Так или иначе, он опять оказался востребован как дипломатический переводчик, превратившись в Йонса Толмача (*Jöns Tolk*). Вероятно, потребность в столь квалифицированном специалисте перевесила возможные сомнения в его лояльности. Осенью 1570 г. Юхан отправил его в Россию «в товарищех и в толмачех» с гонцом Пером

⁶ По всей вероятности, близким родственником (по мнению А.Л. Хорошкевич, возможно, даже сыном) известного дьяка Никиты Бернядинова: [Хорошкевич, 2006, с. 255; Рыков, 2007, с. 145].

⁷ А.Л. Хорошкевич предполагала, что имеется в виду Казённая улица в Кремле [Хорошкевич, 2006, с. 255]. На мой взгляд, оснований для такого предположения недостаточно.

Сигфридссоном (в русских источниках – Петр Шефредов, Шавридов, Шаврик и т.п.). Они должны были передать царю грамоту с просьбой об отпуске домой задержанного посольства во главе с Павлом Юстеном [Сборник РИО, 1910, с. 196, 199–201].

Тут в судьбе Йонса-Гриши случился новый поворот. По дороге, в Финляндии, где в Абоском замке содержался тогда Эрик, он каким-то образом с ним встретился и согласился (предложил сам?) передать послание от низложенного монарха царю Ивану Васильевичу. Прибыв в январе 1571 г. в Новгород, Гриша заявил «на товарища своего на Петра Шеффридова, что он приставов детей боярских и сторожей и толмача хочет убить, а сам хочет бежати, и он на него извещает, служачи государю». Он добавил, что «есть за ним речи государскому делу», и попросил отпустить его в Москву. Просьба была удовлетворена. Добравшись до столицы 17 марта, Гриша сразу был (конечно, тайно и отдельно от Петра Сигфридссона) принят дьяком А.Я. Щелкаловым, которому и рассказал о своей предыдущей жизни и подал цитировавшуюся выше челобитную (на следующий день он снова встретился со Щелкаловым и представил еще одну, собственноручно им написанную челобитную, в целом, судя по записи в посольской книге, повторявшую первую) [Сборник РИО, 1910, с. 195–199]. Главным в его речи было следующее: «...Ирик с ним ко царю и великому князю приказывал, чтоб государь прислал рать свою в Финскую землю к Абову, а Абов в Финской земле на сей стороне моря от Стеколна, а город худ и людей в нем нет, толко в нем сторожи стерегут короля Ирика человек со сто, а он сидит з женою и з детми. <...> То мое дело: того для просился есми к Москве и сказывал за собою дело, а хочю государю служит и в его имяни быть, не забыть ему хлеба-соли, государского жалованья...» [Сборник РИО, 1910, с. 197].

К этому сообщению отнеслись со всей серьезностью. 26 марта по распоряжению царя Гриша был отправлен к нему в Александровскую слободу. Вероятно, тогда же, после встречи с толмачом, была составлена известная грамота Ивана Грозного Эрику. Гриша должен был передать ее свергнутому королю. Фактически он сам вызвался стать российским агентом в Швеции (ср. во второй челобитной от 18 марта: «...про которое дело тебе государю царю хочет ведати, яз тебе государю все то доведаю подлинно...» [Сборник РИО, 1910, с. 199]). Сопровождавшему его в Новгород приставу было строго приказано следить, чтобы

«свийской гонец Гриша Янс был розведен с Петром Шеффридовым» и чтобы тот «не ведал, что Гриша Янс был в слободе...» [Сборник РИО, 1910, с. 204]⁸.

Однако при попытке передать грамоту Эрику наш толмач оказался схвачен (благодаря чему текст послания и сохранился). Произошло это, по-видимому, где-то в мае–июне 1571 г., поскольку, во-первых, Гриша-Йонс и Пер Сигфридссон должны были выехать из Москвы в начале апреля; во-вторых, ответ Юхана на одну из врученных им А.Я. Щелкаловым грамот датирован 17 июля (тут не упоминается о провале московского агента⁹: [Riksarkivet. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 14–18]); в-третьих, в августе Эрик был переведен из Абоского замка в Кастельхольм на Аландах, причиной чего, возможно, стало как раз разоблачение его контакта с царем [Andersson, 1953].

В процитированной в начале этой статьи грамоте царя Юхану от октября 1571 г. сказано почему-то о смерти Гриши-Йонса, но она, по всей вероятности, являлась ответом на вышеупомянутое послание короля от 17 июля, а там содержится просьба прислать новые опасные грамоты, поскольку умер намечавшийся в посольство Ханс Ларссон Бьёрнрам [Riksarkivet. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 18]. По-видимому, возникла путаница, и сообщение о смерти последнего было понято как сообщение о смерти одного из гонцов, Гриши Янса.

Тот, однако, был жив. Этот этап его биографии проследил шведский историк Ф. Эдберг. Он установил, что 30 сентября все того же 1571 г. Юхан приказал стокгольмским заместителям предать Йонса суду за измену. Но казнь по каким-то причинам

⁸ Публикация русского текста грамоты Эрику: [Демкова, 1996, с. 495–496]. Публикация шведского перевода: [Hjårne, 1880, s. 541(=11)]. В шведской копии указано, что грамота «датирована в Москве в апреле месяце...» (*Datum Muschoenn vdi April månnett...*). Другие, официальные грамоты на имя Юхана, врученные Грише-Йонсу и Перу Сигфридссону на отпуске 8 апреля 1571 г., также датированы в Москве апрелем, но, как подчеркивает Ю.Д. Рыков, присланы они были накануне из Александровской слободы. По его мнению, грамота Эрику была составлена там же, причем скорее всего прямо 26 марта, сразу после встречи царя с Гришей Янсом: [Сборник РИО, 1910, с. 201, 203, 204; Рыков, 2007, с. 146–147].

⁹ Позднее, уже в феврале 1577 г., когда отношения между монархами достигли крайней степени враждебности, Юхан обвинил царя в вероломстве и припомнил ему эту историю. Причем приложил к своему посланию копию тайной грамоты Эрику: [Riksarkivet. Muscovitica. Vol. 671. Fol. 94–94v].

не состоялась, и в октябре 1572 г. толмач оставался заключенным Стокгольмского замка. В начале 1573 г. он был наконец отпущен, а в сентябре король даже удовлетворил его просьбу о выплате остатка причитавшегося ему жалования за 1571 год. Однако почти сразу Йонс вновь угодил в темницу: теперь его подозревали в том, что он позволил себе неподобающие слова в адрес Юхана и вместе с неким датским дворянином обсуждал в том числе возвращение в Россию, где когда-то пользовался большим уважением. Интересно, что о новом деле Йонса в октябре 1573 г. Юхану сообщил наместник Стокгольма Якоб Багге – организатор того самого похода по Неве к Орешку в 1555 г., когда будущий толмач, вероятно, попал в плен. Эдберг предполагал, что на сей раз Йонса казнили [Ödberg 1897, s. 8–10]. Во всяком случае, в т. н. памятных книгах Стокгольма, содержащих протоколы городского суда, говорится, что Йонс Толмач был осужден 28 октября 1573 г. («28 octob[ris] war Jöns tolck för rätte och dömdes etc.» [Tänkeböcker, 1941, s. 314]). Но сам приговор здесь не приводится.

Возможно, слухи о его смерти вновь оказались преувеличенными, так как российский гонец Владимир Пивов сообщал об участии «Гриши Янса» в переговорах с ним в Швеции (в качестве толмача со шведской стороны) 6 июня 1574 г. [Сборник РИО, 1910, с. 272]. Если тут нет никакой ошибки, то Йонс Ульссон продолжил служить в Швеции «русским толмачом». Но пока у нас нет о нем больше никакой информации. И мы, увы, не знаем, когда он скончался. Как и того, не пытался ли он еще раз предложить кому-нибудь свои услуги в качестве тайного агента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамина 2021 – *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамина С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.

Граля 1994 – *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

Демкова 1996 – *Демкова Н.С.* Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III: (По рукописям Шведского государственного архива) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 488–500.

Лунд 2011 – *Лунд К.-Х.* К первому опыту дипломатического перевода с русского на датский // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 51–68.

Лунд 2017 – *Лунд К.-Х.* Переводчик Нильс Мунк и языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в первые два десятилетия XVII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 1. С. 7–33.

Лунд, Иванова 2012 – *Лунд К.-Х., Иванова О.В.* Хенрик Олуфсен – датский переводчик XVI в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 5. С. 88–111.

Лунд, Иванова 2014 – *Лунд К.-Х., Иванова О.В.* Под знаком Севера: языковой аспект датских дипломатических отношений с Россией в конце XVI в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 5. С. 87–109.

Оборнева 2020 – *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Польского приказа (1613–1645 гг.). 2-е изд. М., 2020.

Переводчики 2019 – Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. С.М. Шамина. М., 2019.

Переводчики 2021 – Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. С.М. Шамина. Вып. 2. М., 2021.

Царь 2005 – Царь Иван IV Грозный: *Самодержавный и самовластный.* Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Подг. С.В. Перевезенцев. М., 2005.

Рыков 2007 – *Рыков Ю.Д.* Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова / [Ред.-сост. А.П. Павлов]. СПб., 2007. С. 122–158.

Сборник РИО 1910 – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910.

Сквайрс, Фердинанд 2002 – *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.

Толстиков, Рыбаков 2022 – *Толстиков А.В., Рыбаков В.В.* Первые переводчики с русского языка в Швеции раннего Нового времени // Вестник СПбГУ. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 800–816.

Хорошкевич 2006 – *Хорошкевич А.Л.* Гостеприимство И.М. Висковатого // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. мат-лов конференций 2002–2004 гг. / Под общ. ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 253–259.

Andersson 1953 – *Andersson I.* Erik XIV // *Svenskt biografiskt lexikon.* Bd. 14. Stockholm, 1953.

Angermann 1998 – *Angermann N.* Deutsche Übersetzer und Dolmetscher im vorpetrinischen Rußland // *Zwischen Christianisierung und Europäisierung: Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit: Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag* / Hg. E. Hübner, J. Kusber und E. Klug. Stuttgart, 1998. S. 221–250.

Hjärne 1880 – *Ur brevexlingen emellan konung Johan III och tsar Ivan Vasilievitj* / Meddeladt af H. Hjärne // *Historiskt bibliotek.* 1880. Sjunde delen. S. 531(=1)–554 (=24).

Tarkiainen 2017 – *Tarkiainen K.* Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors, 2017.

Tänkeböcker 1941 – Stockholms stads böcker från äldre tid. Andra serien. Tänkeböcker: Ny följd. Stockholm, 1941. D. 4. 1568–1575 / Utg. genom J.A. Almquist.

Viljanti 1957 – *Viljanti A.* Gustav Vasas ryska krig 1554–1557. Stockholm, 1957. D. II.

Ödberg 1897 – *Ödberg F.* Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575. Stockholm, 1897.

Ю. М. ЭСКИН

«ВОЛЬНОДУМЕЦ» ХОВАНСКИЙ ?

Хованский Иван Никитич – князь, боярин, племянник Д.М. Пожарского, государственный и политический деятель 1-й половины XVII века. В статье предпринята попытка показать своеобразие личности И.Н. Хованского на примере трех эпизодов его биографии, в которых проявилась его «неортодоксальность» в религиозно-литургической сфере, – участия в «деле королевича Вальдемара», поведения в ссылке, а также паломничества на Соловки вместе с будущим патриархом Никоном.

Ключевые слова: князь Хованский И.Н., его взгляды, религиозные споры, принц Вальдемар, патриарх Никон

В нашей работе о князе И.Н. Хованском [Эскин, 2020] мы отмечали его стремление к мирному разрешению всяческих противоречий, вероятную начитанность и возможные некоторые элементы «вольномыслия» в церковно-обрядовой сфере. Первым фактом его не вполне ординарного мировоззрения является его позиция во время истории с датским принцем Вальдемаром. Вероятно, включением в эту интригу он был обязан родственнице, боярыне княгине М.А. Хованской. Мария Афанасьевна, вдова боярина кн. Ивана Федоровича Хованского, умершего еще в 1623 г., являлась верховой боярыней и «мамой» при царевне Ирине Михайловне. Супруги И.Ф. и М.А. Хованские были очень богаты и бездетны, Выдана она была скорее всего за много старшего ее мужа, вдовца¹ [Павлов, 2019, т. 1, с. 335, 354–355, 423; Павлов, 2019, т. 2, с. 50–51] и по возрасту была ближе скорее к И.Н. Хованскому; у них могли быть дружеские отношения. Фактически она была ему не теткой, а женой дальнего кузена; унаследовав большое состояние и титул, она замуж больше не вышла, предпо-

¹ Его первая жена была из рода Борисовых, от которой осталось приданое – вотчины в Берендеевском и Лутосенском станах Дмитровского у. и в Муромском у., последние вернулись в род Борисовых [Павлов, 2019, т. 2, с. 50–51].

чтя хозяйственную самостоятельность и жизнь при дворе. В 1627/28 г. она купила вотчину в 87 ч. из порозжих земель в Дмитровском у., в 1635 г. – у Р.Ф. Боборыкина вотчину в Новгородском у., в 1641 г. – вотчину у И.Г. Плещеева в Арзамасском у. В 1641 г. она заложила вотчины в Новгородском у. семье Веригиных, в 1652 г. – Арзамасские и Алатырские вотчины – семье Протопоповых за огромную сумму в 4000 р. В 1638 г. по материалам Приказа сбора ратных людей у нее числилось «в городах» 559 ч., всего в разных уездах 1359 четей [Павлов, 2019, т. 2, с. 50–51].

Боярыня часто встречается в дворцовых хозяйственных документах, например 22 марта 1631 г. берет из казны для царевны Ирины кубок со свистком и колокольчиком, видимо, игрушку, в 1628 г. покупает иностранных кукол («девки-немки»), в 1639–1640 г. приносит из казны комплект детской серебряной и оловянной посуды, какие-то «потешные коньки», хранит драгоценности царевны, неоднократно награждается за свою службу тканями и мехами [Забелин, 1872, т. 1, с. 122–125, 130–131; Забелин, 1872, т. 2, с. 482, 501], последний раз упомянута на службе 1 декабря 1644 г., когда по ее приказу пошили две шубы для придворных служительниц «калмыцких девок». Бездетная боярыня вероятно очень заботилась о воспитаннице и наверняка желала ей замужества. В январе 1645 г. она, видимо в преддверии «царской радости», получила богатый подарок от царской семьи – вотчину в 600 четей, село Муратово-Индивирь в Алатырском уезде [Павлов, 2019, т. 1, с. 748–750; т. 2, с. 51–52]. Она принадлежала к кружку вокруг царицы Евдокии Лукьяновны, стремившейся выдать дочь замуж. В него входили члены семьи Стрешневых, которые были в родстве с первой женой И.Н. Хованского Анной, дочерью Н.В. Годунова и А.И. Стрешневой, сестры царского спальника. [Павлов, 2019, т. 1, с. 748–750; т. 2, с. 335]; известно, что брат царицы С.Л. Стрешнев очень ратовал за брак Ирины и Вальдемара, за что позднее пострадал [Павлов, 2019, т. 2, с. 668–669]. Противники иностранного принца собрались вокруг патриарха Иосифа и боярина Б. И. Морозова, к ней примыкали Г.Г. Пушкин и думный дьяк Г.В. Львов [Павлов, 2019, т. 2, с. 670–671]. Царь и царица не теряли надежды и могли склониться на точку зрения кн. С.И. Шаховского, который полагал возможным присоединение к православию «вторым» или «третьим» «чином» [Успенский, 1994, с. 409–412], т.е. миропомазанием, или отречением «от заблуждений». Он сам после ссылки простодушно рассказал

об этом своим судьям, что едва не стоило ему головы: «...то де было, говорил де ему от себя прежней благовещенской протопоп Микита [Голубцов, 1891, с. 176]: напал де на нас узол, надобно его розвязать; и он де князь Семен ему молвил: какой узол? И протопоп ему сказал: то де узол, что королевич креститца не хочет. И он де князь Семен ему говорил, что тот узол мочно розвязать и королевича ввести в церковь некрещена, и письмо о том написал собою, а протопоп у него того писма просил, и он де ему не дал, и протопоп про то письмо известил государю, и то де письмо взял у него думной дьяк Григорей Львов, а сказал: велел де у него то письмо великий государь взять» [ЧОИДР, 1892, с. 157]. Пока царственная чета была жива, все стремились ей угодить, используя любые способы для приведения будущего зятя к православию, но их смерть все изменила.

13 июня 1645 г. умер Михаил Федорович и на престол вступил юный Алексей Михайлович; 18 августа умерла и царица Евдокия Лукьяновна². И уже на следующий день, 19 августа, стольник князь И.Н. Хованский был понижен до чина московского дворянина и приговорен к ссылке с семьей в Сибирь. О причинах мы узнаем из «Приговора» ему. Там передаются его слова в разговоре с дьяком Г.В. Львовым и окольным Г.Г. Пушкиным еще до смерти Михаила Федоровича: «кому сметь королевича с Москвы отпустить, чтоб оглянулся назад, не горит ли посад» [Приговор, 1994, с. 139–144]. Как понимать эти слова? Понятно, что в разговоре с Г.В. Львовым и Г.Г. Пушкиным обсуждалась самая животрепещущая тема – судьба брака принца и царевны. В то время люди «за 40», тем более «за 50» хорошо помнили Смуту, времена выборов и «посаждения на царство» весьма разных «помазанников Божьих» – пяти с 1606 по 1613 год. Авторы приговора, правда, не осмелились обвинять Хованского в суждениях, враждебных наследнику, типа «Алексей Михайлович на Московском царстве учинился не по выбору» – так в частности якобы говорил дворянин Михаил Пушкин [Бахрушин, 1987, с. 113; Андреев 2006, с. 61]. Но на Ивана Никитича явно попытались свалить вину те, кто сами были замешаны в интригах. Так, именно думный дьяк Г.В. Львов передал Михаилу Федоровичу упомянутую записку кн. С.И. Шаховского [Бахрушин, 1987, с. 109]. Вряд ли старому

² Алексей Михайлович говорил принцу Вальдемару, что мать все время плачет, не видя Божьего света [Кошелева, 1999, с. 162].

учителю царевича Алексея, учившему его чтению, письму, счету, а возможно, и премудростям налогообложения (Львов был знатком «сошного письма») [Лукичев, 2004, с. 312–317] импонировало возникновение новой династической семьи – конкурента его воспитаннику. Приняв православие, Вальдемар заведомо оказывался по местническим понятиям «выше» молодого царя; а если бы у них с Ириной родился сын, то это уже было бы щекотливой проблемой для еще не женатого Алексея Михайловича. Недаром не только в столице, но и в провинции ходили разговоры о кандидатуре принца. Так, мурза «Федот Бердишев сын князь Долоткозин» в Шацком у. говорил крестьянам, «посадить де было на государство Московское королевича Дацкого, которой был на Москве» [Бахрушин, 1987, с. 110; Кошелева, 1999, С. 167], а государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всеа Русии напрасна де на государство посадили» [Смирнов, 1915, с. 67–70] Можно представить, что если столь критические суждения произносились в далеком Шацком уезде, какие разговоры шепотом ходили по Москве.

После вступления на престол Алексея Михайловича те, кто вчера еще ратовал за брак царевны, в том числе и Г.В. Львов, почувствовали опасность. Один из главных «уговаривателей» королевича, ключарь Успенского собора Иван Наседка тут же начал намекать, что он и не желал никакого перекрещивания – в своей «Повести о смерти царя Михаила Федоровича» он чуть ли не радуется смерти царя и царицы, и «без их же убо государей не их воля стала, но новая благодать воссияла, сия отрасль их царская восстала, благоверный царь ... Алексей Михайлович уже и царь наречен бысть, своим умом и разумом нача быти ... и князи и бояре и всие люди не восхотеша тому быти, что неверному с верным и благочестивым жити, аще бы и паки крестился и брак принял. Яко же глаголется от человек: два убо зверя не ужительствуются в одном лежалище, тако же паки и благочестивому с нечестивым не ужительствовати в одном царстве...». Наивно и несколько непочтительно уподобляя своего юного государя и датского принца двум медведям в одной берлоге, Иван Наседка стремился уверить читателя, что королевич, оставшись в России, «восхоте бы большей властец быти и царством владети, и смуту и крамолу учинил велику зело ... аще бы и крестился и оженился, но внутрь бы себе не оставил от своего яда ... но Бог «от такового врага избавил

есть нас безо всякого смущения и крамолы и не предал нас беззаконному и нечестивому врагу» [ЧОИДР, 1892, с. 13].

В условиях, когда наверху уже «безо всякого смущения» считали Божьим промыслом смерть родителей нового царя, любое обвинение в попытке задержать в стране опасного врага выглядело серьезным и наказуемым. Хованский стал козлом отпущения. Сначала его убрали из Москвы – послали приводить к присяге жителей Вязьмы и Можайска, но в «приговоре» его ложно обвинили в нежелании целовать крест Алексею Михайловичу. В современной историографии существует мнение, что он стал жертвой борьбы группировок бояр Ф.И. Шереметева и Б.И. Морозова [Опарина, 2007, с. 270; Павлов, 2019, т. 1, с. 668–669], хотя фактов практически нет [Лобачев, 2003, с. 30, 108–109]. Просто «нераспорочность» в смене взглядов при дворе оборачивалась опалой. 19 августа стольник кн. И.Н. Хованский был понижен до московского дворянина, отправлен под домашний арест под охраной 10 стрельцов, а затем сослан в Сибирь [РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 300, л. 156–157].

Текст приговора ему состоит из четырех пунктов обвинения. Первое – уговаривал королевича креститься, выполняя указания некоего лица, ныне это отрицающего; второе – вместе со своей теткой занимался ведовством с целью приворотить королевича и как-то воздействовал на царственную семью уговорами, что королевич крестится, что привело к смерти царя и царицы; третье – в доме у дьяка Львова предрекал волнения в Москве в случае отпущения королевича; четвертое – отказывался присягнуть новому царю. Сохранившийся отрывок начинается с окончания чьих-то показаний: некто оправдывается, заявляя, что «государю хочет и рад служить, и королевича наговаривал» принять православие, и «и такова слова он с тобою со князем Иваном и ни с кем не приказывал», т.е. отказывался от какого-то слова, которое, по словам кн. И.Н. Хованского, он с ним велел («приказывал») королевичу передать. Т.е. князь утверждал, что передавал королевичу слова от некоего лица, которое теперь это отрицает и сваливает все на Хованского, который якобы убеждал царя и царицу, что королевич крестится, а в результате так их расстроил, что оба умерли. Это означает, что Иван Никитич был лично так близок к царю и царице, что интимно разговаривал с ними о семейных делах и к его мнению прислушивались. Вряд ли без высочайшей санкции он с теткой осмелился бы якшаться и с некими «ведунами»,

причем «...от вашего ведовства и воровства великому государю и великому князю Михаилу Федоровичу ... и ево государыне царице ... Евдокии Лукьяновне смерть учинилась». Такое обвинение, будь не столь абсурдным, грозило бы уже не плахой, костром. Покинула двор и «мама» царевны княгиня Мария Афанасьевна. Вскоре после смерти царицы была проведена чистка в ее дворе, включавшем и штат при царевнах. Февралем 1646 г. датируется «Роспись царицы Евдокии Лукьяновны боярыням и казначеям и постельницам и мастером, которые отставлены: Боярыня княгиня Марья Хованская, сослана с Москвы; Анна Пушкина, Татьяна Скобельцына; казначеи Варвара Унковская, Домна Григорова ... Постельницы 18 человек; портомоя Полагаея Давыдова, сослана в Сибирь ... [Забелин, 2003, т. 1, ч. 2, с. 535]. Забелин предположил, что высылка боярыни, а возможно и бедной прачки, была как-то связана со смертью царицы [Забелин, 1872, с. 330]. Семья отставленной Скобельцыной была близка к Стрешневым [Павлов, 2019, т. 1, с. 651]. Анна Пушкина могла быть связана с московским дворянином Михаилом (Остафьевичем?) Пушкиным, который выражал недовольство тем, что не было избрания царя [Кощелева, 1999, с. 166]. Бывшая воспитательница царевны спустя 9 лет жила в аристократическом Георгиевском девичьем монастыре в Москве на Большой Дмитровке и распорядилась своим немалым состоянием. Может быть, она ощущала вину в ссылке родственников, и в 1654 г. в Поместном приказе «поступную родственную вотчину», с. Елцыно Владимирского у., передала «посестрея³ ево, Егорьевского девичья монастыря старица Марфа, что была в мире княгиня Марья, племяннику своему боярину Ивану Никитичу Хованскому и детям ево, 800 четей ...» [РГАДА, ф. 1209, оп. 2. ч. 1, кн. 12619, № 78; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 12605, л. 1095–1110; Капустин, 1908].

И.Н. Хованский, употребив поговорку «оглянись назад, не горит ли посад», видимо призывал к осторожности и во внутренней, и во внешней политике – как-никак, оскорбление союзного монарха. Опасался того же и кн. С.И. Шаховской: «...только бы в нынешнем настоящем времени раздора никакова с ним не учинить» [Памятники, 1892, с. 163–164.]. Он считал возможным при-

³ «Посестрией» именовалась обычно бывшая жена, ушедшая в монастырь; но вероятно это могла быть и другая родственница, порвавшая мирские связи с членами семьи, но оставившая духовные.

соединение принца к православию путем его миропомазания и произнесения Символа веры, «и сие бы ему вменилось в правду, а потом вселится в него Святаго Духа благодать и сотворит, елико восхощет». Собором 1620 г. под давлением Филарета было решено перекрещивать в три погружения всех, включая православных южной и западной Руси, крещеных «обливанием», что сохраняло силу до 1666–1667 гг., когда уже невозможно стало считать «не совсем православными» поголовно всех жителей присоединенных регионов.

В ссылке Хованские провели три года. 11 марта 1648 г. они выехали из Пелыми и за четыре месяца достигли своего дома в с. Пестякове в Суздальском у. [РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 300, л. 6–7]. Сибирский приказ указывал суздальскому воеводе Н.М. Беклемишеву: «...беречи накрепко, чтоб князь Иван Хованской и з женою и с сыном окроме церкви з двора никуда не ездил, и никакие сторонние люди окроме ево князь Ивановых людей и крестьян к нему не приходили и не приезжали» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 300, л. 23–24.]. Приставы у него жили примерно месяц и должны были соблюдать инструкцию об изоляции Хованских, за исключением церковной службы. С последними приставами у И.Н. Хованского случился конфликт⁴. Приставы пожаловались суздальскому воеводе, что князь их не кормит, а время служб священнику назначает произвольно, «заутрени велит петь в часу в пятом, и в шестом дни, а обедни де велит петь в вечерни», и таким образом «живет не по подобью» [Акты, 1838, № 54, с. 97]. Слуга Хованского Григорий Суботин возмущенно отвечал на этот извет в съезжей избе, жалуясь «на Якова Марьянова да на Назара Савинова сына Салдата». По его словам, они «не хотя впредь у государя моего быть в приставах, пошли оттай, не сказав государю моему, и пришед в Суздаль, почали государя моего князя Ивана Никитича бранить всякою неподобною бранью».

Если заутреню служили в пятом-шестом часу от восхода солнца (а в июле–августе солнце восходит в 4–5 часов утра), князь указывал начинать службу часов в 8–9, может быть, после перенесенных в Сибири испытаний. Соответственно сдвигались и следующие службы. Суботин уверял, что «государь мой заутрени

⁴ На документ, излагающий обстоятельства этого конфликта, мне сообщил автор рецензии на мою книгу о Хованском А.Ю. Кабанов [Кабанов, 2021, с. 63–64], за что выражаю ему благодарность.

и обедни велит священнику петь, как у прочих храмов священники служат, а их Якова и Назара поил и кормил». Похоже, что приставы, не получив никакого прибитка от уже знавшего о прощении князя, самовольно ушли со службы, при этом они что-то слышали об опале Хованского в связи с какими-то «духовными» делами и решили оправдать свой уход с невыгодной службы обвинением в недостаточной набожности. Впрочем, помилование князя было уже решенным делом – вскоре последовали указы от 29 и 30 октября: «Пожаловали ... из суздальской твоей вотчины взять к Москве ... Лета 7157, октября в 30 де(нь)» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 300, л. 1–2].

Третий эпизод «вольнодумства» князя связан с походом-паломничеством за мощами св. Филиппа Митрополита на Соловки, во главе с будущим патриархом Никоном. «Светской» частью экспедиции ведал Хованский, вероятно потому, что у них сложились хорошие отношения во время умиротворения новгородского и псковского восстаний 1650 года. К тому же князь имел опыт странствий по Северу и как воевода «на Двине» [РГАДА, ф. 210, оп. 9, ст. 182, л. 3; РГАДА, ф. 210, оп. 9, ст. 1064, ч. 1, л. 1], да и как ссыльный.

Волевой митрополит попытался ввести жесткие монастырские правила жизни и в «мирской» части своей экспедиции. Все принуждались ежедневно отстаивать службы⁵, и это после преодоления грязи, топей и болот, ветров, волн на реках и озерах. Хованский в личном письме к царю решительно протестовал, заявляя, что «совсем пропал», «бутто ты ево заставляешь с собою правила ежедень; да и у нас перешептывали на меня: николи де такого безгласья не было, что ныне государь нас выдал митрополитом». Его поддержал дворянин В.П. Отяев, писавший в Москву, что «как де так силою заставляет говеть – никого де он силою не заставит в Бога веровать» [Акты, 1836, с. 86; Севастьянова, 2003, с. 41]. Алексей Михайлович вынужден был рекомендовать Никону умерить строгости, а с недовольным боярином по возвращении поговорить «с очей на очи», во избежание скандала [Акты, 1836, с. 86–87].

⁵ То есть «Богослужение 9-го часа», вечерню, заутреню (с первыми лучами солнца), 1-й, 3-й и 6-й часы, обедню, и вероятно – всенощное бдение перед воскресеньями и праздниками. Неясно, как они соблюдались при движении обоза и на судах.

И.Н. Хованский был человеком «книжным». Это известно по списку пропавших книг из его разграбленного обоза под Псковом [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1650 г., ст. 24, л. 632]. Среди них были: «четверы книги – Иван Богослов, Ефрем, Пролог, Златоуст». Первая из них – Евангелие от Апостола Иоанна, вероятно, три послания, «Откровения»; в XVII в. было популярно Толкование на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского в переводе Лаврентия Зизания, изданное в Киеве в 1625 г., красивая и дорогая книга с гравюрами на сюжеты Апокалипсиса [Украинские книги, 1976, с. 21; Запаско, Исаевич, 1981, с. 43]. «Ефрем» – вероятно, «Поучения преподобного Ефрема Сирина», изданные в Москве в 1647 г. [Московские кирилловские издания, 2002, с. 245, 305]. «Пролог», или «Евангелие учительное Пролог», толкование еженедельных и праздничных евангельских чтений, житийный сборник, одна из любимых книг тогдашнего русского читателя; в Москве издавался в 1641–1643 гг. [Московские кирилловские издания, 2002, с. 155]. «Златоуст» или «Златоструй» – сборник сочинений Иоанна Златоуста, именуемый также «Маргарит», был широко распространен в списках, издавался в Остроге в 1595 г., в Москве в 1641 г. [Московские кирилловские издания, 2002, с. 1454 Фомина, 1987, с. 187–190; Украинские книги, 1976, с. 21; Запаско, Исаевич, 1981, с. 43]. Этот набор книг свидетельствует о традиционной древнерусской образованности⁶.

Итак, «вольнодумство» Ивана Никитича явилось примером «обмирщения» культуры и быта. Так можно вероятно ответить на поставленный А.Ю. Кабановым вопрос, что скрывалось за несколько небрежным отношением князя Ивана Никитича к религиозным обрядам, подтверждаемым фактами его биографии. Два сына-наследника князя как бы разделили две его ипостаси. Интерес к религии унаследовал его старший сын боярин Иван Иванович, раздражавший Петра I истовым благочестием, неприятием новшеств и погибший под следствием в Преображенском приказе как покровитель Григория Талицкого [Голикова 1957, с. 141; Панченко 1984, с. 123]. А младший сын Петр Иванович шел в ногу с Петровской эпохой, усмирлял булавинское и башкирское восстания, но стремился действовать разумными, не слишком кровавыми мерами.

⁶ За консультации благодарю А.А. Булычева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты 1836 – *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. IV. СПб., 1836.

Акты 1838 – Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Андреев 2006 – *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006.

Бахрушин 1987 – *Бахрушин С.В.* Московские толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С.В. Труды по *источниковедению*, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987.

Голикова 1957 – *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957.

Голубцов 1891 – *Голубцов А.П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. М. 1891.

Забелин 1872 – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц. М., 1872.

Забелин 1915 – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей. Т. 1. Ч. 2. М., 1915.

Забелин 2003 – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей и цариц. Материалы к т. 1, ч. 2. М., 2003.

Запаско, Исаевич 1981 – *Запаско Я.П., Исаевич Я.Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574–1700). Львів, 1981.

Кабанов 2021 – *Кабанов А.* Рец. на кн. Эскин Ю.М. Иван Никитич Хованский. М, 2020 // Бурьлинский альманах. Иваново, 2021.

Капустин 1908 – *Капустин А.В.* Село Леоново, подмосковное поместье кн. И.Н. Хованского. М., 1908.

Кошелева 1999 – *Кошелева О.Е.* Лето 1645 г.: Смена лиц на российском престоле // Казус. Вып. 2. М., 1999. С. 148–170.

Лобачев 2003 – *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003.

Лукичев 2004 – *Лукичев М.П.* [Григорий Васильевич Львов – учитель царя Алексея Михайловича] // Лукичев М.П. Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 312–317.

Московские кирилловские издания 2002 – Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Вып. 2. 1629–1650 гг. М., 2002.

Опарина 2007 – *Опарина Т.А.* Иноземцы в России в XVI–XVII вв. М., 2007.

Павлов 2019 – *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: Просопографическое исследование. Т. 1–2. СПб., 2019.

Памятники 1892 – Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. Собр. А. Голубцовым. М., 1892.

Панченко 1984 – *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

Приговор 1994 – Приговор князю И.Н. Хованскому. Публ. О.Е. Кошелева // Архив русской истории. Т. 5. М., 1994.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 12605. Писцовая книга Владимирского уезда письма и меры В. Кропоткина. Л. 1–1164.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Отказные книги по Владимиру. Кн. 12619. № 78.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1650 г. Ст. 24.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 1064. Ч. 1.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 182.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 300. 7156 г. По челобитью бывшего в Сибири на житье за вину кн. Ивана Хованского о дозволении ему жить на свободе в суздальских деревнях за пристава и о свободе из-за оногo пристава. 168 л.

Севастьянова 2003 – *Севастьянова С.К.* Материалы к Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона. СПб., 2003.

Смирнов 1915 – *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1915. С. 67–70.

Украинские книги 1976 – Украинские книги кирилловской печати XVI–XVII вв. Каталог изданий, хранящихся в ГБЛ. Вып. 1. 1574 г. – I пол. XVII в. М., 1976.

Успенский 1994 – *Успенский Б.А.* Свадьба Лжедмитрия // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1994. С. 409–412.

Фомина 1987 – *Фомина М.С.* Златогруй // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л., 1987.

ЧОИДР 1892 – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1892 г. Ч. 2.

И. В. ДУБРОВСКИЙ

ЕЩЕ РАЗ О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПОЕЗДКЕ ПЕТРА I В ВЕНЕЦИЮ

Распространившееся в последние годы представление о тайном приезде Петра I в Венецию грубо попирает факты истории и географии. В статье рассмотрены аргументы автора этой догадки, С.О. Андросова, и продемонстрирована их несостоятельность. Для опровержения критикуемого мнения предпринят анализ свидетельств венецианских документов 1698 года.

Ключевые слова: Петр I, Великое посольство, Венеция, венецианское ведомство *Inquisitori di stato*, история почты

География и хронология первого заграничного путешествия Петра I хорошо изучены. Согласно историографии, в июле 1698 года царь Петр, находясь вместе с Великим посольством в Вене, планировал возвращение на родину, но до этого желал предпринять короткую поездку в Венецию. Сначала уехать туда ему долго не давали неоконченные дела при венском дворе. После было получено страшное известие о новом стрельцком мятеже, заставившее царя немедленно поспешить в Москву. Быстро уладив дела, царь бросился из Вены на родину 29 июля (здесь и далее даты приведены «по григорианскому календарю»). Вскоре выяснилось, что мятежники потерпели поражение и можно ехать медленнее. Но Италия и Венеция остались уже далеко позади. Другого же случая увидеть их Петру I больше не представилось. Особенных поводов что-то еще здесь исследовать, очевидно, нет. С большей пользой для науки я бы потратил время на что-то другое, если бы не безответственная выходка одного искусствоведа, выступившего с сенсационным утверждением, что царь Петр I до своего отъезда в Москву якобы успел побывать в Венеции [Андросов, 1995]. Многим оно представляется сегодня последним словом науки или, как минимум, заслуживающей внимания версией событий, поэтому придется остановиться на нем подробнее.

Начать хотелось бы с венецианского ведомства, чьи бумаги, по мысли петербургского искусствоведа С.О. Андросова, будто бы содержат свидетельства о пребывании Петра I в Венеции. Оно называлось: «Inquisitori di stato», «государственные инквизиторы». Штат был невелик: три «инквизитора», к услугам которых имелся всего один «пехотинец», а собственный бюджет отсутствовал. Чем это учреждение занималось и какое отношение могло иметь к приему русского царя?

Венецианский дипломат Карло Рудзини в письме из Вены от 15 июля 1698 года доносил, что русский царь желает посетить Венецию как частное лицо и настоятельно просит венецианские власти избавить его от всех публичных встреч и церемоний [Сборник, 1903, с. 425 (№ 561)]. Что тем оставалось делать?! Начиная с 23 июля мы видим целую серию правительственных распоряжений, предписывающих венецианским должностным лицам по пути следования Петра встречать его таким образом, чтобы оказанные ему услуги выглядели частной инициативой. Согласно одной из инструкций, так должен был повести себя го-нец, которому поручалось встретить царя на венецианской границе, а затем его сопровождать, «не подавая виду», что он получил такой приказ («*che mai mostri d'operare cosa alcuna di pubblico ordine, ma sempre in forma privata*») [Сборник, 1903, с. 447–448 (№ 576)]. «Как въедет его [царское] величество в земли нашего государства, – читаем мы в письме «лейтенанту» города Удине от того же дня 23 июля, – на каждой почтовой станции... вам надлежит официальным распоряжением («*di pubblico commando*») отвести [для приема царя] какой-либо из наилучших домов, щедро снабдив его провизией и питьем, что должно быть сделано за государственный счет, не вводя в расходы никого из частных лиц («*che doverà farsi a spese pubbliche e senza aggravio alcuno di particolari*») ... В каждое из вышесказанных жилищ вам следует назначить одного из тамошних дворян, кого по уму и сноровке вы сочтете наиболее способным и пригодным для подобного задания... Но действовать и говорить он должен неизменно как частное лицо и никогда от имени государства («*tutto doverà operare e parlar sempre in forma privata e mai in pubblico nome*») [Сборник, 1903, с. 449 (№ 577)]. Подеста и капитан Тревизо Габриеле Содерини в тот же день отвечал в Венецию, что в его городе таким подставным хлебосолом почел за честь выступить граф Паоло Поло. 24 июля он же сообщал, что принять русского царя в сосед-

нем городке Конельяно он доверил маркизу Сугана. Но в Конельяно были свои власти и предрассудки, и там остались недовольны вторжением в дела их города со стороны постороннего начальства. Подеста и капитан Конельяно Бенетто Бадозер 25 июля писал в правительственные инстанции, что считает наилучшим решением принять царя во дворце графа Пьетро Монтальбано [Сборник, 1903, с. 455, 457, 459 (№№ 586, 588, 591)]. Подеста и капитан Удине Джованни Джустиниан в письме на имя венецианского дожа от 30 июля ставил правительство в известность, что для приема московского государя «частным образом в соответствии с правительственным циркуляром» («in forma privata giusto alle pubbliche prescrittioni») в окрестностях Кодройпо он выбрал виллу Марин в Пассарьяно, а изобразить из себя ее хлебосольного хозяина поручалось графу Франческо Вальвасону [Сборник, 1903, с. 467 (№ 600)]. Под маской частной инициативы, очевидно, предполагалось действовать также и в самой Венеции. «Служить царю, далее, приказано четырем прокураторам святого Марка, – сообщал 26 июля в Рим папский нунций, – ... Каждый из них будет стараться, чтобы его гондолы и ливреи были лучше, чем у другого» («ogn' uno de' quali farà a gara nella comparsa delle gondole, e livree»); обратим внимание и запомним употребленный здесь оборот «fare a gara», что означает «состягаться», «соревноваться»). Однако тремя днями раньше венецианскому ведомству Rason Vecchie решением Сената Венеции было поручено изготовить для приема Петра две богато украшенные лодки и четыре гондолы с подходящими их убранству ливреями («con livree consimili») лодочников и гондольеров за государственный счет [Сборник, 1903, с. 444–445, 499 (№№ 574, 628)].

В том же письме папского нунция есть еще одна подробность, видимо, укладываемая в ту же трактовку приема царя как дела, к которому Венецианское государство как бы не причастно: «Кроме того, – сказано там, – для него готовятся многие развлечения, свойственные этому городу, как то... маски и бал для знати и дам в большом зале совета, который его светлость [венецианский дож] устраивает за собственный счет». Флорентийский агент в Венеции Маттео дель Телья в тот же день 26 июля сообщал в канцелярию великого герцога Тосканского о том же в следующих выражениях: «Светлейший дож предложил Коллегии [a gl'Eccellentissimi Savii] устроить за свой счет то, что относится к обязанностям дворца. В частности, это будет бал исключительно

для дам и кавалеров, с приостановкой действия запретов на роскошь [con la dispensa della Prumatica], без масок, фейерверк и все, что полагается для самого большого торжества» [ASFi, MdP, 3048, f. 495v.–497r.]. Из следующего донесения Маттео дель Телья от 2 августа становится известно, что в эту ситуацию неожиданно вмешиваются «государственные инквизиторы» [ASFi, MdP, 3048, f. 505v.–507r.]. Хотелось бы привести данное сообщение целиком:

«Тут до сих пор все стояли на ушах из-за приезда великого царя Московии, точно он мог объявиться в любой из дней, но венецианский посол при императорском дворе в своем последнем письме сообщает [следующее]. Пока его высочество¹ после великолепного празднества, устроенного для него по распоряжению императора в саду [дворца] Фавориты, собирался выезжать в нашу сторону, ему доставили депешу большой важности, которая заставила его [царское] высочество задуматься о том, ехать ли ему сюда либо вернуться в свое государство, куда его призывали настолько важные дела, что впору было засомневаться. Новость эта никоим образом не вызывает здесь сожаления, учитывая последствия [какие? – *И. Д.*], хотя наперед уже были отданы многие распоряжения по поводу приема [гостя], которые обернутся большими издержками, когда подтвердится, что [царь] решил [отказаться от поездки в Венецию]».

Перевод следующего абзаца лучше сопроводить оригиналом:

<p>«Праздник же, который светлейший дож хотел устроить во дворце за свой счет, полностью отменен тайным решением инквизиторов под тем колоритным предлогом, что они [инквизиторы], сами являясь советниками, испытывают ревность, которая свирепствует в правительстве Венеции, [и помышляют о том,] чтобы отнять бессмертную славу [такого деяния] у дома [дожа Сильвестро Вальера? – <i>И. Д.</i>] и ближайшей родни.</p>	<p>La festa però, che voleva fare a sue spese in Palazzo il Serenissimo Doge, resta totalmente sospesa segretamente da gl'Inquisitori con coloriti pretesti, ch'hanno per Consiglieri l'invidia, che fra Signori del Governo molto regna, per non dare questa immortal gloria alla Casa, ed a Parenti più stretti</p>
---	---

¹ На Западе русского царя многие упорно именовали только «великим князем Московским», считая данный титул равным герцогскому.

<p>Ею являются, в особенности, [представители ветви семьи] Дольфин, к коим принадлежит одноименный кардинал, которые вместе с другими приверженцами его (дожа? – И. Д.) партии к настоящему времени махинациями сколотили подозрительную клику, ратующую против законов об общественной умеренности (законов против роскоши. – И. Д.), которая, вероятно, дала большой толчок к спасительному обузданию махинаций, что нынче в ходу.</p>	<p>che sono particolarmente i Dolfini del Cardinale di questo cognome, che con altri aderenti del suo partito, hanno fatto fin hora in Broglio una sospettosa fazione contro le Leggi d'una moderata comunanza, che ha forse dato il maggior impulso alla salutare inibizione de Broglio, che presentemente si pratica;</p>
<p>[Инквизиторы] напомнили, что, [разрешите они] в этой связи дамам города появляться в достойных нарядах, помимо лишних расходов это могло бы вызвать и ряд других серьезных проблем. Но вообще [им] не хочется потакать желанию главы государства, идущему вразрез с публичными запретами, подавая тем самым подобный пример для потомства.</p>	<p>essendo stato ricordato, che in tal congiuntura, per comparire degnamente ornate le Dame della Città, potria seguire, oltre l'incomodo del dispendio, qualche altro considerabile disturbo, ma in sustanza non si vuol dare al Capo della Republica con un tal' esempio, questa sodisfazione a pregiudizio de publici divieti, per la posterità.</p>
<p>Таковы сокровенные мысли на сей счет тех, кто хорошо знает принципы данного правления, которое не печется ни о чем больше, нежели изо дня в день ограничивать власть дожа. Так что если царь таки объявится, по этому поводу будут взяты иные меры».</p>	<p>Questi sono sentimenti penertati a tal proposito da ben informati delle massime di questo Governo, che altro più non affetta, che nel restringere giornalmente l'autorità del Doge. Onde se anche verrà il Czar, si prenderanno sopra ciò altre misure.</p>

Перед нами картина деятельности венецианских «инквизиторов», которую хотелось бы прокомментировать. Можно еще уточнить – пример деятельности конкретных лиц, являвшихся венецианскими «инквизиторами» в эти дни. Венецианский дож и его окружение, по-видимому, всего лишь пытаются найти такую форму приема московского государя, которая отвечала бы его по-

желанию быть принятым как частное лицо частным образом. При этом отношения с Россией и ее монархом, могущественным союзником в войне с Турцией, являются для венецианского правительства важнейшим государственным делом, наверняка способным перевесить многое другое. Мы узнаем, что дож Сильвестро Вальер посчитал нужным заручиться одобрением своих планов со стороны ключевой правительственной инстанции – Коллегии. Она была создана как инструмент контроля и ограничения власти дожа, но так ее опутала, что соединилась с ней и на практике стала ключевым органом исполнительной власти Венецианского государства, который современные исследователи называют венецианским «Советом министров». «Государственные инквизиторы», напротив, не подключаются к процессу государственного управления, не забирают в свои руки ни чьих полномочий, а тем более не собираются принимать на себя ответственность за реализацию практических дел. Они ратуют за чистоту принципов государственной жизни, которые одновременно сами и определяют. Частный бал в честь приезда русского царя, устроенный с блеском, в их глазах, может принести семье дожа и его родне ненужную «славу». Бал ими запрещен, а взамен ничего не предложено. Как это повлияет на отношения Венеции и царя, чьи пожелания о частном приеме оказываются в результате проигнорированы, «инквизиторов», похоже, не волнует. Это не их дело. Недаром флорентийский агент Маттео дель Телья пишет об этой коллизии с таким сарказмом.

Обратимся к документам указанного ведомства, посвященным ожидавшемуся приезду Петра. Речь идет всего о нескольких кратких донесениях, составленных для венецианских «инквизиторов». Все они опубликованы в известном издании Е.Ф. Шмурло, где умещаются на одной странице [Сборник, 1903, с. 427–428 (№ 562, IV–VII)]. Для сравнения там же можно пролистать толстую пачку бумаг венецианского Сената, занятого практической работой. Администраторы сбиваются с ног и погибают под ворохом служебных бумаг. Роль «государственных инквизиторов» сводится к тому, чтобы величественно надзирать. Что удалось разноухать о приезде царя их шпионам? Согласно одной из анонимных записок, датированной 29 июля, царь тайно прибыл в Венецию четыремя днями раньше, вечером пятницы 25 июля, «и отправился в дом грека Дзордзы у церкви Сан Дзуане Ново» (таковы венецианские варианты имен «Джорджо / Георгий»

и «Джованни»). Далее сказано, что «он вышел из дому в сопровождении одного спутника, будучи одет по-славянски», а «его генерал» – дожидавшийся Петра в Венеции Борис Шереметев, – для отвода глаз отправился встречать царя в Местре, точно тот еще не приехал. Кажется, донос справедливо не вызвал никакого доверия, ибо в другой записке мы читаем: «шпик... клянется жизнью, что царь в Венеции»; он остановился «в доме, уже доложенном их превосходительствам, и этим вечером уезжает в Конельяно». Записка от 30 июля не менее колоритна. Якобы царя видели на улицах города. Сначала он «долго беседовал со своим генералом», после чего к ним присоединился его переводчик, и «все трое отправились к церкви Санта Мария Формоза, поминутно оглядываясь, нет ли за ними хвоста» («*sempre voltandosi indietro per vedere se alcuno vi va dietro*»). Впрочем, и в этот раз царь «оделся по-славянски», не подумав, что это может его выдать.

Последний документ датирован 1 августа, и в нем тот же информатор легко отказывается от приведенных утверждений. А именно о нем сообщено следующее: «Тот самый агент [*il solito confidente*] мне доносит, что драгоман [очевидно, состоявший при группе русских дворян, ожидавших приезда Петра I, – *И. Д.*] после завтрака велел приготовить лодки для поездки в Местре, говоря, что надо забрать его государя. Когда же, как было приказано, гондолы и лодки с вымпелами [перевожу по своей конъектуре: *peotte con fiamole*, – *И. Д.*] были приведены в порядок, драгоман вдруг куда-то пропал, а через какое-то время прислал сказать, чтобы те отправлялись в Местре, что они и сделали». От себя неизвестный автор письма далее прибавляет к сведению «инквизиторов» еще один факт: тем же утром французский посол, осмотрев комнаты, приготовленные для русского царя во дворце на Большом канале Ка Фоскари, нашел, что «для столь великого монарха они плохо обставлены, особенно приемная».

Бумаги, которые мы процитировали, С.О. Андросов называет «прямыми свидетельствами» посещения Петром I Венеции. По его мнению, они говорят за то, что царь Петр приехал в Венецию в ночь на 29 июля и находился там день или полтора. «Визит [Петра], – продолжает искусствовед, – совершился в обстановке полной секретности и даже сопровождался отвлекающими маневрами. Вместе с тем царю не удалось обмануть венецианскую службу безопасности, и сообщения о его пребывании в городе

Сан Марко [?!] регулярно поступали к государственным инквизиторам» [Андросов, 1995, с. 132, 133–134].

Зададимся вопросом, каким путем был получен данный вывод? Имеет ли он отношение к науке и научной деятельности? Ответ очевиден. Целью С.О. Андросова является не установить научный факт, а наоборот, защитить посетившую его мысль от докучки исторических фактов. Достигается это двумя известными способами. Первый – когда неудобные свидетельства провозглашаются сомнительными. Находясь под гипнозом собственного предубеждения, С.О. Андросов верит безымянному согладатою в том, что Петр находился в Венеции 29 июля, но тут же объявляет его некомпетентным, когда тот прибавляет, что царь прибыл в город четырьмя днями раньше. «То, что конфидент не знает точной даты прибытия царя в Венецию, – сообщается нам по этому поводу, – не должно нас смущать. Он, естественно, не мог присутствовать при его приезде и поэтому ошибся» [Андросов, 1995, с. 133]. Есть целый ряд показаний источников о том, что 28 и 29 июля Петра I видели в Вене, где, по расчетам С.О. Андросова, в эти дни он не должен был находиться. «Во всей информации о пребывании Петра в Вене в последние дни посольства, – роняет он по этому поводу, – присутствует какой-то элемент двусмысленности или загадочности. С одной стороны, вроде бы о нем регулярно сообщают иностранные представители и австрийские источники, но с другой – анализ этих данных позволяет сомневаться в их точности» [Андросов, 1995, с. 131]. А именно автор делится «впечатлением» («создается впечатление»), что правда о подлинном местонахождении царя скрыта «покровом тайны или даже дезинформации».

Другой способ отринуть от себя неудобный материал – это его замалчивание. Как можно утверждать, что царь Петр побывал в Венеции, основываясь на документах венецианских «инквизиторов», если сами «инквизиторы» в этот факт не верят?! Второй из упомянутых мной документов ясно показывает, что информатору не верят. Последний – что в мнимый приезд царя два дня спустя не верит уже и сам информатор. О существовании этой последней записки, адресованной венецианским «инквизиторам», от 1 августа, согласно которой царя в Венеции еще только ждут и готовятся к его приезду как ни в чем не бывало, С.О. Андросов не упоминает.

Помимо прочего, такое обращение с материалом серьезно затрудняет диалог, ибо факты, которые мы предложим ему принять во внимание, он может проигнорировать столь же легко. Так, А.С. Лавров вводит в научный оборот данные о еще одном человеке, видевшем Петра I в Вене 28 июля 1698 года, когда, по мысли С.О. Андросова, царь должен был быть на подъезде к Венеции [Лавров, 2001, с. 131–135. Другие свидетельства, известные давно, приведены в кн.: Устрялов, 1858, с. 146, 149, 150]. Однако какую доказательную силу это новое свидетельство может иметь, если три предыдущие уже объявлены дезинформацией, частью операции прикрытия, призванной нас запутать? Я от себя могу прибавить, что разговоры о том, что царь будто бы тайно находится в Венеции, отразились также в других источниках. Один такой «упорный слух» («*come qui una costante voce*») с сомнением упоминает наш знакомый Маттео дель Телья в письме от 19 июля [ASFi, MdP, 3048, f. 489r.–v.]. Ну и что, – уже слышу я в ответ. Сказано же: те, кто называет даты 29 и 30 июля, правы, а остальные ошибаются.

Мы поступим наоборот: станем проверять гипотезы фактами, а не факты – доморощенными гипотезами. Путем упомянутых манипуляций С.О. Андросов выкраивает Петру на дорогу до Венеции три дня. «От Вены до Венеции, – сообщает он дальше, – несколько более 500 километров. В среднем путешественники на лошадях одолевали тогда за день около 100 км, и первоначальное намерение Петра I проделать путь за пять дней этому не противоречит. После же получения известий из Москвы ситуация изменилась, и царь должен был торопиться. Имея возможность ехать в коляске ночью, он мог добраться до Венеции за трое суток или даже чуть быстрее» [Андросов, 1995, с. 131–132]. С первого до последнего слова здесь все неверно. Кратчайший путь из Вены в Венецию, который пролегает через Каринтию, по современным дорогам – 600 километров. В старину, когда не было эстакад и тоннелей, он наверняка был длиннее. Именно этой дорогой пользовались наши путешественники, оставившие свои описания. П.А. Толстой выехал из Вены 28 мая 1697 года и приехал в Венецию 15 июня. Его обратный путь длился с 30 октября по 30 ноября следующего 1698 года. Б.П. Шереметьев из Вены в Венецию ехал с 5 января по 5 февраля 1698 года, обратно из Венеции в Вену с 11 по 26 августа. Естественно, в летнюю пору это расстояние преодолевали быстрее, чем в ненастье, а путников с тяжелой по-

клажей обгоняли путешествующие налегке. Но этот кратчайший путь через Каринтию был горной дорогой. Местами она резко забирала вверх или вниз, и тогда путнику требовалось выйти из коляски и идти пешком. Если с одной стороны от дороги разверзалась пропасть, по ночам там не ездили. Скоростной дорогой, относительно пригодной для скачек ночью и эстафет, был кружной путь: выехавший из Вены, добравшись до Граца, сворачивал на юг и через территорию нынешней Словении, Люблян и Горицию достигал первой крепости венецианцев – Пальмы. Именно эта дорога через Люблян, а не горные тропы Каринтии, использовалась почтовыми службами, и тут была создана соответствующая инфраструктура. В «Сборнике» Е.Ф. Шмурло я насчитал полтора десятка документов, сообщающих о желании Петра I приехать в Венецию этой почтовой дорогой через Люблян, где только и можно было получить почтовых лошадей, и том, что проезд его ожидался именно здесь, со стороны Любляны, Гориции и Пальмы [Сборник, 1903, с. 425, 446, 447, 448, 452–453, 454, 455, 461, 470, 474, 475, 476, 477 (№№ 561, 575, 576, 578, 583, 585, 586, 593, 604, 611 и № 611, App. II, 612, 613)]. Если С.О. Андросов не заметил это с пятнадцатого раза, остается подумать, что он в эти документы не заглядывал. Протяженность данного кружного пути из Вены в Венецию – снова оговоримся: по современным дорогам – составляет уже 670 километров.

Могли ли спешащие путники без тяжелой поклажи, имея возможность менять почтовых лошадей, делать в день по сто верст? Да, на почтовых можно было проезжать и больше, хотя недолго. В такой спешке, оставив обоз, пулей вылетели из Вены в Москву члены Великого посольства. Это была скачка днем и ночью без сна с короткими остановками на еду и перемену лошадей. За первые двое с половиной суток пути – с «половины четвертого пополудни» 29 июля до утра 1 августа – удалось преодолеть без малого триста верст. Но двигаться дальше с той же скоростью измученные люди уже не могли. Им требовалось останавливаться на ночлег и отсыпаться. Двух следующих дней хватило на то, чтобы проехать только чуть больше ста верст [Богословский, 1941, с. 549–550]. Царь Петр, в самом деле, извещал венецианцев, что потратит на дорогу из Вены в Венецию пять дней. Его почтительно выслушивали, но верить в это отказывались. Донесший эту новость до своего правительства венецианский дипломат Карло Рудзини в письме из Вены от 18 июля 1698

года прибавлял, что преодолеть этот путь за пять дней нельзя («non eseguirsi la corsa con la brevità figurata») [Сборник, 1903, с. 430 (№ 563)]. На пересылку этой депеши Рудзыни срочной эстафетой ушло, по-видимому, шесть суток, ибо реакцией на нее является письмо, составленное от имени дожа венецианским властям Пальмы, Удине и Тревизо, от 24 июля [Сборник, 1903, с. 456–457 (№ 587)]. Тот же «Сборник» Е.Ф. Шмурло дает еще целый ряд примеров скорости почтового сообщения между Веной и Венецией, которые убеждают в том, что сменявшие друг друга гонцы не поспевали быстрее, чем за шесть суток. Один гонец в разговоре с «генеральным проведитором» Пальмы В. Вендрамином, – сказано в письме последнего венецианскому дожу от 27 июля, – рассудил, что если царь выехал из Вены в субботу, то должен быть «в этих краях в конце недели» [Сборник, 1903, с. 461 (№ 593)]. И еще минимум одни сутки требовались, чтобы оттуда достичь Венеции. То есть, по словам знающего человека, всего получалось уже не шесть, а все восемь суток пути.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андросов 1995 – *Андросов С.О.* Петр I в Венеции // Вопросы истории. 1995, № 3. С. 129–135.

Богословский 1941 – *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. II: Первое заграничное путешествие. М., 1941.

Лавров 2001 – *Лавров А.С.* Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. СПб., 2001. С. 113–141.

Сборник 1903 – Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903.

Устрялов 1858 – *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858.

ASF_i, MdP = Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato.

А. С. ЛАВРОВ

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО БЫВШЕГО ФЕЛЬДМАРШАЛА БУРХАРДА ХРИСТОФА МИНИХА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья посвящена следствию и суду над бывшим фельдмаршалом Бурхардом Христофом Минихом, дело которого расследовалось в 1741–1742 годах. В то время, как историки пользовались в основном «экстрактом», подготовленным следственной комиссией, а также сообщениями иностранных дипломатов, в статье предпринята попытка охарактеризовать само дело. В условиях, когда приговор Миниху был фактически предрешен, допросы Миниха следственной комиссией приобретали новый смысл – речь шла о своего рода «передаче дел»: окружение Елизаветы Петровны, которое на протяжении десятилетия не было допущено к принятию внутри- и внешнеполитических решений, стремилось получить от обвиняемого уникальную информацию, которую не следовало предавать огласке.

Ключевые слова: дворцовые перевороты, судебно-следственные дела, биография Б.-Х. Миниха, донесения дипломатов, лейб-кампания

Следствие по делу фельдмаршала Бурхарда Христофа Миниха и суд над ним являются необходимой частью нарратива, посвященного ноябрьскому перевороту 1741 г. и приходу к власти императрицы Елизаветы Петровны. Исследователи обычно опираются на Экстракт по делу Миниха, изданный С.Н. Шубинским в 1864 г. и представляющий собой систематический свод показаний бывшего фельдмаршала, на основании которого ему был вынесен приговор. Дополняя Экстракт донесениями иностранных дипломатов, которые опубликованы в сборниках Русского исторического общества [Исторические документы, 1864], исследователи создают своего рода коллаж из Экстракта и донесений, что само по себе не было бы предосудительным, если бы подлинное

следственное дело не сохранилось. Поскольку элементы всегда одни и те же, то и воссоздаваемая картина следствия и суда над опальным фельдмаршалом оказывается также похожей.

Мы ни в коей мере не хотим поставить Экстракт как источник под сомнение. Но, в силу жанровой специфики, он обладает некоторыми недостатками. Во-первых, показания Миниха, данные в разное время, объединены в нем в единые смысловые блоки (это становится ясным не только при сопоставлении со следственным делом, но и при простом просмотре Экстракта). Некоторые ответы бывшего фельдмаршала не датированы. Во-вторых, в Экстракте отсутствуют вопросы, поставленные членами Следственной комиссии. Это тем более прискорбно, поскольку именно эти вопросы позволяют понять, что знали приближенные новой императрицы о ключевых вопросах развития политической истории России за предшествующую четверть века, а также то, что они собирались узнать от Миниха. Словом, можно было бы сравнить следственное дело и Экстракт соответственно с прекрасной флорентийской мозаикой и с кучкой смальты. Для того, чтобы превратить первую в последнюю достаточно пары ударов молотком, а вот для того, чтобы снова сложить мозаику из кусочков смальты, нужно много времени и воображения.

Дипломатические донесения были написаны по свежим следам событий, они датированы и, что свойственно в целом для дипломатической корреспонденции, в них невозможна какая-то переработка автором своего сообщения – то, что написано, отправляется в интервале нескольких дней. Казалось бы, расположенные в хронологической последовательности донесения могут позволить восстановить историю следствия. Но и здесь необходимы некоторые заметки. Перед тем, как сделать их, попробуем расположить известия дипломатов в хронологическом порядке.

Первым и самым важным является сообщение секретаря саксонского посольства Пецольда о том, что в состав комиссии, которая будет заниматься делами арестованных, вошли князь Н.И. Трубецкой, генерал А.И. Ушаков, генерал Левашов, тайный советник Нарышкин, а также князь Михаил Голицын, только что вернувшийся из ссылки¹. Это сообщение можно понять так, что

¹ Пецольд – королю, 06.01.1742, Он же – ему же, 19.01.1742 [Сборник РИО, 1871, с. 387–389]. Несколько иные данные о составе комиссии дает Шетарди. Забыв упомянуть князей Трубецкого и М. Голицына, он включает в нее всех

одна и та же комиссия будет расследовать дела всех арестованных, что и делали историки.

Второе сообщение – о вызывающем поведении Миниха, заставившем членов комиссии прибегнуть к угрозам – содержится в донесениях британского дипломата Финча и того же Пецольда. Согласно Финчу, Миних отводил все обвинения в свой адрес, заявив членам комиссии, «что он виноват не более, чем любой из них». Поэтому они «выразили фельдмаршалу сожаление, что его упорство, пожалуй, заставит применить к нему крайние меры». В качестве наказания комиссия заставила его отвечать стоя – в то время как А.И. Остерман и М.Г. Головкин получили в свое распоряжение стулья². Согласно Пецольду, бывший фельдмаршал, отвечая на вопрос князя Трубецкого об обстоятельствах объявления Бирона регентом, обвинил его «в бесстыдстве» и напомнил ему о его собственной роли в этом деле, «так как он сам был главным двигателем и исполнителем в этом деле, и что ему нечего выпытывать у других, а только следует обратиться к своей собственной совести»³. Казалось бы, сообщения двух дипломатов подтверждают друг друга. Однако возможно и другое объяснение – информация о вызывающем поведении Миниха, однажды проникнув в дипломатические круги, могла отразиться в донесениях нескольких дипломатов сразу. В этом случае донесение Финча, как более раннее, может соответствовать первоначальной версии этого известия, а донесение Пецольда, как более позднее, – представлять собой его переработку (хотя детали обоих сообщений скорее свидетельствуют об их независимости друг от друга).

именованных выше членов, добавив к ним князя Куракина (Маркиз Шетарди – маркизу Амело, 30.12.1741 [Сборник РИО, 1897, с. 22]). Некоторые исследователи, включая Э. Германа и Б. Берг, просто расширили указанный Пецольдом список членов комиссии, включив туда еще и Куракина [Herrmann, 1853, s. 1; Berg, 2011, s. 354]. Подобное решение представляется мне слишком простым. Кажется более вероятным, что Шетарди, для которого следствие и суд были вполне второстепенным событием, мог просто ошибиться, включив Куракина вместо М. Голицына, тем более, что князь Куракин действительно играет важную роль в это время и мелькает на страницах дипломатических донесений.

² Эд. Финч – лорду Гаррингтону, 2/13.01.1742 [Сборник РИО, 1894, с. 389].

³ Пецольд – графу Брюлю, 14/25.01.1742 [Сборник РИО, 1871, с. 395]. В том же сообщении Пецольд указал, что в ходе следствия «часто совсем неосновательные подозрения выдаются за истину» (Там же).

Третье сообщение посвящено очным ставкам во время процесса. Согласно Финчу, Миниху была устроена очная ставка с сыном, графом Эрнстом Минихом⁴. Но поворотным моментом в следствии, если верить Финчу, стала очная ставка Миниха с бывшим гвардейским солдатом, ставшим после ноябрьского переворота 1741 г. поручиком. Гвардеец засвидетельствовал, что Миних утверждал во время ареста Бирона, что действует в интересах цесаревны Елизаветы. Согласно Финчу, Миних сначала опроверг это показание, но, так как гвардеец готов был пойти на пытку, чтобы подтвердить достоверность своих слов, то «фельдмаршал дал требуемое согласие...чтобы не испытать подобного бесчестия». Заканчивая свой рассказ, Финч выражает сомнения в правдоподобности признательных показаний Миниха, так как ему известно, что во время переворота 1740 г. Анна Леопольдовна сама обращалась к офицерам и солдатам, приказывая им повиноваться распоряжениям Миниха⁵.

Четвертое сообщение – о разногласиях при подготовке приговора – принадлежит Пецольду. Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что саксонский дипломат ссылается здесь на рассказ А.П. Бестужева. Согласно Пецольду, приближенные Елизаветы разделились на две группы – если канцлер князь А.М. Черкасский и генерал-прокурор Трубецкой были за смертную казнь, то Лесток и сам Бестужев выступали за помилование, в чем и преуспели⁶.

Наконец, особняком стоит сообщение Шетарди о том, что императрица «для того, чтобы быть более уверенной в том, как идет процесс, и в справедливости судей, захотела, чтобы они заседали в одном из дворцовых помещений. Там были сооружены жалюзи, из-за которых она, оставаясь невидимой, могла все видеть и слышать, и даже просунуть секретарю, стол которого как раз находился под нею, те распоряжения, которые у нее возникали по ходу допроса и которые ей казалось необходимым незамедлительно выполнить (*pour être aussi plus assurée et de la manière dont on procède et de l'équité de juges, a voulu qu'ils s'assemblèrent dans*

⁴ Финч – лорду Гаррингтону, 29.12.1741/09.01.1742 [Сборник РИО, 1894, с. 396].

⁵ Эд. Финч – лорду Гаррингтону, 26.12.1741 / 06.01.1742 [Сборник РИО, 1894, с. 403].

⁶ Пецольд – графу Брюлю, 27.01.1742. [Сборник РИО, 1871, с. 401].

un appartement du palais. On y a pratiqué une jalousie, d'où, sans être vue, elle peut tout voir, tout entendre et même glisser au secrétaire, dont la table est au-dessous, les ordres que les circonstances de l'examen lui paraissent sur-le-champ devoir comporter)»⁷. Показательно, что это сообщение – к нему еще придется вернуться – не повторяется другими дипломатическими источниками. Кажется, своей эксклюзивной информацией Шетарди с коллегами не делился, что же касается последних, то они упустили важнейший факт перевозки заключенного из Петропавловской крепости в Зимний дворец, и это не может не сказаться на нашей оценке ценности их свидетельств.

Совершенно ясно, что своего рода ключом к донесениям Пецольда является его ссылка на Алексея Петровича Бестужева как на источник информации – и это заставляет критически относиться ко всем его сообщениям. Заклятый враг Миниха, который не мог простить ему своего ареста во время переворота 1740 г., Бестужев вряд ли мог беспристрастно передавать какие-либо детали следствия. Если мы предположим, что именно Бестужев был источником не одного, а всех сообщений Пецольда о деле Миниха, то картина быстро проясняется – так, вложенные в уста Трубецкого обвинения в адрес Миниха в том, что тот содействовал установлению регентства Бирона, окажутся по крайней мере двусмысленными, так как самую активную роль здесь сыграл сам А.П. Бестужев. Кроме того, представляя себя вместе с Лестоком в качестве противников смертной казни, Бестужев также мог преследовать по крайней мере две цели – он не только представлял себя просвещенным вельможей, чуждым всякой мстительности,

⁷ Маркиз Шетарди – маркизу Амело, 30.12.1742. [Сборник РИО, 1897, с. 22]. Составители этого тома с донесениями Шетарди отказались от русского перевода и дали только французский текст. Именно поэтому данное место в донесениях цитировалось исследователями несколько приблизительно. Два уточнения оказываются наиболее уместными. Во-первых, сообщение Шетарди относится только к одному допросу Остермана (остается только предположить, что подобное приспособление использовалось и при допросах других узников). Во-вторых, у Шетарди речь идет не о «ширмах», но о «жалюзях» (что совершенно естественно – через ширму ничего нельзя «видеть»). Постройка жалюзей внутри дворцовых покоев, несомненно, привлекла бы внимание. К сожалению, мы слишком мало знаем интерьеры старого Зимнего дворца и не можем судить, существовали ли окна, связывавшие два помещения между собой (аналогом могли бы быть окна Висячего сада в старом Эрмитаже, но они появятся три десятилетия спустя).

но и подыгрывал Пецольту, симпатизировавшему Миниху и Остерману. Кроме того, предвидя милостивый приговор, Бестужев таким образом давал понять саксонскому дипломату, что именно он с Лестоком способен повлиять на решения императрицы.

Даже будучи давними наблюдателями на петербургской сцене, дипломаты не вполне понимали то, что происходило за стенами Петропавловской крепости. Так, согласно Пецольту, обвинения Миниха в адрес Трубецкого прозвучали в «публичном заседании (vor öffentlicher Session)», что само по себе является нонсенсом. Гораздо ближе к правде оказался Финч, который прямо называет комиссию «инквизицией (inquisition)», ядовито замечая при этом, что «в этой стране для подобных случаев...нет учреждения, которое заслуживало бы названия суда (for there is nothing in this country, at least on such occasions, which deserves the name of a court of justice)»⁸. Наконец, свою роль играют и симпатии дипломатов. В то время, как Финч и Пецольт сочувствовали Миниху, совершенно иную позицию занимает Шетарди – в его донесениях Миних предстает скорее проигравшим игроком, к судьбе которого дипломат испытывал со временем все меньший интерес. Поскольку именно Шетарди был в некотором смысле режиссером тех событий, которые происходили в Петербурге до и после переворота, есть все основания присмотреться повнимательнее к его сообщениям.

Как сказано выше, обычным подходом исследователей было соединение Экстракта с теми или иными донесениями. Именно так действовал С.М. Соловьев, что кажется особенно странным, поскольку среди своих источников он прямо цитирует «дело Ми-

⁸ Эд.Финч - лорду Гаррингтону, 22.12.1741 / 02.01.1742 [Сборник РИО, 1894, с. 386]. Этот пассаж так смутил издателей Сборника, что они дали крайне неточный русский перевод. Вышеприведенный перевод с английского принадлежит автору.

В дальнейшем Финч разразился еще одной филиппикой по адресу комиссии, в которой не содержится новых сведений, но которая дает ясное представление о его симпатиях: «Трудно представить себе, до чего бесчеловечны отношения комиссии к несчастным подсудимым, и жестокость ее возрастает со дня на день, как говорят, именно вследствие особых приказаний тех, кто теперь стоит на страже справедливости. Приходится опасаться, что частные счеты и личная месть будут руководящими началами там, где их бы следовало ожидать всего менее или где они, по крайней мере, наименее уместны».

ниха в Государ[ственном] архиве». Слово в слово воспроизведя состав Следственной комиссии по донесению Пецольда, Соловьев высказался в том смысле, что всеми арестованными занималась одна и та же комиссия, что он вряд ли сделал бы, если бы внимательно ознакомился с делом [Соловьев, 1963, с. 135, 308]. Можно предположить, что москвич Соловьев знакомился с делами Государственного архива бегло – если только не допустить, что их высылали ему специально из Петербурга.

Зато петербуржец Н.И. Костомаров, у которого эти дела были буквально «под рукой», кажется, познакомился и с самим следственным делом (хотя он и не указывает его среди своих источников). Само следствие Костомаров характеризует как «вопиющий образец бесправия». При этом он увлекается и вкладывает в уста Миниха следующую речь, обращенную будто бы к Трубецкому «Пред судом Всевышнего мое оправдание будет лучше принято, чем пред вашим судом! Я в одном только внутренне себя укоряю, зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти». Согласно Костомарову, свидетельницей речи стала Елизавета, «сидевшая за ширмами, поставленными в той же комнате, где происходил допрос», после чего и определила отправить фельдмаршала из дворца в крепость [Костомаров, 1888, с. 76–77]. За исключением ширм, которые либо навеяны процитированным выше донесением Шетарди, либо даже могут быть лишним свидетельством того, что историк заглянул в следственное дело, все остальное, очевидно, навеяно одной из поздних биографий Миниха и к источникам прямого отношения не имеет.

В последнее время наметились два подхода к опубликованным источникам по истории следствия по делу Миниха. Бригитта Берг, опираясь в основном на Экстракт, цитирует практически все приведенные выше сообщения дипломатов – о составе следственной комиссии, о неосновательности обвинений против Миниха и выпаде Миниха против князя Трубецкого, о разногласиях по вопросу об участии Миниха, а также о том, как Миниху пришлось отвечать комиссии стоя. Появляется у Бригитты Берг и императрица, следящая за допросом «из-за ширмы», причем ссылка делается не на Шетарди, а на Н.И. Костомарова [Berg, 2011, s. 354–355, 357–358]. Крайне примечательной представляется в этой связи позиция Е.В. Анисимова, который вообще не привлек ни одно-

го из сообщений дипломатов о следствии (хотя все они ему были безусловно знакомы), опираясь практически исключительно на Экстракт⁹. При этом историк совершенно справедливо указал еще на одну особенность Экстракта – именно он был сообщен судьям, тогда как «подлинные дела преступников суду были недоступны». Поэтому, согласно историку, «суд был заочным и формальным» [Анисимов, 1999, с. 284].

Обратимся к следственному делу, хранящемуся в фонде 6 [РГАДА, ф. 6, № 305]. Сомнения в достоверности информации, дошедшей до дипломатов, усиливаются по ходу знакомства с делом.

Во-первых, в начале дела нет никакого указа или записи о составе следственной комиссии, что, казалось бы, подтверждает информацию Пецольда об одной общей комиссии, занимавшейся всеми арестованными. Однако настоящий сюрприз ожидает нас на л. 127об., где сделана следующая помета: «Те допросы чинены во дворце в присутствии господ генерала Ушакова и генерала прокурора князя Требецкого чрез секретаря иностранных дел Михаила Петрова, еже все и ея императорское Величество слушать изволила». Тем самым находит блестящее подтверждение сообщение Шетарди о присутствии Елизаветы на допросах. Что же касается костомаровских «ширм», то они являются крайне точным дополнением – действительно, ни в одном из своих мемуарных текстов Миних не упоминает о присутствии императрицы на допросах. Скорее всего, это присутствие было хотя бы внешне скрыто от него. При этом помета оставляет больше вопросов, чем ответов. Идет ли здесь речь о той комиссии, которая всегда допрашивала бывшего фельдмаршала, или об исключительном заседании в суженном составе? Представляется, что присутствие секретаря Коллегии иностранных дел, о котором другие источники не сообщают, связано было с тем, что Миниха допрашивали об обстоятельствах войны за польское наследство¹⁰.

⁹ Единственным исключением является упоминание о том, что императрица Елизавета «присутствовала при работе назначенной для следствия комиссии, но при этом, не видимая для преступников, сидела за ширмой» [Анисимов, с. 122, без ссылки на источник].

¹⁰ Замечательно, что сама перевозка узника из Петропавловской крепости в Зимний дворец и обратно ускользнула от внимания иностранных дипломатов (за исключением Шетарди). Это еще раз заставляет задуматься о качестве той информации, которая становилась достоянием

Во-вторых, в деле нет никаких упоминаний об угрозе пытки или подобной перспективе. При этом стесняться было совершенно нечего: пытка оставалась и при Елизавете Петровны совершенно законным средством и в политических, и в уголовных делах, и поэтому упоминания о соответствующей угрозе подследственному скрывать не следовало.

В-третьих, никаких фрондерских выпадов Миниха, как и угроз ему, в деле не зафиксировано¹¹. Предположение о том, что словесные перепалки, возникшие между следователями и подследственным, не были запротоколированы, кажется маловероятным. Следователи безуспешно пытались собрать хотя бы какие-либо элементы, компрометировавшие бывшего фельдмаршала, так что его фрондерство не прошло бы неотмеченным и безнаказанным. Представляется, что Миних с самого момента своего ареста предвидел свою дальнейшую судьбу, так что ему не было никакого резона произносить речи перед следователями. Все проходило в спокойной, деловой обстановке – как беседа между коллегами. Если литературные ассоциации допустимы, то это не «Ледяной дом», а скорее «Слепящая тьма».

В-третьих, особенно интересным становится сопоставление донесений дипломатов, Экстракта и следственного дела в эпизоде с «очными ставками». Если очная ставка Миниха-старшего с его сыном Эрнестом вообще не отражена в следственном деле, то в нем появляется очная ставка с неким Андреем Фениным, который должен был подтвердить, что Миних считал Станислава Лещинского законным королем и называл его «помазанником» (эта очная ставка осталась дипломатам неизвестной). Впрочем, юридических результатов эта очная ставка не принесла, так как обе стороны остались при своем. Андрей Фенин подтвердил свои показания, «а граф Миних утверждался что де того, конечно, он, граф Миних, не говаривал».

Особенно интересной оказывается история с еще одной очной ставкой – с бывшими гвардейскими гренадерами, успевшими

дипломатического корпуса, и о неожиданной способности окружения Елизаветы Петровны хорошо скрывать свои секреты.

¹¹ Это противоречие не укрылось от внимания Б. Берг; хотя в ее распоряжении находился только Экстракт: «Doch kommen in seiner Publikation nicht die bei Münnich angewandten Repressalien und die weiteren Umstände seiner Befragung zur Ausdruck, über die wieder Gesandte berichten [Berg, 2011, s. 354].

за то время, пока Миних сидел в крепости, пополнить лейб-компанию Елизаветы Петровны (эта та самая очная ставка, о которой упоминает Финч). В Экстракте она описывается крайне сбивчиво и уклончиво. Согласно не названным по имени девяти гренадерам, «которые ныне в лейб-компании», Миних будто бы намекал им во время ноябрьского переворота 1740 г., что действует в интересах Елизаветы Петровны и принца Гольштинского, в то время как сам действовал в интересах принцессы Анны Леопольдовны. Миних, конечно же, сказал, что «таких речей...не говаривал».

«И в том обе стороны на очной ставке на своих словах сначала утверждались. Но потом, когда от них (лейб-компания прапорщика, вахмистров и рядовых) он граф Миних в том уличен стал, то он признался, говоря, что понеже он слабую имеет память...то такие слова, как они показывают...он тогда, как ныне припамятует, говорил».

При чтении этого фрагмента Экстракта хочется верить, что перед нами – сокращение какого-то более обширного текста из следственного дела, который должен был содержать хотя бы имена и прозвания девяти гренадеров. Надеюсь найти их, я обратился к следственному делу, но нашел там почти идентичное сообщение о показаниях оставшихся анонимными лейб-крмпанцев против Миниха: «По ответу 4 пункта представлены гвардии гренадеры девять человек, которые ныне в лейб-компании ея императорскаго Величества, сказали, что де он, граф Миних, им тогда бывшим на карауле именно пред фрунтом о государыне императрице Елисавет Петровне и принце Голштинском говорил, на что он граф Миних ответствовал, что он таких речей, как они объявляют, и как выше показано, конечно, не говаривал. И в том обе стороны на очной ставке на своих словах сначала утверждались, но потом, когда от них лейб-компания прапорщика, вахмистров и рядовых он граф Миних в том уличен стал, то он признался, говоря, что понеже он слабую имеет память, якоже для того и об отставке от службы просил, то такие слова...он тогда как ныне припамятует, говорил, и что в томъ за своимъ безпамятством прежде не признался, в том признавает себя винна и просит о милосердии» (л. 23 об.).

Получилось, что Миних был уличен свидетелями, оставшимися анонимными. Отметим, что ни Экстракт, ни дело не позво-

ляют предположить, что свидетелям или Миниху могла угрожать пытка, о чем так увлекательно рассказывает Финч.

Таким образом, от существующей историографической картины остаются только отдельные элементы. Чем же мы можем заменить ее, опираясь на следственное дело? Прежде всего, отметим, что следственная комиссия впервые допросила Миниха только 21 декабря, месяц спустя после его ареста. Поскольку в деле отсутствуют какие-либо доносы или компрометирующие фельдмаршала материалы, неудивительно, что следственная комиссия могла не представлять себе, о чем спрашивать подследственного. В некоторых случаях члены комиссии задавали вопросы наивно и прямолинейно, будто бы надеясь на то, что Миних сам поможет подобрать те факты, на основании которых его можно было бы осудить.

Перед следствием возникли две возможности. Во-первых, учитывая характер обвинений в адрес Миниха, было бы логично передопросить ссыльного Бирона, который как раз в это время находился на обратном пути из пельымской ссылки. Мы уже не говорим здесь об очной ставке бывшего фельдмаршала с бывшим регентом, которая могла бы стать великолепной пьесой для двух актеров. Но для этого необходимо было время, а императрица, надеявшаяся отправиться в Москву на коронацию, торопила. Зато другая возможность – очная ставка с Остерманом, которого допрашивали одновременно с Минихом, – никак не могла затянуть следствие. Но комиссия пошла по совершенно иному пути, воспользовавшись допросами Бирона и Бестужева из их старых дел, в которых они уже пытались переложить ответственность на Миниха. Именно эти показания и были положены в основу обвинительного приговора.

Однако все это не значит, что следственная комиссия и подследственный просто занимались никому не нужным ритуалом. Сущность происходившего видится мне в другом. Окружение Елизаветы Петровны на протяжении десятилетия не было допущено к принятию внутри- и внешнеполитических решений, а о некоторых вопросах имело самое приблизительное представление. Бывший фельдмаршал представлялся здесь не столько обвиняемым (или виновным), сколько носителем уникальной информации, которую следовало получить, не предавая огласке. Таким образом, политический процесс оказался здесь своего рода передачей дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов 1999 – *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Исторические документы 1864 – Исторические документы 1742 года. Сообщ. С.Н. Шубинский // Русский архив. Вып. 5–6. М., 1864.

Костомаров 1888 – *Костомаров Н.И.* Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Вып. 7. XVIII-е столетие. СПб., 1888. С. 76–77.

РГАДА. Ф. 6, № 305. Допросы и ответы фельдмаршала графа Миниха 1741–1742 годов.

Сборник РИО – Сборник РИО. Т. 6. СПб., 1871; Т. 91. СПб., 1894; Т. 100. СПб., 1897.

Соловьев 1963 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21–22. Б / м, 1963.

Berg 2011 – *Berg B.* Burchard Christoph Reichsgraf von Münnich (1683–1767). Ein Oldenburger in Zarendiensten, Oldenburg, 2011.

Herrmann 1853 – *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats. Bd. 5. Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). Hamburg, 1853.

Ш

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИКИ

5. ГРАМОТЫ, КОДЕКСЫ, КАРТЫ

И. Ю. Анкудинов

АКТЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV – НАЧАЛА XVI ВЕКА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1970-е – 2010-е ГОДЫ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

В статье приводятся библиографические сведения об изданиях актов XIV – начала XVI в., происходящих с территории Северо-Восточной Руси, опубликованных после завершения в 1960-е гг. сводных публикаций русских актовых источников. В.Д. Назаров сыграл большую роль в выявлении и издании таких источников.

Ключевые слова: акты, грамоты, археография, Северо-Восточная Русь

Одним из важных направлений научного творчества В.Д. Назарова является актовое источниковедение, и в частности – выявление и публикация нового актового материала.

В 1950-е–1960-е гг. трудами большого коллектива исследователей в составе серийных изданий ДДГ, АСЭИ и АФЗХ была осуществлена публикация полного корпуса известных к тому времени актов Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. (до 1505 г.). Всего было издано 1914 текстов актов этого периода¹. Выдающийся вклад в их публикацию внесли С.Б. Веселовский, Л.В. Черепнин, И.А. Голубцов, А.А. Зимин и другие исследователи.

¹ Простой подсчет количества номеров опубликованных в этих изданиях актов был бы неправильным: в них включались и некоторые акты более позднего периода, а под некоторыми номерами публиковалось по несколько текстов. В своих подсчетах я постарался учесть эти расхождения, но я не настаиваю на точности получившейся цифры.

Но почти сразу же по завершении этих изданий (3-й том АСЭИ вышел в свет в 1964 г.) стали обнаруживаться тексты новых актов и ранее публиковавшихся, но по разным причинам не учтенным в сводных изданиях. И первыми на это указали И.А. Голубцов и В.Д. Назаров в статье 1970 года. С тех пор разными исследователями было выявлено и опубликовано в разных изданиях большое количество новых текстов актов Северо-Восточной Руси до 1505 года. По моим подсчетам, к настоящему времени изданы 214 ранее неизвестных актов этого периода (из них 200 текстов актов, 6 изложений содержания грамот и 8 фальсификатов)².

подавляющее большинство выявленных актов являются списками, но среди них есть и 5 подлинников. Все эти грамоты обнаружены и введены в научный оборот трудами многих исследователей. Но эти источники рассеяны по различным публикациям, иногда малодоступным. К настоящему времени количество таких публикаций составляет уже более пяти десятков. Некоторые акты были опубликованы повторно и вошли в такие сводные публикации, как АСЗ и АРГ АММС. В настоящей статье я хотел бы обобщить сведения о публикациях новых актов и привести (в конце статьи) полный библиографический список известных мне изданий³.

По территориям и категориям владельцев новые документы распределяются следующим образом (за основу взято деление, использованное в АСЭИ; безусловно, эти подсчеты являются лишь ориентировочными):

Акты крупнейших монастырей	Всего
Троице-Сергиев монастырь	42
Кирилло-Белозерский м-рь	27
Ферапонтов м-рь	1
Суздальский Спасо-Евфимьев м-рь	8

² В это число не включены грамоты, найденные в 1843 г. в московском кремле, частичное прочтение которых опубликовано В.А. Кучкиным [Кучкин, 2010, с. 299–312].

³ Хочу высказать слова благодарности А.Л. Грязнову, просмотревшему этот список и дополнившему его.

Остальные группы актов	Всего	Монастырские, церковные и митрополичьей кафедры	Частные владельцы
Акты междукняжеских отношений	1		
Московские акты	25	23	2
Московские уезды (Звенигород, Клин, Серпухов, Руза, Дмитров, Коломна)	10	3	7
Прочие уезды центра (Углич)	1	1	
Волоколамск	2	1	1
Владимир, Суздаль, Переяславль Залесский, Юрьев Польской, Муром	16	2	14
Акты тверские, калязинские и других западных областей (Зубцов, Кашин, Старица)	3		3
Акты ростовские, ярославские и костромские	25	11	14
Акты вологодские и белозерские	21	21	
Великий Устюг	1		1
Вятка	1		1
Акты нижегородские	6	6	
Акты рязанские	16	5	11
Фальсифицированные и сомнительные акты	8	4	4
Итого	214	155	58

Новые акты выявлены исследователями в 16 различных архивных собраниях. В Москве это РГАДА, ОР РГБ, ОПИ ГИМ и Центральный государственный архив г. Москвы, в Санкт-Петербурге – Архив Санкт-Петербургского института истории

РАН, ОР РНБ, РГИА и Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Также документы обнаружены в государственных архивах Вологодской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тверской и Тульской областей, а также в собраниях музея-заповедника «Ростовский кремль» и Серпуховского историко-художественного музея.

Новые акты обнаружили (или указали на старые забытые публикации) 30 исследователей. Вот эти ученые, которым историческая наука обязана приращением фонда источников (в скобках при фамилиях указано количество обнаруженных и изданных ими грамот): А.В. Азовцев (1), А.В. Антонов (10), А.В. Антонов и К.В. Баранов (включая акты, впервые изданные в АСЗ, т. 1) (40), В.А. Аракчеев (1), К.В. Баранов (2), В.Ю. Беликов и С.И. Сметанина (2), М.Е. Бычкова (1), Ю.С. Васильев (2), И.А. Голубцов и В.Д. Назаров (18), А.Л. Грязнов (1), А.В. Дедук (1), С.М. Каштанов (63), С.Н. Кистерев (2), В.Б. Кобрин (5), В.Н. Козляков (2), М.Г. Кротов и С.И. Сметанина (5), А.Г. Кузьмин (1), М.П. Лукичев и В.Д. Назаров (20), В.А. Максин и Б.М. Пудалов (3), А.В. Маштафаров (7), В.Д. Назаров (8), Ю.Д. Рыков (8), Е.В. Сапрыгина (1), С.И. Сметанина (1), Н.В. Соколова (3), А.Л. Станиславский (1), С.В. Стрельников (21), Н.К. Фомин (1), А.Л. Хорошкевич (1), М.С. Черкасова (1).

Многие документы в сводных изданиях 1950-х – 1960-х гг. издавались по спискам. К настоящему времени обнаружены подлинники актов АСЭИ, т. 2, № 265, 327 и т. 3, № 118, 259, 273, 331, 333, 334, 337, 365, а также новые списки актов, иногда содержащие более исправные тексты ранее изданных грамот. Информация об этих находках также присутствует в приводимых ниже публикациях (в них я учел 31 такой акт).

Кроме дошедших до нас текстов актов иногда в источниках встречаются краткие упоминания о несохранившихся документах. В настоящее время вполне осознана ценность таких материалов, и они иногда публикуются исследователями (А.А. Зимин в своих воспоминаниях писал, что при публикации АСЭИ и АФЗХ «к сожалению, не были изданы упоминания об актах XIV–XV вв., хотя материалы для этого были собраны» [Судьбы, 2015, с. 93]). В частности, в уже упоминавшейся статье И.А. Голубцова и В.Д. Назарова 1970 г. были приведены сведения о восьми таких несохранившихся грамотах.

Таким образом, к настоящему времени значительно пополнился фонд актов Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI века. Приращение фонда актовых материалов составило 10,5%⁴. И значительный вклад в это внес В.Д. Назаров.

Новые материалы вполне достойны сводного обобщающего издания. И насколько я знаю, работа по подготовке такого издания уже ведется. Хочется пожелать успеха этому делу. Но пока сводного издания новых грамот нет, исследователям приходится обращаться к существующим публикациям, список которых и приводится ниже.

*Список учтенных публикаций актов Северо-Восточной Руси
XIV – начала XVI в., не вошедших в сводные издания*

Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. С. 376 (№ 41 (дополнение)).

Азовцев А.В. К истории землевладения рязанского Духова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 55–57 (№ 1).

Амвросий [Орнатский]. История Российской иерархии. Ч. 4. М., 1812. С. 659–661.

Антонов А.В. Вкладчики Успенского Горницкого монастыря XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 36–37 (№ 3).

Антонов А.В. Духовная Семена Ивановича Хлопова 1490 года // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 7–9.

Антонов А.В. Клинские акты XV–XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 61–62 (№ 1, 2).

Антонов А.В. Новая полная грамота XV века // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 12–13.

Антонов А.В. Новые акты XV века из семейного архива Алферьевых // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 23–25 (№ 1).

Антонов А.В. Новый источник по истории нагодчины // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 7–8.

⁴ Следует заметить, что процент увеличения числа известных актов по Новгородской и Псковской земле (по сравнению с изданными в ГВНП) значительно выше, что связано, конечно, с изначально меньшим числом известных актов. В издании ГВНП 1949 г. было опубликовано 330 новгородских и 18 псковских грамот. Из числа изданных новгородских грамот 7 относятся к периоду после 1478 г., а 5 являются фальсификатами. То есть, фактически в издании имеется 318 текстов новгородских грамот до 1478 г. и 5 фальсификатов. С того времени было найдено и издано 54 новых текста актов и 4 фальсификата. Общее число новгородских грамот сейчас составляет 372 текста и 9 фальсификатов. Прирост составил 18%. Общее количество псковских актов до 1510 г. сейчас возросло с 18 до 55-ти; прирост 205%.

Антонов А.В., Баранов К.В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 10–19 (№ 1–8).

Антонов А.В., Баранов К.В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 9–10, 23, 30–31, 33–39 (№ 1, 14, 21–22, 24–30).

Аракчеев В.А. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV века // Российская история. 2011. № 4. С. 183.

Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 50–51, 112–118, 230–231 (№ 13, 28–35, 94).

Акты служилых землевладельцев. Т. 1. М., 1997 (№ 1, 7, 44, 45, 66–74, 86, 118, 137, 145, 157, 175, 186, 208, 252, 254, 271, 277, 278, 296, 301, 312); Т. 3. М., 2002 (№ 4, 5, 103, 104, 153, 154, 170, 195–198, 207–209, 240–242, 269, 273, 274, 301, 306, 463); Т. 4. М., 2008 (№ 91, 163, 233, 291–293, 320, 321, 336, 338, 466).

Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. С. 195 (№ 154 (включенный акт в составе правой грамоты 1566 г.)).

Баранов К.В. Жалованная грамота Ивана III 1482 г. // Исторический архив. 1993. № 5. С. 189.

Баранов К.В. Новое свидетельство о мятеже удельных князей и роль Ростова в событиях 1480 г. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1993. С. 123–124.

Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 26–28 (№ 1–2).

Беликов В.Ю., Сметанина С.И. Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 93 (№ 1–2).

Бычкова М.Е. Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 354–356.

Васильев Ю.С. Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994. С. 95–96 (№ 1–2).

Голубцов И.А., Назаров В.Д. Акты XV – начала XVI в. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 80–89 (№ 1–16).

Грязнов А.Л. Вновь открытый вологодский акт первой половины XV в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. М., 2012. С. 253–256.

Грязнов А.Л. Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 49.

Дедук А.В. Грамоты «великого» князя рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2015. С. 58–59.

Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 127–134 (№ 1–5).

Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 342–437, 448–467, 477, 481–484 (№ 1–63, 64–73, 75, 77–84).

Кистерев С.Н. Лабиринты Евфросина Белозерского. М., 2012. С. 304.

Кистерев С.Н. Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997. С. 24.

Кобрин В.Б. Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 407–410 (№1–5).

Козляков В.Н. Две кормленные грамоты XV века // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 17–18 (№ 1–2).

Кротов М.Г., Сметанина С.И. Источники по истории феодального землевладения великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы. 1987. № 1. С. 67–69 (№ 1–5).

Кузьмин А.Г. Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. 1967. № 1. С. 112.

Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1. Духовные и сговорные грамоты. Вып. 2. Грамоты правя. СПб., 1895. С. 182 (№ IX).

Лукичев М.П., Назаров В.Д. Новые документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. М., 1993. С. 104–105.

Максин В.А., Пудалов Б.М. Докладной судный список 1509 г. из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 116–118.

Маштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 43–44, 47–52 (№ 5, 8–10).

Маштафаров А.В. Вологодская грамота XV века // Советские архивы. 1974. № 6. С. 104.

Маштафаров А.В. Данная княгини Фетины // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 4.

Маштафаров А.В. Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 28 (№ 1).

Маштафаров А.В. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 48–49 (№ 1).

Морозов Б.Н. Грамоты XIV – XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–305 (№ 1–4).

Назаров В.Д. Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 15–21 (№ 1–10).

Назаров В.Д. Князя Ногтевы-Суздальские в XV в. (по материалам архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Историческая генеалогия. Вып. 4. Екатеринбург; Париж, 1996.

Назаров В.Д. Князья Пожарские и Ряполовские по новым документам из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Историческая генеалогия. Вып. 4. Екатеринбург; Париж, 1996.

Памятники русской письменности. Рязанский край. М., 1978 (№ 1, 2, 3, 4, 8, 51, 52, 53, 65).

Рыков Ю.Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 43. М., 1982. С. 95–105 (№ 1–8, приложение).

Сапрыгина Е.В. Вотчина Котениных // Памятники отечества. 1991. № 1. С. 105–106.

Селиванов А.В. Опись дел Рязанского исторического архива // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1891 год. Т. 6, ч. 3. Рязань, 1892. С. 37 (№ 1–3 (отрывки)).

Снегирев И.М. Московский Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 119–121.

Сметанина С.И. Докладная полная XV века // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 336.

Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1995. С. 65–66 (№ 1–3).

Станиславский А.Л. Акты XV – первой половины XVI в. из архива дворян Олениных // Советские архивы. 1989. № 5. С. 67–68 (№ 1).

Стрельников С.В. Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. Сб. ст. в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 134–147 (№ 1–22).

Стрельников С.В. Грамоты из архивов ростовских монастырей // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 10 (№ 1).

Стрельников С.В. Ростовские грамоты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 40 (№ 1).

Стрельников С.В. Ростовские грамоты XV в. (из копийных книг Троице-Сергиева монастыря) // Грани русского средневековья. Сб. ст. к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 316–317 (№ 1–2).

Фомин Н.К. Светская иммунитетная грамота Ивана III // Советские архивы. 1977. № 3. С. 88.

Хорошкевич А.Л. Источники по истории полного холопства конца XV–начала XVI в. // Советские архивы. 1974. № 4. С. 83–84 (№ 1).

Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 500–501.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кучкин 2010 – Кучкин В.А. Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 7. М., 2010. С. 299–312.

Судьбы 2015 – Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015.

С. В. ПОЛЕХОВ

О ДАТИРОВКЕ НОВГОРОДСКОЙ ГРАМОТЫ ПО ДЕЛУ ДАНИЛЫ АНДРЕЕВА

В статье рассматривается датировка новгородского послания властям Риги по делу купца Даниила Андреева, которое сохранилось в подлиннике в Рижском городском архиве (ныне – в составе Латвийского государственного исторического архива). На основе сопоставления этого памятника с источниками по тому же делу, хранящимися в Таллинском (ранее – Ревельском) городском архиве, показано, что послание было написано в период со второй декады февраля по вторую половину июня 1423 г.; предпочтительным представляется позднейший вариант этой датировки.

Ключевые слова: Великий Новгород, Ганза, Ливония, новгородские грамоты, торговля.

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ
№ 20-09-00065.*

Благодарю за помощь И.Ю. Анкудинова (Великий Новгород), С.В. Городиллина (Москва) и Ю. Креема (Таллин).

Небольшой памятник, рассматриваемый ниже, публиковался дважды – в хрестоматии С.П. Обнорского и С.Г. Бархударова и в статье В.Л. Янина [Обнорский, Бархударов, 1952, № 39; Янин, 1960, с. 338–339]. Этот источник представляет собой послание властей Новгорода властям Риги, в котором говорится о попытках новгородца Даниила Андреева взыскать с немца Ивана Лютка долг за товар (очевидно, проданный ему в кредит) или добиться возвращения этого товара. Ранее власти Риги вместе с ливонским магистром Тевтонского ордена посылали Данилу с грамотой магистра в Ревель к тамошним властям; те ответили рижанам и магистру грамотой, присланной с Данилой, что он не получил товар у Лютка. Когда посадник, тысяцкий и новгородцы напомнили об этом рижскому послу Алексею, приехавшему в Новгород, тот предложил снова послать Данилу в Ригу, где он сможет добиться справедливости, ибо половина товара Лютки находится у риж-

ских властей, а другая половина – у магистра. Очевидно, власти Новгорода последовали этому совету и отправили Данилу в Ригу: их послание завершается ходатайством за него и просьбой не отправлять его в другие города, поскольку это повлечет за собой издержки. В послании не указана дата, а его подлинник, написанный на бумаге и сохранившийся в Рижском городском архиве (ныне – в составе Латвийского государственного исторического архива), удостоверен двумя восковыми печатями, привешенными на пергаменных полосках, – посадника Василия Микитинича (Микитинича) и тысяцкого Аврама Степановича.

В.Л. Янин, основываясь на разработанной им хронологии деятельности новгородских посадников, предложил датировать грамоту промежутком времени с августа 1422 г. по февраль 1423 г.: согласно его схеме, с марта степень должен был занимать уже другой посадник [Янин, 1960, с. 335–336]. Эта датировка повторялась и модифицировалась в других работах В.Л. Янина: например, в книге «Новгородские посадники» грамота датируется концом 1422 – началом 1423 г. [Янин, 1962, с. 266, 269; Янин, 1970, с. 95–96, 101, 199, 203–204; Янин, 1991, с. 108; Янин, 2003, с. 345, 348]. Опорной точкой послужил датированный документ, составленный от имени тех же магистратов, посадника Василия Микитинича и тысяцкого Аврама Степановича, – договор Новгорода с ганзейскими городами, заключенный 8 февраля 1423 г. [ГВНП, 1949, № 62]¹.

Исследователи неоднократно отмечали гипотетичность многих построений В.Л. Янина – и общих соображений о порядке и хронологии смены новгородских магистратов, и датировок их каденций и отдельных документов [см., например: Зимин, 1963, с. 276; Мартышин, 1992, с. 190–210]. Более продуктивной представляется методика датировки, основанная на комплексном анализе содержания, исторического контекста и внешних признаков грамоты. В данном случае имеется возможность уточнить датировку грамоты, сопоставив ее содержание с другими источниками по делу Даниила Андреева, благо они сохранились в Таллинском городском архиве и были опубликованы или упомянуты в немецких многотомных изданиях XIX – начала XX в. по истории Ливонии и Ганзы.

¹ От имени тех же магистратов составлена грамота Великого Новгорода сиротам Терпилова погоста [ГВНП, 1949, № 89]. См. о ней: [Людин, 1956; Кистерев, 2013, с. 11–15].

Упомянутая в послании грамота ливонского магистра, с которой Данила ездил в Ревель, сохранилась: это послание магистра Зигфрида Ландера фон Шпанхайма городу Ревелю от 16 марта 1421 г. [LUB, 1867, № 2534, Sp. 721; регест: HUB, 1905, № 356, S. 193–194]. Из него выясняется, что новгородец Данила требовал компенсации за товар, переданный им ливонскому купцу Гансу фан Эссену, которого к моменту написания послания уже не было в живых². Несомненно, он идентичен «Ивану Лютку»; о том, почему древнерусская грамота называет его таким образом, будет сказано ниже. По словам магистра, Данила требовал возмещения на недавно состоявшемся съезде на р. Нарове, где был заключен новгородско-ливонский мир [Goetz, 1916, S. 198–200; Goetz, 1922, S. 110; Казакова, 1975, с. 57–58, 104; ГВНП, 1949, № 60], в присутствии Герда Витте, который к тому времени почти четверть века был ревельским бургомистром [Bunge, 1874, S. 141–142]. На это знакомый с делом Вернер упме Роде (Вернер фан дем Раде), ревельский ратман в 1392–1421 гг. [Bunge, 1874, S. 121], заметил, что Данила в свое время уладил все дела с Гансом фан Эссеном. Магистр просил ревельцев разузнать, как в действительности обстоит ситуация, и сообщить ему об этом, рекомендуя Вернера упме Роде на тот случай, если не удастся найти никого, кто был бы знаком с существом дела.

Поскольку следующие свидетельства о деле Данилы Андреева относятся к лету 1423 г., правомерно искать рижского посла Алексея в Новгороде в промежутке между весной 1421 и летом 1423 года. За этот период, ознаменовавшийся несколькими торговыми конфликтами между Новгородом и Ганзой, обнаруживается лишь одна подходящая персона – рижский ратман Эггерт Беркхофф³, который приезжал в Новгород в составе делегации ливонских городов в начале 1423 г., вел переговоры с новгородцами и участвовал в заключении 8 февраля этого года уже упомянутого

² Сведений о нем найти не удалось, поэтому остается неясным, был ли он родом из города Эссена или из семьи фан Эсенов.

³ Именование Эггерта на русский манер Алексеем не должно смущать. Вспомним, что нередко русские формы весьма отдаленно передавали имена иноземцев: так, новгородцы именовали комтура Ревеля Дитриха Дюкера Тимофеем, а для жителей Полоцка XV в. рижский бюргер Рейнгольд Зольтрумп был Филиппом. О трансформации имен иноземцев на Руси см. [Полонский, 2012] и указанную в этой работе литературу.

договора об урегулировании торговых дел⁴. А в начале июля и середине августа 1423 г. рижане отправили одно за другим два письма властям Ревеля с просьбой выдать свидетельство, что «lutteke Hans van Essen» сполна рассчитался с русским Данилой из Новгорода, ибо новгородцы опять активно предъявляют им требования [TLA, f. 230, n. 1, BD 2-I, fol. 71, 72; регесты: LUB, 1881, № 11, 20; HR, Bd. 7, № 606]. «Luttik» здесь не имя собственное, но определение «малый» [см.: Schiller, Lübben, 1874, S. 756–757]; так понимали его и немецкие археографы конца XIX – начала XX века. Определение это, однако, столь прочно пристало к Гансу ван Эссену, что новгородцы воспринимали его как прозвище.

Наиболее значимо для темы настоящей работы первое из этих писем, датированное 1 июля 1423 года. В нем рижане повторили свою просьбу, переданную властям Ревеля через их послов, побывавших на съезде в Вольмаре 21 марта 1423 г., выдать свидетельство знающих людей – на сей раз, в отличие от ситуации двухлетней давности, в этом качестве названы менее именитые ревельские бюргеры Арнд ван дем Роде и Гильдебранд Куле – о том, что Ганс ван Эссен выплатил все деньги Даниле в Новгороде, и заверить этот документ городской печатью. Рижане просили ревельцев прислать это свидетельство на предстоящий съезд в Валк – очевидно, с ревельскими послами – или как можно скорее любым другим способом, «ибо новгородцы адресуют нам многочисленные напоминания и настоятельные просьбы

⁴ В протоколе переговоров дело Данилы Андреева не упоминается [HR, 1893, № 568]. Судя по всему, составители протокола сочли его несущественным. О непростых новгородско-ливонских взаимоотношениях 1421–1423 гг. и переговорах об урегулировании торговых конфликтов см.: [Goetz, 1916, S. 200–202; Goetz, 1922, S. 110–114; Казакова 1975, с. 105–107]. Поездка рижского посла в Новгород отмечена в рижской расходной книге [Kämmerei-Register, 1909, S. 141]. Как отмечали П. Остен-Сакен и Л. К. Гётц, о падении интенсивности торговли Новгорода с Ригой в начале 20-х гг. XV в. свидетельствует требование установить весы в Новгороде «как в немецких городах Дерпте или Ревеле» [Goetz, 1922, S. 113, Anm. 2]. Вместе с тем Рига играла существенную роль в деле Данилы Андреева: его товар оказался в Риге, а переговоры о его выдаче в 1423 г. велись с рижским ратманом, который назван первым и в протоколе переговоров, и в новгородско-ганзейском договоре: возможно, он возглавлял делегацию.

об этом»⁵. Ту же просьбу в более краткой форме рижане повторили в письме от 14 августа того же года.

Как видим, новгородцы вернулись к делу Даниила Андреева не позднее середины марта 1423 г., коль скоро оно затрагивалось на съезде в Вольмаре 21 марта 1423 года. Вместе с тем это произошло после отъезда рижского посла из Новгорода, о котором в новгородском послании говорится в прошедшем времени. Впоследствии же, как показывают просьбы в письмах рижских властей в Ревель, новгородцы возвращались к этой теме по меньшей мере дважды – в июне и в начале августа 1423 года. Закономерно думать, что древнерусская грамота, сохранившаяся в Рижском городском архиве, на каком-то из этапов разбирательства прости-мулировала возобновление интереса к делу Даниила Андреева. Ее сопоставление с корреспонденцией ливонских властей определенно показывает, что древнерусскую грамоту следует датировать промежутком времени примерно со второй декады февраля (т.е. после того, как ливонская делегация покинула Новгород) по вторую половину июня 1423 года. Нельзя исключать, что послание было написано вскоре после съезда с ливонцами в Новгороде – уже в феврале–марте 1423 года. Однако мне представляется более вероятным, что оно было отправлено в июне 1423 г., поскольку в феврале, накануне съезда в Вольмаре, просьба новгородцев была передана с рижским послом. Если такая датировка верна, это в очередной раз заставляет уточнить хронологию смены степенных посадников и тысяцких, предлагавшуюся В.Л. Яниным.

⁵ «Also wy en dēl onse vrunde út allem rade ghebeden hebben unde ok tho daghe iwen erbaren boden bevolen was, so begere wy noch, dat gy so wol dōn unde vorhōret uns de tuchnisse Amdes van deme Rode unde Hillebrant Kūlen na der krutzekussinghe, wo lutteke Hans van Essen den Russen Danylen to Nowerden betalet hefft. Unde willet uns de thuchnisse schicken under jwēr stad anhengenden ingezegele, wente uns de Nowerders vele maninghe unde anlage darumme dōn. Unde den breff willet ons schicken up dem Walke tho deme daghe negest thokomende edder anders myt den ersten gii mōgen, dat wulle geme an enem geliken edder groteren vorschulden, wor wy mōgen» [TLA, f. 230, n. 1, BD 2-I, fol. 71]. Просьба получить свидетельство Арнда фан дем Роде и Гильдебранда Куле «по крестному целованию», по-видимому, означает, что новгородцы добивались исполнения пункта договора от 8 февраля 1423 г.: «Немцам исправу давать Новгороду по всем делам, по крестному целованию, без всякой хитрости». Съезд ливонских городов в Валке состоялся 11 июля 1423 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Зимин 1963 – *Зимин А.А.* [Рец.:] В.Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, 387 стр. // Советская археология. 1963. № 3. С. 272–279.

Казакова 1975 – *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

Кистерев 2013 – *Кистерев С.Н.* Обзорение 16 выпуска «Очерков феодальной России» // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 1. СПб., 2013. С. 3–21.

Людин 1956 – *Людин И.М.* Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории новгородско-московских отношений XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 5. М., 1956. С. 285–299.

Мартышин 1992 – *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Обнорский, Бархударов 1952 – *Обнорский С.П., Бархударов С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952.

Полонский 2012 – *Полонский Д.Г.* Самоуничительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI – XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2012. С. 81–112.

Янин 1960 – *Янин В.Л.* Две неизданные новгородские грамоты XV века // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 333–339.

Янин 1962 – *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

Янин 1970 – *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2: Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

Янин 1991 – Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991

Янин 2003 – *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

Goetz 1916 – *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37.) Hamburg, 1916.

Goetz 1922 – *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. (Hansische Geschichtsquellen. Bd. 5.). Lübeck, 1922.

HR 1893 – Hanserecesse. Abt. I (Die Recesse und andere Akten der Hanse-tage von 1256–1430). Bd. 7. Leipzig, 1893.

HUB 1905 – Hansisches Urkundenbuch. Bd. 6: 1415 bis 1433 / Bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905.

Kämmerei-Register 1909 – Kämmerei-Register der Stadt Riga 1348–1361 und 1405–1474 / Bearb. von A. von Bulmerincq. Bd. 1: Die Kämmerei-Register. Leipzig, 1909.

LUB 1867 – Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 5 / Hg. von F.G. von Bunge. Riga, 1867.

LUB 1881 – Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Bd. 7: 1423 Mai – 1429 Mai / Hg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1881.

Schiller, Lübben 1876 – *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 2 (G – L). Bremen, 1876.

Tallinna linnaarhiiv (TLA), f. 230, n. 1, BD 2-I. Briefe des Rigaer Rats an Revaler Rat, 1368–1490.

von Bunge 1874 – *von Bunge F.G.* Die Revaler Rathslinie nebst Geschichte der Rathsverfassung.

С. М. КАШТАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ФОРМУЛЯРА РУССКО-ЛИВОНСКИХ ГРАМОТ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Автор исследует дипломатическую структуру новгородско-ливонских договоров, выделяя в их тексте элементы условного формуляра. Прослеживается переход формуляра договоров от типа односторонних посланий со всеобщим адресом к типу двусторонних соглашений без адреса. Наблюдается усложнение удостоверительной части договоров, а также тенденция к объединению в одном документе двух разноязычных экземпляров договора.

Ключевые слова: Новгород, Псков, Ливония, договоры, послы, печати, крестоцелование

Древнейший из дошедших русско-ливонских договоров датируется 28 января 1323 года. Он представлен немецким подлинником на пергамене, в котором изложение ведется от лица ливонских послов, побывавших в Новгороде и заключивших с новгородцами оборонительный и наступательный союз, направленный против Пскова и Литвы [ГВНП, с. 65–67, № 37]. Дипломатическая структура договора 1323 г. такова: 1) нотификация с включенными в нее адресом, интитуляцией и салютацией; 2) *narratio*; 3) *dispositio*; 4) корроборация и дата. Адрес и салютация содержат приветствие всем, кто увидит или услышит эту грамоту. В интитуляции переписаны имена членов посольства, посетившего Новгород. Всего названо 6 человек, из которых каждый определяется как «господин» (*her*). Посольство возглавляли два комтура – венденский (первый в перечне) и дюнамундский (второй в перечне). Что касается остальных четырех членов посольства, то их звания не указаны. Правда, пятый и шестой члены посольства, фигурирующие, кроме интитуляции, еще отдельно в конце корроборации, названы «рыцарями» (*de ridders*). Магистр в грамоте не упоминается, а само посольство характеризуется как

представительство «от всего христианства» (*van des menen kerstendomes*).

В наррации объявляется, что посольство побывало в Новгороде и заключило «вечный союз» (*ewige verbindige*) с епископом Давыдом, посадником (*borchgreven*) Олфромеем, тысяцким (*hertoge*) Авраамом, а также со всеми новгородцами и их подданными. Здесь указана и цель этого союза: взаимодействие в борьбе с литовцами, их друзьями и помощниками, под которыми в первую очередь понимались псковичи.

В *dispositio* декларируются взаимные обязательства сторон: военная помощь друг другу в случаях войны с Литвой и Псковом; незаключение мира с ними одной из сторон без согласия другой; мирное урегулирование земельных конфликтов между жителями Новгородской земли и Ливонии.

Корроборация состоит из двух клаузул. В первой из них говорится от лица как бы всех послов (*wi*), что они «для указанных выше русских» (*vorbenomeden Ruzen*), т.е. для новгородских властей, привесли к настоящей грамоте свои печати. Вслед за этим приводится дата: «*na den jare uses Heren in deme dusendesten, in dem drehundersten, in deme dre und twintegesten, des lesten vridages vor des heiligen kerstes dage*».

Во второй клаузуле, помещенной после даты, речь ведется от лица только двух последних членов посольства – пятого и шестого, которые, судя по их месту в интитуляции, должны были иметь наименьший политический вес. Эти рыцари привесли свои печати для подтверждения полного соответствия (*van worde to worde*) настоящей грамоты тексту русской грамоты о союзе между Новгородом и «всем христианством». Возможно, пятый и шестой члены посольства выполняли функцию писца и переводчика. Их печати были привешены во вторую очередь, после того, как первые четыре члена посольства скрепили немецкую грамоту своими печатями.

Из текста корроборации немецкой грамоты ясно следует, что наряду с последней существовала русская грамота того же содержания. Скорее всего, она была написана от имени новгородских властей – архиепископа, посадника, тысяцкого и «всего Новгорода». Ее, вероятно, удостоверяли четыре печати.

Статус орденских послов приравнивался к статусу новгородских властей, но об их взаимном крестоцеловании не сказано ни слова. Надо думать, что договор составлялся в двух экземплярах –

русском и немецком, и стороны обменивались ими. Маловероятно, чтобы каждая из сторон составляла текст на своем языке в двух экземплярах (противнях) – для себя и для контрагента, как это делалось позже.

Следующий по времени новгородско-ливонский договор, дошедший до нас, отстоит от первого на сто лет. Это русский проект договора, составленный около 1420 года. Он сохранился в немецком переводе с оригинала, привезенного в Ливонию русскими послами. Грамота была написана от лица «великого князя» (*von dem grosszin konige*) Константина Дмитриевича, новгородского посадника Василия Никитича, тысяцкого Кузьмы Терентьевича и «от всех больших в Новгороде» (*von alle grossen in Nogharden*). Этот «авторский коллектив» упомянут в общей интитуляции, с которой начинается документ. Далее идет индивидуальная интитуляция («Я, князь Константин Дмитриевич»), являющаяся вступлением к *narratio*.

Индивидуальная интитуляция стоит в именительном падеже и начинается с местоимения (*ich = яз*), в отличие от предшествующей общей интитуляции, стоящей в родительном падеже и начинающейся с предлога (*von = от*). Сам титул в индивидуальной интитуляции ограничивается словом «князь» (*konig*), в то время как в общей интитуляции говорится «от великого князя...» (*von dem grosszin koninge*). Константин, конечно, не был великим князем, им являлся его старший брат Василий I Дмитриевич. Константин приехал в Новгород в 1420 г. вследствие ссоры с Василием Дмитриевичем, лишившим его удела за отказ целовать крест малолетнему наследнику престола, сыну великого князя [ПСРЛ, 2000, с. 412]. В роли новгородского князя Константин пробыл недолго – с февраля 1420 до весны 1421 г. [ПСРЛ, 2000, с. 413]. Титулование его «великим князем» (титул притязания) было, возможно, инициативой новгородцев, а не самого князя, который в своей индивидуальной интитуляции не употребляет определение «великий» перед словом «князь».

В *narratio* Константин сообщает, что он послал в Ливонию своих послов (*myne boden*), которые заключили мир с магистром Рижским и епископом Дерптским (*mit dem meister van Rige und mit dem bischope van Darpte*). Имена магистра и епископа не указаны, поскольку это был только проект, а не документ, утвержденный обеими сторонами. Зато названы имена русских послов. Их было двое. Один являлся представителем самого князя – его

боярин (munen boyaren) Захар Есифович, другой – Новгорода (van Nogharden): некий Феофилакт Васильевич, звание которого не указано¹. Они заключили мир с Ливонией от лица Новгорода и Пскова (vog uns und vog Pleskow). О заключении мира в проекте говорится в прошедшем времени (haben geendiget), как о совершившемся факте, хотя в действительности его еще только предстояло совершить.

В *dispositio* были сформулированы условия, на которых заключался мир: 1) соблюдение старых границ Новгорода с землями магистра (по стержню реки Нарвы), а Пскова – с владениями дерптского епископа (местонахождение границы не указано); 2) запрещение немцам переходить р. Нарву и осваивать новгородские земли; 3) запрещение новгородцам ходить на немецкую сторону; 4) запрещение жителям Ревеля² и тем, кто живет «за Нарвой» (den von over der Narva), возить хлеб из Ливонии в шведский замок Выборг, пропускать через ливонские земли шведские войска и давать [шведам] сведения о новгородском войске; 5) свободный проезд по немецкой земле новгородских и псковских «гостей» (gast = купец); 6) свободный проезд немецких «гостей» по землям Новгорода и Пскова; 7) свободный проезд по Ливонской земле туда и обратно великокняжеских и новгородских послов, путь которых в другие страны лежал «через море» (obir die zee); 8) судебное рассмотрение властями Ливонии дел, связанных с нанесением ущерба русским послам; 9) совместное рассмотрение представителями договаривающихся сторон тяжб между жителями Ливонии и новгородско-псковского региона.

Корроборация в проекте 1420 г. весьма лаконична. Она сводится к указанию того, что обе стороны (beyde ir und wir) утверждали договор крестоцелованием (haben daz krucze gekussit). Какие именно представители власти это делали, корроборация не уточняет. Ничего не сказано в ней и о других способах утверждения договора.

Конечного протокола в проекте нет – ни дата, ни место заключения договора не упоминаются.

Дальнейший обмен посольствами привел к заключению в начале 1421 г. нового договора между Ливонией и Новгородом.

¹ Возможно, он был сыном посадника Василия Есифовича (о последнем см.: [ПСРЛ, 2000, с. 410, 413]).

² Ревель = Кольвань = Таллинн.

Его текст дошел в экземплярах на русском и немецком языках. Экземпляр, содержащий русский текст, – оригинал на пергамене с шестью печатями, подвешенными на шелковых шнурах. Изложение ведется от третьего лица, без употребления личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица («мы», «наш» или «вы», «ваш»), что было свойственно предыдущим договорам, составленным от лица одной стороны. Теперь договор приобретал вид документа, составленного от общего лица двух договаривающихся сторон.

Текст начинается с наррации, где говорится о приезде в Новгород немецких послов от магистра Селивестра (Зигфрида) к князю Константину Дмитриевичу, архиепископу Симеону, «к посаднику, и к тысячкому и ко всему Великому Новгороду». Ясно, что приезд этого посольства был ответом на первое посольство новгородцев, отправленное в Ливонию князем Константином. Немецкие послы – «кумендерь велеядьчскиеи» (комтур Вельяда, т.е. Феллина) Гостела и «судья ругодивеской» (фогт Нарвы) Еремей договорились с новгородцами о дате и месте встречи магистра с представителями русской стороны для урегулирования («исправь») различных «обидных» (спорных) дел и, прежде всего, вопроса о границе «земле и воде». Сроком съезда было избрано мясное заговенье. В 6929 (1421 г.) мясное заговенье (воскресенье перед масленицей) приходилось на 26 января. С этой датой расходится на один день срок съезда, указанный магистром в письме Ревелю от 20 декабря 1420 года. Там говорится, что съезд назначен на 27 января 1421 года. Провести его решили «на Нарове на реке». В *narratio* договора 1421 г. не сказано, в каком именно месте «на...реке» намечалась встреча, однако из письма Новгорода Дерпту, написанного вскоре после съезда, явствует, что он проходил в Ругодиве – пограничном ливонском городе на реке Нарве [ГВНП, 1949, № 61, с. 102].

В *narratio* указан состав русского посольства, снаряженного в Новгороде для встречи с магистром. Посольство возглавлял великокняжеский наместник Федор Патрикеевич. Кроме него в посольство были включены пять новгородских бояр, из которых два имели звание посадников. Все шесть послов упоминаются в *narratio* дважды. Сначала говорится, кем они были посланы, затем рассказывается об их встрече с магистром.

В качестве отправителей посольства в договоре фигурируют «князе великий Васелеи Дмитриевичъ и князе Костянтинъ Дмит-

риевич, и архиепископ Новгородчкый владыка Семеонъ, посадник новгородчкый Васелии Микитинечь, и тысячкый новгородчкый Кузма Терентиевичъ, и весь господинъ Великий Новгородъ» [ГВНП, 1949, № 60, с. 99]. Состав членов новгородского самоуправления здесь тот же, что и в проекте 1420 г., где говорится о посылке в Ливонию двух послов. Однако если в проекте 1420 г. руководящая роль отведена князю Константину Дмитриевичу, то в договоре 1421 г. Константин отодвинут на второе место, а первое занимает великий князь Василий Дмитриевич. В посольстве, отправленном в Ливонию в 1420 г., Константина представлял его боярин Захар Есифович, в делегации же, заключавшей мир с магистром в 1421 г., особого посла от Константина не было: его заменил наместник великого князя Василия Дмитриевича, князь Федор Патрикеевич, который, конечно, мог рассматриваться как представитель не только Василия, но и Константина, выступавшего в роли подручника своего старшего брата. Заключение Новгородом мира от имени великого князя придавало этому акту общерусское звучание.

После *narratio* в договоре идет *dispositio*, где сформулированы условия заключенного мира: 1) граница по стержню (фарватеру) р. Нарвы от Чудского озера до моря; 2) совместное («с обе стороны») рассмотрение и решение («управа») купеческих и других «обидных дел от сучта местерева скаферьва (*schaffers*), что быль сучеть с новгородче»³; 3) предоставление новгородским «гостям» «чистого пути» по Ливонии и права торговли «всяким товаромъ без вывета⁴ и без рубежа»; 4) предоставление немецким «гостям» таких же привилегий в Новгородской земле; 5) возврат новгородцам их товара, конфискованного в Ливонии; 6) возврат немцам их товара, конфискованного в Новгородской земле; 7) смесной суд («с обе половины») в случаях иска «немчену до новгородча, а новгородчу до немчена; а с обе половины посуловъ не имати».

В *dispositio* договора 1421 г. строго проводится принцип равноправия сторон. Неслучайно стороны здесь называются «половинами». Спорные дела между новгородцами и ливонцами решаются на смесном суде представителями обеих «половин».

³ Вероятно, имеется в виду какой-то счет («сучет»), перечень нерешенных спорных дел (?), который составил и согласовал с новгородскими послами (в 1421 г.?) коадьютор магистра (скаферъ = *schaffer* = помощник?).

⁴ «Без вывета» – без исключения.

Одинаковые права получают новгородские «гости» в Немецкой земле и немецкие «гости» в Новгородской земле.

Те статьи проекта 1420 г., которые давали определенные преимущества русским и ущемляли интересы ливонцев, в договор 1421 г. не вошли. Так, в нем нет антишведской статьи, запрещавшей привозить хлеб в шведский замок Выборг, пропускать через Ливонскую землю шведские войска и давать шведам сведения о состоянии новгородского войска. Не было в договоре 1421 г. и статей о пропуске «через море» и бережении великокняжеских и новгородских послов. В отличие от проекта 1420 г., договор 1421 г. ничего не говорит о псковских купцах, Псковской земле вообще и ее границе с Дерптом в частности. Вскоре после отъезда из Новгорода князя Константина новгородские светские власти во главе с новым посадником Михаилом Ивановичем отправили письмо Дерпту в ответ на его предложение мира [ГВНП, 1949, № 61, с. 100–102]. В этом письме опять-таки не было сказано ни слова о Пскове.

Следующая за *dispositio* часть текста договора 1421 г. может рассматриваться как *corroboratio*. В ней описывается процедура удостоверения договора крестоцелованием. Мы уже отмечали, что о крестоцеловании речь шла еще в проекте 1420 года. Но там участники этой процедуры определялись только местоимениями «вы» и «мы» («крест целовали и вы, и мы...») – *haben daz cruce gekussit beide ir und wir*). Такая неопределенность объясняется, конечно, проектным характером текста, ориентированного на будущее. В договоре 1421 г., напротив, фиксировался реально совершившийся факт. Здесь были поименно названы все лица, участвовавшие в крестоцеловании, всего их было 11 человек.

С ливонской стороны крест целовали 5 рыцарей: сам «месьтер ... рискей» Селивестр (Зигфрид), два комтура (велеядский – Гостила, кольванский – Тимофей) и два фогта (кеский, т.е. венденский, – Иван, ругодивский – Елисей). Напомним, что Гостила и Еремей ездили в 1420 г. в Новгород в качестве послов. Вероятно, именно они привезли магистру русский проект договора, который был затем переведен на немецкий язык (во всяком случае, магистр писал, что он получил этот проект 25 августа 1420 г.) [ГВНП, 1949, № 59, с. 91].

От Новгорода крест целовали все 6 членов русского посольства во главе с великокняжеским наместником кн. Федором Пат-

рикеевичем. Их имена уже дважды приводились в наррации договора, в корроборации они перечислены в третий раз.

После перечня членов каждой из двух делегаций (немецкой и русской) в тексте указывалось, за кого они целовали крест: ливонцы – «за себя и за все свои пригороды», русские – «за Велики Новгород и за все свои пригороды». В этих двух формулах общим местом была заключительная часть: «и за все свои пригороды». Вместе с тем начальные части приведенных формул отличались друг от друга принципиально: если ливонцы целовали крест «за себя», то новгородцы – «за Велики Новгород». Каждый новгородский посол представлял всю Новгородскую землю в целом, а не отдельную ее часть. Напротив, каждый ливонский комтур или фогт представлял свой округ или город, которым он управлял. Даже магистр, являвшийся представителем всего Ордена в целом, имел узкотерриториальный титул («местерь рискеи»).

Выражение «за себя и за все свои пригороды» отражало специфику ливонской корпоративной системы управления. Присоединение же оборота «и за все свои пригороды» к словам «за Велики Новгород» вело к неправомерному сближению новгородской олигархической системы управления с ливонской корпоративной системой. Притяжательное местоимение «свои» формально могло рассматриваться как относящееся скорее к боярам-послам, чем к самому Новгороду. Конечно, это замечание сделано нами с позиций современной стилистики, согласно которой вместо «свои» следовало бы сказать «его» (в смысле – Великого Новгорода).

Договор заканчивается предписанием обеим сторонам соблюдать установленную между ними границу (каждому «знать своя половина») и «миръ... держати крепкъ» по крестному целованью. Эти требования представляли собой разновидность санкции. Мы бы отнесли их к типу *clause réservative*.

В корроборации нет упоминаний о скреплении договора печатями. Между тем к экземпляру на русском языке были приведены шесть печатей. Из надписей, частично сохранившихся на них, видно, что эти печати принадлежали членам новгородского посольства 1421 года. Порядок расположения печатей слева направо под нижним краем листа соответствовал той последовательности, в которой их владельцы трижды упоминались в тексте договора.

Отсутствие в русском экземпляре немецких печатей показывает, что, несмотря на формулировку текста договора в третьем лице, каждая сторона оформляла свой экземпляр как отдельный документ, не нуждающийся в соединении его с экземпляром другой стороны и скреплении двух разноязычных экземпляров печатями обеих сторон. Такой подход мы уже наблюдали при рассмотрении договора 1323 г., который, будучи немецким экземпляром, скреплялся печатями членов ливонского посольства.

Сходство договоров 1323 и 1421 гг. состоит еще и в том, что в них послы одной стороны заключают договор не с послами, а непосредственно с властями другой страны. В обоих случаях иностранные послы (немецкие в 1323 г. и русские в 1421 г.) наделялись по существу правительственными полномочиями.

Почему в русском экземпляре договора 1421 г. не упоминается о привешенных к нему печатях новгородских послов, в то время как в немецком экземпляре договора 1323 г. сообщается, что ливонские послы привесили к данному документу свои печати? Вероятно, причина этого различия заключается в том, что договор 1323 г. написан от первого лица, а именно от лица ливонских послов, договор же 1421 г. написан от третьего лица, т.е. как бы от «общего» лица двух договаривающихся сторон. Сказать в нем только о русских печатях было неудобно, о русских же и немецких вместе – нельзя, поскольку немецких печатей на русском экземпляре не было.

Другое дело – крестное целование. В отличие от печатей, оно материально не могло присутствовать в договоре. Поэтому упомянуть обе стороны, принявшие в ней участие, было не только допустимо, но и необходимо.

В проекте 1420 г. и в договоре 1421 г. отсутствовал конечный протокол (указание даты и места выдачи документа). Между тем в более раннем договоре (1323 г.) дата была указана, причем с точностью до дня. Возможно, это объясняется тем, что дошедший текст являлся немецкой редакцией договора 1323 г., и датировка давалась там по эре от Р.Х. На Руси была принята эра от С.М., но датировку по ней актов стали фиксировать лишь начиная с XV в., да и то, скорее, в виде исключения, а не правила. Большинство русских актов XIV–XV вв. не имеет даты. В XVI в. правительственные акты обычно датировались, частные же акты снабжались датой далеко не всегда.

Историку важно знать не только дату договора, но и срок его действия. В проекте 1420 г. и договоре 1421 г. упоминаний об этом нет. Значит, договор мыслился как бессрочный. В немецком экземпляре договора 1323 г. ливонские послы заявляли, что они заключили с Новгородом «вечный союз» (ene ewige vorbindige). Такое определение было равнозначно признанию бессрочности договора.

Указание конкретных сроков действия договора впервые появляется в псковско-ливонском договоре 1417 г. (10 лет), затем в договорах Новгорода с Орденом 1448 г. – февральском (5 лет) и июльском (25 лет). Договор от 27 февраля 1448 г. запечатлел первую попытку поместить русский и немецкий тексты на одном материальном носителе. Им был лист пергамена, в верхней части которого располагался русский текст, а в нижней – немецкий. В соответствии с этим для русских печатей отводились левая сторона нижнего поля, для немецких – правая.

Текст февральской грамоты 1448 г. построен на основе договора 1421 года. Формулярное заимствование видно уже из первой фразы *pagatio*, с которой начинается текст:

Договор 1421 года	Договор 1448 года
Се приехаша послове Великии Новьгородь...	Се приехаша послове немечкый въ Великии Новьгородь...

Имена и звания послов в обоих договорах приводятся в контексте с указанием, от кого отправлено и к кому направляется посольство. Последовательность расположения этих оборотов может быть двоякой. Первый вариант: 1) от кого – 2) кто – 3) к кому. Второй вариант: 1) от кого – 2) к кому – 3) кто. Первой схеме следует договор 1421 г., второй – договор 1448 года. Представители принимающей стороны указываются в дательном падеже с предлогом «к» либо до, либо после имен послов.

В договоре 1448 г. расширен состав инстанций, от имени которых отправлялось посольство. Кроме магистра в этой роли здесь выступают власти пограничного с Псковом города Дерпта (Юрьева): «... и от пискупа юрьевского Олфромей, и от посадниковъ юрьевскихъ, и от ратмановъ». К титулу магистра здесь впервые прибавляется слово «князь»: «от князя от местра» (*furste meister*).

В договоре 1421 г. направляющую сторону представляет только магистр, в договоре 1448 г. – магистр, юрьевский (дерптский) епископ, а также юрьевские посадники и ратманы. Имени магистра предшествует его титул – «местер» в 1421 г., «князь местр» в 1448 г. Юрьевский епископ, так же, как и магистр, назван по имени, а юрьевские посадники и ратманы, упомянутые во множественном числе, не персонифицированы.

В состав принимающей стороны в 1448 г. входили: 1) архиепископ Евфимий; 2) новгородский князь Александр Васильевич; 3) посадник Есиф Григорьевич; 4) старые посадники (без имен); 5) тысяцкий Карп Савинич; 6) старые тысяцкие (без имен); 7) весь Великий Новгород. В 1421 г. аналогичный перечень был короче: 1) князь Константин Дмитриевич; 2) архиепископ Симеон; 3) посадник (без имени); 4) тысяцкий (без имени); 5) весь Великий Новгород. В 1448 г. к этому составу инстанций добавили старых посадников и старых тысяцких, а действующих назвали по имени. Первое место занял архиепископ, князю же пришлось удовлетвориться статусом второго лица в иерархии новгородских властей. В 1421 г. князь Константин Дмитриевич, будучи братом Василия I, представлял в какой-то мере великокняжескую власть. В 1448 г. Александр Васильевич был просто новгородским князем-кондотьером. В условиях внутридинастической войны середины XV акценты были расставлены иначе, чем в 1421 году.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ПСРЛ 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская Первая летопись. М., 2000.

В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА

К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕ ГРАМОТ XVI ВЕКА ИЗ АРХИВА АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

В статье проанализированы две грамоты из числа актов Антониево-Сийского монастыря, хранящихся в Архиве СПбИИ РАН. Они датированы началом XVI в. и написаны своеземцем Василием Остафьевым, который был одним из контрагентов оформляемых этими актами сделок. Письмо Василия Остафьева принадлежит к числу непрофессиональных почерков. Пока не представляется возможным определить, почему вместо того, чтобы привлечь в качестве писца местного церковного дьячка (как в большинстве других случаев), грамоты писал сам участник сделки. Похоже, что он копировал книжное письмо, которое мог видеть в богослужебных книгах в местном храме. Почерк обеих грамот идентичен, включая индивидуальные особенности письма. Еще одна грамота из фонда монастыря, созданная через десять лет, содержит собственноручную подпись Василия Остафьева с теми же особенностями письма, что и ранние акты, писанные им. Вместе с тем, в статье приводятся соображения, в соответствии с которыми «сотский Василий Остафьев» одной из грамот 1510/11 г. является другим лицом.

Ключевые слова: Емецкий стан, Чухчин конец, д. Тенюховская, Антониево-Сийский монастырь, Василий Остафьев

В Архиве СПбИИ РАН хранится фонд Антониево-Сийского монастыря (Ф. 5), включающий уникальную коллекцию актов, в основном частных, XVI–XVII веков. Эти документы давно попали в орбиту исследования историков [Образцов, 1951; Копанев, 1978]. Но последние изучали их, чтобы понять особенности крестьянского землевладения XVI в. на Русском Севере. Мы стараемся взглянуть на сийские акты как на памятники крестьянского письма.

Наиболее ранние акты, сохранившиеся в фонде Антониево-Сийского монастыря, относятся ко времени еще до возникновения

обитатели. В ходе работы с сийскими актами, составленными до 1520 г., были выделены акты, написанные самими участниками сделок, а также лицами, социальный статус которых не обозначен (мы предположили, что это грамотные крестьяне из числа жителей местных волостей). И, разумеется, большая часть актов писана церковными дьячками или земскими людьми. Во всех этих группах можно обнаружить совершенно разные уровни письма [Вовина-Лебедева, 2022].

К письму первого уровня мы отнесли непрофессиональное письмо с неровными, как правило, широкими и квадратными буквами, кривыми строками, почти без полей или с неровными полями, с отсутствием связанности букв, без контрастности линий при письме, при неумении или ограниченном умении пользоваться выносными буквами. Наиболее яркие образцы такого письма видим в актах начала XVI в., но и до конца столетия такие акты продолжают встречаться. Предполагаем, что в случаях непрофессионально написанных актов мы имеем дело с письмом крестьян – членов мира, в силу не ведомых нам причин привлеченных к написанию данных документов вместо лиц, профессионально занимавшихся письмом – как правило, церковных дьячков. По отношению к этим крестьянским актам следует ставить вопрос о том, кто занимался обучением писцов письму и как вообще происходило усвоение навыков письма в северной деревне.

Не входя в тонкости спора о том, что такое полуустав и скоропись и насколько корректно понятие «полуустав с элементами скорописи» и пр. для деловых документов XVI в., отметим, что письмо, обозначенное нами как письмо первого уровня, нельзя назвать скорописью (или письмом с элементами скорописи) ни с какой точки зрения: и потому, что в нем отсутствуют элементы связного письма, и потому, что писавшие, как правило, мало пользовались выносными буквами, и потому, что они никак не стремились показать свое искусство.

Больше всего такие образцы актового письма похожи на неумелое (в той или иной степени) копирование книжного письма. Образцы для подражания писцы могли видеть в богослужебных книгах – уставных или полууставных. Таким образом, их письмо, вероятно, можно называть неумелым полууставом. Отметим также, что у крестьян хранились в домах документы, оформлявшие предшествовавшие сделки. Они также могли стать образцами для оформления последующих грамот. О нахождении в крестьянских

домах документов имеются данные в сохранившихся актах. Если какие-то из них были пергаменными, то писцы последующих бумажных актов могли ориентироваться на них и во внешнем оформлении документов. Возможно, именно поэтому в ранних сийских актах почти совсем отсутствуют поля – как в грамотах на пергамене, и в целом (по конфигурации листа, его размеру и внешнему виду) они напоминают пергаменные документы.

Крестьянский мир Русского Севера мы наблюдаем не только в лице писцов грамот, но, безусловно, и в лице контрагентов сделок и свидетелей, которые присутствовали («сидели») при заключении сделок и были гарантами соблюдения их условий. В актах первой половины столетия присутствует простой перечень таких «мужей». В более поздних актах они чаще именовались «послухами» (хотя такое понятие встречается уже в некоторых актах начала XVI в.). Рукоприкладства послухов на обороте грамот, ставшие обычным явлением приблизительно с середины столетия, показывают такой же разброс в уровнях письма, как сами акты (то есть весьма различные уровни владения послухами письмом), но чаще всего демонстрируют письмо непрофессиональное, близкое к тому, которое у писцов сийских актов мы назвали письмом первого уровня.

В фонде Антониево-Сийского монастыря сохранилось много актов, датированных временем до образования монастыря, возникшего на Большом Михайловском озере в 1520 году. В двух случаях сийские акты начального периода (до 1520 г.) были написаны участником сделок – своеземцем Василием Остафьевым. Имя Василия Остафьева упомянуто в сотной грамоте на Емецкий стан середины XVI в.: «Волостка, что была Василия Остафьева сына своеземца» [Копанев, 1978, с. 35–36].

Эти две грамоты входят в выявленный нами комплекс документов, связанных с лицами, продававшими или покупавшими д. Рындинскую, все материалы о которой были собраны в итоге в монастырском архиве. Сюда же относятся акты: Ф. 5. Оп. 1. Дд. 8, 12, 13, 14, 20, 21, 49. Мы рассмотрим ниже только два акта: Ф. 5. Оп. 1. Д. 6 и Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.

В 1502/03 г. Степан Васильев купил у Василия Остафьева полосу земли на Малом острове с угодьями (Д. 6). Грамота размером 14,7 на 11,5 см., текст: 14 на 10 см. Таким образом, фактически отсутствуют боковые поля и верхнее поле. Письмо грамоты – не-

умелый полуустав, филиграней на бумаге нет, на обороте записей послухов нет.

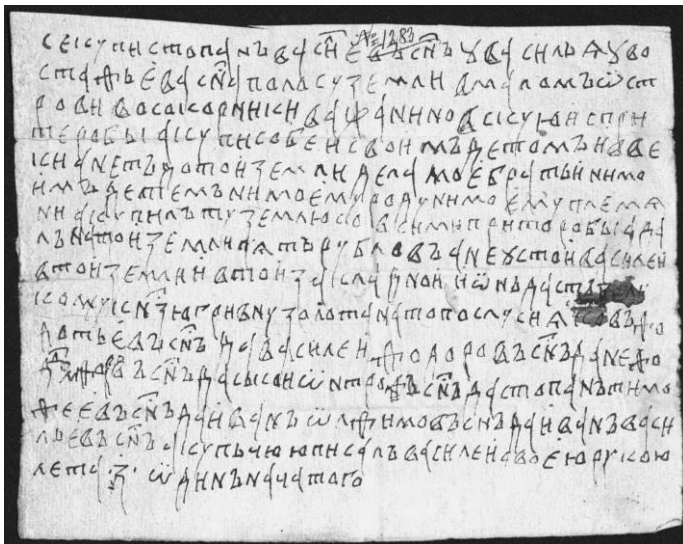

Рис. 1. Купчая Степана Васильева на полосу земли на Малом острове. 1502/03.

Купчую писал продавец Василий Остафьев. В тексте видны свойственные ему выраженные фонетические особенности, отраженные в написании, например, передача слогов «фе», «те», как «фо», «то» и пр. Так, в грамоте написано имя Степан как «Стопан», Федоров как «Фодоров» и т. д. К особенностям написания относится и квадратный характер букв, при этом «и» пишется как «н», «н» как «N», «д» и «а» имеют длинные, уходящие вниз ножки. Краткость «и» (в словах «той», «Василей» и пр.) обозначается одной точкой, поставленной над буквой.

Еще одна особенность данного акта – использование безличной формулы «се купи» (архаичной для двинских актов XVI в.), а не более распространенной формулы «купил есми». Формула «се купи» типична для новгородских актов периода новгородской независимости. В грамоте отсутствует также фраза о покупке «в дернь», типичная для купчих этой местности, а вместо этого сказано о покупке «ввеки» себе и своим детям, что также характерно для более ранних новгородских актов. В тексте упомянута закладная: видимо, земля была сначала заложена, но выкуп

не внесен, и по этой же причине упоминается также «неустой» – пеня за нарушение обязательства («А неустой Василей в той земли и в той закладной...»). Необычность формул может быть связана с тем, что грамоту писал не профессиональный писец, в памяти которого имелись готовые фразы, а человек, к составлению такого рода документов не привыкший, или же носитель иной, не местной традиции оформления купчих, что тоже нельзя исключать. Другое возможное объяснение состоит в том, что при оформлении купчей Василий Остафьев ориентировался на какие-то более ранние документы, имевшиеся в его распоряжении и содержавшие эти архаичные формулы. Кстати, хотя в грамоте сказано о покупке Степаном Васильевым земли «ввеки» себе и своим детям, далее среди родственников, которым «дела нет» до этой покупки, указаны его дети. Остается предположить, что речь идет о двух группах детей, возможно, от разных браков.

За год до этого, не ранее 9 марта 1501 г. (грамота датируется на основании упоминания в ней праздника Сорока мучеников Севастийских) тот же писец Василий Остафьев написал «своею рукою» закладную на деревню Тенюховскую, а также пожни и землю (Д. 4). Размер грамоты 14,7 на 19,6 см, текст: 14 на 18 см (почти нет полей, кроме нижнего), филиграни на бумаге отсутствуют, на обороте грамоты помета: «Рученская», очевидно, относящаяся уже ко времени хранения данного акта в Антониево-Сийском монастыре. Письмо – неумелый полуустав Василия Остафьева, идентичный письму грамоты Д. 6. Местность, о которой идет речь – очевидно, та же, что и в Д. 6: Емецкий стан, Чухчин конец (ныне Емецкий район Архангельской области). В обеих грамотах упоминается земля на Малом острове. Грамота Д. 4 несколько бóльшая по длине, если сравнить с Д. 6, но использована та же самая бумага. В купчей (Д. 6) видна деталь филиграни «Кувшинчик», в закладной (Д. 4) филигрань не видна, но ширина столбцов одна и та же (14,7 см), расстояние между линиями понтюзо одинаковое (3 см). Можно сделать вывод, что обе грамоты написаны на одной и той же бумаге, от которой Василий Остафьев последовательно отрезал одинаковые по ширине, но разные по длине (в зависимости от размера текста) фрагменты.

СЕАТВОЧЕННИИ СТУ АТЪ ВЪЗНАТЧНА ^{№ 1282} ЗВЕСТНУ
 ДОРОТЪ СЕМО ПОВЧЕН ПАПЕРУ БЛАВЪ МОСКО
 ВЪ СУДЪ ЕНЕРЪ СРОКЪ ТИМЪ ДРЕНГМА СЪ ЧОТЫ
 РЕ СЕ СЪ ДМУ ЧЕННИ ДА ВЪ ЕЛНИ СЪ ДНИ РО СЪ ЗЕС
 МИ ЕМУ ТУ ПЛ ПАН ПЕР ЕР ДЪ ТЫ ХЪ СЕМ ЕМУ
 ДЕНГ ХЪ ДЪ ЛОЖНА ДРЕ СЪ НО ТЕН ХЪ ВЪ СУ КЪ
 НЧ ТЪ ПЕР ЕМУ ДОВИ МЪ РУ И Е МЪ ГРЕ УЖНА МХ ФШУ
 ТУ РУ НОВА РЪ ВЪ ЕЛНИ СЪ ВЪ СТРО ВНА ДНА ПО СЪ
 РЕ СЪ НО ПИ СЪ ЧЪ ПЕР ЕМЪ ВЪ СГО СЪ ТО РЪ ДР РУ СЪ
 ПОЖА И СЪ ВЪ НХЪ ЧИ ННИ СЪ ЧИ НЪ ВЪ ЕМЪ ЧА НОВА ТЪ СЕ
 НИ СЪ ПЕР ЕМУ ДОВИ МЪ РУ И Е МЪ ГРЕ УЖНА МХ ФШУ
 ТУ РУ НОВА РЪ ВЪ ЕЛНИ СЪ ВЪ СТРО ВНА ДНА ПО СЪ
 ЗЕМЛИ БУЛИ ЧИ ЧНА ТЪ СЕ СЪ КЪ ГИ НУ ТЕМ ЛО ДР РУ СЪ
 А НЧ ПЛО СЪ СЪ ПОЛО СЪ СЪ СЪ И НН РЕР ЕВНИ ВЪ ТЪ СЕ
 ПЧ НЧ БРА СЪ И НЧ ЗЕМАН Ч ПР Е СЪ ВЪ А ПЛО СЪ СЪ СЪ
 ДЪ СЪ ДА Е СЪ ВЪ ТЪ СЪ ХЪ НА БУ ТЕМ ЛО ТЪ СЪ И МЪ ТЕМ ЛА
 МИ ПОВ ЧНА МЪ ПАН И СЪ ДОВИ МЪ РУ И Е МЪ ГРЕ УЖНА МХ ФШУ
 ТУ РУ НОВА РЪ ВЪ ЕЛНИ СЪ ВЪ СТРО ВНА ДНА ПО СЪ
 ВЪ СЪ КЪ ПЕР ЕМУ ДОВИ МЪ РУ И Е МЪ ГРЕ УЖНА МХ ФШУ
 ТУ РУ НОВА РЪ ВЪ ЕЛНИ СЪ ВЪ СТРО ВНА ДНА ПО СЪ
 СЪ ЛЪ ВЪ СЪ ДЪ ПАН И СЪ ДОВИ МЪ РУ И Е МЪ ГРЕ УЖНА МХ ФШУ
 ТУ РУ НОВА РЪ ВЪ ЕЛНИ СЪ ВЪ СТРО ВНА ДНА ПО СЪ
 ДОНЪ СЪ РЪ СЪ ТОВА ВЪ СЪ ДЪ РЪ ЧИ ВЪ ЧНА ПРА СЪ СЪ ВЪ СЪ СЪ
 РЪ СЪ СЪ И НЧ ПР О СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ
 РЪ СЪ СЪ И НЧ ПР О СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ
 РЪ СЪ СЪ И НЧ ПР О СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ
 НА РУ СЪ ВЪ СЪ ЛЕТЪ. Ж. ДЕСА ТЪ СЪ ДИ СЪ И СЪ СЪ СЪ СЪ СЪ
 НЕ ДЪ ПР О СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ СЪ

Рис. 2. Закладная Василия Остафьева, занявшего деньги у Федора Семенова под залог деревни Тенюховской. 1501 г., не ранее 9 марта.

В отличие от купчей грамоты (Д. 6) в закладной грамоте (Д. 4) имеется собственноручная подпись послуха, но не на обороте, а с лицевой стороны в самом конце текста: «А к сей закладной яз Иван Прокопьев сын послух руку свою приложил». Она демонстрирует другой почерк, нежели основное письмо. Почерк послуха Ивана Прокопьева намного изящнее почерка грамоты, которую писал заемщик. В нем налицо округлые линии (которые писцу основного текста грамоты плохо давались, отчего буквы подчас оставались квадратными), сами буквы мельче, а строчки

ровные. В тексте грамоты нет выносных букв (имеются только сокращения слов), но выносные налицо в подписи послуха. Примечательно, что в этой подписи имеются такие же длинные ножки у букв «а» и «р», как и в основном тексте грамоте, писанной Василием Остафьевым. Краткость «и» так же, как Василий Остафьев, Иван Прокофьев обозначал надстрочной точкой. Можно предположить, что именно почерк Ивана Прокопьева стал образцом для Василия Остафьева, хотя последний не мог полностью его скопировать, поскольку это уже был более высокий и, видимо, недоступный ему уровень письма. Другие свидетели были просто перечислены и рукоприкладств не оставили. Возможно, не все они были грамотными. После рукоприкладства стоит знак косога креста. Скорее всего, он поставлен послухом Иваном Прокопьевым (возможно, был его отличительным знаком), поскольку в грамоте (Д. 6), писанной Василием Остафьевым, такой знак отсутствует.

Василий занял у «Фодота Семонова» пять рублей под залог деревни. По условиям закладной, в случае невыплаты денег в срок, она считалась купчей. Послухами были шесть человек, в числе которых значился и Степан Васильев, которому вскоре Василий Остафьев продал часть земли на Малом острове (Д. 6). Напомним, что в этой купчей читается напоминание о какой-то прошлой «закладной». Другими послухами были «Пиняй Попов сын Фодоров да Софон Ортемов сын, да Иван Прокопьев сын, да Сысой Онтрофьев сын, да Кузма Микулин сын».

Любопытно, что Василий Остафьев и Степан Васильев были не единственными повторяющимися именами в двух грамотах. В обеих присутствовал один и тот же послух по имени Сысой Онтрофьев сын (в Д. 6 он значится как «Сысой Онтрофь сын»). Буква «о», с которой начинается вторая часть имени этого послуха, в обоих случаях писалась как “G” с двумя точками сверху. С такой же буквы писалось и отчество писца «Остафьев», и отчество одного из послухов «Ортемов».

Определенную неустойчивость навыков письма у писца обнаруживает тот факт, что свое имя он сначала (Д. 4) писал с буквы «В», т.е. как «Востафьев», а затем (Д. 6) стал писать «Остафьев». Даты писались в обоих случаях одинаково: в Д. 4 «лета 7000 одиньначатого», в Д. 6 «лета 7000 девятого»: то есть писец обозначал цифирью только тысячи, а остальные числа писал словами, что, видимо, было для него легче.

Имеется еще одна грамота, которую писал некий сотский староста Василий Остафьев (Ф. 5. Оп. 1. Д. 18). Речь идет об отводной грамоте Ивана Петрова Матвею Григорьеву на деревню на Равдогорах 1510/11 года. Писцом записан «Василей соцькой Остафьев сын». Эта грамота связана с комплексом документов, касающихся д. Рындиной и местности вокруг нее. Если сотский Василий Остафьев и писец грамот Д. 4 и Д. 6 – одно лицо, значит, он дожил до 1510 г. и стал сотским старостой. Некоторые другие лица, упомянутые в отводной (Д. 18), как будто подтверждают такое предположение. Так, Иван Петров сын вместе с отцом Петром продали деревню на Равдогорах Матвею Григорьеву сыну (в уплату была взята корова), и в данном случае Иван Петров подтверждал, что ни ему, ни его детям нет до нее дела. Послухами стали Сысой Онтрофьев сын (который значился послухом и в грамоте Ф. 5. Оп. 1. Д. 8, относящейся к группе актов, касающихся д. Рындиной), Иван Долгиня, Иван Онтуфьев сын (упоминался послухом также в грамоте Ф. 5. Оп. 1. Д. 20, связанной с д. Рындиной), Конан Софоньев сын.

Однако если Василией Остафьев грамоты Д. 18 и грамот Д. 4 и Д. 6 – одно и то же лицо, то следует сделать вывод о сильном изменении и, главное, усовершенствовании через восемь лет манеры его письма.

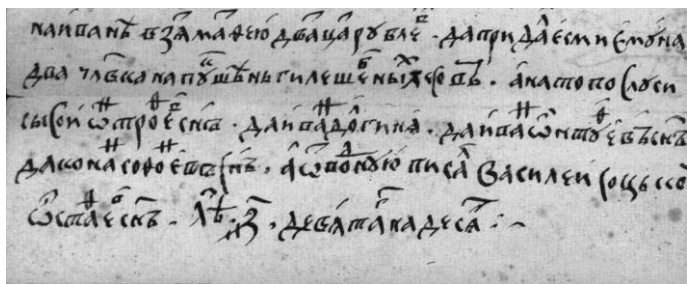

Рис. 3. Отводная грамота Ивана Петрова Матвею Григорьеву на деревню в Равдогорах 1510/11 года. Фрагмент.

Так, отмеченные выше в документах начала столетия выраженные фонетические особенности письма Василия Остафьева (слоги «фе», «те» как «фо», «то» и пр.) в отводной (Д. 18) эти особенности не прослеживаются. Кроме того, в писанных за десять лет до того грамотах (Д. 4 и Д. 6) присутствовал квадратный

характер букв, «и» писалось как «н», «н» как «N», «д», «а» имели длинные уходящие вниз ножки и пр. В отводной (Д. 18) этих черт нет, что говорит, скорее, в пользу существования двух разных Василиев Остафьевых.

О том же свидетельствует и отступная на д. Рындинскую (Ф. 5. Оп. 1. Д. 21) Федора Давыдова с детьми 1512/13 года. Ее писал дьяк никольской Гридя Павлов сын. Федор Давыдов с детьми с Михеем и Иваном продали («отступилися») Данилу Нефедьеву сыну и его детем д. Рындинскую «на Ваймуге ... што есмя купили оу Рындиных детей оу Ивана, оу Степана и оу Микиты посиле их», взяв «полчетьвертатъцать рублей». Послухами выступили уже упомянутый Василей Остафьев сын, Игнатей Матьфеев сын, Марко Офремов сын, Филя Окулов сын.

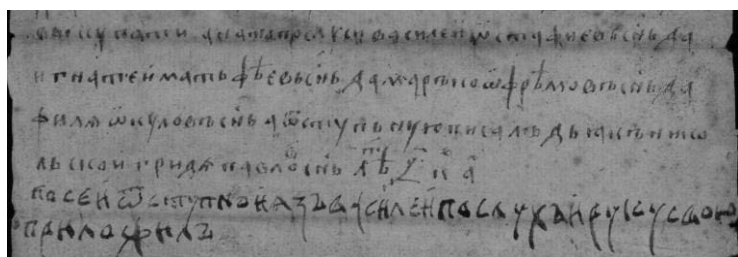

Рис. 4. Отступная Федора Давыдова на д. Рындинскую. 1512/13. Фрагмент с рукоприкладством Василия Остафьева.

Василей Остафьев был послухом. И хотя на обороте рукоприкладств нет, в конце грамоты присутствует собственноручно написанная им фраза (тут повторяется то, что мы видели в грамоте 4 с собственноручной подписью Ивана Прокопьева сына): «Косей отступной яз Василей послух и руку свою приложил». Данное рукоприкладство не совпадает по почерку с письмом грамоты Д. 18, но обладает всеми отмеченными особенностями грамот Д. 4 и Д. 6. Таким образом, хотя своеземец Василий Остафьев и сотский Василей Остафьев грамоты Д. 18 жили в одно время, они были все же, видимо, разными людьми. Можно предположить, что человек изменил манеру письма через восемь лет, но труднее допустить, что еще через два года он вернулся к прежнему, более примитивному письму.

Таковы некоторые предварительные наблюдения, касающиеся письма нескольких ранних сийских грамот. Уже сейчас можно

говорить о том, что участие крестьян в составлении и написании грамот, фиксирующих сделки между частными лицами, скорее всего, не случайно. Анализ этих и других сийских актов показывает, что для северных крестьян оформление документов на землю было важной частью их жизни, отношений с соседями, традиционного способа самоидентификации. А грамоты прошлых лет, хранившиеся по избам в сундуках, давали владельцам дополнительное чувство уверенности и самоуважения. Также и личное писание грамот могло представляться более надежным делом, чем если бы писцом выступал местный церковный дьяк, поэтому слова «писал своею рукою», как и подпись «руку свою приложил» имели не формальный, а весьма важный жизненный смысл.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Грамоты, писанные Василием Остафьевым

1

1501 г., не позднее 9 марта. Закладная Василия Остафьева, занявшего деньги у Федота Семенова под залог деревни Тенюховской, пожень и земли

Се язъ, Василей Остафьевъ с(ы)нъ, занялъ есми у Фодота у Семонова с(ы)на пять рублевъ московскую денегъ. Срокъ тимь денгамъ от чотыредесать мученикъ до Велика дни, а ростъ есми ему запласть наперед два. В тыхъ есми ему денгахъ заложиль деревню Тенюховскую нать Тенюховымъ¹ ручьемъ, где жиль Михашка Туруновъ, да в Великомъ острови пожня тое деревни по конечь Перемьского озора, да другая пожонка в Чюхъчини кончи надъ Емьюю возле Ивонкину пожню, да полоска в Малом острови рамой² земли в улицищи в(о)зле Селюгину землю, да другая на Плоскомъ полоска Ескини деревни в(о)зле Степана Броснина земли, да третья³ полоска надъ курьею в(о)зле Сохнову землю, за тими землями пожнями прикромья и лесъ. А не поставлю язъ, Василей тыхъ денегъ на срокъ, ино ся закладная и купьячая на ту деревню. На то послуши Степанъ Васильевъ с(ы)нъ да Пиняй Поповъ сын Фодоровъ, да Софонъ Ортемовъ с(ы)нъ, да Иванъ Про-

¹ написано поверх прежнего названия, видимо, ошибочного.

² так в тексте, пропущено начальное «о»: должно быть «орамой».

³ так в тексте.

копьевъ с(ы)нъ, да Сысой Онтрофьевъ с(ы)нъ, да Кузма Микулинъ с(ы)нъ. Закладную писал Василей Остафьевъ своею рукою лета 7000 девятого. А к сей закладной яз Иванъ Прокопьевъ с(ы)нъ послух руку свою приложилъ.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.

2

1502/03. Купчая на землю на Малом острове, купленную Степаном Васильевым у Василя Астафьева

Се купи Стопанъ Васильев с(ы)нъ у Василя у Востафьева с(ы)на полосу земли в Маломъ острови в осокорники важаниновскую и с притеробы. А купи собе и своим детомъ и ввеки, а нетъ до той земли дела мое братьи, ни моим детемъ, ни моему роду, ни моему племяни. А купилъ ту землю со всеми притеробы, а даль на той земли пять рубловъ. А неустой Василей в той земли и в той закладной, и он даст великому кн(я)зю гривну золота. На то послуси Яковъ Фодотьевъ с(ы)нъ да Василей Фодоровъ с(ы)нъ, да Нефод Вонифа(ть)ев⁴ с(ы)нъ, да Сысой Онтрофъ с(ы)нъ, да Стопанъ Тимофеевъ с(ы)нъ, да Иванъ Онфимовъ с(ы)нъ, да Иван Васильев сын. А купьюною писал Василей своею рукою лета 7000 одинъначатого.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вовина-Лебедева 2022 – *Вовина-Лебедева В.Г.* Крестьянская письменность начала XVI в.: По материалам актов Антониево-Сийского монастыря // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2022. № 2. С. 76–94.

Копанев 1978 – *Копанев А.И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978.

Образцов 1951 – *Образцов Г.Н.* Крестьяне вотчины Антониева-Сийского монастыря в XVI–XVII веках. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1951.

⁴ Возможен другой вариант, уверенному прочтению имени отца послуха мешает то, что некоторые буквы были втиснуты писцом в уже написанное слово.

Н. В. РЫБАЛКО

УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ НОВГОРОДСКОГО ЧЕТВЕРТНОГО ПРИКАЗА В ПЕРМЬ ВЕЛИКУЮ КОНЦА 1608–1609 ГОДА (ИЗ СОЛИКАМСКОГО АРХИВА)

В статье анализируется процесс центрального управления территорией Перми Великой, осуществлявшийся из Новгородского четвертного приказа в конце 1608–1609 году. В основу положены материалы одного из немногих сохранившихся за период Смуты комплексов документов Соликамского архива. Выявлено, что грамот из Новгородской чети за период с середины октября по декабрь 1608 г., а также с марта по июль 1609 г. в Пермь Великую не поступало. За весь 1609 г. из центральных учреждений было получено 16 грамот из Нижегородской чети и 6 грамот из Приказа Казанского дворца. В период раскола общества и появления альтернативной власти в лице Тушинского вора Пермь Великая осталась верной законному правителю В.И. Шуйскому, но Новгородская четь не сыграла ключевой роли в принятии решений в Перми Великой ввиду нерегулярного характера сообщения.

Ключевые слова: Пермь Великая, Новгородский четвертной приказ, указные грамоты, центральное управление, Смутное время, В.И. Шуйский, Соликамский архив

Изучение вопросов центрального и местного управления в эпоху Смуты начала XVII в. неоднократно отмечалось исследователями как важнейшая задача для понимания механизмов взаимодействия государственных институтов и общества в кризисные периоды истории.

Пермь Великая – один из немногих регионов, чья документация от начала XVII в. сохранилась до наших дней в составе фонда № 122 «Акты Соликамские» Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Уникальность комплекса заключается в том, что наряду с документами центрального и местного управления в нем отложилась и переписка между городами, нарратив которой позволяет получить представление об основных полити-

ческих событиях периода противостояния В.И. Шуйского и Лжедмитрия II. На основании изучения соликамских актов можно проследить, как осуществлялось управление регионом из Москвы при Василии Шуйском, выявив и проанализировав указные грамоты, сравнить количество полученных грамот по годам и тематике в мирные годы и в условиях осажденного положения Москвы. Часть указных грамот сохранилась в подлинниках, информация о других реконструирована по упоминаниям: произведено уточнение датировки и атрибуции документов. Часть грамот была введена в научный оборот еще в XIX в. и использовалась исследователями для изучения истории Перми Великой [Дмитриев, 1895; Платонов, 1901; Оборин, 1990; Семенов, 2005; Космовская, 2015]. В целом же работа по реконструкции данного архивного комплекса проводится нами впервые.

Период с 1605 г. по октябрь 1608 г. представлен актами, отражающими функционирование института управления регионом в режиме мирного времени. Это и указные грамоты от имени государя из Нижегородского, а затем Новгородского четвертного приказа, и отписки приказных людей в Новгородскую четь, и документы местного самоуправления судебной и экономической тематики.

Осенью 1608 г. противостояние правительственных войск Московского государства и тушинцев, выступавших от имени Лжедмитрия II, обострилось. Высока была вероятность полной блокады Москвы, и к концу ноября 1608 г. началась осада столицы, Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей, Смоленска, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода и ряда других городов, часть из которых перешла на сторону самозванца, что обстоятельно описано И.О. Тюменцевым [Тюменцев, 1999, с. 219–268].

В октябре 1608 г. от имени В.И. Шуйского в российские города стали рассылаться грамоты с призывом о сохранении верности и неприсоединении к тушинцам, одними из первых такую указную грамоту получили галичане [ААЭ, № 91, с. 184–187]. В ноябре 1608 г. от имени В.И. Шуйского были посланы грамоты в Кострому, Галич, на Вагу, в Холмогоры, в Тотьму, на Устюг, в Соль Вычегодскую, в Поморские города. В них шла речь о необходимости сбора ратных людей [ААЭ, № 89, с. 181–185; № 90, с. 183–184]. Об отправке в ноябре 1608 г. подобных грамот в Пермь Великую упоминаний нет. Грамоты и их списки развер-

нувшейся земской переписки от октября – ноября 1608 г. в Перми Великой стали получать только с середины декабря 1608 г. [Рыбалко, 2021, с. 88].

Какие же правительственные грамоты получали в Перми из Новгородского четвертного приказа Москвы осенью 1608 г., когда в центре страны происходили бурные политические потрясения?

30 октября 1608 г. пермитин Якушко Ушаков привез пермским приказным людям Федору Петровичу Акинфому и подьячему Науму Романову две указные грамоты из Новгородской четверти от дьяков Григория Елизарова и Андрея Иванова: 1) Указная грамота о расследовании причин недоимок в сборах сибирских хлебных запасов за предшествующий год, от 11 августа 1608 г. [АИ, № 91, с. 121]; 2) Указная грамота о выдаче подьячему пермской приказной избы Науму Романову жалованья из пермских денежных доходов, составлена 14 августа 1608 года. Предыдущая грамота об этом же от 22 июля 1608 г. утерялась [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 118]. Время в пути, если считать от второй грамоты, – 77 дней.

Любопытно, что четырьмя днями раньше, 26 октября 1608 г., вятчанин Иван Андреев привез в Пермь Великую также 2 указные грамоты: 1) Об отыскании виновных в расхищении хлебных запасов, отправленных на Верхотурье [АИ, № 94, с. 125]. Эта грамота была составлена 7 сентября 1608 г., она логически связана с грамотой от 11 августа, названной выше, была написана почти на месяц позже, а пришла в Пермь Великую на 4 дня раньше. Время в пути этой грамоты составило 52 дня; 2) Можно предположить, что тот же вятчанин привез в Пермь и вторую грамоту из Новгородской чети – о немедленной «присылке» в Москву пермских казенных доходов и всех недоимок за предыдущие годы на жалованье дворянам и детям боярским, которые пришли в Москву с украинских и северских городов со своими семьями, разоренные «ворами» и «изменниками» [ААЭ, № 87, с. 179]. Ее составление также следует отнести к 7 сентября 1608 г. [Рыбалко, Дмитриева, 2017, с. 97].

Предположительно в это же время (*конец октября – начало ноября 1608 г.*) в Перми Великой была получена указная грамота пермскому подьячему Науму Романову о прекращении пререканий с приказным человеком Перми Великой Ф.П. Акинфовым. Конфликт подьячего Н. Романова и приказного человека Ф.П. Акинфова начался еще весной 1608 года. Грамота была составлена 24 августа 1608 г., дата доставки определена по аналогии

с доставкой вышеуказанных августовских грамот [Рыбалко, Дмитриева, 2017, с. 82–83; ААЭ, № 86, с. 178].

2 ноября 1608 г. Гришка Меркурьев привез указную грамоту по частному вопросу: о доправке кабацких денег на Гришке Иванникове в пользу пермского посадского человека С. Попова [АСПБ ИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 96]. Грамота составлена 27 апреля 1608 г. Таким образом, в пути она была 189 дней (6 месяцев).

17 декабря 1608 г. Иван Карпов привез в Пермь Великую указную грамоту о предании суду пермских таможенных голов, кабацких голов и целовальников (трех человек) за расхищение пермских таможенных сборов [АИ, № 97, с. 130]. Грамота была составлена 4 октября 1608 г., в пути была 73 дня. Так был завершен цикл грамот о недоимках и расхищении хлебных сибирских запасов.

Только 15 декабря 1608 г. в Перми Великой, наконец, узнали о событиях, происходивших в центре страны осенью, но не из Новгородской четверти, а из Соли Вычегодской – получили отписку и списки с отписок из Галича, Вологды, Устюга, Тотьмы, Вычегды. Пермская земля, таким образом, была вовлечена в земскую переписку. Звучали призывы собирать ратных людей в поход на помощь государю [Рыбалко, 2018, с. 401].

Таким образом, с конца октября 1608 г. по декабрь включительно в Перми Великой было получено 7 грамот, составленных в Новгородском четвертном приказе в апреле, августе – октябре 1608 года. Расстояние от Москвы до Перми Великой в осенний период 1608 г. преодолевалось от 1,5 до 2,5 месяцев.

Первое послание, в котором выражалась официальная позиция царя с призывом собираться в Ярославле и «очистить» Московское государство от «воров», было получено в Чердыни (главном городе Перми Великой) 1 января 1609 года. Это был список с указной грамоты В.И. Шуйского к галичанам от 30 ноября 1608 г. [ААЭ, № 90, с. 183–184]. Хотя в грамоте не содержалось обращения непосредственно к пермичам, но ее текст был написан от имени государя, поэтому пермичи ее прочитали публично и приняли как руководство к действию. Оценивая скорость доставки – 1 месяц – можно отметить, что этот срок соответствует обычной зимней доставке корреспонденции в мирное время из Москвы в Пермь Великую, что видно по документам 1606 и 1607 годов. Но нужно помнить, что этот список с грамоты – часть земской переписки, поэтому, скорость доставки демонстри-

рует быструю реакцию городов на политические события: быстрое изготовление списков и отправку их дальше по цепочке сообщений между городами.

После 24 января 1609 г. в Перми Великой получили второй документ от царя В.И. Шуйского, датированный 23 декабря 1608 г., с призывом собирать ратных людей [ААЭ, № 93, с. 188–190]. Составлен он был «на стану на Волоцкой дороге» за подписью думного дьяка Новгородского Разряда Томилы Луговского. Но это был тоже список, и обращен он к жителям Устюжны Железнопольской.

В феврале-марте из Новгородского четвертного приказа была сделана рассылка грамот о ратном деле на Вологду, в Устюг, Вятку, Тотьму, Соль Вычегодскую, на Двину, Вагу, в Пермь Великую. Только 25 марта 1609 г. в Перми Великой получили две указные грамоты от царя, адресованные 1) «приказному человеку Федору Акинфову» и 2) «миру», переданные через устюжского рассылщика, о сборе ратных людей на государеву службу [ААЭ, № 111, с. 213–214]. Тексты этих грамот не сохранились и точной даты написания нет. 11 апреля 1609 г. в Перми получили еще одну грамоту от царя В.И. Шуйского, составленную после 20 февраля 1609 г. и обращенную к пермским приказным людям [ААЭ, № 106, с. 207–208]¹. По сути это были первые дошедшие до адресата государевы грамоты, обращенные непосредственно к пермичам. Чуть раньше, а именно, 21 марта, из Перми Великой уже пришли в Вологду 96 ратных людей [Рыбалко, 2021, с. 91]. Получается, что грамоты государя ввиду отдаленного расположения Пермской земли, запаздывали на 1–2 месяца по сравнению с тем, как развивались события в центре страны. Можно было бы отметить, что значение грамот, имевших стороннего адресата, в разы меньше, чем если бы это было прямое обращение царя. Однако в данном случае в Перми Великой мы наблюдаем определяющее воздействие на принятие решений земской переписки. В психологии мотивации действия такая поведенческая задача описана как задача, выполняемая по требованию общества (государства), принимаемому субъектом к исполнению [Иванников, 2014, с. 49].

Параллельно в Новгородском четвертном приказе решали вопрос о пополнении государевой казны ежегодным сбором.

¹ Датировка выполнена по упоминаемой грамоте на Вологду от 20 февраля 1609 г. [АСПБИИРАН. Ф.122. Оп.1. № 175].

И с разницей в 1 день в Пермь Великую были доставлены указанные грамоты с разъяснением, как именно следует отправлять в Москву собранную за истекший год государеву казну и хлеб в сибирские города на жалованье ратным людям. *30 марта 1609 г.* Жданко Федоров привез грамоты, составленные 4 февраля 1609 г. [АСПБ ИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 172] и 19 февраля 1609 г. [АСПБ ИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 173], *31 марта 1609 г.* тобольский жилец Семен Кисель доставил грамоту от 19 января 1609 г. [ААЭ, № 101, с. 198].

15 мая 1609 г. от царя В.И. Шуйского отправлены две грамоты в Вологду – похвальная и указная, в них вологодцам велено написать в Пермь Великую о необходимости сбора новых ратных людей. Третья грамота от 23 мая 1609 г. – окружная, в ней названы вологодцы, белозерцы, устюжане и т.д. Пермичей в начальном протоколе формуляра грамоты нет, но есть фраза «и иных разных городов старостам...» [ААЭ, № 119, с. 223–224; № 120, с. 224–225; № 126, с. 233–235].

28 июня 1609 г. снова от царя В.И. Шуйского были даны: 1) похвальная грамота ратным людям, собравшимся в Ярославле, причем среди перечисленных ратных людей нет упоминания пермичей, но есть указание «иных разных городов старостам...» [ААЭ, № 127, с. 233–234] и 2) грамота ярославским воеводам о необходимости направить ратных людей на помощь Троице-Сергиеву монастырю [ААЭ, № 128, с. 236–240].

26 июля 1609 г. от царя В.И. Шуйского даны две похвальные грамоты снова вологжанам и ярославцам, в них также описаны происходившие к тому моменту основные события с целью информирования и нового сбора ратных людей [ААЭ, № 132 (I), с. 242–244; № 132 (II), с. 244–246].

Списки с этих семи грамот отложились в Соликамском архиве. На них (почти на всех) имеется припись Томилы Луговского, а он в правление В.И. Шуйского служил думным дьяком Новгородского Разряда [Рыбалко, 2011, с. 472], соответственно, определяется и место составления грамот. Но эти грамоты не адресованы напрямую пермичам. Впрочем, и ранее напрямую грамот из Новгородского Разряда в Пермь Великую не поступало.

Указные грамоты из Москвы в Пермь Великую после перерыва начали составляться в Москве в августе 1609 г., а доходить до адресата только в сентябре 1609 года. Об этом свидетельствует грамота от *3 августа 1609 г.*, адресованная пермским приказным

людям Ф.П. Акинфову и Н. Романову, где отмечено, что «...августа по 2 число нам не писывали» и велено отправить через Вологду государевы денежные доходы [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 239]. Из какого приказа грамота доставлена в Пермь Великую 24 сентября – не сказано, но изучение последующих грамот позволяет понять, что из Новгородского четвертного приказа, откуда и происходило управление Пермью Великой до этого момента.

До конца 1609 г. из Новгородского четвертного приказа в Пермь Великую было написано еще 9 указных грамот. Из них 6 посвящены вопросам сбора налогов и пошлин, отправки государевой казны, обеспечения хлебом сибирских служилых людей (20 сентября [АИ, № 261, с. 313], 9 октября [ААЭ, № 141, с. 257], 6 ноября [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 262], в ноябре без даты [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 266], 28 и 30 декабря [ААЭ, № 151, с. 265; № 153, с. 267]) и 3 грамоты об отправке ратных людей (2, 15 декабря [АИ, № 273, с. 330; АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 273, 274]).

Интересным моментом является то, что в это же время, с августа по декабрь 1609 г., ряд грамот в Пермь Великую был составлен (и там получен) в Приказе Казанского дворца: четыре грамоты от 6 августа [ААЭ, № 133, с. 246; АИ, № 251, с. 207; АИ, № 250, с. 297; АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 242], одна – от 25 октября [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 259], одна – от 13 декабря [АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 272]. В них шла речь о заселении Пелымского уезда, о жалобе верхотурских ямских охотников, о бежавших из Сибири пашенных людях, о немедленной отправке в Сибирь хлебных запасов на жалованье ратным людям.

Подведем итоги. Ранее сделанные подсчеты грамот периода правления В.И. Шуйского позволяют сопоставить по годам интенсивность работы четвертного приказа в отношении управления Пермью Великой. Так, с мая по декабрь 1606 г. в Новгородском четвертном приказе было составлено 17 указных грамот (в среднем, 2,1 грамоты в месяц), в 1607 г. – 35 грамот (в среднем, 2,9 грамоты в месяц), с января по октябрь 1608 г. – 15 грамот (в среднем, 1,5 грамоты в месяц, а в расчете на год – 1,2 грамоты)². То есть, интенсивность управления в 1608 г. упала по сравнению с

² Об этом сделан доклад на Международной научной конференции «Педагог. Ученый. Просветитель: к 100-летию со дня рождения С.О. Шмидта» 15–16 апреля 2022 г., публикация сборника материалов запланирована на 2023 г.

1606 г. в 2 раза, а с 1607 г. – в 2,5 раза. Кроме того, с середины октября и до конца декабря 1608 г. в главном ведомстве, из которого управлялась Пермь Великая, не было составлено ни одного документа. Хронологически это совпадает с поражением русских войск у села Рахманцево 22 сентября 1608 г. и дальнейшей потерей военной инициативы в борьбе с «ворами и литовскими людьми».

В 1609 г. управление Пермью Великой также имело нерегулярный характер. В январе и феврале 1609 г. из Новгородского четвертного приказа Москвы в Пермь Великую удалось переправить 6 грамот, которые оказались доставлены только в конце марта 1609 года. К этому времени все стратегически важные решения (о сохранении верности государю и о сборе ратных людей на государеву службу) в Перми уже были приняты в результате установившейся переписки между городами Замосковья и Поморья, отражавшей правительственные намерения и призывы.

С марта по июль 1609 г. прямое управление Пермью Великой из Москвы отсутствовало. Только в августе в Новгородском четвертном приказе возобновилось написание указных грамот в Пермь Великую и до конца декабря было составлено 10 грамот. К этому времени, 13 июля 1609 г., М.В. Скопин-Шуйский одержал победу под Тверью, 17 июля «очистилась» Коломенская дорога. Всего в 1609 г. из Новгородской четверти было отправлено (и в итоге доставлено) 16 грамот (в среднем, 1,3 грамоты в месяц). 14 из них сохранились в подлинниках, о двух только упоминается. В отличие от предыдущих лет в условиях военного времени решались только самые значимые для государства вопросы: о ратных людях и о сборе государевой казны.

Новым явлением в управлении явилось то, что с августа по декабрь 1609 г. в Пермь Великую было отправлено 6 грамот из приказа Казанского дворца (все дошли до нас в подлинниках), в то время как ранее приказным людям Перми Великой было запрещено «слушать грамоты из других приказов», кроме Новгородского четвертного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АИ 1841 – *Акты исторические*, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841.

ААЭ 1836 – *Акты*, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т.2. СПб., 1836.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 96. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о доправке кабальных денег на Г. Иконнике в пользу пермского посадского человека С. Попова, 27 апр. 1608 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 118. Указная грамота в Пермь Великую приказному Ф. П. Акинфому о выдаче подьячему Н. Романову жалованья из пермских денежных доходов, 14 авг. 1608 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 172. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о сборе с Пермской земли хлебных запасов для отсылки в Сибирь на жалование ратным людям и о посылке туда же плотников для постройки судов, 4 фев. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 173. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о сборе хлебных запасов и присылке их вместе с плотниками на Верхотурье, 19 фев. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 175. Указная грамота на Вологду воеводе Н. М. Пушкину и дьяку Р. Воронову о назначении головами у вологодских ратных людей Ф. Полтева, Смирного и Григория Свиных, о посылке их против мятежников, об укреплении Вологды на случай осады и об отписке в мятежные города с увещанием их покориться государю, 20 фев. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 239. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о присылке на Вологду имеющихся в сборе денежных доходов, 3 авг. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 242. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о расследовании жалобы верхотурских ямских охотников на И. Внукова, загнавшего их четырех лошадей во время проезда из Сибири в Соликамск, и об удовлетворении охотников, 6 авг. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 259. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о немедленной отправке в сибирские города хлебных запасов на жалование ратным людям и плотников со всем необходимым для судебного дела, 25 окт. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 262. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о немедленной присылке на Вологду денежных доходов за прошлые годы и за текущий год вместе со сметными списками, 6 ноября 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 266. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о покупке и отправке в Сибирь хлебных запасов, ноябрь 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 272. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о немедленной отправке в Сибирь хлебных запасов на жалование ратным людям и плотников, 13 дек. 1609 г.

АСПБИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 273. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфому и подьячему Н. Романову о замене кайгородских даточных людей Т. Наумова с товарищами новыми да-

точными людьми, о присылке последних в Москву и о производстве расчета в наемных деньгах с прежними даточными людьми, 15 дек. 1609 г.

АСПБ ИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. № 274. Указная грамота в Пермь Великую приказному человеку Ф. П. Акинфову и подъячому Н. Романову об отпуске соликамских даточных людей М. Ермолова и Д. Никифорова с товарищами, замене их новыми даточными людьми и присылке последних в Москву, 15 дек. 1609 г.

Дмитриев 1895 – *Дмитриев А.А.* Первые годы после Ермака и Смутное время // Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VI. Пермь, 1895. С. 1–128.

Иванников 2014 – *Иванников В.А.* Анализ мотивации с позиции теории деятельности // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 47–54.

Космовская 2015 – *Космовская А.А.* Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2015.

Оборин 1990 – *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.

Платонов 1901 – *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смутное время). СПб., 1901.

Рыбалко 2011 – *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., 2011.

Рыбалко 2018 – *Рыбалко Н.В.* Воеводская инициатива и подъем земского движения в конце 1608 г. (по материалам Соликамского архива) // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Волгоград, 2018. С. 397–408.

Рыбалко 2021 – *Рыбалко Н.В.* Центральное и местное управление в условиях военного времени: участие Перми Великой в формировании ополчения против тушинцев в конце 1608 – начале 1609 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.7>.

Рыбалко, Дмитриева 2017 – *Рыбалко Н.В., Дмитриева Е.Г.* Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы). Волгоград, 2017.

Семенов 2005 – *Семенов О.В.* Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй пол. XV – первой пол. XVII в. Дис... кан. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

Тюменцев 1999 – *Тюменцев И.О.* Смуты в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

М. В. БИБИКОВ

МАТЕРИАЛЫ К СВОДУ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О РУСИ

В статье рассматриваются свидетельства о Руси прежде всего в поздневизантийских актах, а также в текстах, связанных с документами палеологовского времени в Византии. Материалы касаются в основном церковно-политических взаимоотношений Руси и Византии и в большинстве своем связаны происхождением с константинопольской патриаршей канцелярией, а также с отдельными местными региональными епархиями.

Ключевые слова: византийские акты, патриаршая канцелярия, поставление епископов, хрисовулы

Значение актов в корпусе источников свидетельств о Руси в поздневизантийский – Палеологовский – период значительно возрастает в сравнении с более ранними периодами. Прежде всего это касается церковных актов по истории русско-византийских взаимоотношений.

Еще в предшествующие годы нередко русские и византийские иерархи вступали в дискуссии друг с другом. Так, митрополит Руси (Константин) стал инициатором соборного постановления в Константинополе от 26 января 1156 г. принятом при патриархе Константине IV Хлиарене, по догматическому вопросу о жертве Христовой [Grumel, 1937, №1038]. Тот же патриарх, судя по поздней Густынской летописи, был автором послания, утвердившего в сане митрополита Руси Константина в конце января – феврале 1156 года. Наконец, два послания патриарха Луки Хрисоверга, предшествующие рассматриваемому документу, также связаны с событиями в Русской Церкви: это определения против еретика Мартина 1144–1145 гг. и 10 октября 1157 г. [Grumel, 1937, № 1046 и 1047], а также известный по русским источникам, но, вероятно, существовавший и в греческом оригинале документ посольства около 1161 г. посла Андрея от Луки Хрисоверга из

Константинополя к Андрею Боголюбскому, с ходатайством о возвращении Нестору ростовской кафедры [Grumel, 1937, №1050]. С этим согласуется издание тогда же особого сборника постановлений, оправдывающих Нестора перед обвинениями князя Андрея [Grumel, 1937, №1051]. К патриарху Луке Хрисовергу имеет отношение и документ, осуждающий ересь Леон(т)а Ростовского около 1162 г. [Grumel, 1937, №1053], а также утверждение решения Андрея Боголюбского об установлении праздника Спаса 1 августа около 1163/64 г. [Grumel, 1937, №1054], и патриаршее посольство к князю Ростиславу в 1164/65 г. [Grumel, 1937, №1056], как и назначение ростовского епископа около 1168/69 г. [Grumel, 1937, №1084]. Тексты большинства этих актов утрачены, но упоминание о них в летописях и ссылки на них в документах свидетельствуют об интенсивности русско-византийских церковных контактов в предпалеологовский период.

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. церковные связи Руси и Византии не прерывались. Поставление киевских митрополитов оставалось делом Вселенских патриархов, оказавшихся вместе с императорским домом в Никее. Никейский патриарх Герман II (1222–1240) направил в 1228 г. в Киев митрополиту Кириллу I (1224–1233) известное послание, дошедшее только в русской версии, о непоставлении рабов в священнический сан. В нем князьям запрещалось вмешиваться в церковную юрисдикцию, в частности в имущественные дела монастырей и приходов. В связи с укреплением тем самым особой власти митрополита по отношению к епископам следует рассмотреть и титул в легенде сохранившейся печати – «Кирилл монах милостью Божией архиепископ митрополии России» [Янин, 1970, т. 1, с. 49, 176].

Никейским патриархом был рукоположен также и другой митрополит Руси – Кирилл II, возглавивший кафедру с 40-х гг. XIII в. и ставший последним киевским владыкой (до 1281 г.). Именно с ним связывают авторство многочисленных произведений, сохранившихся в русских текстах. Это «Правило Кюрила, митрополита руськаго», «Поучения к попам», несколько статей в составе «Мерила праведного» и др. Ему же приписывается составление Галицко-Волынской летописи, а главное – переработка присланного из Болгарии «Номоканона» для создания «Кормчей книги» [Щапов, 1978, с. 146–152, 181–184].

Таким образом, для рассматриваемого времени зафиксирована активизация творческой деятельности поставленных из Византии киевских митрополитов, многие из которых известны лишь по летописным упоминаниям и греческим легендам печатей; большинство из них оставило след в древнерусской книжности – полемической, догматической, канонической и даже в летописании.

Другим важным источником являются греческие акты о поставлении епископов на Руси [Regel, 1891, p. 52–56]. Собрание актовых записей о поставлении русских епископов за 1328–1347 гг. известно в единственной рукописи – cod. Vat. Gr. 840, л. 9 об.–10, датируемой временем около XV века. Все тринадцать актов относятся к периоду нахождения на русском митрополичьем престоле Феогноста (1328–1353) – грека по происхождению (как и большинство русских владык этого времени), прибывшего на Русь из Константинополя и известного по Никоновской летописи. Первоначально Феогност находился в Юго-Западной Руси, затем, не позднее октября 1329 г., прибыл в Москву. К первому периоду пребывания митрополита в России относятся заметки о поставлении епископов во Владимире-Волынском и Галиче [Regel, 1891, №1 и 2]; ко второму – акты о поставлении епископов Ростова [№3], Суздаля, Твери. В 1331–1332 гг. избираются епископы Новгорода, Луцка, Чернигова. Благодаря этому источнику становится точно известна процедура епископских выборов на Руси уже в первой половине XIV в. [Васильевский, 1888, с. 445–463; Павлов, 1908, т. 1, с. 437–464, прил. 3–8; Строев, 1877].

К важнейшим источникам относятся акты Константинопольского патриархата [Miklošich, Müller, 1860–1862, vol. I–II]. В первом издании актов представлена коллекция грамот Константинопольского патриархата последних столетий византийской эпохи из собрания Венской национальной библиотеки. Около семисот опубликованных актов охватывают период с 1315 по 1402 годы. Среди патриарших документов имеются как собственно патриаршие грамоты, так и соборные постановления, подписанные Вселенскими патриархами и касающиеся ряда поместных церквей, например, Сугдейской (Сурожской) митрополии [Miklošich, Müller, 1860, vol. I, p. 41] от 1317/18 г., Аланской [Miklošich, Müller, 1860, vol. I, p. 162] от 1356 г., Угровалашской от 1359 г. [Miklošich, Müller, 1860, vol. I, p. 171], Болгарской [Miklošich, Müller, 1860, vol. I, p. 196, 234] и др. церквям, римскому папе (Урбану

VI, от 1384 г. [Miklošich, Müller, 1862, vol. II, p. 379]), экзарху Хазарии от 1395 г. [Miklošich, Müller, 1862, vol. II, p. 497], польскому королю от 1397 г. [Miklošich, Müller, 1862, vol. II, p. 515].

Среди документов этой коллекции для русской истории важное значение имеют несколько постановлений. Так, в 1371 г. издается соборное определение, препоручающее епископу Антонию митрополию Галича и епископство Холма, Турова, Перемышля и Владимира [Miklošich, Müller 1860, vol. I, p. 319]. Согласно патриаршему распоряжению 1391 г. монастырь Архангела Михаила в Марамароше определяется в патриаршую юрисдикцию. В том же году было направлено и патриаршее послание, касающееся Русской церкви [Miklošich, Müller, 1862, vol. II, p. 427]. А в патриаршем послании 1397 г. к киевскому митрополиту речь идет о борьбе с «неверными», о церковной унии и других межцерковных проблемах [Miklošich, Müller, 1862, vol. II, p. 516].

В актах часто упоминается тверской митрополит (например, в 1371 г.). Особое значение имеет упоминание в ряде документов «великого царя» («рекса») Михаила Тверского.

В настоящее время издан Реестр актов Константинопольского патриархата [Hunger etc., 1981–1995, vol. I–II]. Новейшее издание поздневизантийских патриарших грамот, известных ранее по публикации Ф. Миклошича и Й. Мюллера, значительно превосходит старые издания как в отношении эдиционной техники, так и полноты объема текстов и комментирования.

Среди изданных актов очень важен ответ патриарха Иоанна XIV Калеки на послание митрополита Руси Феогноста с рассказом о прославлении усопшего митрополита Петра и чудесах, происходящих на его гробе [Hunger, 1981–1995, vol. I–II, p. 122]. Среди участников соборных совещаний неоднократно указываются галичские иерархи – в 1331, 1337 и др. годах [Hunger, 1981–1995, vol. I–II, p. 106, 109]. Галичу и другим епископиям «Малой России» посвящены специальные послания 1347 г. императора Иоанна VI Кантакузина [ibidem, 1981–1995, vol. I–II, p. 167–171; Darrouzes 1977].

Наконец, материалы о Руси содержат так называемые Малые хроники (*Chronica Minora*) [Schreiner, 1975–1979, vol. I–III], опирающиеся часто на документы. «Малыми» или «краткими» хрониками названа группа текстов, в основном небольшого объема и, как правило, анонимных, представляющих собой хронологические записи об исторических событиях, случившихся в тот или

иной год. Значительная часть этих памятников относится к периоду XIII–XV вв., однако они частично восходят и к источникам более раннего времени. По содержанию коллекция Малых хроник подразделяется на всемирные, императорские, локальные (Иерусалимские, Кипрские, Месемврийская, Митиленские, Пелопоннесские, Южноиталийские, венецо-византийские и др.) памятники, а также хроники эпохи туркокрации. Эти заметки содержат, как правило, точные датировки (день, месяц, год, индикт), заимствованные из документов.

Одна из Малых хроник [Schreiner, 1975, vol. I, p. 602–608, № 85.1–13], известная из *cod. Vat. gr. 840*, содержит данные о выборах епископов Русской Церкви за 1328–1332, 1334–1335, 1343, 1345 и 1347 гг., относясь ко времени киевского митрополита Феогноста (1328–1353). Среди многочисленных епископов, архимандритов и иеромонахов называются иерархи Владимирской, Перемышльской, Холмской, Луцкой, Туровской, Галицкой (первые – с 1328 г.), Ростовской, Рязанской (1329 г.), Суздальской, Сарайской, Тверской (1330 г.), Новгородской (1331 г.), Черниговской (1332 г.), Смоленской, Брянской (1335 г.) и Белгородской (1345 г.) епархий, архимандрит Печерского монастыря (1335 г.). Поименовано более тридцати клириков Русской Церкви. Эта хроника, несомненно, русского происхождения.

Та же ватиканская рукопись содержит и другую краткую хронологическую запись, касающуюся русской истории. Это примыкающее к текстам по русской церковной истории (т.н. «Отрывки В.Н. Бенешевича») свидетельство о крещении князя Владимира и всей Руси при нем осенью 989 г. [Schreiner, 1975, vol. I, p. 678, №110, 2] – редчайшее в византийской традиции. Помимо «Отрывков В.Н. Бенешевича», к русской церковной истории имеет отношение и находящееся в кодексе выше Послание киевского митрополита Иоанна II. Несомненная связь данного кодекса с Русью подтверждается и тем, что рукопись одно время находилась во владении Исидора Киевского.

В хронологической заметке из *cod. Paris. gr. 2303* сообщается о крещении рода Росов при императоре Василии Македонском в 6390 (=881/882) г. [Schreiner, 1975, vol. II, 605, № 1–2]. К правлению того же василевса, но в период между 860 и 866 гг., относится свидетельство о крещении Росов в другой краткой хронике из афонского иверского списка [Schreiner, 1975, vol. I, p. 51, №3, 3], где помещена и легенда о неопалимом Евангелии [Regel, 1891,

р. 52–56; Бенешевич, 1908, с. 432–446; Приселков, Фасмер, 1916, с. 48–70].

Итак, основные свидетельства в византийских актовом и нарративных источниках относятся к началу XIV – середине XV века. Самые ранние свидетельства принадлежат к церковно-административной сфере. 30-ми – 40-ми годами XIV в. датируются интересные греческие записи – хроника выборов епископов российской Церкви: в 1330 г. сообщается об избрании епископом Твери иеромонаха Феодора [Schreiner, 1975, №85, 11, 6–7]. В 1334 г. уже сам Феодор находится среди выборщиков Сарайского епископа [Schreiner, 1975, №85, 6, 4], а в 1347 г. он уже выбирает Суздальского пастыря [Schreiner, 1975, №85, 9, 4]. В константинопольском патриаршем акте 1371 г. содержится изложение просьбы, направленной патриарху из Реси о поставлении нового, но уже не епископа, а митрополита [Miklošich, Müller, 1860, vol. I, p. 581]. Дальше – больше: в XV в. известный византийский историк Лаоник Халкокондил выделяет на Руси («Сарматии») три центра – Москву, Киев и Тверь [Darkó, 1922, vol. I, p. 122, 12–16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенешевич 1908 – *Бенешевич В.Н.* Записки о поставлении русских епископов // Русская Историческая Библиотека. Т. 6. Прил. 2. СПб., 1908.

Васильевский 1888 – *Васильевский В.Г.* Записки о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888, февраль.

Павлов 1908 – *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права XI – XV вв. // Русская Историческая Библиотека. Т. 6. СПб., 1908.

Приселков, Фасмер 1916 – *Приселков М., Фасмер М.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1916. Вып. 21.

Строев 1877 – *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

Щапов 1978 – *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XV вв. М., 1978.

Янин 1970 – *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XIII вв. Т. 1–2. М., 1970.

Darkó 1922 – *Darkó E.* (ed.). Laonicus Chalcocondylas. Historiarum Demonstrationes. Т. 1. Budapesti, 1922.

Darrouzes 1977–1979 – *Darrouzes J.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 5–7. Paris, 1977–1979.

Hunger 1981-1995 – *Hunger H., Kresten O., Kislinger E., Cupane C.* Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Bd. 1–2. Wien, 1981–1995.

Grumel 1937 – *Grumel V.* Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 3. Paris, 1937.

Miklošich, Müller 1860–1862 – *Miklošich F., Müller F.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. 1–2. Vindobonae, 1860–1862.

Regel 1891 – *Regel W.* Analecta Byzantino-Russica. St.-Petersburg, 1891.

Schreiner 1975–1979 – *Schreiner P.* (ed.). Die byzantinische Kleinchroniken. Bd. I–III. Wien, 1975–1979.

Н. В. СОКОЛОВА

КАЗУС СТОЛЬНИКА ВАСИЛИЯ САБУРОВА, ИЛИ О СКРЕПАХ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена малоизученным вопросам делопроизводственной практики воссозданного по указу от 24 января 1701 г. Монастырского приказа. Исследование основано на материалах описных книг, которые возникли в ходе проводившегося в начале XVIII в. массового описания церковно-монастырских владений. Изложены некоторые наблюдения о так называемых скрепах как одном из способов удостоверения этих описей. Вводятся в научный оборот документы, позволяющие уточнить датировку одного из значимых решений на начальном этапе церковной реформы – указа об учреждении института органов местного управления архиерейскими и монастырскими вотчинами на определенных территориях, включавших, как правило, несколько городов и уездов. Публикуется текст «Росписи в которых городех по указу великого государя для управления монастырей и архиерейских и монастырских вотчин стольником быть велено», о существовании которой было известно лишь по косвенным данным.

Ключевые слова: Монастырский приказ, делопроизводство, описные книги, скрепы, стольник, архиерейские и монастырские вотчины

На рубеже XVII–XVIII вв. деятельность приказов, механизмы их функционирования и приказное делопроизводство претерпевали некоторые трансформации, которые в значительной мере были обусловлены петровскими реформами. Целью исследования, один из сюжетов которого предлагается вниманию читателя, было попытаться оценить характер новаций и степень «стабильности» системы приказного управления. Объектом изучения стало делопроизводство воссозданного по указу от 24 января 1701 года Монастырского приказа на начальном этапе церковной реформы Петра I. Предметом исследования стала приказная практика использования для удостоверения подлинности и целостности документов так называемых скреп.

Понятие «скрепа» восходит к практике оформления документов в столбцовой форме, когда подписи / надписи наносились – для предотвращения несанкционированного изъятия или добавления записей – на обороте беловика по сстамам, т.е. на места склейки листов. В кодикологии же скрепами называют маргиналии, которые представляют собой удостоверительную запись на полях кодекса, как правило, с разбивкой слов на элементы, при необходимости повторенную неоднократно. Скрепа могла наноситься как на уже готовую рукопись (выписи из писцовых книг, описи монастырей, копиянные книги актов и др.), так и предварительно – на тетради чистых листов, предназначавшиеся, например, для приходных, расходных или записных книг.

Историки обычно обращаются к анализу скреп на этапе внешней критики источника с целью проверки сохранности документа. Нарушение целостности скрепы может сигнализировать об утере листа / листов или об их перемещении. Наличие скреп является одним из признаков того, что документ является подлинником. Иной подход предполагает анализ информации, извлеченной из самих скреп. Он представлен, например, новой статьей И.М. Шаминой, посвященной описанию Коломенской епархии 1701–1702 гг., в заголовок которой вынесено уточнение – «по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах» [Шамина, 2022, с. 144–151].

* * *

Комплекс описных книг начала XVIII в., возникших в ходе описания церковно-монастырских владений по именному указу от 31 января 1701 г., представляется весьма перспективным источником для изучения скреп как одного из видов удостоверительных записей. За редкими исключениями эти книги имеют скрепы переписчиков: обычно – стольников, по указу царя и наказу из Монастырского приказа руководивших описанием уезда, иногда – стряпчих или дворян. Скрепа, как правило, размещена на наружном боковом поле лицевой стороны листа. При этом большинство из переписчиков писало свое имя только тут, не прибегая к принятому в приказном делопроизводстве приему, когда последний элемент скрепы помещается непосредственно после завершения текста документа. Следствием этого являются изменения в делении скрепы на элементы ближе к концу описания для того, чтобы она имела заверченный вид.

Длина записи, используемой в качестве скрепы, колеблется от аскетичного варианта, состоящего из имени переписчика («Гаврило Савелов», «Петр Вельяминов»), до весьма пространных. Часто имя сопровождается указанием чина или чина и титула («Стольник Алексей Юшков», «Стольник Иван Кикин», «Стольник Иван Нелидов», «Стольник Семион Талстой», «Стольник князь Иван Борятинской», «Стольник князь Алексей Мещерской»). Значительно реже встречаются скрепы, близкие по формуляру к «рукоприкладству». Так, книги описания патриарших владений в Кашинском уезде имеют скрепу «К сим переписным книгам Михаило Деревнин руку приложил». Похожая скрепа – на описи Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме: «К сим переписным книгам переписчик Иван Боборькин руку приложил». Показательна формула на описи патриарших вотчин Дмитровского уезда, отражающая целеполагание этого действия, как оно представлялось участникам описания и их современникам: «Закрепил Лука Каблуков» (затем – в скрепе только имя «Лука Каблуков»).

Одним из кодексов, изучение которого дает богатый материал для анализа, стал конволют описных книг 17 переписчиков патриарших вотчин, возникших в результате их деятельности в 1701–1703 гг. на землях 17 уездов [Соколова, 2021, с. 157–160; Соколова, 2022, с. 127–140]. Рукопись в 2⁰, на 1007 лл. Без начала. В обеих имеющихся фолиациях первый лист помечен цифрой семь. Л. 100 оборван, сохранился лишь небольшой фрагмент текста, примыкающий к нижнему полю. Переплет – доски в коричневой коже с тиснением – поврежден; почти полностью утрачена передняя крышка [РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119].

Отсутствие начальных листов кодекса означает, что в распоряжении исследователя нет не только титульного листа (и, возможно, оглавления) конволюта, но и заголовка или преамбулы первой из включенных в него описных книг (лл. 7–115), а также делопроизводственных помет, в частности, о времени ее поступления в Монастырский приказ. В первом приближении датировать данную описную книгу можно по упоминаниям в тексте 1701 г. как «прошлого» (л. 7), а 1702 г. – как «нынешнего» (лл. 69 об., 78, 103). Идентифицировать объект описания удалось по имеющимся в тексте топонимам. Как оказалось, источник представляет собой описи патриарших вотчин в трех станах Московского уезда (станы Горетов, Бохов, Монатын и Быков и Коро-

вин). Сведения о церкви в селе Озерецкое, описанием которого сегодня начинается рукопись, были опубликованы в 1885 г. с отсылкой к отсутствующим листам данного кодекса («Дворц. Прик. кн. 119, л. 1–7») [Холмогоровы, 1885, с. 87–89]. Следовательно, начало книги было утеряно не ранее середины 1880-х годов. Верхней границей следует считать июль 1935 г., так как в архивном штампе с этой датой уже зафиксировано отсутствие первых шести листов [РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 1013 об.].

Тетрадная формула описной книги выглядит следующим образом:

$$1^1+2^8+3^8+4^8+5^8+6^8+7^6+8^6+9^8+10^8+11^4+12^8+13^4+14^8+15^8+16^6+17^7+18^4.$$

Таким образом, более половины описной книги составляют стандартные восьмилистны тетради. Три тетради – шестилистные (7, 8, 16). Все три тетради из 4 листов содержат текст, завершающий описание определенной патриаршей вотчины или же включающий его целиком. От начальной тетради сохранился только один лист. Установить количество отсутствующих листов между лл. 104 и 105, время и причины их удаления – не удалось. Но способ, которым это было сделано (они были вырваны, а не срезаны с оставлением полоски бумаги, примыкающей к корешку, для предотвращения выпадения парных им листов), говорит, скорее, в пользу более поздней датировки, когда данное описание уже потеряло какую-либо актуальность. Фолиация не нарушена, следовательно, с высокой вероятностью речь идет о чистых листах, без текста. Ныне в рукописи 9 чистых листов, которые не включены ни в одну из фолиаций: шесть – между лл. 70 и 71, один – между лл. 73 и 74, два – между лл. 83 и 84. Они помечены как «порозжие» – почерком, похожим на руку единственной в данной описной книге достоверительной записи. Но скрепа как таковая на чистых листах отсутствует. Переписчик «закреплял» текст составленной под его руководством описи, а не *листы* книги, которая уже в ближайшее время должна была выйти из сферы его контроля¹.

¹ Думаю, нет оснований отказывать стольникам, участвовавшим в описании начала XVIII в., в здравом смысле, как это делает И.М. Шамина, утверждая, что «самыми последними уже готовые переписные книги (судя по контексту, со скрепами дьяков Монастырского приказа, единой фолиацией и уже в переплете. – Н. С.) заверяли стольники, составившие описания» [Шамина, 2022, с. 150]. Будь это так, «казус стольника Василия Сабурова» просто не мог бы случиться.

Скрепка размещена на наружном боковом поле и имеет вид: «Ва|си|лей | Са|бу|ро|в». Текстом и почерком она отличается от скрепы принимавшего участие в описании имущества и владений церкви в начале XVIII в. Василия Андреевича Долгово Сабурова². Очевидно, речь идет об удостоверительной записи стольника Василия Дмитриевича Сабурова, о котором в Боярских списках 1702 г. также есть лапидарная запись «Из Монастырского для переписки монастырей» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 29].

Первый сохранившийся лист рукописи (л. 7) помечен элементом – «в». Если исходить из «обычного» для переписчика деления скрепы, она, вероятно, начиналась на отсутствующем ныне первом листе рукописи. На лл. 8–73 скрепа имеет стандартный вид и заканчивается элементом «лей», т.е. последним слогом имени. Однако далее на нескольких листах обнаруживаются явные признаки ее «редактирования». Так, на л. 74, на наружном боковом поле, воспроизведены полностью имя и фамилия стольника – «Василей Сабуров». При этом чернила элемента «си» аналогичны использованным на предыдущих листах, а остальной текст написан более темными. Кроме того, размещение этих фрагментов позволяет думать, что они были дописаны как бы «вокруг» уже имеющегося элемента. Правка произведена и на л. 75; здесь к элементу «си» добавлен более темными чернилами слог, превративший его в «Васи». Далее скрепа продолжается вполне стандартно до л. 104, на котором в результате такой же манипуляции элемент «лей» трансформировался в «лей Сабуров». На следующем листе на боковом же поле вновь стоит полная подпись стольника, в которой цветом чернил отличается последний элемент («в»), а все остальное похоже на приписку. Наконец, на последнем листе описной книги (л. 115) чернила в скрепе вновь разные: светлые использованы на боковом поле («лей»), темными дописана фамилия стольника, но не на полях, а ниже основного текста.

То обстоятельство, что в книгах В.Д. Сабурова отсутствуют рукоприкладства других лиц, принимавших участие в описании (приказчиков, мирских выборных, священников), делает все изложенное, как будто бы, еще более непонятным и «подозрительным». Свидетельством официального характера документа могли

² См., напр., его скрепу на описных книгах вотчины Угличского Алексеевского монастыря в Бежецком уезде: «Стольник Василей Долгой Сабуров» [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1 Д. 62. Л. 402].

бы служить приказные пометы, однако, как отмечалось выше, начальные листы рукописи не сохранились. Рукопись включена в «патриарший» конволют наряду с книгами, подлинность которых сомнений не вызывает, имеет с остальными текстами общую фолиацию. Но время оформления кодекса, включая нумерацию листов и переплетные работы, неизвестно. Так что это? Фальсификация? Казус? Или обычная приказная практика?

Описные книги стольника В.Д. Сабурова имеют сигнатуры, которые заметно отличаются от встречающихся в данном кодексе. На внешнем углу нижнего поля первого листа тетрадей читаются номера: с 46 по 53, 42, с 65 по 69, 39. Верхняя часть срезанной сигнатуры просматривается на л. 8. Поскольку вплоть до л. 70 рукопись представляет собой опись вотчин кафедры в одном стане, то, вероятно, при обрезке книжного блока пострадала сигнатура 45, а л. 7 – единственный фрагмент утраченной тетради 44. Две последние тетради содержат опись одного села «Новобогородецкое, а Куркино тож», следовательно, можно думать, что на одном из чистых листов, прежде находившихся между лл. 104 и 105, была сигнатура 38. Сигнатуры 42, 65, 67 также нанесены на «порозжие» листы; водяные знаки бумаги не противоречат их включению в соответствующие тетради. Можно предположить, что сигнатура 44 также стояла на чистом (и потому нумерованном) листе.

Замена в тетрадной формуле порядковых номеров сигнатурами позволяет сделать вывод о происхождении последних:

$$44^1+45^8+46^8+47^8+48^8+49^8+50^6+51^6+52^8+53^8+42^4+65^8+66^4+67^8+68^8+69^6+38^7+39^4$$

Кодикологические наблюдения позволяют установить, что тетради описной книги стольника В.Д. Сабурова, входящие сегодня в конволют из фонда Патриаршего дворцового приказа РГА-ДА, ранее являлись частями некоего другого кодекса. Если исходить из средних цифр объема имеющихся в нашем распоряжении тетрадей, он должен был насчитывать не менее пятисот листов. Следует подчеркнуть, что тетради в этой рукописи были расположены в несколько ином порядке.

В своем нынешнем виде «патриаршие» описные книги стольника Сабурова могут быть разделены – по совокупности ряда признаков – на пять блоков, границы которых совпадают 1) со «сбоем» нумерации тетрадей, 2) с изменением водяных знаков бумаги, 3) с местом нахождения в ней «порозжих» листов и 4) с началом нового раздела в тексте описания. Если мысленно

поменять порядок тетрадей, расположив их по возрастающей сигнатур, то описи отдельных административно-хозяйственных комплексов патриаршей вотчины оказываются сгруппированы по станам: Горетов стан (тетради 38–39 и 42), Монашьин Быков Коровин стан (тетради 44–53 и 65–66), Бохов стан (тетради 67–69). По-видимому, в структуре исходной описной книги отразился маршрут передвижения писцовой комиссии стольника Сабурова по территории Московского уезда.

Сигнатуры	Листы	Станы	Вотчины
38–39	105–115	Горетов	Село Новобогордецкое, а Куркино тож, деревня Барашки
42	71–73	Горетов	Деревня Савелкова, а Петракова тож
44–53	7–70	Монашьин Быков Коровин	Села Озерецкое, Троицкое-Сельцы, Никольское, Федосьино, Хлябово, деревни Рыбаки, Агафониха, Староданная, Морозиха, Бунтеиха, Глазова, Бабаиха, Якишева, Овсяникова и др.
65–66	74–83	Монашьин Быков Коровин	Село Владыкино, приселок Топорков
67–69	84–104	Бохов	Село Пушкино, деревня Березники

Однако для целей государственного описания церковно-монастырских вотчин по именному указу от 31 января 1701 г. была важна не территориальная их принадлежность, а землевладелец. Соответственно, первоначальный вариант описной книги В.Д. Сабурова был «разобран» на фрагменты, которые затем оказались включены в конволюты, сформированные уже по владельческому принципу, или остались в виде тетрадей, иногда и переплетенных. Можно думать, что представленная в Монастырский приказ исходная рукопись имела не только сплошную нумерацию тетрадей, но и сплошную же скрепу стольника Сабурова. Согласно тексту документа, который, на мой взгляд, представляет собой один из списков «типового» наказа переписчику, ему надлежало «переписные книги делать в десть

в тетратех, архиерейские дома, и монастыри, и вотчины писать порознь, всякого архиерея и монастыря на особые тетради, а вместе не списывать» [Башнин, Устинова, Шамина, 2022, с. 569]. Эти пункты наказа в книгах Сабурова были выполнены, о чем свидетельствует, в частности, наличие «порозжих» листов между описями; а требования к оформлению скреп в нем отсутствуют.

Как представляется, при формировании «патриаршего» конволюта в Монастырском приказе было осуществлено такое перемещение тетрадей, которое позволяло при некоторой, выражаясь дипломатично, «доработке» скрепы, использовать уже имеющуюся, весьма значительную по объему, рукопись. Если эта гипотеза верна, то должны существовать и другие описи церковно-монастырских владений, выполненные В.Д. Сабуровым, в которых сигнатуры представляют собой большие двузначные числа.

Архивный поиск довольно быстро дал первые результаты. Тот же Сабуров описывал в Московском уезде владения митрополита Сарского и Подонского – село Амирево, сельцо Леухино, деревни Кожину и Трапезину (все – Бохов стан), деревню Потапову (Кошелев стан) [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 21. Л. 66–73]. Оформление данной описи абсолютно тождественно рассмотренному выше. Предшествующие основному тексту чистые листы 64 и 65 помечены как «порозжие», на первом из них читается сигнатура 70. Иными словами, завершив работу в патриаршем селе Пушкино (опись, напомним, заканчивается в тетради с сигнатурой 69), переписчик продолжил описание на землях Бохова же стана, переехав во владения Крутицкой кафедры. Ретроспективное картографирование сел Пушкино и Амирево (ПГМ, Богородский уезд, дачи 481 и 214) показало, что это – вполне реальный сценарий, т. к. между ними около 20 верст.

О том, что эта опись происходит из той же «исходной» описной книги Сабурова, что и описи в «патриаршем» конволюте, свидетельствуют как отсутствие каких-либо заверительных записей кроме руки самого стольника, так и «редактирование» его скрепы. В значительно уступающей по объему «митрополичьей» описи правка была осуществлена на трех листах из восьми. На л. 66 элемент «Са» был исправлен, правда, неудачно, на одну букву «В», к которой дописано все недостающее до требуемого «Василей». На следующем листе перед элементом «бу» добавлен слог («Сабу»), а на л. 73 элемент «Са» был превращен в «Сабуров» – для завершения скрепы. Отметим, что *до правки* последний лист

описи патриаршего села Пушкино был помечен элементом «лей», а начальный лист книг села Амирево – «Са». Иными словами, в общей для них книге эти описи располагались непосредственно одна за другой.

Еще две описи, ранее входившие в состав «исходной» рукописи В.Д. Сабурова, были выявлены в описных книгах Костромского Ипатьевского монастыря [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 34. Лл. 271–280]. На л. 271, выше пометы «лист порозжей», помещен заголовок: «Книги переписные Московского уезду перепищика стольника Василья Сабурова вотчине Ипацкого монастыря деревень Бурково [и] Селиваново нынешнего 1702-го году марта в 20 день». Поскольку деревни располагались в разных станах (Бохов и Горетов), то несмотря на небольшие по объему тексты описи перебелованы каждая в особой тетради (6 и 4 листов, включая «порозжие»). На чистых лл. 271 и 277 имеются сигнатуры – 61 и 33 соответственно. «Правка» скрепы стольника на лл. 272, 278, 280 произведена описанным выше способом.

Данные архивные находки представляются еще одним аргументом в пользу высказанного ранее тезиса о том, что какого-то отдельного описания патриарших вотчин в начале XVIII в. не было [Соколова, 2021, с. 158–159; Соколова, 2022, с. 135–136]. С другой стороны, они очевидно снижают вероятность того, что рассматриваемый «казус стольника Василия Сабурова» был злонамеренной фальсификацией.

Отсутствие в известных описях В.Д. Сабурова обычных для описания церковно-монастырских вотчин начала XVIII в. элементов – преамбул и рукоприкладств на нижнем поле – может быть объяснено тем, что реконструируемая нами рукопись представляла собой список «слово в слово». Такие списки, относящиеся к патриаршим вотчинам – суздальской (село Михайлова сторона, скрепа стольника Ивана Мироновича Кологривова) и владимирской («новоселидебная деревня Пречистенская Гора, что преже сего была пустошь Причистенская Гора»), скрепы стольника Гаврилы Павловича Савелова и дьяка Монастырского приказа Гаврилы Окунькова), – сохранились, будучи включены в конволют наряду с соответствующими подлинниками [РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Лл. 320–321 об., 1002–1013 об.]. Оба, как и тексты Сабурова, не имеют преамбул, помет о поступлении в Монастырский приказ, рукоприкладств мирских выборных, приказчиков или священнослужителей на нижнем поле. Следует подчеркнуть,

что это не было какой-то спецификой описания именно патриарших владений. В конволюте описей вотчин митрополита Сарского и Подонского находятся подлинник и «список» описи суздальского села Курьяново с деревнями (скрепы стольника И.М. Кологривова) [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 21. Л. 358–362 об., 365–368 об.]. Не имеет иных удостоверительных записей кроме скрепы переписчика и документ с самоназванием «Списки с переписных книг переписи стольника Гаврила Павлова сына Савелова Володимерского уезду Юрьевской приписи Полского Боголюбовского стану вотчины Вознесенского девича монастыря, что на Москве, села Брутовского, села Масленки Алексина тож, села Борисовского, 1702-го году июня в 5 день» [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 226. Л. 2].

Когда и кем «редактировалась» скрепа стольника Василия Сабурова, судить трудно. При том количестве правки, что на сегодня обнаружено, любые суждения о сходстве или различии почерков носили бы спекулятивный характер. Но образец его руки, выявленный на описи принадлежавшей Костромскому Ипатьевскому монастырю Спасской слободы, которую по дате в преамбуле можно отнести к марту 1703 г. («К сим | книгам | Василей | Сабуров» [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 34. Л. 553–557]), заставляет обратиться к событиям и обстоятельствам, которые, как представляется, могли сыграть определенную роль во всей этой истории.

Одним из самых «живучих» историографических мифов в истории церковной реформы начала XVIII в. является «именной указ» Петра I от 24 июня 1702 г. [ПСЗ, 1830, №1914, с. 197]. «В соответствии с этим указом, – читаем в новейшем исследовании, – на местах были сформированы местные учреждения по управлению церковно-монастырскими вотчинами во главе со стольниками» [Башнин, Устинова, Шамина, 2022, с. 184]. Время показало, что оправдана оказалась более осторожная формулировка И.А. Булыгина, который писал, что «точное время их организации неизвестно, но в середине 1702 г. они уже действовали» [Булыгин, 1977, с. 83].

В фондах РГАДА был выявлен черновой отпуск памяти за приписью дьяка Монастырского приказа Ивана Иванова, адресованной в Приказ земских дел боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с изложением царского указа, текстуально совпадающего с тем, на который принято ссылаться как на «именной указ» от 24 июня 1702 года. В записи под текстом зафиксировано, что

аналогичные документы разосланы и в другие приказы – за приписью дьяков Ивана Иванова (еще 13 адресатов) или Ефима Зотова (5). Все они были дьяками «подписаны того ж июня в 24 день» [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6291. Л. 8–9]. По-видимому, содержащийся в какой-то из этих 19 памятей текст и был опубликован составителями ПСЗ в четвертом томе под № 1914 как «именной указ» от 24 июня 1702 года. Подготовка такого количества одновременно подписанных документов должна была занять некоторое время. Иными словами, указ Петра I, во исполнение которого были составлены и разосланы эти памяти, должен иметь более раннюю дату, уточнить которую позволяет еще один вводимый в научный оборот источник.

Документ имеет стандартный начальный протокол («1702-го мая 18 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца боярин Иван Алексеевич Мусин Пушкин с товарищи приказал...»). От чернового отпуска июньской памяти и публикации в ПСЗ текст отличается несущественной редакцией в распорядительной части («И о том на Москве во все приказы послать из Монастырского приказу памяти» / «И о том на Москве во все приказы из Монастырского приказу для ведома отписать»). Пометы на документе отражают делопроизводственные реалии Монастырского приказа: «Записать в книгу», «И Монастырского приказу старым подьячим подписать своими руками, что они сей великого государя указ чли») [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6291. Л. 7–7 об.].

По-видимому, учреждение института стольников-управителей для архиерейских и монастырских вотчин на тех или иных территориях (несколько городов и уездов) произошло незадолго до этой даты, что и обусловило потребность его интеграции в существовавшую систему документооборота. В такую хронологию событий вполне укладывается информация о деятельности в Вологде стольника Л.Н. Кологривова, «начавшего свою работу 12 мая 1702 г.» [Черкасова, 2021, с. 89].

Интерпретируя текст грамоты, посланной 19 августа 1702 г. в Монастырский приказ из Провиантского [Горчаков, 1868, прил., № 9, с. 10], И.А. Булыгин утверждал, что «под царским указом о назначении стольников в города стояла роспись их». «К сожалению, – сетует исследователь, – ни росписи из царского указа, ни позднейших ведомостей Монастырского приказа о том, какие стольники и в какие города были назначены, найти не удалось»

[Булыгин, 1977, с. 83–84].

«Роспись» выявлена в упомянутом выше черновом отпуске памяти из Монастырского приказа в Приказ земских дел боярину князю И.Б. Троекурову от 24 июня 1702 года. Воспроизведем этот важный текст целиком.

«Роспись в которых городех по указу великого государя для управления монастырей и архиерейских и монастырских вотчин стольником быть велено. Василью Романову сыну Воейкову в Ростове, в Ярославле, на Романове, в Пошехонье, на Угличе. Лукьяну Никифорову сыну Кологривову на Вологде, на Беле озере, на Чаронде. Ивану Миронову сыну Кологривову в Суздале, в Юрьеве Польском, в Шуе, в Владимире, в Лухе. Ивану Васильеву сыну Кикину на Коломне, на Кошире, на Туле, в Серпухове, в Олексине, на Резани, в Рязку. Василью Дмитриеву сыну Сабурову на Костроме, в Галиче, на Кинешме. Петру Иванову сыну Травину в Бежецком верху, на Устюжне Железопольской, в Кашине» [РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6291. Л. 8 об.–9].

Таким образом, на момент составления «Росписи» были назначены всего шесть стольников, в числе которых и В.Д. Сабуров. По-видимому, это означает, что у руководства Монастырского приказа не было претензий к его работе в качестве переписчика церковно-монастырских владений в Московском уезде. Надо полагать, он не мог уехать из Москвы к новому месту службы, не сдав в Монастырский приказ свои описные книги. В декабре 1702 г. его по-прежнему нет в Москве («Василей Дмитриев сын Сабуров послан на Кострому, в Галич, на Кинешму, и тех городов в уездах велено ведать монастыри и вотчины»); и в боярских книгах 1703 г. записано, что он «из Монастырского у дела» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 31 об.]. Судя по тексту преамбулы упомянутой выше «костромской» описи со скрепой В.Д. Сабурова, это был, вероятно, некий «особый» случай, в рамках которого он действовал по царскому указу и «грамоте» из Монастырского приказа, а не в качестве переписчика «по наказу».

Таким образом, изучение делопроизводства Монастырского приказа позволило выявить некоторые особенности подготовки описных книг церковно-монастырских владений в 1701–1702 гг., в том числе исследовать методы их верификации и технику работы с рукописями в приказе, а также уточнить хронологию начального этапа формирования новой системы «местного» управления

архиерейскими и монастырскими вотчинами, имуществом и крестьянами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Башнин, Устинова, Шамина 2022 – *Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

Булыгин 1977 – *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.

Горчаков 1868 – *Горчаков М.И.* Монастырский приказ. (1649–1725 г.): Опыт историческо-юридического исследования. СПб., 1868.

ПСЗ 1830. – Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 2. Д. 46.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 2. Д. 49.

РГАДА. Ф. 236. Патриарший дворцовый приказ. Оп. 1. Д. 119.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 21.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 34.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 62.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 226.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1. Д. 6291.

Соколова 2021 – *Соколова Н.В.* Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 153–171.

Соколова 2022 – *Соколова Н.В.* Описание владений Патриаршего дома начала XVIII века как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 127–140.

Холмогоровы 1885 – Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии / Собр. В. Холмогоровым и дьяк. Г. Холмогоровым. Вып. 4: Селецкая десятина (Московского уезда). М., 1885.

Черкасова 2021 – *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I (Краеведческие очерки): монография. Вологда, 2021.

Шамина 2022 – *Шамина И.Н.* Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 144–151.

Д. А. ХИТРОВ

О КАРТОГРАФИРОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ КНИГ ВАЛОВОГО ПИСЬМА 1620–Х ГОДОВ ПО МОСКОВСКОМУ УЕЗДУ

В статье обсуждаются сложности, возникающие при работе по картографированию материалов писцовых книг 1620–1640-х гг. по Центральной России. На основе материалов писцового описания Московского уезда по трем станам юго-западной части Замосковной половины (Сетунскому, Сосенскому и Таракманову) показано, что локализации поддаются преимущественно центры земельных владений и действующие («живущие») поселения, в то время как подавляющая часть упомянутых в писцовой книге локаций никогда впоследствии не фиксируется источниками и, соответственно, не может быть локализована. Обосновывается мысль о том, что локализация большинства центров расселения и ключевых элементов структуры землевладения является достаточной для того, чтобы полученные результаты могли использоваться при анализе пространственной организации общества.

Ключевые слова: писцовые книги, Московский уезд, валовое письмо 1620-х–1640-х гг., историческая картография, историческая география, Сетунский стан, Сосенский стан, Таракманов стан

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ,
проект 20-09-00303.*

Как известно, составление карт на основе материалов писцовых и переписных книг – одна из самых сложных задач, с которыми сталкиваются работающие с этими материалами специалисты. Будучи своеобразным земельным кадастром, писцовые книги удивительно «некартографичны» для материалов такого рода. Правда, в фонде Поместного приказа обнаруживается также некоторое число чертежей [см.: Фролов, Голубинский, Кутаков, 2015], но чертежи для писцов были лишь дополнительными, редко составлявшимися документами – об этом говорят как само их число, на порядки уступающее общему числу описанных в писцовых

книгах земельных владений, так и тот факт, что к ним редко обращались при разного рода земельных спорах, размежеваниях и в других подобных ситуациях.

В большей части случаев соотнесение текста писцового описания с местностью осуществлялось не посредством составления плана, как это делается в привычных нам кадастровых описаниях (от Генерального межевания до современности), а через фиксацию в тексте значительного числа названий локаций – не только поселений, но и пустошей. Писцовое описание, таким образом, «касается земли» не через полигоны земельных участков со строго определенными границами (как Генеральное межевание), а через множество точек, с которыми связаны владельческие права, земельные угодья, дворы жителей. В результате писцовые книги 1620-х гг. являются, вероятно, полнейшим существующим сводом микропонимии центральной части страны. Это делает их исключительно ценными для специалистов по истории русского средневековья.

Землеописание, выстроенное по такому принципу, не могло функционировать без местного населения. Писцы рассчитывали, что жители знают зафиксированную в книгах местную топонимию и, соответственно, при необходимости можно определить точное положение той или иной локации. Проблема, однако, в том, что даже у современников с этим периодически возникали сложности – встречаются ситуации, когда писцы вынуждены были признавать, что «не сыскали» ту или иную пустошь, значащуюся в приправочной книге или в предъявленной землевладельцем грамоте. Понятно, что историкам, пытающимся реконструировать расположение писцовых локаций спустя много веков, сделать это намного сложнее.

Тем не менее, в литературе накоплен весьма значительный опыт успешного решения подобных проблем. Первым крупным исследованием такого рода стала большая работа А.М. Андрияшева [Андрияшев, 1914], посвященная Шелонской пятине Новгородского уезда. Его исследования в середине XX в. продолжили М.В. Витов и И.В. Власова [Витов, 1962; Витов, Власова, 1974], в работах которых были реконструированы системы расселения в Заонежских погостах и в западном Поморье. В 1990-х гг. появляются работы Н.В. Пиотух и А.А. Фролова, посвященные Пусторжевскому уезду и Деревской пятине [Пиотух, 1996; Фролов, Пиотух, 2008]. Материалы по Водской пятине были исследованы

А.А. Селиным [Селин, 2003], а Л.Г. Степановой были построены сложные пространственные модели расселения в южной части Новгородской земли [Степанова, 2013]. В последние годы масштабные исследования такого рода по Тверскому региону представлены в работах А.А. Фролова, Ю.В. Степановой и возглавляемого ими коллектива [Степанова и др., 2021].

Опыт исследователей показывает, что привлечение картографических памятников XVIII–XIX вв., прежде всего материалов Генерального межевания, иногда позволяет добиться весьма высокой степени локализации писцовых топонимии. В то же время нельзя не отметить, что большинство перечисленных работ относятся к северо-западу и северу страны; подобных работ по центральным районам страны на сегодняшний день немного [Хитров, Черненко, 2009; Черненко, 2010]. Представляется, что значительные особенности землепользования, характерные для этого региона, существенно способствуют получению подобных результатов. Зачастую сама природа способствовала здесь устойчивости сети поселений, потому что пригодных для жизни мест было не так много. Еще более важно, вероятно, то, что отдаленные поля и сенокосы, описанные в писцовых книгах как пустоши, зачастую продолжают сохранять свою территориальную обособленность, а вместе с ней и особое имя, вплоть до конца XVIII в. Благодаря этому межевщики часто указывали (в частности, в заголовках планов дач) названия вошедших в дачу пустошей [Фролов, Голубинский, 2016]; это не характерно для центральной части страны.

Попробуем оценить перспективы картографирования писцовых книг по центру страны на материалах писцового описания Московского уезда 1620–1640-х годов. Столичный уезд занимал особое положение в государстве. Он был одним из крупнейших по территории и крупнейшим по численности населения среди уездов государства. Окружая столицу, он являлся центром хозяйственной и социальной жизни страны, здесь была расположена область наиболее привилегированного землевладения, находились подмосковные владения высшей аристократии, сходились основные транспортные артерии. Существенной особенностью уезда было наличие больших дворцовых владений, располагавшихся в различных его частях.

Описание 1620–1630-х гг. является первым, которое сохранилось по большей части волостей уезда. Учитывая, что все последующие общегосударственные переписи XVII в., вплоть до мате-

риалов Генерального межевания, учитывали только население, эти материалы представляют собой не только самое раннее, но и единственное существующее общее описание населения, земельного фонда и хозяйства уезда в XVII веке.

Московский уезд, как известно, состоял из двух половин – Замосковной и Зарецкой. Первая из них была разделена на два участка: станы к западу от Москвы описывал в 1622–1624 гг. Л. Кологривов, а затем его пропуски заполнил в 1627–1629 гг. Г. Бобрищев-Пушкин; к востоку от города работал С. Колтовский [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 260, 261, 263, 9806]. Вторую писал в 1626–1628 гг. Ф.Ф. Пушкин, а затем его работу («которые земли не писали и не мерили Федор Пушкин да дьяк Ондрей Строев») в 1628–1630 гг. продолжил Ф. Уваров [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 262, 264, 9807, 9808].

Всего в сохранившихся книгах имеется 7142 записи об уникальных локациях¹. На территории «старого» Московского уезда Генеральное межевание выделило 2338 дач, из которых порядка 1800 имеют уникальные названия (остальные – отхожие покосы, церковные земли, спорные участки и т.п.); следует также учесть, что сохранившиеся писцовые материалы охватывают меньшую территорию, чем межевые, поскольку не сохранились описания обширных дворцовых волостей. Таким образом, общий объем зафиксированной писцовыми книгами топонимии превосходит объем, содержащийся в материалах Генерального межевания, во много раз, если не на порядок. Более поздние материалы сообщают нам еще меньше названий – бурный процесс урбанизации уже в XIX в. начал активно менять облик Подмосковья, а появление большого количества недавно переселившихся сюда людей способствовало угасанию локальной топонимической памяти. Блестящий пример локализации С.З. Черновым погоста Корзенева, древнего центра Вори и Корзенева стана, на основании рассказов родившегося в начале XX в. местного жителя едва ли может быть повторен сегодня [Чернов, 1983].

Означает ли сказанное, что любая работа по локализации материалов писцовых книг Центральной России всегда и неизбежно будет сводиться только к поиску отдельных хорошо «узнаваемых» поселений, и получившиеся в результате карты и никогда не смо-

¹ Подсчет сделан по базе данных, в работе над которой принимали участие М.В. Калинин, А.В. Жиборкина, Е.М. Рыбакова.

гут претендовать на сколь-либо систематическое отображение систем расселения и землепользования? Представляется, что такая оценка положения дел излишне пессимистична.

Дело в том, что писцовый текст довольно хорошо структурирован. В каждом владении вначале идут поселения, а затем пустоши. Если в том или ином владении поселения нет – например, оно запустело, то, как правило, первым описывается все-таки центральная, наиболее важная локация – например, «пустошь, что было село». При подведении итогов писец отдельно подчеркивает значение главного центра владения «село с сельцом, деревнями и пустошами», «деревня с деревнями и пустошами» или даже «пустошь, что была деревня, с пустошами». Таким образом, книга дает нам не просто перечень локаций, они организованы в определенную иерархию.

Правда, здесь нужно оговориться, что эта структура, присутствующая, скорее всего, уже первичным документам, которые составлялись писцами «в поле» (совершенно не дошедшим до нас), при составлении книги могла быть заметно искажена. Помимо описания земель, описание также должно было зафиксировать землевание; базовыми «параграфами» писцового текста были имена владельцев. При этом деление земли на локации не соответствовало делению на владения: одному владельцу часто принадлежало по нескольку локаций, а локации могли быть разделены между владельцами. Если в пределах одного стана один владелец имел несколько имений одинаковой правовой формы, писцы объединяли такие владения, и внутри такого объединенного описания воспроизводилась та же иерархия: сначала села, затем сельца, деревни, починки и пустоши. Соответственно, два далеко отстоящих друг от друга села, разделенных чужими землями, могли оказаться рядом, а соседние локации – быть разнесены довольно далеко. Поэтому хорошим результатом локализации следует считать такой, при котором удастся поместить на карту центры большинства земельных владений (вне зависимости от того, были они в XVII в. жилыми или запустевшими).

Попробуем оценить результаты локализации писцовой топонимии на достаточно локальном материале, по трем станам Московского уезда – Сегуньскому, Таракманову и Сосенскому. Они были расположены в юго-западной части Зарецкой половины Московского уезда, по большей части на территории современного города (его Западного, Юго-Западного и Новомосковского

округов), а также охватывали часть Одинцовского района Московской области, примыкающую к Рублево-Успенскому шоссе.

В Сетунском стане мы находим 195 записей и 180 уникальных топонимов; в Таракманове – 250 записей и 228 топонимов; в Сосенском – 264 записи и 242 топонима [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. кн. 9807. Лл. 215–284, 305–389, 781–856]. К этому следует добавить материалы более позднего письма Ф. Уварова [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 264. Лл. 160об.–184, 505 об.–508 об., 590–649]: Сетунский – 28 записей и 27 топонимов; Таракманов – 8 записей и столько же топонимов; Сосенский стан – 19 записей и 18 топонимов. Опираясь на материалы Генерального межевания, исследовательские карты С.Б. Веселовского и В.Н. Перцева [Веселовский, Перцев, 1993] и другие источники, нам удалось локализовать 76 топонимов из 703, то есть 11 %. На первый взгляд этот результат кажется обескураживающе низким, однако, если посмотреть на него с точки зрения локализации центров владений, картина окажется более оптимистичной (Таблица 1).

ТАБЛИЦА 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЦЕНТРОВ
ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Стан	Центры владений	Всего центров владений	%	Среднее число локаций во владении
Сетунский	Локализованы	26	84	6,5
	Не локализованы	10	32	3,5
Таракманов	Локализованы	25	63	6,4
	Не локализованы	16	40	3,1
Сосенский	Локализованы	25	61	4,6
	Не локализованы	21	51	3,8
Всего	Локализованы	76	68	5,8
	Не локализованы	41	37	3,4

Как можно видеть, почти две трети владений «привязаны» к земле хотя бы одним топонимом. В подавляющем большинстве это «живущие» локации, т.е. населенные пункты. В Сетунском стане из восьми земельных владений, в которых не удалось локализовать ни одного топонима, пять являются полностью запу-

стевшими; в Таракманове из 16 – 7. Более того, лишь в одном случае удалось найти убедительную локализацию для топонима из такого владения.

Стоит особо отметить, что нелокализованные владения в среднем существенно меньше локализованных – это говорит о том, что основа системы землевладения сохранилась в последующее время, и центры крупных земельных комплексов имели повышенные шансы на поступательное развитие в будущем. Теперь посмотрим, какую часть поселений, существовавших в XVII в., удалось локализовать (Таблица 2).

ТАБЛИЦА 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ
«ЖИВУЩИХ» ПОСЕЛЕНИЙ

Станы	Локализованные поселения	Нелокализованные поселения	% локализации
Сетунский	40	9	82
Таракманов	33	12	73
Сосенский	52	21	71
Всего	125	42	75

Как мы видим, три четверти поселений, существовавших в XVII в., удается найти в более поздних материалах. Это позволяет говорить о том, что основа системы расселения также не была уничтожена событиями Смуты и продолжила свое развитие. Однако когда население на какой-то земле полностью исчезало, вместе с ним исчезала и топонимия; новые жители придумывали для своих поселений новые названия.

Более того, рассмотрение помещенных в приложении карт показывает, что наша реконструкция, при всей своей неполноте, достаточно представительно покрывает территории изучаемых станов. В качестве картографической основы для этой реконструкции были использованы материалы Генерального межевания, систематизированные и обработанные В.С. Кусовым² [Кусов, 2004]. Границы станов показаны в соответствии со сведениями планов дач (в большинстве случаев межевщики указывали, к ка-

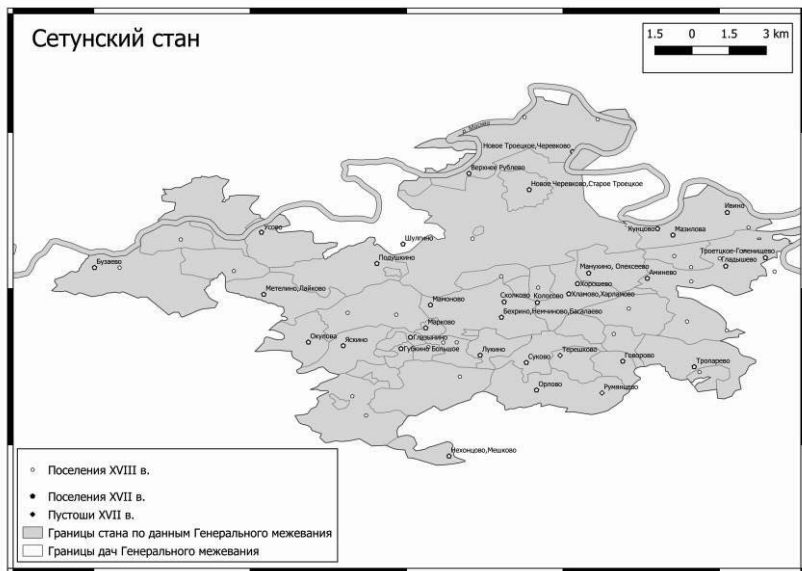
² В создании ГИС на основе материалов В.С. Кусова принимала участие А.А. Сорокина.

кому стану исторически принадлежала изображенная земля, даже если план составлялся уже после проведения екатерининской губернской реформы). Как можно видеть, для большинства поселений XVIII в. удастся найти «предшественника» в писцовых материалах; остальные поменяли название или возникли вновь. Стоит отметить также, что хотя бы один локализованный пункт XVII в. обнаруживается в пределах большинства более или менее крупных межевых дач.

Таким образом, писцовые книги центральных уездов страны фиксируют микротопонимию во много раз подробнее, чем более поздние источники, и подавляющая часть упоминаемых в них названий пустошей не может быть локализована на карте. Однако если структуры расселения и землевладения в изучаемом районе демонстрируют преемственность с более поздним временем, как это происходит в Московском уезде, то для изучения пространственной организации общества могут использоваться реконструкции, основанные преимущественно на локализации центров земельных владений и «живущих» поселений XVII века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карты Сетунского, Таракманова и Сосенского станов Московского уезда по материалам валового писцового описания 1620–1630-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андряшев 1914 – *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914.

Веселовский, Перцев 1993 – *Веселовский С.Б., Перцев В.Н.* Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. IV. М., 1993.

Витов 1962 – *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962.

Витов, Власова 1974 – *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.

Кусов 2004 – *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке: Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1–3. М., 2004.

Пиотух 1996 – *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции АИК. М., 1996. С. 306–327.

Селин 2003 – *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. 491 с.

Степанова 2013 – *Степанова Л.Г.* Опыт создания модели освоенности земельных угодий на основании данных писцовых книг конца XV–XVI вв. и материалов Генерального межевания XVIII в. // Научный диалог. 2013. № 1 (13). История. Социология. Экономика. С. 8–20.

Степанова и др. 2021 – *Степанова Ю.В., Савинова А.И., Карпова М.В., Гаврилов П.В., Кутаков С.С.* Геоинформационные проекты исторического факультета ТвГУ: границы, расселение, землевладение в Верхневолжье и Верхнем Подвинье XV–XVII вв. в писцовых описаниях // Геоинформационные и 3D-технологии в исторических исследованиях: материалы круглого стола. Тверь, 2021. С. 70–96.

Фролов, Голубинский 2016 – *Фролов А.А., Голубинский А.А.* Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. Т. 3. М., 2016. С. 440–455.

Фролов, Голубинский, Кутаков 2015 – *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 379–385.

Фролов, Пиотух 2008 – *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб., 2008.

Хитров, Черненко 2009 – *Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Система расселения в центральных уездах России в XVII–XVIII вв.: степень устойчивости и факторы развития // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 179–190.

Черненко 2010 – *Черненко Д.А.* Методы картографирования и пространственно-статистического анализа структуры землевладения XVII–XVIII вв. в Центральной России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2010. С. 164–166.

Чернов 1983 – *Чернов С.З.* Корзеньев (Локализация центра волости московских князей XIV–XVI вв.) // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983. С.19–26.

Н. А. МИНИНКОВ

ДОН НА КАРТАХ XVII–XVIII ВЕКОВ

ОТ ИСКУССТВА К ОСНОВАМ НАУЧНОЙ КАРТОГРАФИИ

Картографические источники XVI–XVIII вв. содержат материал, относящийся к представлениям в Европе и в России о географии Дона и о степени его заселения, о количестве и размещении поселений по его территории. Карты являются художественным произведением и отражают уровень научных географических знаний о Доне. Для карт XVI–XVII вв. характерно много неточностей. В XVIII в. постепенно возрастал научный уровень карт, появлялась градусная сетка, масштабы и более точное обозначение географических объектов, рек и казачьих поселений. Атлас реки Дон 1703 г. К. Крюйса давал сведения на уровне топографии. Официальная карта границ Земли Войска Донского, утвержденная Екатериной II в 1793 г., утверждала за донскими казаками территорию и имела значение государственного документа.

Ключевые слова: картографические источники, атласы В.А. Кордта, карта И. Массы, карта Ю. фон Менгдена – Я.В. Брюса, Атлас реки Дон К. Крюйса, атласы Российской империи 1745 и 1792 гг., карта земли донских казаков 1793 года.

Как исследователь Московской Руси В.Д. Назаров проявляет глубокий интерес к истории донского казачества и формирования его поселений. Тема отражения этого процесса в картографии немало дает для уяснения конкретной истории заселения региона.

В картографических источниках по истории донского казачества содержатся сведения о местонахождении казачьих поселений, которые в XVII – начале XVIII в. были представлены городками, а позднее, на их же месте, станицами. Расположение казачьих поселений дает общее представление о заселенности территории Войска Донского и о том, насколько хорошо представляли территорию донских казаков в России и в европейских странах, где изготовлялись карты.

Картографические произведения могут быть отнесены к типу визуальных источников [Источниковедение, 2015, с. 101]. Они воздействуют на сознание исследователя и через текстовый, и через изобразительный материал. Источники этого типа могут разделяться на изображения художественные и на изображения, выразившие научную мысль. Для карт позднего Средневековья и Раннего Нового времени характерно сочетание художественности и научности. В XVI–XVII вв. художественное оформление преобладало. Точность и достоверность этих карт была невелика, в них имелись ошибки, в том числе в изображении Донской земли. Но общая тенденция заключалась в медленном и постепенном усилении научной составляющей этих карт при сохранении их художественной формы. Такая тенденция была результатом географических исследований и внедрения в картографию математических начал, когда на картах с XVII в. стала появляться градусная сетка, и топографических съемок.

Карты России XVI–XVII вв., на которых изображалась река Дон с притоками, публиковались. Серию таких карт опубликовал В.А. Кордт. К 1703 г. относится издание в Амстердаме «Атласа реки Дон» К. Крюйса. В XVIII в., начиная с 1745 г., стали издаваться атласы Российской империи с картами Земли донских казаков. Неопубликованные карты хранятся в архивах. В фонде 192 РГАДА есть карта, составленная в 1718 г. генерал-майором Гинтером с подробным указанием казачьих городков.

Карты XVI в., выполненные европейскими картографами, свидетельствуют о поверхностном представлении о его географии. Это заметно на карте барона С. Герберштейна, гравированной в 1546 году. В южной части карты показан Танаис в виде дуги, вытянутой на восток, в сторону Волги. В Европе знали, что Дон сближается с Волгой. Однако насколько близко подходили они друг к другу, барон не знал. Он не мог предполагать, что близость между этими реками сыграет важную роль в событиях того времени, когда на Дону и на Волге появится казачество. Из всех притоков Дона показано только два правых, Сосна и Малый (Мипог) Дон или Донец. Из городов указан только Азов, причем ошибочно, на правом берегу Дона. Территория, на которой показан Дон, сдвинута на север. Так, города Северщины (Severa) – Новгород, Путивль, Стародуб – показаны южнее Азова, а низовья Дона – на одном уровне с местом сближения Дона с Волгой [Материалы, 1899, с. 5].

Схематизм в изображении Дона и соседних территорий заметен также на карте английского купца и путешественника Антония Дженкинсона 1562 года. Карта была сделана вскоре после его путешествия в Бухару. В описании путешествия, которое началось весной 1558 г. из Москвы и далее проходило вниз по Волге, он особо упоминал место, где Волга сближается с Доном. Ее упоминание в английском тексте как *Perevolog* было связано с Переволокой из русских документов. Он особо отметил, что это место «очень опасно из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно» [Английские путешественники, 2007, с. 206]. Поэтому на его карте это место обозначено точнее, чем на карте С. Герберштейна: расстояние между Волгой и Доном показано небольшим. Более точно, чем на карте С. Герберштейна, показано расположение Дона относительно соседних территорий. Низовья Дона показаны на одном уровне с Астраханью и низовьями Днепра. В остальном на его карте много неточностей. Единственным населенным местом на Дону показан Азов, как на карте С. Герберштейна, на правом берегу Дона. Течение Дона также дано неточно [Материалы, 1899, с. 8].

На картах XVII в. заметен такой элемент научности, как градусная сетка. Но неточность в указании расстояний сохраняется. Возможно, связано это с существованием двух верст, когда имела верста межевая (500 саженей, или 1080 м), и верста путевая, равная двум межевым верстам (1000 саженей, 2160 м). Кроме того, использовалась верста путевая в «Книге Большому чертежу» и в дорожниках XVII в. [Каменцева, Устюгов, 1975, с. 88]. Использовались, возможно, достижения русской картографии. В частности, упоминается карта, в составлении которой участвовал царевич Федор Годунов. С этой картой связывается карта 1614 г. голландца Г. Герритса [Материалы, 1899, с. 13], с указанием в левом нижнем углу карты на титул царя Михаила Романова. В части, относящейся к Дону, карта имеет ошибок не меньше, чем карта С. Герберштейна или А. Дженкинсона Из городов назван Азов, помещенный на правом берегу Дона. Низовья Дона слишком сдвинуты на север. Также неточны расстояния. Так, по карте от Азова до Астрахани расстояние примерно вдвое большее, чем от Азова до Москвы.

Карта Г. Герритса была одним из источников карты 1633 г., созданной голландским купцом И. Массой [Материалы, 1899,

с. 15]. По традиции на ней указана река Сосна, но более точно. Азов и Нижний Дон показаны лишь немного южнее 50-го градуса, на самом деле эти места значительно южнее. Крупнейшим притоком верно указан Северский Донец. Рек на карте больше, чем на более ранних картах, обозначены они схематично. Это относится и к крупным левым притокам Дона, Хопру и Медведице. Имеются ошибки, так, левый приток Дона Карповка (Karhoff) показан правым притоком, а правый – Цымла (Simla) – левым. Нет таких крупных левых притоков, как Сал и Маньч. Возможно, что на карте отразилось определенное влияние географического изучения страны, которое позволило внести результаты этого исследования в «Книгу Большому чертежу» и в несохранившийся Большой чертеж.

На карту нанесено 36 казачьих городков по Дону. Расшифровку названий городков, подписанных латиницей, предпринял С.Г. Кобяков. Большинство их было расшифровано правильно, четыре названия не были расшифрованы [Кобяков, 1955, с. 63]. Обозначение городков на карте на правом или левом берегу Дона условное. Городок «IebocvelAttamanskoïGorod» показан ниже Черкасского и немного выше Азова. В этом названии заметно слово «Ieboc», которое соответствует названиям в русских документах: «Ебок», «Эпок», «Явок». Как указывал В.Н. Королев, это был городок, в котором находился центр Войска Донского [Королев, 2007, с. 63] до взятия в 1637 г. казаками Азова.

Карта И. Массы в части, относящейся к Земле Войска Донского, была воспроизведена в 1674 г. французским картографом Г. Сансоном [Рыбаков, 1974, с. 86]. Казачьи городки нанесены на эту карту те же самые, что имелись у И.Массы. Так же подписан в низовьях Дона «IebocvelAtamanskoïGorod», которого к тому времени уже не существовало. Как отмечал В.Н. Королев, этот городок погиб в 1643 г. [Королев, 2007, с. 64], когда шло наступление турок на Нижнем Дону после возвращения их в Азов.

К концу XVII в. появляется первое известие о существовании карты, составленной донским казаком. При аресте в Москве в 1688 г. одного из предводителей донских старообрядцев, старичного атамана Кирея Чюрносова, у него была изъята карта. В ее описании было сказано, что это «чертеж реки Дону и притокам, как впали в Черное море, и Черкаскому и Азову и иным крымским городам и Черному морю», сама карта «его Киреевой руки» [Дополнения, 1872, с. 171]. Она не сохранилась. Как видно из ее

краткого описания, на ней изображалась значительная часть территории Войска Донского. Упоминалось указание крымских городов и Черного моря, куда ходили донские казаки.

К концу XVII в. качественный уровень карт, изображавших территорию Войска Донского, вырос. Об этом свидетельствует карта Ю. фон Менгдена и Я.В. Брюса 1699 г. [Богословский, 1940, с. 399]. Картография того времени стала более научной. Градусная сеть нанесена точнее, чем в прежних картах. Нижний Дон правильно показан чуть севернее 47 градуса. Дается масштаб карт с измерением его в милях итальянских, немецких, французских и польских, есть условные знаки. Все надписи сделаны кириллицей. Точнее, чем на более ранних картах, показано течение Дона и его притоков. Как значительная река показан Северский Донец. Казачьи городки показаны не только по Дону, но и по Северскому Донцу, а отчасти по Хопру. Обозначены рубежи Войска Донского и указано название этой территории – «Юрты донских казаков». В составе этих юртов показаны земли по притокам Донца, которые после Булавинского восстания были отобраны у Войска Донского. Карта демонстрирует хорошее знакомство составителей с географией донских казачьих городков.

Карта не лишена недостатков. Не были нанесены казачьи городки по Медведице и по левому притоку Хопра Бузулуку. Не отграничена территория донских юртов от Азова. Такой же неточностью было включение в эту территорию земли по правому и даже левому берегам Кубани.

«Новая чертежная книга» К. Крюйса содержала «Великую реку Дон или Танаис», а также «зело любопытный чертеж Азовского моря или озера Меотского и Понта Евксинского или Черного моря» [Новая чертежная книга]. Текст заголовка атласа и посвящения царевичу Алексею написан на голландском и русском языках, надписи на карте сделаны почти исключительно по-голландски. Лишь в отдельных случаях даются пояснения по-русски и даже на латыни. Пример такой надписи – указание на территорию, рубеж которой показан западнее речки Самбек, впадающей в Азовское море, к востоку от Таганьего Рога. Названа она «Territorium Cosacorum Donnesium». Территория к западу от этого рубежа обозначена также на латинском языке «Tartarium Minor». Латинские и греческие (латиницей) названия даются для двух морей, изображенных в атласе: «Palus Meotis» и «Pontus Euxinus», или «Mare Nigrum». Течение Дона показано в атласе от Во-

ронеза. Целиком показаны Азовское и Черное моря. Очень подробно изображен Крым. Это объясняется тем, что атлас создавался в военных целях.

Признаки научности карт – указание масштаба в милях (французских, немецких, итальянских) и в русских верстах, наличие условных знаков. Карты были результатом подробного исследования местности. Подробно показано, что относится к реке, например, затоны и места затоплений. Это делает карты источником, который впервые дает представление о конкретном расположении казачьих городков. Донские казачьи городки нередко переносились с места на место. Поэтому при городке Распопин, указанном на острове, обозначен еще один «Распопин город» на правом берегу Дона. Возле этого городка обозначено загадочное «Худое место», очевидно, из-за природных особенностей. Внимание картографа к топографии позволяет с доверием относиться к расположению на карте городков по правому или левому берегу Дона и на островах. Помимо городков на карту из Атласа К. Крюйса нанесены два монастыря. Отражены работы по строительству канала между Волгой и Доном. При впадении в Дон Иловли указано, что «Здесь перекоп был от Иловли до Камышенки», впадавшей в Волгу вблизи Камышина. Несколько ниже указан «Остров работничьих шалашей». На Волге около Камышина, фрагмент которой помещен на карте, указан «Петр город». Поскольку к этому времени карты не утратили черты произведения искусства, на этом же листе атласа имеется изображение земляных работ. Центр Войска, город Черкасский, изображен, как сказано, «на маленьком острове». На другом острове, рядом, обозначен «Царской двор».

Устаревшей для начала XVIII в. можно считать карту 1706 г. Г. Делиля [Рыбаков, 1974, с. 86]. На ней указаны те же 36 городков, что и на картах Г. Сансона и И. Массы. Несравненно более информативной была карта генерал-майора Гинтера, снабженная датой – 12 сентября 1718 г. [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2]. На ней было указано 50 станиц по Дону, 19 по Хопру, 10 по Бузулуку, 11 по Медведице. По Северскому Донцу и по реке Кундрючья (правый приток Донца) указано 9 станиц. Сведения карты Гинтера позже дополнялись, на нее были нанесены более поздние крепости в низовьях Дона – Святой Анны и Дмитрия Ростовского.

Земля Войска Донского обозначена на атласах Российской империи. В атласе 1745 г. «из 19 специальных карт» [Атлас, 1745]

ее территория изображена на трех картах. Северная часть показана на карте «Течение реки Волги от Самары до Царицына». Южная часть включена в карту «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и достальную часть реки Волги с ее устьем». Самая западная часть входит в состав карты «Малая Татария с пограничною Киевскою и Белгородскою в себе лежащими около Днепра, Дону и Донца земли. Также Весь Крым и часть Кубани с Черным морем». Территория Войска Донского не выделена и включена в Воронежскую губернию. Часть северо-востока территории Войска Донского по правому берегу Медведицы и частично по левому берегу Дона показана в составе Астраханской губернии. В ее же составе изображена Царицынская укрепленная линия. Градусной сети на картах отдельных частей государства нет, но она имеется на первой карте атласа, общей карте Российской империи. Широты показаны точно. Какой меридиан принят за нулевой, не ясно – он проходит в стороне от Санкт-Петербурга, и, следовательно, отличается от 30 градуса восточной долготы от Гринвича, проходящего через Санкт-Петербург. Точнее, чем на картах более раннего времени, показана речная сеть. Указаны левые притоки Дона, которых не было на более ранних картах – Сал и Маньч. На северо-восток от войсковой столицы Черкаска указана крепость Святой Анны. Эти объекты расположены на островах. Однако в качестве главного русла Дона на карте изображено северное русло, а не южное, как в наши дни. Не вполне точно выдержано расстояние между Черкасском и Азовом. На самом деле оно несколько более значительное.

К 1792 г. относится «Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сороку два наместничества империю разделяющий». На карте Воронежского наместничества территория Войска Донского подписана как «Жилища донских казаков», на карте Екатеринославского наместничества – «Земля донских казаков». Эта территория помещена и на карте Кавказского наместничества. На ней обозначены рубежи этих «жилищ», но отсутствует обозначение южного рубежа. Карта, как и другие из этого атласа, имеет градусную сеть и масштаб. Подробно и правильно указаны реки, хотя не вполне точно указаны реки Чир и Маньч. На карту Кавказского наместничества нанесены слободы по левому притоку Северского Донца реке Калитве, населенные крестьянами «малороссиянами», и армянские села в низовьях Дона на правом

берегу, появившиеся после переселения армян в 1779 г. из Крыма на Дон. Нанесены крепости - обер-комендантская святого Дмитрия Ростовского, комендантские Таганрог и Азов. Не был нанесен на карту город Нахичевань, примыкавший с востока к крепости Святого Дмитрия Ростовского.

В 1786 г. Г.А. Потемкин представил Екатерине II на утверждение карту «Земель Войска Донского»¹. Но утверждение за Войском Донским этой территории с картой, на которую она была нанесена, последовало только по жалованной грамоте от 24 мая 1793 г. [ПСЗ, № 17126]. Движение донских казаков, начавшееся в 1792 г., ускорило принятие этой грамоты. Затяжка с принятием документа в грамоте объяснялась войной с Турцией и Швецией. Карта является государственным документом. На ней начертана резолюция «Быть по сему» и указаны место и дата создания – Санкт-Петербург, 10 марта 1786 г. Особенность этой карты в том, что на нее тщательно нанесены рубежи войсковой территории. Этому давалось обоснование: «Граница землям войсковым ныне определяемым, обведена желтою краскою. Бывшия же в споре с Екатеринославским наместничеством места означены красною краскою». Если рубежи приходились не по рекам, то особо отмечались приметные места - водоразделы, курганы, в отдельных случаях деревья и кусты, приметные в полупустыни у слияния Сала и Кара Сала. За пределами войсковой территории показаны крепости Таганрог и Святого Дмитрия, а также город Нахичевань, а крепость Азов указана на спорной территории. Объектам помимо рубежей уделено мало внимания. Станиц нанесено мало. Течения рек и побережье Азовского моря даны схематично. Карта имеет первостепенное значение как источник, обозначающий границы Войска Донского.

В конце XVIII в. научный уровень карт территории Войска Донского в целом был уже достаточно высоким. Дальнейшее развитие научной картографии Дона происходило уже в XIX в., чему способствовала работа над Статистическим описанием Земли войска Донского.

¹ Хранится в Новочеркасском музее истории донского казачества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Английские путешественники 2007 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007.

Атлас 1745 – Атлас Российской империи, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочинённый по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской академии наук. СПб., 1745.

Богословский 1940 – *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1940.

Дополнения 1872 – Дополнения к Актам Историческим. Т. 12. СПб., 1872.

Источниковедение 2015 – Источниковедение / Уч. пос. Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015.

Каменцева, Устюгов 1975 – *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М, 1975.

Кобяков 1955 – *Кобяков С.Г.* Заселение Дона в XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 10. Географический факультет. Вып. 3. Л., 1955.

Королев 2007 – *Королев В.Н.* Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007.

Новая чертежная книга – Новая чертежная книга, содержащая Великую реку Дон, или Танаис. Амстердам, б.г.

Материалы 1899 – Материалы по истории русской картографии (атлас В.А. Кордга). Вып. 1. Киев, 1899.

РГАДА. Ф.192. Картографический отдел Библиотеки МГАМИД. Оп. 1. Реестр географическим планам, картам атласам и театрам войны. Д. 2. Карты Земли донских казаков.

Рыбаков 1974 – *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974.

6. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС

К. В. ПЕТРОВ

НАУЧНАЯ ШКОЛА Л.В. ЧЕРЕПНИНА

В работе представлен обзор основных направлений научного поиска учеников Л.В. Черепнина, тех ученых, кто вошел в историческую науку, подготовив под его руководством диссертационные исследования, а также ученых, по разным причинам не защитивших их: Черных В.А., Ураносов А.А., Левина С.А., Миронова И.А., Сахаров А.М., Корещкий В.И., Горский А.Д., Автократов В.Н., Назаров В.Д., Курмачева М.Д., Сахаров А.Н., Синецына Н.В., Румянцева В.С. Никитина Л.А., Ширина Д.А.

Ключевые слова: научная школа, история России, X–XVIII вв., Л.В. Черепнин

Л.В. Черепнин принадлежит к тем историкам, которые формировали магистральные направления исторических исследований в советской историографии. Это достигалось благодаря результатам их научного поиска. Основным итогом разысканий Л.В. Черепнина стал ряд его монографий: «Русские феодальные архивы», «Образование русского централизованного государства», и «Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв.». Не менее важным в перспективе развития исторической науки оказалось формирование научной школы, которая принесла свои плоды в виде результатов научного поиска ее представителей.

Одними из первых учеников Л.В. Черепнина были АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ УРАНОСОВ – в пору его преподавания в историко-архивном институте – и АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ САХАРОВ (1923–1978), становление которого проходило в стенах Московского университета. Работа А.А. Ураносова «Русские областные и городские печати и гербы в период образования русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.)» была защищена в качестве диссертации в 1953 году. Впоследствии ученый стал заниматься историей техники, его работы выходили в трудах Института истории естествознания и техники.

Первая научная работа А.М. Сахарова, защищенная им в 1953 г., называлась «Феодальные города северо-восточной Руси XIV–XV вв.». По теме диссертации были изданы статьи, а в 1959 г. вышла монография. Ряд статей, развивающих тему кандидатской диссертации, был посвящен памяти Учителя, а учебное пособие «Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.» (1969) продолжало тему его исследований. Наконец, в 1972 г. была защищена докторская диссертация «Проблема образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе (Из истории русской исторической науки)». Еще в конце 1950-х гг. наметились те направления, по которым шел научный поиск исследователя: 1) история отечественной общественной и исторической мысли, исторических знаний; 2) теоретические проблемы историографии; 3) методологические проблемы исторической науки, и в частности историографии.

Особое внимание историк уделил роли М.В. Ломоносова как историка. Вместе с В.С. Шульгиным он принял участие в комментировании трудов С.М. Соловьева. Живейший интерес ученого вызывали современное состояние преподавания историографии и историографические исследования за рубежом.

Цикл работ А.М. Сахарова был посвящен изучению истории духовной культуры XVI–XVII вв., роли и места церкви в ее развитии, методологии истории культуры. Следует также отметить, что ученый принял живейшее участие в теоретических дискуссиях 1960-х гг., в частности, о переходе от феодализма к капитализму, и позднее, в 1970-х гг., – в спорах о феодальной собственности на землю.

Следующий ученик Л.В. Черепнина – ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРНЫХ. Тема его диссертационной работы – «Методы передачи текста исторических источников в советской археографии» (1955). Основные положения работы стали предметом ряда статей историка. Позднее, работая в ЦГАЛИ, исследователь избрал себе тему научной работы, которая стала для него основной – изучение биографии и творчества Анны Ахматовой. Придя на работу в Археографическую комиссию (1972–2014), он вернулся к проблемам археографии текстов более ранней эпохи, подготавливая отчеты об археографических экспедициях, деятельности Археографической комиссии, в том числе по описанию документальных памятников и архивных фондов. В.А. Черных – автор ряда работ об археографии как науке. Все же основные научные интересы ученого

не связаны с проблемами отечественной истории периода до XIX века.

Первая работа ВАДИМА ИВАНОВИЧА КОРЕЦКОГО (1927–1985)¹, вышедшая в 1955 г., была посвящена новому списку грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. В следующем году последовала публикация обнаруженного документа по истории восстания И. Болотникова. Вообще имя ученого в исторической науке прочно связано с большим количеством найденных документов. Кандидатское исследование В.И. Корецкого «Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII в.» было защищено им в 1958 г., монография вышла в 1970 году. Докторское исследование историка «Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России» в виде монографии увидело свет в 1975 году. Проблемы, ставшие фокусом исследовательского интереса В.И. Корецкого в этой работе, были определяющими в его исследованиях 1960–1980-х годов. В частности, его работы были посвящены изучению общих причин крепостничества, роли в его становлении хозяйственного разорения второй половины XVI в., опричнины, кризиса 1580-х гг., сопротивления закрепощению в деревне, правительственной политики в этом вопросе (Василия Шуйского, Лжедмитрия I) и причинам ее непоследовательности. Открытие новгородских судебных документов 1590-х гг., которые В.И. Корецкий интерпретировал как свидетельство существования несохранившихся указов о крестьянах, привело его к изданию цикла статей, посвященных истории Великого Новгорода. Интерес к опричнине привел ученого к исследованию истории Земского собора 1575 г., и так называемого поставления великим князем Симеоном Бекбулатовичем. Эти проблемы, рассматривавшиеся историком еще в 1959 г. занимали внимание ученого вплоть до его кончины.

В.И. Корецкий – один из творцов теории крестьянской войны начала XVII в., положения которой были сформулированы им в докторском исследовании и в целом ряде отдельных статей. Вместе с А.Г. Маньковым он стал автором работы о народных движениях и истории процесса закрепощения крестьян в России. Усиление закрепостительных тенденций в стране ученый рассматривал как движущий фактор в процессе крестьянской коло-

¹ Здесь и далее указываю годы жизни историков, ушедших из жизни.

низации. В рамках аграрного симпозиума В.И. Корецкий принял участие в дискуссии о сущности феодальной собственности. Его перу принадлежит и ряд работ по истории церкви. Во многом это было связано с вниманием к нарративным текстам – статью об учении Феодосия Косого он опубликовал в 1959 году. Кроме того, В.И. Корецкий – автор исследований об источниках Латухинской степенной книги, произведений Зиновия Отенского.

Еще одно направление научного поиска ученого – история летописания; он был одним из соавторов программных статей по изучению русского летописания, занимался изучением летописных источников работ В.Н. Татищева, истории рукописных собраний XVIII века. Особое внимание В.И. Корецкий уделял кратким летописным текстам второй половины XVI – начала XVII в., многие из которых были им опубликованы, в том числе в соавторстве с В.И. Бугановым и Б.Н. Морозовым. С большим вниманием исследователь относился к изучению публицистики XVII в., «Повести, как отомсти», источников Временника Ивана Тимофеева и личности его автора. Из числа летописных текстов большое внимание историк уделил Мазуринскому летописцу, который был им подготовлен к печати и издан в 31-м томе ПСРЛ. В.И. Корецкий также подготовил к изданию Бельский летописец, вместе с В.И. Бугановым – Московский летописец, вместе с Н.Г. Савич – Пискаревский летописец; все они вошли в 34-й том ПСРЛ. Итогом исследований позднего летописания стала вышедшая посмертно монография ученого «История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в.» (1986).

В 1958 году в стенах МГУ было защищено исследование Анатолия Дмитриевича Горского (1923–1988) «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв.», которая легла в основу ряда статей и монографии, вышедшей в 1960 году.

Основная тематика исследований А.Д. Горского – история крестьянства. В рамках этого магистрального направления историк занимался изучением научного потенциала давно известных («правых грамот», миниатюр в рукописях) и новых (для периода его творчества) источников – берестяных грамот.

История крестьянства, безусловно, связана с решением целого ряда проблем общеисторического характера: уровень и динамика классовой борьбы крестьян, начальный период формирования крепостного права, сущность феодальной собственности.

Будучи учеником Л.В. Черепнина, А.Д. Горский принял активное участие в дискуссии о природе черносошного землевладения. Ему же принадлежит исследование о вотчинном суде в XIV–XV веках. Собственно, контрапунктом научного творчества А.Д. Горского стало его докторское исследование и монография «Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в.», изданная в 1974 году.

А.Д. Горский является также автором работ, посвященных событиям сражения на Куликовом поле, изучению последствий татаро-монгольского нашествия и его отражения в актовом материале, значения указанных событий для судеб крестьянства, исследованию в динамике, с XI по XV вв., истории землевладения и земледелия. Перу А.Д. Горского принадлежат также работы, посвященные трудам его коллег: В.И. Корецкого, А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова, и его учителя – Л.В. Черепнина.

СВЕТЛАНА АРАМОВНА ЛЕВИНА со студенческих лет занималась исследованием Воскресенской летописи, она автор ряда работ (1955, 1957, 1969, 1984, 1985) о списках и времени ее составления. Кроме того, ученый известна как автор статей, посвященных описи архива Посольского приказа 1614 г.; она же подготовила Описание к изданию, осуществленному в 1960 году.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ АВТОКРАТОВ (1922–1992) вошел в науку в 1953 г. после публикации исследования «Движение крестьян в Нижегородской губернии». Потом его интерес сместился к исследованию публицистики XVI в., а в конце 1950-х гг. он обратился к изучению приказного делопроизводства. В числе прочего интерес историка был направлен на изучение состава и содержания фонда Военного приказа, методики определения документов приказа, входящих в состав других фондов. Кандидатское исследование В.Н. Автократова называлось «Управление вооруженными силами России в начале XVIII в. (По материалам Приказа военных дел)» (1964). В последующее время в круг проблем, интересовавших исследователя, входило изучение истории архивного дела, архивоведения. Итогом научных трудов историка в этом направлении стало его диссертация под названием «Теоретические проблемы советского архивоведения (1960–1970 гг.)» (1982), изданная в виде монографии в 2001 году.

МИРОНОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (1920–2001) защитила свое кандидатское исследование под названием ««Записки» И.Д. Якушкина о движении декабристов» (1962). В дальнейшем в ее работах (некоторые из них написаны в соавторстве с

А.И. Юхтом) изучались преимущественно историографические проблемы XIX–XX веков.

ВЛАДИСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ НАЗАРОВ. Пожалуй, он превзошел остальных учеников Л.В. Черепнина по широте своих научных интересов. Хронологические рамки его исследований, как и у его учителя, охватывают период с XIV по XVII века. Однако если Л.В. Черепнин тяготел к концептуальной проработке ключевых моментов истории в пределах указанного периода, то В.Д. Назаров – мастер ювелирной исторической и источниковедческой (текстологической и дипломатической) проработки отдельных сюжетов, оформление которых в единую большую работу, надеюсь, еще впереди. Более рельефно, по основным направлениям, творчество Владислава Дмитриевича охарактеризовано в вводной статье к настоящему сборнику.

МАЙЯ ДМИТРИЕВНА КУРМАЧЕВА начала свой путь в науку в 1956 г. как автор историографической заметки об Иване Грозном. Затем она стала автором обзорной статьи «Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической литературе» (1958). Кандидатское исследование (1965) М.Д. Курмачевой называлось «Крестьянская война 1773–1775 гг. в Среднем Поволжье». Работе предшествовал ряд статей. Однако следует отметить, что темы, связанные с крестьянской войной 1773–1775 гг., историк не оставляла в дальнейшем, результатом чего стала серия статей и итоговая монография 1991 года. Другим направлением научного поиска ученого стала тема ее докторского исследования, изданного в виде монографии «Крепостная интеллигенция в России (вторая половина XVIII – начало XIX в.)» (1983), и целого ряда статей.

Наконец, еще одним направлением исследований М.Д. Курмачевой стало изучение истории отечественной науки XVIII в., роли и места в ней М.В. Ломоносова – книга, посвященная этим проблемам, вышла в 1975 году. М.Д. Курмачева – автор работы о сибирской торговле, написанной по материалам Верхотурской таможенной книги 1635/36 года.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ САХАРОВ (1930–2019) окончил московский университет в 1953 г., однако его диссертация «Очерки истории русского крестьянства XVII в. (по материалам патриаршего хозяйства)» была защищена им только в 1965 году. Этой же теме посвящен ряд его статей 1960-х годов. Несколько исследований историк посвятил истории восстания Степана Разина. В 1970-

е гг. он обратился к истории Древней Руси и ее дипломатических отношений с соседними странами. В рамках этой темы была защищена докторская диссертация («Зарождение дипломатии Древней Руси IX – 1 пол. X в.», 1981), и вышел целый ряд статей и монография о походах князя Святослава, русско-византийских договорах.

Историк писал работы, посвященные различным историографическим сюжетам и отдельным историкам, проблемам роли и места исторической науки в современном обществе. Наконец отметим, что значительное место в творчестве ученого занимали проблемы истории начала XIX в. и события XX века.

НИНА ВАСИЛЬБЕНА СИНИЦЫНА (1936–2018). Ее кандидатское исследование «Федор Иванович Карпов – дипломат и публицист XVI в.» (1966) по существу стало прелюдией к изучению более объемной проблемы – спора осифлян и нестяжателей и последствия этих споров. Многое в этом вопросе сошлось на личности Максима Грека. Ему было посвящено докторское исследование и монография под тем же названием – «Максим Грек в России» (1977).

Н.В. Сеницына окунулась в мир рукописных книг. Ей пришлось решить целый ряд палеографических (проблемы отождествления почерков) и кодикологических проблем. На этом тяжелом пути были находки – новые списки Послания патриарха Фотия, обнаружение новых автографов Максима Грека исследование рукописной традиции его творческого наследия, атрибуция рукописных книг Михаилу Медоварцеву; отдельному изучению подверглись взгляды Максима Грека и их место в общественном и духовном сознании современников и потомков. Не осталась без внимания ученого личность Максима Грека, его окружение и его политические симпатии. Н.В. Сеницына приняла участие в издании сочинений Максима Грека (2008); благодаря ей в 2006 г. увидели свет свидетельства и сказания о Максиме Греке монаха Селивана 1524 г., монаха Нила Курлятева 1552 г., иеродиакона Исайи Каменчанина ок. 1591 г., анонимное сказание (около 1587 г.) и др.

Естественным продолжением изучения проблем, связанных с личностью и трудами Максима Грека, стало исследование духовной культуры, православной идеологии, концепции национального сознания. Определенным рубежом в изучении указанных проблем стала монография «Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)» (1998). Здесь

и в последующих работах, внимание историка было сфокусировано также на изучении разработки теории симфонии священства и царства, теории аскезы, роли монастырей в формировании отечественной духовной культуры.

Наконец, стоит отметить, что без внимания Н.В. Сеницыной не остались вопросы роли права в контексте общественной мысли конца XV–XVI века.

Научные интересы ВЕРЫ СТЕПАНОВНЫ РУМЯНЦЕВОЙ (1937–2016) определились в конце 1960-х годов. Ею были обнаружены и изданы новые материалы о протопопе Аввакуме, «кратчайшая» редакция его Жития, рассмотрен вопрос о соотношении редакций Жития. Эти исследования легли в основу кандидатской работы «Житие протопопы Аввакума как исторический источник» (1971). Интерес к протопопу Аввакуму и его Житию сохранился в дальнейшем, хотя круг научных интересов В.С. Румянцевой стал со временем более широким. Ученого интересовала жизнь русского общества после Смуты, когда духовный центр страны по существу переместился в нижегородские пределы, откуда родом были будущие вожди старообрядчества и патриарх Никон. Это было время жарких догматических споров, споров об образовании и простецах, результатом которых стало активное использование рукописного наследия западнорусского православия (Епифаний Славинецкий) и формирование еретических движений (капитоновская ересь). Значимым результатом научного поиска В.С. Румянцевой стала монография «Народное антицерковное движение в России в XVII в.» (1986) и изданный ею сборник документов «Народное антицерковное движение в России XVII в.: Документы приказа Тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг.» (1986).

Интерес В.С. Румянцевой к изучению раскольников был обусловлен его восприятием в качестве протестного социального движения. Однако в не меньшей степени ученого интересовала церковь как социальная организация, устройство и внутренняя духовная жизнь монастырей, участие церковных иерархов в «устроении общества», их отношение к крепостному праву и роль в принятии Соборного уложения 1649 года. Ряд исследований В.С. Румянцевой посвятила изучению общественно-политической жизни представителей церкви в лице патриархов Иова и Филарета. Истории жизни и политической деятельности Никона исследователь придавала особое значение, опубликовав

не только посвященные ему исследовательские работы, но также издав его рукописное наследие. В 1990-е гг. внимание ученого было направлено на изучение идейных маркеров в отечественной публицистике (образу Рима), представлениям о святости. Она обобщила свое видение развития духовной культуры в России XVII в., уточнив выводы Д.С. Лихачева и А.М. Панченко – ее доклад (2006) по этой проблематике был издан в 2009 году.

Отметим темы исследований, которые не были основными в творчестве В.С. Румянцевой. Прежде всего, В.С. Румянцева – автор работы, посвященной творчеству ее учителя Л.В. Черепнина. Архивные находки дали ей возможность подготовить исследование о новгородских художниках и рассмотреть вопрос о роли источниковедения в историко-культурном исследовании истории России XVII века. Несколько исследований ученый посвятила истории территориального и церковно-приходского устройства Псковской земли в 1580-е – 1630-е гг., вологодскому чиновничеству конца XVIII в., истории бытования собрания греко-римского права И. Левенклава в XVII–XIX веках.

Людмила Александровна НИКИТИНА под руководством Л.В. Черепнина с начала 1970-х гг. плодотворно занималась изучением источников сведений о России XVI–XVII вв. в английских сочинениях о России, участвовала в подготовке издания лекций Т.Н. Грановского. В 1975 г. ею была защищена диссертация под названием «Английские хроники как источник по истории англо-русских отношений 2 пол. XVI – 50-х гг. XVII в.». Последующие работы ученого также посвящены англо-русским отношениям XVII века.

Наконец, последняя ученица Л.В. Черепнина – ДИНАРА АНТОНОВНА ШИРИНА. Она вошла в историческую науку публикацией историографического исследования (1970). В 1978 г. ею была защищено кандидатское исследование по теме «Борьба идейных направлений в отечественной историографии истории русского средневекового города. Историографические очерки». Основное направление исследований в последующее время – история научного изучения Арктики. Этой теме посвящены ее статьи, монография и докторское исследование.

* * *

Из числа всех учеников Л.В. Черепнина трое сформировали свои научные школы – А.М. Сахаров, А.Д. Горский, А.Н. Сахаров.

К ученикам А.М. Сахарова относятся Людмила Михайловна Марасинова (1936–2001), Владимир Сергеевич Шульгин (1935–1998), Дмитрий Николаевич Шанский, Валентин Дмитриевич Черный, Сергей Анатольевич Елисеев. Причем В.С. Шульгин в стенах МГУ и сам создал свою вполне представительную школу. К ней относятся Е.И. Кобзарева (1963–2014), О.Г. Усенко, И.Г. Ханагова, П.В. Лукин, П.С. Стефанович, М.В. Чистякова. Некоторые из них (О.Г. Усенко и П.С. Стефанович) тоже имеют своих учеников.

К ученикам А.Д. Горского принадлежат Евгений Александрович Киселев, Маргарита Васильевна Биленко, несомненное украшение школы – труженица Марина Сергеевна Черкасова, Владимир Иванович Кузнецов, Виктор Валентинович Низов, Елена Николаевна Вакулина, Таисия Викторовна Круглова, Анатолий Николаевич Захаров. Из них В.И. Кузнецов имеет ученицу (Е.В. Градобойнова), и уже сейчас представительную и узнаваемую школу образуют ученики М.С. Черкасовой (О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, Д.Е. Гневашев, А.Л. Грязнов, А.Н. Гуслистова, А.Н. Красиков).

Среди учеников А.Н. Сахарова – Ирина Вячеславовна Сабенникова, Елена Ивановна Малето, Константин Борисович Умбращко.

Кроме того, отмечу, что ученицей Д.А. Шириной является А.Н. Шишигина, тема исследования которой «Научное изучение Якутии в XVIII в. (по материалам Второй Камчатской экспедиции)». Единственным, насколько мне известно, учеником В.И. Корецкого является А.В. Лаврентьев. Его работы появились в научных изданиях в 1981 г., к настоящему времени их, по моему подсчету, порядка семидесяти.

Научная школа Л.В. Черепнина, труды его учеников занимают значительное место в исторической науке, а сами они – в сообществе историков-исследователей отечественной истории X–XVIII веков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЕКСЕЕВ Алексей Иванович*, д.и.н., РНБ, Санкт-Петербург
- АНКУДИНОВ Игорь Юрьевич*, независимый исследователь, Великий Новгород
- АРАКЧЕЕВ Владимир Анатольевич*, д.и.н., РГАДА, ИРИ РАН, Москва
- БАРАНОВ Константин Владимирович*, РГАДА, Москва
- БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич*, д.и.н., ИРИ РАН, Москва
- БЕЛЯКОВА Елена Владимировна*, к.и.н., ИРИ РАН, Москва
- БЕНЦИАНОВ Михаил Михайлович*, к.и.н., независимый исследователь, Екатеринбург
- БИБИКОВ Михаил Вадимович*, д.и.н., профессор, ИВИ РАН, Москва
- ВИНОКУРОВА Марина Владимировна*, д.и.н., ИВИ РАН, Москва
- ВОВИНА Варвара Гелиевна*, д.и.н., СПбИИ РАН, Санкт-Петербург
- ГИМОН Тимофей Валентинович*, д.и.н., ИВИ РАН, Москва
- ГНЕВАШЕВ Дмитрий Евгеньевич*, ГАРФ, Москва
- ГОРСКИЙ Антон Анатольевич*, д.и.н., ИРИ РАН, Москва
- ГРЯЗНОВ Анатолий Леонидович*, НП «НИЦ «Древности», Вологда
- ДУБРОВСКИЙ Игорь Владимирович*, ИВИ РАН, Москва
- ЗАХАРОВ Андрей Викторович*, к.и.н., ЧелГУ, Челябинск
- ЗОЛЬДАТ Корнелия*, Research Associate at Slavisches Institut, University of Cologne, Кельн, Германия
- КАШТАНОВ Сергей Михайлович*, член-корр. РАН, д.и.н., ИВИ РАН, Москва
- КОШЕЛЕВА Ольга Евгеньевна*, д.и.н., ИВИ РАН, РГАДА, Москва
- КРОМ Михаил Маркович*, д.и.н., ЕУ в Санкт-Петербурге
- ЛАВРОВ Александр Сергеевич*, Sorbonne Université, Париж, Франция
- ЛИТВИНА Анна Феликсовна*, к.фил.н., НИУ ВШЭ, Москва
- ЛУКИН Павел Владимирович*, д.и.н., ИРИ РАН, РАНХиГС, Москва
- МИНИНКОВ Николай Александрович*, д.и.н., профессор, ЮФУ, Ростов-на-Дону

ПАВЛОВ Андрей Павлович, д.и.н., профессор, СПбГУ, СПБНИИ
РАН, Санкт-Петербург

ПЕТРОВ Константин Васильевич, к.и.н., к.ю.н., ЛГУ им. А.С.
Пушкина, ЛОИРО, Санкт-Петербург

ПОЛЕХОВ Сергей Владимирович, к.и.н., РАНХиГС, Москва

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович, к.и.н., РГГУ, Москва

РЫБАЛКО Наталья Владимировна, к.и.н., ВолГУ, Волгоград

СОКОЛОВА Наталья Викторовна, к.и.н., ИСл РАН, Москва

ТОЛСТИКОВ Александр Владимирович, к.и.н., ПетрГУ, Петрозаводск

ТЮМЕНЦЕВ Игорь Олегович, д.и.н., профессор, Южный научный
центр РАН, Ростов-на-Дону

УВАРОВ Павел Юрьевич, член-корр. РАН, д.и.н., профессор, ИВИ
РАН, Москва

УСАЧЕВ Андрей Сергеевич, д.и.н., РГГУ, МГИМО, Москва

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, д.фил.н., профес-
сор, ИРЯ РАН, Москва

ФЛОРИЯ Борис Николаевич, член-корр. РАН, д.и.н., ИСл РАН,
Москва

ФРОЛОВ Алексей Анатольевич, д.и.н., ИВИ РАН, РГАДА, Москва

ХИТРОВ Дмитрий Алексеевич, к.и.н., МГУ, Москва

ЦАТУРОВА Сусанна Карленовна, д.и.н., ИВИ РАН, Москва

ЧЕРКАСОВА Марина Сергеевна, д.и.н., профессор, ВоГУ, Вологда

ЧЕЧЕНКОВ Павел Валерьевич, к.и.н., НГТУ, Нижний Новгород

ШВЕЙКОВСКАЯ Елена Николаевна, д.и.н., ИСл РАН, Москва

ШЕКОВ Александр Владимирович, к.и.н., ТГПУ, Тула

ЭСКИН Юрий Моисеевич, РГАДА, Москва

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ПОРЯДОК И СМУТА

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ
ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

К 85-ЛЕТИЮ
ВЛАДИСЛАВА ДМИТРИЕВИЧА НАЗАРОВА

●
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АЛЕКСЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ФРОЛОВА

Рецензенты

МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА ПЕТРОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

СЕРГЕЙ ЗАРЕМОВИЧ ЧЕРНОВ
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Ю.В. Степанова*
Корректор *П.В. Гаврилов*

Подписано в печать 01 августа 2023 г.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура TNR. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30. Тираж 500.

Издательство «Аквилон» (Москва)
aquilopress@gmail.com
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Телефон: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-906578-97-6

9 785906 578976